ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Д. В. ГРИГОРОВИЧА

въ 12 томахъ.

3-е, вновь пересмотрѣнное и исправленное авторомъ изданіе.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

4

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1896.

Дозволено цензурою. СПБ. 21 февраля 1896 г.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, д. № 1.

СОЧИНЕНІЯ

Д. В. Григоровича.

IV.

ПРОСЕЛОЧНЫЯ ДОРОГИ.

(романъ.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(1853 г.)

I,

могущая служить достовѣрнымъ и въ то же время единственнымъ матеріаломъ для пополненія многихъ библіографическихъ замѣтокъ.

Жилъ-былъ когда-то въ Москвѣ весьма почтенный и кроткій старичокъ, по имени Тирсисъ Ивановичъ Ястребиловъ. Этотъ старичокъ, вмѣстѣ съ супругою своей, Клавдіей Ильиничной, представлялъ трогательную картину неизмѣнной любви и счастія. Сила любви, говорятъ, испытуется въ критическихъ случаяхъ жизни. Если только за этимъ дѣло стало, то довольно привести одинъ примѣръ, чтобъ доказать, что Филемонъ и Бавкида, Дафнисъ и Хлоя и вообще всѣ знаменитые любовники, какъ миѳологическіе, такъ равно и древне-историческіе, были попросту водевильные герои, въ сравненіи съ супругами Ястребиловыми.

Вотъ вамъ это доказательство:

Тирсисъ Ивановичъ и Клавдія Ильинична питали въ душѣ непреодолимое влеченіе бесѣдовать съ музами, или, говоря грубымъ слогомъ, оба преслѣдуемы были въ равной степени демономъ стихотворства. (Вскормленные музами, взращенные Аполлономъ, оба они, благодаря общему покровителю, Минервѣ, не замедлили подать другъ

другу руки и пошли къ алтарю Гименея). Съ первыхъ же дней своего супружества, Тирсисъ Ивановичъ показалъ неслыханный примѣръ самопожертвованія: готовясь предать тисненію превосходное свое посланіе „Къ Хлоѣ“, онъ встрѣтилъ на столбцахъ одного дѣтскаго альманаха посланіе жены, подъ названіемъ: „Къ Другу души моей“; посланіе написано было тайкомъ, съ тою цѣлью, чтобъ доставить пріятный сюрпризъ мужу. Тирсисъ Ивановичъ рѣшился не печатать своего посланія, изъ опасенія затмить какъ-нибудь громадный успѣхъ посланія „Къ Другу души моей“. Клавдія Ильинична печатала, нужно замѣтить, съ двадцатилѣтняго возраста; имя ея извѣстно уже было во многихъ дѣтскихъ альманахахъ; довольно уже того, что, выйдя замужъ, она перемѣнила свою фамилію на имя, не успѣвшее еще прославиться въ литературѣ. (Тирсисъ Ивановичъ ничего еще тогда не выпускалъ въ свѣтъ, хотя могъ сотнями считать произведенія своей юности). Но это, собственно говоря, еще ничего. Слѣдовало только объявить въ выноскѣ, что Клавдія Ястребилова не кто иная, какъ авторъ „Маргаритокъ“ и проч., и проч.; такъ и поступила она по поводу посланія „Къ Другу“, и читатели дѣтскихъ альманаховъ, встрѣчавшіе всегда съ любовью имя автора „Маргаритокъ“, успокоились разъ навсегда. Но вотъ въ чемъ задача: какія страшныя недоразумѣнія возникнутъ между этими самыми читателями, когда, рядомъ съ любезнымъ именемъ, встрѣтятъ они другое имя, во всемъ подобное первому? Мы знали К*** Ястребилову, а теперь явился еще какой-то Т*** Ястребиловъ! Пойдутъ догадки, сравненія; кто этотъ Т*** и кто лучше пишетъ—К*** или Т*** Ястребиловы? Затѣется, чего добраго, жаркая полемика въ журналахъ; скажутъ, пожалуй, что Т*** Ястребиловъ пишетъ лучше К***, и это естественнымъ образомъ огорчитъ Клавдію Ильиничну, которая не знала прежде соперниковъ. И кто же этотъ соперникъ — ея собственный мужъ — ужасно!.. Нѣтъ, прочь такая мысль! Пускай имя Клавдіи продолжаетъ сіять лучезарнымъ блескомъ на страницахъ дѣтскихъ альманаховъ; пускай украшаетъ оно столбцы всевозможныхъ газетъ!

Тирсисъ Ивановичъ, натянувшій уже всѣ струны своей лиры и готовый ударить по нимъ всею силой вдохновенной десницы, рѣшился принести въ жертву самого себя, свое вдохновенье и свою лиру; преисполненный такой без-

примѣрно-великодушной мысли, онъ далъ себѣ слово ревностно трудиться въ глуши своего кабинета и не печатать до тѣхъ поръ, пока будетъ печатать жена его. И— страшно вымолвить, почтенный читатель, именно страшно вымолвить—въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ... да-съ, тридцати пяти лѣтъ, кроткій Тирсисъ Ивановичъ работалъ въ тиши своего кабинета, творилъ каждый день, и ничего не печаталъ!.. Намъ ничего неизвѣстно насчетъ того, проливалъ ли онъ въ тиши своего кабинета горькія слезы надъ молчаливыми струнами своей лиры, или, наоборотъ, выносилъ судьбу свою съ стоическимъ хладнокровіемъ. Принимая въ соображеніе постоянный меланхолическій видъ его, слѣдуетъ предположить, что послѣднее было несовсѣмъ справедливо. Судя по собственнымъ своимъ чувствованіямъ и зная по опыту, какъ горько жить въ разлукѣ со славой, тогда какъ она только и ждетъ случая, чтобъ броситься къ вамъ въ объятія, Тирсисъ Ивановичъ принялъ намѣреніе протягивать руку каждому поэту, который, по какимъ-либо обстоятельствамъ, не могъ занять мѣсто на Парнасѣ безъ посторонней помощи. Нѣтъ возможности пересчитать всѣхъ денегъ, выданныхъ Тирсисомъ Ивановичемъ разнымъ собратамъ, не имѣвшимъ средствъ обогащать свѣтъ своими твореніями; еще менѣе можно пересчитать всѣ книги, брошюрки и томики, изданные на счетъ Ястребилова: для этого потребовались бы цѣлые каталоги. Достаточно сказать, что прежде, чѣмъ имя Тирсиса Ивановича, выставленное передъ „Полнымъ Собраніемъ" его сочиненій, прогремѣло въ литературномъ мірѣ, онъ извѣстенъ уже былъ какъ меценатъ, страстный любитель отечественной словесности и ревностный поощритель всего пишущаго, печатающаго и издающаго. Несмѣтныя полчища лириковъ, элегистовъ, прозаиковъ всякаго рода и поэтовъ во всѣхъ возможныхъ родахъ тянулись караванами, подобно факирамъ, отправляющимся на поклоненіе въ Мекку, по направленію къ чертогамъ Тирсиса Ивановича и Клавдіи Ильиничны. Литературные вечера двухъ супруговъ, имѣвшіе быть каждый понедѣльникъ, пріобрѣли давно заслуженную популярность. Объ этихъ раутахъ и вечерахъ говорилось очень часто въ газетахъ. Все это, естественнымъ образомъ, должно было разливать благодатный бальзамъ на меланхолію кроткаго Тирсиса Ивановича, который, нѣтъ сомнѣнія, зачахъ бы въ тиши своего кабинета безъ живительной извѣстности.

Названіе покровителя искусствъ утѣшало его, подкрѣпляло его силы и давало ему необходимую энергію для того, чтобъ скрывать свои творенія отъ свѣта.

Въ эти тридцать пять лѣтъ каждодневнаго, постояннаго, безпредѣльнаго самопожертвованія со стороны супруга, Клавдія Ильинична не переставала услаждать читателей дѣтскихъ альманаховъ мелодическими звуками своей вдохновенной лиры. Но, увы! вѣчнаго ничего нѣтъ; всему суждено имѣть свой конецъ! На пятьдесятъ пятомъ году отъ рожденія, Клавдія Ильинична чувствовала, что вдохновеніе стало посѣщать ее рѣже и рѣже; умъ и сердце работали между тѣмъ безпрерывно, чувствуя сильнѣйшую потребность высказываться; риѳма бѣжала съ языка сама собою, и, со всѣмъ тѣмъ, все вмѣстѣ—мысль, ощущенія сердца и риѳма никакъ не могли сочетаться въ одинъ стройный, звучный аккордъ! Разъ только, именно въ день празднованія золотой свадьбы, душа Клавдіи Ильиничны обрѣла вновь свою творческую силу, да и то потому лишь, что была потрясена тридцатипятилѣтними впечатлѣніями. То была, впрочемъ, послѣдняя пѣснь лебедя! Пѣснь эта, напечатанная въ одномъ изъ первоклассныхъ альманаховъ, подъ названіемъ „Другу, поднесшему автору букетъ незабудокъ“ и очевидно посвященная Тирсису Ивановичу, извѣстна всему просвѣщенному міру, и потому нѣтъ никакой надобности распространяться о колоссальныхъ ея достоинствахъ. Скажемъ только словами одной газеты, что Клавдія Ильинична покинула литературное поприще въ эпоху полнаго развитія своего могучаго поэтическаго таланта. Это обстоятельство, какъ и слѣдовало ожидать, произвело самыя гибельныя послѣдствія на дѣтскіе альманахи того времени; читатели, не встрѣчая болѣе имени любимаго своего поэта, отказались напрямикъ подписываться; издатели другихъ книгъ, не подозрѣвавшіе настоящей причины упадка альманаховъ, запуганные, чтобъ и ихъ не постигла такая же участь, остановили свои работы; библіографическіе отдѣлы журналовъ, за недостаткомъ пищи, отощали страшно; поднялся ропотъ въ читающей публикѣ; уныніе овладѣло издателями, и Богъ вѣсть, чѣмъ бы все это кончилось, если бъ не явилось одно обстоятельство, которое, подобно Атласу, вынесло на плечахъ своихъ распадающійся міръ тогдашней литературы. Кроткій Тирсисъ Ивановичъ, молчавшій въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ, выпустилъ разомъ сорокъ во-

семь томовъ своихъ сочиненій, украшенныхъ портретомъ автора. Все ожило, встрепенулось и заговорило. Примѣръ неслыханный, небывалый! Господинъ, выступающій на литературное поприще съ сорока восемью компактными томами! Имя Ястребилова появилось во всѣхъ библіографическихъ отдѣлахъ, запестрѣло во всѣхъ повременныхъ изданіяхъ, зарябило на столбцахъ всѣхъ возможныхъ газетъ; многія почтенныя особы, хранившія упорное молчаніе, подобно Тирсису Ивановичу, поощренныя теперь его примѣромъ, подарили свѣтъ своими твореніями, какъ бы желая показать этому свѣту, что и у нихъ точно такъ же время не проходило даромъ. Бумажныя фабрики ожили; типографскіе станки, покрывшіеся было паутиной, работали денно и нощно; полки книжныхъ лавокъ затрещали и погнулись подъ спудомъ „Полныхъ Собраній". Но переворотъ, произведенный Ястребиловымъ въ литературномъ мірѣ, ровно ничего не значитъ въ сравненіи съ переворотомъ, совершившимся въ душѣ самого автора: изъ меланхолическаго старичка, возсѣдавшаго недвижно въ вольтеровскихъ креслахъ и погруженнаго постоянно въ тихое раздумье, сдѣлался вдругъ старичокъ-живчикъ, не остающійся ни минуты на одномъ мѣстѣ, бѣгающій, суетящійся и ни въ какомъ случаѣ не напоминающій прежняго Тирсиса Ивановича. Онъ не читалъ прежде газетъ и журналовъ, за исключеніемъ тѣхъ развѣ случаевъ, когда говорилось о его литературныхъ вечерахъ или превозносились до небесъ стихотворенія Клавдіи Ильиничны, но теперь не пропускалъ ни одной печатной строчки, и трудно передать волненіе почтеннаго старичка, когда глаза его встрѣчали отзывы о „Полномъ Собраніи". Отзывы—какъ это весьма часто случается—имѣли, по поводу одного и того же предмета, совершенно различные характеры; такъ, напримѣръ, если въ одномъ журналѣ нападали безъ пощады на оды Ястребилова, другой журналъ находилъ какое-то особенное удовольствіе превозносить ихъ до небесъ, указывая въ то же время весьма ловко на тупую непонятливость враждебнаго журнала, который не умѣлъ оцѣнить достоинствъ, бросающихся въ глаза послѣднему школьнику; казалось даже въ иныхъ случаяхъ, что „Полное Собраніе" сочиненій Тирсиса Ивановича служило враждебнымъ журналамъ только предлогомъ для того, чтобъ осыпать другъ друга эпиграммами и указывать читателямъ на промахи того и другого. Мы при-

вели это единственно къ тому, чтобъ выразить, въ наивозможно болѣе короткихъ словахъ, душевное состоянiе автора, принужденнаго читать о себѣ отзывы, произносимые въ одно и то же время въ разныхъ журналахъ. Въ подтвержденiе того, что подобное состоянiе хуже всякой каторги, стоило лишь взглянуть на Тирсиса Ивановича, который исхудалъ въ три мѣсяца, какъ щепка, и утратилъ въ эти три мѣсяца душевное спокойствiе.

Перенесемся теперь въ кабинетъ автора „Полнаго Собранiя"—кабинетъ, заслуживающiй вниманiя, потому что теперь нѣтъ уже почти такихъ кабинетовъ.

Представьте себѣ огромную, четырехугольную комнату, обставленную кругомъ частыми полками, которыя завалены классиками; тамъ и сямъ мелькаютъ бюсты древнѣйшихъ классиковъ, бронзированные мухами; полъ устланъ зеленымъ, полинялымъ—ну, словомъ, классическимъ сукномъ; широкiй столъ, занимающiй середину комнаты, покрытъ такимъ же зеленымъ сукномъ; на немъ возносятся, въ лирическомъ безпорядкѣ (выраженiе чисто-классическое), свертки, бумаги, разверстые фолiанты съ красными и мраморными обрѣзами, изъ которыхъ выглядываетъ безчисленное множество закладокъ; тутъ же виднѣется исполинская чернильница античной формы, античные карманные часы, имѣющiе большое сходство съ маленькимъ, приплюснутымъ глобусомъ, и рядомъ съ ними синiе, классическiе очки, обшитые зеленой кожей. Полдюжины старыхъ, вольтеровскихъ креселъ окружаютъ столъ, надъ которымъ во всякое время болтается на мѣдной цѣпи лампа, прикрытая зеленымъ колпакомъ и напоминающая своей фигурой древне-греческiе свѣтильники; жидкiй, желтоватый свѣтъ проникаетъ съ трудомъ сквозь запыленныя окна и штофныя гардины, привѣшенныя въ то время еще, когда знакомый читателю гайдукъ носилъ на рукахъ своихъ Тирсиса Ивановича. Нигдѣ не замѣтно малѣйшаго слѣда какого-нибудь эфемернаго украшенiя; въ одномъ только мѣстѣ, а именно, на стѣнѣ, противъ сѣдалища Тирсиса Ивановича, виситъ въ миніатюрной, новомодной рамкѣ клокъ волосъ Клавдiи Ильиничны, тѣсно сжатый между шлифованнымъ стекломъ и голубой бумажкой; но и это украшенiе имѣетъ характеръ чисто-античный: во-первыхъ, уже потому, что въ волосахъ Клавдiи Ильиничны сильно пробиваетъ сѣдина; во-вторыхъ, клокъ волосъ поднесенъ Ястребилову въ день празднованiя золо-

той свадьбы и уже этимъ самымъ невольно долженъ переносить къ давно прошедшимъ временамъ.

Затхлый, спертый воздухъ наполнялъ этотъ кабинетъ, который, безъ большого преувеличенія, можно бы сравнить съ отжившимъ тѣломъ допотопнаго чудовища, если бъ не оживляли его во всякое время дня и ночи непрерывный скрипъ пера, шелестъ бумаги и, наконецъ, пискъ и шорохъ мышей, глодавшихъ фоліанты.

Классическій видъ кабинета довершался какъ нельзя лучше крошечною фигуркою Тирсиса Ивановича, который суетливо расхаживалъ взадъ и впередъ, попирая своими классическими бархатными сапожками классическое зеленое сукно, устилавшее классическій полъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ сухощавыхъ, сгорбленныхъ старичковъ, которые не старѣютъ отъ времени, но только засушиваются. Лицо его было схоже, какъ двѣ капли воды, съ лицомъ больного ребенка, и только бѣлые какъ снѣгъ волосы, спускавшіеся неправильными косяками вдоль щекъ, напоминали, что вы имѣете дѣло съ семидесятилѣтнимъ старичкомъ; черты его дышали добродушіемъ и добротою невыразимыми; черные, безпокойные глазки и вострый, красный носикъ оживляли физіономію, придавая ей вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіе суетливой озабоченности. Тоненькія, тщедушныя ноги его казались болтавшимися въ узенькихъ черныхъ панталонахъ, запрятанныхъ въ бархатные сапожки; жиденькій галстукъ едва-едва прикрывалъ его шею, окруженную безконечно длинными и страшно накрахмаленными воротничками рубашки изъ тончайшаго голландскаго полотна; коротенькій жилетъ исчезалъ въ складкахъ сѣраго длиннополаго сюртучка, украшеннаго по бокамъ исполинскими карманами. Расхаживая взадъ и впередъ по кабинету, старичокъ останавливался поминутно передъ знакомымъ уже намъ гайдукомъ.

— Ну, такъ какъ же, Гаврилычъ? какъ же ты говоришь, что... а? что, бишь, ты сказалъ, а? произнесъ Тирсисъ Ивановичъ, устремляя свѣтлые, черные глазки въ мутные, сѣровато-молочные глаза собесѣдника.

Вопросъ очевидно вызванъ былъ продолжавшимся повѣствованіемъ о приключеніяхъ нынѣшняго утра.

Крупныя фіолетовыя губы и сѣдыя брови Гаврилыча раздвинулись; онъ покрутилъ головою и сказалъ голосомъ, который казался выходившимъ изъ погреба или склепа:

— А тоже, батюшка, что вечоръ было, то и сегодня: „Покупать, говоритъ, не покупаютъ, а читать, говоритъ, берутъ охотно—берутъ", говоритъ...

— Такъ читать-то, говоритъ, берутъ, а? берутъ читать, читать берутъ? заговорилъ Тирсисъ Ивановичъ, принимаясь снова сѣменить своими бархатными сапожками и потирая съ неимовѣрною быстротою своими ладонями.— И все, говоришь ты, тотъ же самый господинъ, что̀ приходилъ недѣлю тому назадъ, когда я посылалъ тебя за экземплярами; да полно, тотъ ли? Ты видѣлъ ли его?..

— Какъ же, батюшка, видѣлъ, три раза видѣлъ,—тотъ самый...

— Тотъ самый, гм! перебилъ Тирсисъ Ивановичъ, неожиданно останавливаясь,—да, ну, а каковъ онъ изъ себя, этотъ господинъ? Ты говорилъ, кажется: высокій, худощавый—а? примолвилъ онъ, устремляя на дядьку живые, нетерпѣливые глазки.

— Да вѣдь я ужъ докладывалъ вамъ, батюшка, возразилъ Гаврилычъ съ отчаяннымъ выраженіемъ лица,—я говорилъ вамъ: невзрачный, малорослый, крѣпкій такой, чернявый...

— Да, невзрачный, гм! невзрачный, невзрачный, пробормоталъ Тирсисъ Ивановичъ, поспѣшно ковыляя къ письменному столу.

Онъ взялъ какой-то клочокъ бумаги, внимательно прочелъ начертанныя на немъ каракули, бережно положилъ бумажку на прежнее мѣсто и еще усерднѣе принялся расхаживать по кабинету, нашептывая себѣ подъ-носъ:

— Дрянковъ, Дрянковъ... я что-то не слыхалъ этой фамиліи: Дрян-ковъ, Дрянк-овъ, Др-янковъ... нѣтъ, рѣшительно не слыхалъ.

Наступило молчаніе, прерываемое шарканьемъ бархатныхъ сапожковъ по зеленому сукну.

Убѣдившись окончательно, что фамилія Дрянкова была ему неизвѣстна, Тирсисъ Ивановичъ снова остановился передъ дядькой и снова потеръ руками.

— Такъ какъ же, Гаврилычъ, читаютъ, говоришь ты?— и охотно читаютъ—а?.. а?..

— Читаютъ, батюшка, читаютъ, я вамъ вѣдь докладывалъ, отвѣчалъ гайдукъ, тоскливо свѣшивая голову и опуская руки.

— Хорошо, Гаврилычъ, спасибо! Ступай съ Богомъ... А вечеркомъ, смотри, не забудь опять сходить въ книж-

ную лавку; спроси, не продали ли хоть одинъ экземпляръ... Въ четыре или пять часовъ много воды утечетъ; можетъ быть, вотъ мы стоимъ тутъ съ тобой да толкуемъ, а тамъ въ эту самую минуту кто-нибудь и покупаетъ... и покупаетъ... а? Не сходить ли тебѣ теперь? Какъ ты думаешь?.. Нѣтъ, впрочемъ, все равно, зайдешь вечеркомъ, такъ тогда разскажешь... Да спроси, не являлись ли еще охотники читать? Скажи Ивану Петровичу, чтобъ всѣмъ, кто только пожелаетъ, всѣмъ давалъ читать безъ малѣйшаго затрудненія, и, если найдетъ нужнымъ, ставилъ бы отданныя книги на мой счетъ—пускай ихъ читаютъ, очень радъ; для того и книги пишутся... Ступай съ Богомъ, Гаврилычъ, заключилъ Ястребиловъ, ласково обращаясь къ дядькѣ, который во все время этого монолога глядѣлъ съ какою-то безотрадною тоскою на полъ.

Оставшись наединѣ, Тирсисъ Ивановичъ потеръ руками и разразился такимъ добродушно-веселенькимъ смѣхомъ, что посторонній наблюдатель могъ бы почувствовать истинное наслажденіе, если бъ только удалось ему подмѣтить въ эту минуту радостное лицо кроткаго старичка.

Веселенькій смѣхъ добродушнаго старичка, вылетѣвшій изъ груди его при мысли, что читаютъ, и даже очень охотно читаютъ „Полное Собраніе" сочиненій, не успѣлъ еще замолкнуть, какъ снова на порогѣ кабинета показался Гаврилычъ.

На этотъ разъ крупное лицо дядьки ухмылялось; по всему видно было, что онъ намѣревался сообщить теперь какую-нибудь пріятную вѣсть.

— Что ты, Гаврилычъ, а?.. а? спросилъ Тирсисъ Иванычъ, поспѣшно направляясь къ дядькѣ.

— Да вотъ, батюшка, тотъ самый, что вы спрашивать-то изволили, вотъ, что все читать-то беретъ...

— Да; ну, что-жъ такое?

— Дожидается въ залѣ...

— Какъ, тотъ самый... Дрянковъ?..

— Такъ точно-съ.

— Ахъ, Боже мой! Просить, принять, сказать, что очень радъ! воскликнулъ Тирсисъ Ивановичъ, суетливо выступая за гайдукомъ.

У дверей кабинета онъ остановился и принялся потирать ладонями, между тѣмъ какъ на лицѣ его проступали всѣ признаки живѣйшей радости, смѣшанной съ нетерпѣніемъ и любопытствомъ.

Радушіе Тирсиса Ивановича, нужно замѣтить, извѣстно было всей Москвѣ, точно такъ же, какъ его рауты и литературные вечера. Любовь къ наукѣ, поэзіи и искусству занимала въ его сердцѣ такое обширное мѣсто, что не оставляла тамъ малѣйшаго закоулочка для спеси и гордости. Онъ охотно протягивалъ руку всякому, кто отличался чѣмъ-нибудь на художественномъ поприщѣ; словомъ, Тирсисъ Ивановичъ былъ настоящій меценатъ; но Дрянковъ сомнѣвался въ возможности существованія такого человѣка...

Наружность Аполлона Егоровича подтверждала, что онъ до сихъ поръ еще питалъ въ душѣ свои сомнѣнія. Соображаясь съ другими лицами, игравшими передъ нимъ роль покровителей искусства, и увѣренный, что Тирсису Ивановичу будетъ такая же точно нужда до его костюма, онъ облачился въ черный фракъ Василькова, и почелъ даже необходимымъ напялить на руки замшевыя бѣлыя перчатки, которыя представляли по изящному завиточку на концѣ каждаго изъ его пальцевъ. Сердобольно-умильный видъ, принятый Дрянковымъ при входѣ въ кабинетъ, показывалъ окончательно, что онъ не зналъ Тирсиса Ивановича и невѣрно судилъ о немъ. Аполлонъ Егоровичъ остановился у порога, отвѣсилъ низкій поклонъ и потупилъ глаза въ зеленое сукно.

— Здравствуйте, здравствуйте, милый мой! зд-ра-вствуйте! заговорилъ Тирсисъ Ивановичъ, шаркая своими бархатными сапожками и кивая головой,—здравствуйте! Очень радъ васъ видѣть! заключилъ онъ, протягивая ему руку и разсматривая его съ восторженнымъ напряженіемъ.

Услышавъ мягкій, нѣжный голосокъ Ястребилова, Аполлонъ Егоровичъ поднялъ глаза: добродушіе, написанное въ чертахъ Тирсиса Ивановича, ободрило его; со всѣмъ тѣмъ, онъ не рѣшился еще покинуть свой сердобольный видъ и, наклонивъ униженно голову, произнесъ робкимъ голосомъ:

— Извините, милостивый государь, если я осмѣлился потревожить васъ... Я знаю, сколько драгоцѣнны минуты ваши, и если рѣшился я причинить вамъ безпокойство, отнять у васъ одну изъ этихъ драгоцѣнныхъ минутъ, такъ сдѣлалъ это единственно потому, что зналъ безграничное снисхожденіе ваше къ бѣднымъ собратамъ-труженикамъ, которые посвятили свою жизнь на служеніе искусству...

Во время этого велерѣчиваго монолога, очевидно обдуманнаго и сочиненнаго наканунѣ, лицо Тирсиса Ивановича переполнилось невыразимою нѣжностью.

— Такъ вы поэтъ, собратъ? воскликнулъ онъ, протягивая ему обѣ руки.

— То-есть, я не пробовалъ писать стиховъ... хотя увѣренъ, что, руководимый какимъ-нибудь могучимъ талантомъ, могъ бы въ скоромъ времени... сказалъ Дрянковъ, пристально всматриваясь въ собесѣдника.—Впрочемъ, поэзія вездѣ и всюду-съ, и, основываясь на этомъ, я точно такъ же... мой удѣлъ—проза, я прозаикъ! примолвилъ онъ съ скромною улыбкой.

— Очень радъ, милый мой, очень радъ съ вами познакомиться! Садитесь, пожалуйста. Я самъ писалъ много въ прозѣ и даже очень люблю ее: проза—дитя разума и мышленія; поэзія—дочь сердца и вдохновенья... я высказалъ эту прекрасную мысль въ двадцать-восьмомъ томѣ моего собранія...

— Я имѣлъ счастіе прочесть этотъ томъ, и... и!..

— А! такъ вы развѣ читали мои сочиненія? перебилъ Тирсисъ Ивановичъ, любознательно всматриваясь въ лицо собесѣдника, переминая нетерпѣливо бархатными сапожками и потирая ладонями.

— Читалъ-съ, все читалъ, и скажу вамъ—не примите это, Бога-ради, за презрительную лесть: я человѣкъ простой, откровенный, сужу по впечатлѣніямъ сердца,—скажу вамъ, прибавилъ онъ, удачно измѣняя интонацію своего голоса и такъ же удачно придавая своему лицу восхищенное выраженіе.—Скажу вамъ, я въ восторгѣ, въ энтузіазмѣ!.. До сихъ поръ не могу опомниться! Вы написали такую книгу, которая можетъ читаться цѣлую жизнь... нѣтъ, цѣлой жизни не достанетъ, чтобъ изучить и прочесть ее.

Аполлонъ Егоровичъ нехотя высказывалъ, однакожъ, сущую правду. Дѣйствительно, жизни человѣческой, если исключить время, употребляемое на отдыхъ, ѣду, дѣла, развлеченія—далеко не достало бы не только для изученія, но даже для прочтенія „Полнаго Собранія“. Дрянковъ могъ бы прибавить къ этому, что Тирсисъ Ивановичъ воздвигъ себѣ памятникъ, и опять-таки сказалъ бы сущую правду, потому что сорокъ-восемь компактныхъ томовъ, какъ хотите, представляли въ массѣ цѣлый мавзолей; но онъ ограничился слѣдующимъ:

— Да-съ, я не могу опомниться! И, можетъ-быть, это самое состоянiе души моей заставило меня забыть дерзость своего поступка и обратиться къ вамъ съ просьбой... просьбой, которую не осмѣливаюсь и произнести... заключилъ онъ, приподнимаясь съ мѣста, отвѣшивая поклонъ и робко опуская глаза на бархатные сапожки, которые казались пляшущими.

— Пожалуйста, прошу васъ, говорите, милый мой, говорите, очень радъ! съ участiемъ подхватилъ старичокъ, заботливо усаживая гостя на прежнее мѣсто,—очень радъ, если могу быть вамъ полезнымъ; не стѣсняйтесь, готовъ служить вамъ всѣмъ сердцемъ...

— Милостивый государь, сказалъ съ горделивымъ достоинствомъ Аполлонъ Егоровичъ и выпрямилъ грудь,— милостивый государь, я человѣкъ бѣдный; дарованiе и надежды—все мое богатство! Не имѣя средствъ прiобрѣсти въ свою собственность драгоцѣнныя сочиненiя ваши, я рѣшился... да, я рѣшился прибѣгнуть къ вамъ и просить васъ снизойти къ мольбамъ человѣка, жаждущаго просвѣщенiя, и снабдить его, если это только возможно, однимъ экземпляромъ...

— Ахъ, милый мой, я очень радъ! очень, очень радъ! Вы доставляете мнѣ этимъ большое удовольствiе; я сейчасъ же напишу въ книжную лавку, сiю минуту... Садитесь, садитесь, милый мой... проговорилъ добродушный старичокъ, подбѣгая къ столу и принимаясь выводить каракули на клочкѣ бумаги.

— И по этой запискѣ мнѣ отдадутъ „Полное Собранiе"? восторженно воскликнулъ Дрянковъ, думавшiй покурить еще немножко ѳимiамомъ, чтобъ удобнѣе приступить потомъ къ настоящей причинѣ своего визита.

— Сiю же минуту, безъ малѣйшаго замедленiя. Читайте, милый мой, учитесь, вы еще молоды; слушайте совѣтовъ людей опытныхъ, слѣдуйте ихъ примѣру; трудитесь, милый мой, трудитесь! нѣжно говорилъ старичокъ, между тѣмъ какъ Дрянковъ пристально всматривался въ бархатные сапожки и сохранялъ видъ трогательнаго умиленiя. — Но, стало-быть, прибавилъ кроткiй Тирсисъ Ивановичъ, нѣжно взявъ его за руку, — стало-быть, вы еще не прочли всѣхъ томовъ? Садитесь, садитесь, милый мой. Разскажите-ка, что̀ именно вы читали... заключилъ онъ съ живостью.

Аполлонъ Егоровичъ пересчитывалъ наобумъ дюжину томовъ.

— А-а! такъ вы, значитъ, милый мой, не читали еще драматическихъ произведеній... воскликнулъ старичокъ, улыбаясь такимъ образомъ, какъ будто сдѣлалъ въ эту минуту одно изъ самыхъ удивительныхъ открытій, какія когда-либо выпадали на долю человѣческой премудрости.

— Нѣтъ-съ, читалъ, возразилъ Дрянковъ съ увѣренностью, которая сильно, однакожъ, противорѣчила робкимъ взглядамъ этого интереснаго сорокалѣтняго молодого человѣка, — читалъ. Къ несчастью, не зная содержанія остальныхъ томовъ, не могу сказать вамъ, читалъ ли я всѣ драматическія произведенія; но я съ восхищеніемъ прочелъ одну трагедію...

— Какую? какую? Не „Синеусъ и Труворъ"?

— Нѣтъ-съ, „Мазидъ и Зенеибъ".

— А-га! Ну, что жъ? Какъ вамъ нравится? спросилъ Тирсисъ Ивановичъ, потирая руками.

— Превосходно! Какое могущество! какая сила! повѣрите ли, я даже наизусть выучилъ многія мѣста! сказалъ Дрянковъ, между тѣмъ, какъ бархатные сапожки выбивали дробь по зеленому сукну. — Впрочемъ, иначе и быть не можетъ: этотъ звучный, серебряный стихъ невольно врѣзывается въ память. Ахъ, какъ поразительна эта сцена, когда свирѣпый Мазидъ, умертвивъ Агул-Абаса, встрѣчаетъ кроткаго Зенеиба и признается ему въ своемъ проступкѣ... — „Здорово, Зенеибъ!" говоритъ Мазидъ.— „Здорово, братъ Мазидъ!" говоритъ Зенеибъ. Потомъ они молчатъ; Зенеибъ разспрашиваетъ Мазида о подробностяхъ убійства, и Мазидъ сознается во всемъ. — „Я вонзилъ кинжалъ въ его сердце!" говоритъ онъ: „почетши себя обиженнымъ однимъ взглядомъ, который бросилъ онъ на милую Оглану, я лишилъ его жизни! Онъ умеръ! А я... я не пораженъ еще мечомъ правосудія! Не знаю, какое внутреннее побужденіе заставило меня бѣжать казни, которую весьма заслужилъ я... Зенеибъ! я прибѣгаю скрыться въ нѣдра дружества...

Тому не страшенъ смерти часъ,
Чью душу дружба согрѣваетъ,
Чьи взоры дружба закрываетъ;
Онъ слышитъ въ сердцѣ сладкій гласъ:
„И тамъ, вдали за облаками,
Ты будешь съ милыми друзьями!"

— Превосходно! заключилъ Дрянковъ съ величайшей энергіей.

— Превосходно! воскликнулъ старичокъ, невольно обуреваемый порывами восторга.

Худощавыя щеки его и вострый носикъ горѣли, какъ въ лихорадочномъ пароксизмѣ. Во время чтенія послѣднихъ стиховъ онъ суетливо расхаживалъ вокругъ стола и, наконецъ, остановился передъ Дрянковымъ.

— Да, милый мой, да! вы прекрасно прочли эти стихи, благодарю васъ! сказалъ онъ съ восхищеніемъ. — А помните ли вы то мѣсто трагедіи, когда является Пансофій, аѳинскій мудрецъ, и говоритъ Мазиду...

Тутъ кроткое лицо Тирсиса Ивановича приняло строгое выраженіе; онъ отступилъ три шага назадъ, простеръ впередъ руку и, моргая своими черными, блестящими глазками, прочелъ дрожащимъ голосомъ:

Замѣна счастія—отрада въ скорбный часъ,
Надежда никогда не покидаетъ насъ,
На язвы тяжкія цѣлебный льетъ бальзамъ.
Спокойствіе—ея послѣдуетъ стопамъ!

— Восхитительно! сказалъ Дрянковъ.

— Превосходно! превосходно! восторженно воскликнулъ Тирсисъ Ивановичъ, бѣгая вокругъ стола. — Ну, а то мѣсто, напримѣръ, примолвилъ онъ, останавливаясь внезапно передъ собесѣдникомъ,—то мѣсто, когда Мазидъ...

— Хочетъ отравить себя? перебилъ Дрянковъ, принимая на себя объясненіе могучей сцены, чтобъ скорѣе повести ее къ концу и приступить къ собственному своему объясненію, — и когда Пансофій, желая отвлечь его отъ такого поступка, разсказываетъ ему притчу... превосходную...

— Да; но вы знаете ли ее наизусть? Я вамъ прочту ее, перебилъ старичокъ, утопавшій въ сладостныхъ ощущеніяхъ,—я вамъ прочту ее:—„Нѣтъ ничего постояннаго подъ небесами, другъ Мазидъ, говорилъ ему Пансофій,— кедры ливанскіе уступаютъ усиліямъ Борея, и горы, которыхъ вершины угрожаютъ самой тверди небесной, могутъ низвергнуться во глубину земли, если будетъ на то воля Аллаха. Нѣкогда размышлялъ я о коловратностяхъ земного, подлуннаго бытія. Благотворительная Пери поднесла мнѣ чашу съ усыпительнымъ питіемъ, и я увидѣлъ во снѣ персидскаго царя Гензабела, побѣжденнаго султаномъ Желт-Гединомъ...“

— Восхитительно! произнесъ нетерпѣливо Дрянковъ.

— Не правда ли? Очень радъ, молодой мой другъ! очень радъ, что вамъ это нравится! Ну, а что вы скажете о сатирахъ и афоризмахъ, которые помѣщены въ томъ же томѣ.

— Какъ тѣ, такъ и другіе произвели на меня сильнѣйшее впечатлѣніе, отвѣчалъ Дрянковъ, опасаясь, однакожъ, стать втупикъ и этимъ самымъ повредить успѣху своего дѣла; а дѣло состояло въ томъ, чтобъ склонить Тирсиса Ивановича принять на свой счетъ изданіе „Непризнанной Индѣйки"—дѣло, какъ видите, очень важное!

— Да; но мнѣ любопытно было бы знать, какія именно изъ сатиръ вамъ больше понравились?..

— Названія не помню... вотъ эта:

„Желѣзо не блеститъ, какъ ржа его съѣдаетъ,
И меркнетъ умъ тогда, какъ сердце упадаетъ"...

— Впрочемъ, всѣ превосходны!..

— Ну, а эта, милый мой, перебилъ восхищенный старичокъ,—эта:

Во всякомъ молодцѣ
Довольно суеты;
Во всякомъ мудрецѣ
Довольно простоты?..

И онъ устремилъ на него вопросительный взглядъ, исполненный живѣйшаго нетерпѣнія.

— Превосходна и эта, замѣтилъ Дрянковъ.

— Ну, а что вы скажете объ афоризмахъ?

На этотъ разъ Аполлонъ Егоровичъ испугался не на шутку: онъ, какъ на зло, не только не читалъ афоризмовъ, но не могъ даже ясно опредѣлить значенія этого слова.

Къ счастію, добродушный старичокъ не дождался отвѣта; онъ подбѣжалъ къ полкѣ, вынулъ какой-то толстый томъ и заговорилъ, перелистывая его на столѣ:

— Да, вы найдете тутъ, милый мой, много глубоко-задуманныхъ мыслей. Вотъ эта, напримѣръ: афоризмъ сто-сорокъ-девятый, литера М—*міръ*: „Міръ—гигантскій муравейникъ, въ которомъ каждый муравей гонится сломяголову за счастіемъ и никогда не обрѣтаетъ его..." Или, да... афоризмъ девяносто-третій, литера Ч—*человѣкъ*: „Человѣкъ то же, что большой ребенокъ! Человѣкъ останется всегда человѣкомъ, то-есть большимъ ребенкомъ!.." Какъ это вамъ нравится?

— О, безподобно! какая глубина! воскликнулъ Апол-

лонъ Егоровичъ, начинавшій уже терять надежду приступить къ своему дѣлу, — но я долженъ вамъ сказать, однакожъ, что самое сильное и вмѣстѣ съ тѣмъ полезное впечатлѣніе произвела на меня арабская повѣсть ваша, подъ названіемъ „Замаръ и Геллагё“; это, можетъ-быть, потому, впрочемъ, что она дала мнѣ возможность исправить недостатки моей повѣсти, повѣсти, которую, къ счастью, я не успѣлъ еще отдать въ печать...

— Очень радъ, очень радъ, молодой мой другъ! Какія же мѣста наиболѣе понравились вамъ изъ „Замаръ и Геллагё“? спросилъ старичокъ, нетерпѣливо придвигаясь къ Дрянкову.

— Тѣ именно-съ, изъ которыхъ я могъ научиться авторской замашкѣ, необходимой для повѣствовательнаго рода... Повѣсть моя не очень длинна; я раздѣлилъ ее на главы, для удобства читателя, подхватилъ Дрянковъ скороговоркой, — и я почелъ бы себя весьма счастливымъ, если бъ вы удостоили ее просмотрѣть... ваши совѣты...

— Очень радъ, мой милый, очень радъ! Молодые люди вообще самонадѣянны и рѣдко слушаютъ совѣтовъ людей опытныхъ. Очень радъ найти въ васъ исключеніе, что̀ дѣлаетъ вамъ большую честь. Ну, такъ какая же это повѣсть?

— Она у меня съ собою-съ; я оставилъ ее въ передней, и если вы позволите... произнесъ обнадеженный Дрянковъ, поспѣшно приподнимаясь съ своего мѣста.

— Пожалуйста, пожалуйста, принесите ее сюда, милый мой: мы прочтемъ ее, посмотримъ, а тамъ и напечатаемъ. Если у васъ нѣтъ знакомыхъ, или нужно будетъ ходатайство посторонняго лица — очень радъ буду взять на себя такой трудъ...

При такомъ неожиданномъ оборотѣ дѣла сердце Дрянкова забилось такъ сильно, что онъ не могъ даже сдѣлать шага впередъ, не могъ проговорить благодарственнаго слова и ограничился тѣмъ только, что приложилъ руку къ груди и поклонился.

Въ эту самую минуту кто-то постучалъ въ дверь, и вслѣдъ за тѣмъ дрожащій голосъ, дѣлавшій явныя усилія, чтобъ казаться мелодическимъ, произнесъ слѣдующія слова:

— Могу ли я войти къ тебѣ, мой милый поэтъ?..

— Это жена моя—первый поэтическій талантъ своего времени! восторженно произнесъ Тирсисъ Ивановичъ, под-

бѣгая къ собесѣднику.—Къ несчастію, она ужъ ничего теперь не печатаетъ. Можешь войти, мой ангелъ, очень можешь войти! заключилъ онъ, натирая до-красна ладони и впиваясь глазами по направленію къ двери.

Дверь отворилась и на порогѣ ея показалась Клавдія Ильинична.

Ястребилова представляла изъ своей особы безконечно-длинную, невообразимо-худощавую, желтоватую даму, и могла служить совершеннѣйшимъ контрастомъ мужу, человѣку, какъ вѣдомо, крошечному, микроскопическому, могущему свободно умѣститься въ высокомъ чепцѣ своей супруги. Лицо ея, украшенное тусклыми глазами, задумчиво глядѣвшими въ небо, сѣроватыми усиками на верхней губѣ и орлинымъ носомъ, было такъ худощаво, что каждый разъ, какъ она смотрѣла въ зеркало, или каждый разъ, какъ на нее смотрѣли посторонніе глаза — всѣмъ равно представлялось, вмѣсто лица, одно острое лезвіе. Два сѣдые, но тщательно закрученные тирбушона украшали ея щеки и свѣшивались на костлявыя ея плечи. подобно двумъ вѣткамъ плакучей березы; общій видъ ея былъ столько же гордъ, сухъ, величавъ и надмененъ, сколько кротокъ, добродушенъ и смиренъ казался видъ супруга.

Тирсисъ Ивановичъ поцѣловалъ женину руку и провелъ ее заботливо къ вольтеровскому креслу.

— Это, мой ангелъ, рекомендую тебѣ,—господинъ Дрянковъ,—читалъ мое „Полное Собраніе"... собратъ по литературѣ, самъ пишетъ прекрасныя повѣсти... нѣжно произнесъ супругъ.

— Очень рада познакомиться, сухо сказала Клавдія Ильинична, бросая на своего знакомаго инквизиторскій взглядъ, который имѣлъ явное намѣреніе пронизать его насквозь и дознаться этимъ способомъ, читалъ ли онъ „Маргаритки" и другія великія произведенія безсмертной дамы съ усиками и сѣдыми тирбушонами, возсѣдавшей теперь въ вольтеровскихъ креслахъ.

Аполлонъ Егоровичъ отвѣсилъ низкій поклонъ, проклиная судьбу, пославшую сюда, такъ некстати, первый поэтическій талантъ своего времени.

— За пять минутъ до твоего появленія, другъ мой, господинъ Дрянковъ читалъ отрывки изъ моего „Мазида", началъ Тирсисъ Ивановичъ мягкимъ голоскомъ, доходившимъ прямо до глубины сердца. — Господинъ Дрянковъ

прекрасно читаетъ стихи и доставилъ мнѣ большое удовольствіе... Ахъ, пожалуйста, милый мой, прочитайте теперь какое-нибудь стихотвореніе жены моей; вы, вѣрно, помните ихъ наизусть: ей будетъ это весьма пріятно, промолвилъ неожиданно старичокъ, кивая одобрительно Дрянкову и бросая лучезарную улыбку на Клавдію Ильиничну.

Инквизиторскій взоръ Клавдіи Ильиничны устремился еще пристальнѣе на новаго знакомаго.

„Я пропалъ!“ подумалъ Аполлонъ Егоровичъ, но въ ту жъ секунду оправился и, закручивая витушки замшевыхъ перчатокъ на оконечностяхъ своихъ пальцевъ, пробормоталъ голосомъ дѣтской невинности:

— Къ несчастію, я такъ смущенъ въ настоящую минуту, такъ смущенъ, что не могу припомнить ни одного изъ знаменитыхъ стихотвореній, которыя...

— Тс... ахъ, какая досада! какъ это жаль... тсс... сс... Въ такомъ случаѣ, съ живостью подхватилъ Тирсисъ Ивановичъ,—прочитайте намъ безподобное ея стихотвореніе „Къ Другу, поднесшему автору букетъ незабудокъ“, стихотвореніе, которое всѣ мы называемъ „послѣднею пѣсней лебедя“; всѣ знаютъ и помнятъ его, даже крошечныя дѣти...

— Но, можетъ-быть, оно незнакомо мсьё Дрянкову, точно такъ же, какъ и другія мои пьесы?.. сухо сказала Ястребилова, выражая на желтомъ лицѣ презрительно-саркастическую улыбку.

Послѣдовала продолжительная пауза, въ продолженіе которой несчастный Дрянковъ неистово теребилъ завитки своихъ замшевыхъ перчатокъ.

Погибла „Непризнанная Индѣйка“! подумалъ Аполлонъ Егоровичъ, и мысль эта придала ему столько бодрости, что онъ рѣшился наконецъ отвѣчать:

— Къ несчастію... я... я...

— Какъ, вы не знаете „Послѣдней пѣсни нашего лебедя“? воскликнулъ съ изумленіемъ кроткій старичокъ.

— Я долженъ объявить вамъ, сударыня... произнесъ Дрянковъ отчаянно-разстроеннымъ тономъ, — что всего только недѣля... да-съ, недѣля, какъ я пріѣхалъ изъ Архангельска... мѣста моего рожденія... Я сирота, примолвилъ онъ, опуская глаза и чувствуя въ эту минуту необходимость возбудить чѣмъ-нибудь сочувствіе въ сердцѣ строгой дамы,—впрочемъ, сударыня, заключилъ онъ,—я много уже слышалъ о томъ знаменитомъ стихотвореніи, но... не успѣлъ еще пріобрѣсти его...

— Что жъ говорятъ обо мнѣ въ Архангельскѣ? надменно спросила Ястребилова.

— Я читалъ отзывъ въ тамошней газетѣ:—всѣ, всѣ-съ въ энтузіазмѣ! отвѣчалъ, ободряясь, Дрянковъ.

— Да, милый мой, да... Ну, а не слыхали ли вы тамъ чего-нибудь о моемъ „Полномъ Собраніи"?.. спросилъ, въ свою очередь, Тирсисъ Ивановичъ, обнаруживая необычайное участіе.

— Къ сожалѣнію, я былъ уже въ дорогѣ изъ Архангельска, когда получено было извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ „Полнаго Собранія"... но пріятель писалъ мнѣ, что оно принято было съ восторгомъ...

Тутъ въ кабинетѣ снова послышался веселенькій смѣхъ добродушнаго старичка, смѣхъ, сопровождаемый потираніемъ ладоней и выбиваніемъ дроби по зеленому сукну бархатными сапожками.

Послѣдовала кратковременная пауза, послѣ которой Клавдія Ильинична начала медленно приподыматься съ своего кресла; подыманью этому, весьма похожему на то, когда въ театрѣ выступаютъ изъ-подъ пола привидѣнія, казалось, конца не было; наконецъ первый поэтъ нашего времени благополучно укрѣпился на ногахъ, повернулся спиною къ гостю и сказалъ Тирсису Ивановичу:

— Ты не забылъ, однакожъ, что мы обѣдаемъ сегодня у Хивинскихъ?.. скоро четыре часа...

Заключивъ эту сентенцію легкимъ наклоненіемъ головы по направленію къ Дрянкову, Клавдія Ильинична поплыла изъ классическаго кабинета, потряхивая чепцомъ и поправляя тирбушоны.

Ясно, что въ настоящую минуту было бъ столько же неумѣстно, сколько и неделикатно толковать о „Непризнанной Индѣйкѣ"; съ другой стороны, согласитесь сами, весьма горько было бъ удалиться, не подкрѣпивъ себя хоть какой-нибудь надеждой; на этомъ основаніи Аполлонъ Егоровичъ выпросилъ позволеніе явиться на слѣдующее утро и, получивъ на то полное согласіе, получивъ, вдобавокъ, портретъ, которымъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, спѣшилъ снабжать своихъ знакомыхъ авторъ „Полнаго Собранія", онъ разстался съ кроткимъ старичкомъ, давъ себѣ слово устроить завтра же судьбу „Непризнанной Индѣйки".

II.

Дальнѣйшія похожденія „Непризнанной Индѣйки“ со включеніемъ литературнаго вечера.

Къ сожалѣнію, мы знаемъ весьма немного подробностей насчетъ того, какъ велъ впослѣдствіи дѣла свои Аполлонъ Егоровичъ и какими способами устраивалъ онъ судьбу своей повѣсти. Изъ жалкихъ источниковъ, дошедшихъ до насъ, явствуетъ, однакожъ, что онъ являлся нѣсколько дней сряду въ классическій кабинетъ Ястребилова, декламировалъ съ большимъ успѣхомъ оды Тирсиса Ивановича, говорилъ наизусть сатиры и афоризмы, и разъ даже, въ присутствіи Клавдіи Ильиничны, прочелъ съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ нѣсколько пьесъ изъ „Маргаритокъ“, со включеніемъ извѣстнаго всему міру стихотворенія „Къ Другу, поднесшему автору букетъ незабудокъ“. Намъ положительно извѣстенъ одинъ лишь результатъ его совѣщаній съ кроткимъ старичкомъ, именно: „Непризнанная Индѣйка“, исправленная и значительно-пополненная Ястребиловымъ, отдана была симъ послѣднимъ въ печать и въ скоромъ времени появилась въ свѣтъ, украшенная зеленой оберткой и именемъ автора, вытисненнымъ крупными буквами на заглавномъ листѣ.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что въ богатой и даровитой натурѣ Аполлона Егоровича поэтическій элементъ преобладалъ сильнѣйшимъ образомъ надъ остальными элементами—это ясно, какъ день, и даже странно было бы питать на этотъ счетъ какія-нибудь сомнѣнія. Но... но человѣкъ, какъ глубокомысленно замѣчаетъ Тирсисъ Ивановичъ (смотри „Полное Собраніе Ястребилова“, томъ третій, отдѣлъ афоризмовъ, литеру Ч.), человѣкъ всегда человѣкъ, и, на этомъ основаніи, въ душѣ Дрянкова таилась точно такъ же не малая частица положительныхъ стремленій. Онъ смотрѣлъ на свое произведеніе, въ одно и то же время, съ двухъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія: съ одной стороны, „Непризнанная Индѣйка“ представлялась ему колоссальнымъ памятникомъ, который ослѣпитъ своимъ блескомъ глупцовъ, не умѣвшихъ оцѣнить его, и гордецовъ, обращавшихся съ нимъ, какъ съ обыкновеннымъ проживальщикомъ; съ другой стороны, та же „Непризнанная Индѣйка“ принимала видъ драгоцѣннаго

рудника, который хотя и не далъ еще ни одной щепотки золота, тѣмъ не менѣе сулилъ цѣлыя горы этого металла. Въ первую точку зрѣнія Дрянковъ старался поставить Аристарха Ѳедоровича (и не знаю, насколько успѣлъ онъ въ томъ), во вторую — Василькова (и въ этомъ случаѣ успѣлъ совершенно). Все это сдѣлано было, разумѣется, не безъ основанія.

Аполлону Егоровичу требовалось занять денегъ у Порфирія Павловича, и вотъ именно по какому случаю: Тирсисъ Ивановичъ и Клавдія Ильинична пригласили Дрянкова на литературный вечеръ, имѣющій быть въ понедѣльникъ, и Дрянкову слѣдовало явиться въ лайковыхъ перчаткахъ и лакированныхъ сапогахъ. Такъ предписывалъ, по крайней мѣрѣ, этикетъ литературныхъ вечеровъ — этикетъ, за которымъ строго наблюдала Клавдія Ильинична.

Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Литературные вечера Ястребиловыхъ пользовались популярностью, и— прибавимъ отъ себя—заслуженною популярностью. Допускать безъ различія каждаго встрѣчнаго, какъ заикнулся объ этомъ разъ Тирсисъ Ивановичъ, значило бъ уронить вечера въ общемъ мнѣніи: а общее мнѣніе заключалось въ томъ, что къ Ястребиловымъ являлись одни лишь „избранные“. Съ другой стороны, весьма легко могло статься, что какой-нибудь невзрачный господинъ занимаетъ видное мѣсто на художественномъ поприщѣ и удостоивается, по всей справедливости, великой чести присутствовать на вечерахъ. Задача была, слѣдовательно, такого рода: требовалось сочетать въ одну общую гармонію блескъ славныхъ именъ съ наружнымъ блескомъ и придать всему нѣкоторый аристократическій оттѣнокъ, который, какъ извѣстно, составляетъ необходимѣйшее условіе литературныхъ вечеровъ. Строгое соблюденіе этикета, въ отношеніи къ наружному только виду, достигало въ совершенствѣ такой цѣли. Чтобъ дать легкое понятіе о высокомъ значеніи ястребиловскихъ литературныхъ вечеровъ, считаю не лишнимъ привести здѣсь отзывъ одной газеты: „Дарованія служатъ украшеніемъ сихъ мѣстъ (гласила газета), и кисть апеллесова, и лира орѳеева, и звуки амфіоновы, искусства минервины, попеременно окружаютъ тамъ своими обольщеніями; дары Помоны и Флоры обогащаютъ сіе жилище и составляютъ роскошь пиршествъ знаменитаго мецената и амфитріона. Вкусъ вездѣ цар-

ствуетъ, разумъ все услаждаетъ, веселье все оживотворяетъ, радушіе все оживляетъ, удовольствія стекаются сюда во множествѣ — и дружба знаетъ путь къ сему жилищу..."

Изъ этого явствуетъ, что Аполлонъ Егоровичъ долженъ былъ непремѣнно явиться въ бѣлыхъ перчаткахъ и лакированныхъ сапогахъ.

Все увѣнчалось вожделѣннымъ успѣхомъ: сердобольный Порфирій Павловичъ далъ денегъ, и въ назначенный понедѣльникъ, часовъ въ десять вечера, Дрянковъ очутился на литературномъ вечерѣ.

На днѣ его шляпы виднѣлась свернутая въ трубку „Непризнанная Индѣйка", взятая съ предусмотрительною цѣлью сократить нетерпѣніе многочисленнаго общества, которое, нѣтъ сомнѣнія, собралось единственно для того, чтобъ послушать чтеніе самого автора.

Литературные вечера происходили всегда на половинѣ Клавдіи Ильиничны, въ большой комнатѣ, игравшей роль парадной гостиной, но въ сущности весьма схожей съ кабинетомъ рѣдкостей въ античномъ вкусѣ. Стѣны, обитыя полинялой штофной матеріей, унизаны были крошечными рѣзными полочками изъ орѣховаго дерева, которыя уставлены были фарфоровыми куколками, китайскими уродцами, ящичками, раковинами, чучелами колибри, минералами, издѣліями изъ точенаго дерева, серебра и слоновой кости, чашками, старинною бронзой, хрусталемъ, что̀ все вмѣстѣ, благодаря лампамъ, покрытымъ цвѣтными бумажными колпаками и воздвигнутымъ на маленькихъ круглыхъ столикахъ, разбросанныхъ по всей гостиной, производило самый фантастическій эффектъ.

Къ несчастью, Аполлонъ Егоровичъ, при всемъ своемъ стараніи, никакъ не могъ дать себѣ яснаго, удовлетворительнаго отчета въ общемъ эффектѣ, какой должна была производить гостиная; густая толпа замуравливала комнату вплоть до самой двери; и хотя изъ этой двери онъ могъ любоваться потолкомъ завѣтной гостиной, но потолокъ естественнымъ образомъ не имѣлъ для него большого значенія въ настоящую минуту; попытка его пробраться впередъ не имѣла никакого счастливаго результата: онъ былъ малъ ростомъ; въ дверяхъ стояли, какъ на зло, колоссальныя особы съ непомѣрно-широкими спинами, и спины эти представляли всякій разъ такое сильное сопротивленіе, что, волею-неволею, надо было оста-

ваться у двери комнаты, предшествовавшей гостиной. Окинувъ недовольнымъ взоромъ эту комнату и увидѣвъ, что мебель ея покрыта была шляпами гостей, Аполлонъ Егоровичъ разсудилъ весьма основательно, что и ему не мѣшало бы точно такъ же освободить свои руки отъ лишней амуниціи; къ тому же, шляпа была новая, принадлежала ему собственно, и во всякомъ случаѣ не слѣдовало ее подвергать участи васильковскаго фрака, участи весьма плачевной, если принять въ соображеніе непреклонное намѣреніе Дрянкова пробиться съ „Непризнанной Индѣйкой“ сквозь толпу и стать на самое видное мѣсто гостиной. Шляпа поставлена на столъ рядомъ съ другими шляпами, и безсмертный проживальщикъ тронулся впередъ. Не знаю, способствовала ли тому волшебная сила „Непризнанной Индѣйки“, помѣстившейся въ фрачномъ карманѣ, но какъ только Дрянковъ подошелъ къ двери, толпа пришла въ неописанное волненіе, заходила во всѣ стороны и доставила ему случай юркнуть въ гостиную. Минуту спустя, онъ уже и самъ не радъ былъ, что не остался въ сосѣдней комнатѣ: какимъ-то непонятнымъ случаемъ толстыя спины снова очутились передъ нимъ, дружнымъ напоромъ высадили его изъ толпы и вдругъ притиснули къ какимъ-то ступенькамъ. Оглянувшись назадъ, Дрянковъ увидѣлъ одно изъ тѣхъ возвышеній, какія дѣлаются подлѣ оконъ, вѣроятно, для удобнѣйшаго созерцанія уличныхъ видовъ; тутъ находились два кресла, поставленныя одно противъ другого, и между ними миніатюрный рабочій столикъ.

Секунда—и Аполлонъ Егоровичъ стоялъ уже на возвышеніи; другая секунда употреблена была на то, чтобъ окинуть бѣглымъ взглядомъ гостиную.

Прежде всего представилась ему довольно обширная перспектива изъ хохловъ, коковъ, завитковъ и лысинъ, которая оканчивалась яркимъ пятномъ свѣта; въ этомъ пятнѣ, на голубомъ штофномъ диванѣ съ позолотою, сидѣла Клавдія Ильинична съ своими сѣдыми тирбушонами, усами и орлинымъ носомъ, и Тирсисъ Ивановичъ въ темномъ фрачкѣ; оба они сидѣли рядышкомъ, какъ женихи во время свадебнаго пира; такое сравненіе подтверждалось длиннымъ, сухощавымъ старикомъ въ черномъ фракѣ, бѣломъ, дрябломъ жилетѣ, бѣломъ галстукѣ и висячемъ жабо, сидѣвшимъ по правую руку Тирсиса Ивановича, и толстою дамой, съ краснымъ лицомъ и голубыми цвѣтами

въ чепцѣ, сидѣвшею по правую руку Клавдіи Ильиничны· Старичокъ и дама сохраняли почтенный видъ посаженаго отца и посаженой матери. Подлѣ виднѣлось еще нѣсколько дамъ и кавалеровъ, но толпа почти заслоняла ихъ. Аполлонъ Егоровичъ могъ различать только прически, чепцы, наколки и цвѣты на чепцахъ и наколкахъ; главное же вниманіе его обращено было на овальный столъ, находившійся передъ супругами Ястребиловыми; столъ покрытъ былъ ковромъ; на немъ лежали двѣ раскрытыя книги, освѣщенныя высокою лампой. Толпа продолжала между тѣмъ волноваться; во всѣхъ концахъ раздавались восклицанія: „Превосходно! поразительно! Какая сила! Сколько чувствъ! Какое могущество!“ Изъ слѣдующихъ восклицаній Дрянковъ узналъ, что Тирсисъ Ивановичъ прочелъ первыя два дѣйствія изъ своего „Мазида“ и намѣренъ приступить къ чтенію послѣднихъ трехъ дѣйствій.

Внезапно Тирсисъ Ивановичъ кашлянулъ, оглянулъ общество блестящими глазками и, положивъ руку на лежавшую передъ нимъ книгу, добродушно улыбнулся. Посаженый отецъ нетерпѣливо замахалъ руками, крикнулъ: „шт! шт!“; общество разразилось единодушнымъ шипѣньемъ, и вдругъ въ гостиной воцарилось молчаніе. Тирсисъ Ивановичъ кашлянулъ вторично, и началось чтеніе „Мазида“.

Не должно удивляться восторженному участію, какое принимало общество въ чтеніи „Мазида“: никто еще изъ присутствовавшихъ не зналъ этой трагедіи, и всѣмъ было одинаково пріятно, и даже лестно нѣкоторымъ образомъ, услышать ее въ первый разъ изъ устъ самого автора. Простительно было не раздѣлять такихъ чувствъ одному Аполлону Егоровичу, да и то потому лишь, что онъ не только читалъ „Мазида“, но зналъ его наизусть. Онъ нетерпѣливо опустился на одно изъ креселъ, положилъ локоть на миніатюрный столикъ и предался самымъ безотраднымъ размышленіямъ. Поводомъ къ такимъ размышленіямъ было то, что чтеніе трехъ дѣйствій (особенно, если принять въ соображеніе безпрерывные залпы рукоплесканій и восторженныя выходки посаженаго отца) продлится далеко за полночь и ему останется, а, можетъ-быть, и вовсе даже не останется времени на чтеніе „Непризнанной Индѣйки“. Переходя постепенно отъ одной мысли къ другой, Дрянковъ перенесся къ той отдаленной эпохѣ, когда, въ школѣ еще, запала ему первый разъ идея его

повѣсти, потомъ, какъ развилась эта идея, какъ начала осуществляться, осуществилась—и мало-по-малу овладѣло имъ такое раздумье, что онъ не слыхалъ, какъ пробило одиннадцать часовъ и какъ, затѣмъ, пробила полночь.

Страшный трескъ, гулъ и крики вызвали его къ дѣйствительности.

Толпа волновалась еще сильнѣе прежняго; пятьдесятъ рукъ били въ ладоши; цвѣты на дамскихъ прическахъ колыхались; посаженый отецъ неистово размахивалъ руками, закидывалъ одну ногу на другую, перевертывался въ своихъ креслахъ, конвульсивно потряхивалъ головою и кричалъ разбитымъ голосомъ, покрывавшимъ всеобщій гулъ: „Нѣтъ, я не могу... я не въ силахъ... это дѣйствуетъ на мои нервы! Превосходно! Я не въ состояніи, я потрясенъ! Верхъ совершенства!“ Тирсисъ Ивановичъ озиралъ всѣхъ съ лучезарною улыбкой, и на устахъ его дрожалъ веселенькій смѣхъ; передъ нимъ лежала закрытая книга.

Въ эту самую минуту въ дверяхъ гостиной показался старый гайдукъ съ серебрянымъ подносомъ, уставленнымъ чашками; за нимъ выступали такіе же гайдуки съ такими же подносами. Побуждаемый, съ одной стороны, голодомъ, начинавшимъ завывать въ желудкѣ, съ другой—явною необходимостью воспользоваться всеобщею суматохой, чтобъ пробраться на видное мѣсто, Аполлонъ Егоровичъ спустился съ возвышенія и поспѣшилъ захватить на лету чашку и какой-то эѳирный бисквитъ... Аполлонъ Егоровичъ, должно замѣтить, привыкъ выпивать вечеромъ въ Ханскихъ-Прудахъ добрые два стакана чаю и закусывать дюжиною сухарей или полновѣсною булкой, и потому въ головѣ его, безпрерывно мыслящей, невольно явилось сравненіе между стаканомъ Ханскихъ-Прудовъ и чашкою литературнаго вечера, въ которой заключался всего одинъ глотокъ; эѳирный бисквитъ хотя и издавалъ весьма ароматическій, аппетитный запахъ, но также могъ служить скорѣе закуской откормленной канарейкѣ, чѣмъ голодному человѣку, прослушавшему, вдобавокъ, три дѣйствія классической трагедіи. Такія сравненія, естественнымъ образомъ, пробудили въ немъ желаніе протянуть руку къ другой чашкѣ, потомъ къ третьей и т. д., до безконечности, и онъ думалъ уже привести въ исполненіе свою мысль, разсчитывая весьма основательно, что будетъ еще время пробраться впередъ, потому что присутствующіе, по всѣмъ вѣроятіямъ, должно-быть, голодны и постара-

ются продлить чайную церемонію; но, къ великому его ужасу, общество снова заволновалось; двѣ широкія спины очутились снова передъ нимъ и дружно принялись высаживать его къ возвышенію. Въ то же время въ ушахъ его прозвенѣлъ дружный хоръ восторженныхъ восклицаній: „Тише! тише! шт! тише! Клавдія Ильинична будетъ читать свою пьесу: „Къ Другу, поднесшему автору букетъ незабудокъ“. Это—послѣдняя пѣснь нашего лебедя! последняя пѣснь незабвеннаго поэта! шт! шт!“ Оглушенный говоромъ, стиснутый двумя спинами, Дрянковъ сдѣлалъ отчаянный прыжокъ и очутился снова на возвышеніи. Не мало удивился онъ, однакожъ, когда увидѣлъ, что оба кресла были заняты: на первомъ красовался толстенькій господинъ апатическаго и самаго недовольнаго вида; на второмъ сидѣлъ востроносый, худощавый господинъ съ длинными черными волосами, наводившими лоскъ на воротникъ его чернаго фрака. Аполлонъ Егоровичъ укрѣпился на верхней ступени, вынулъ изъ кармана „Непризнанную Индѣйку“ и положилъ ее съ неподражаемою небрежностью на миніатюрный столикъ, между двумя креслами; въ ту же минуту онъ почувствовалъ въ лѣвой рукѣ чью-то мокрую руку и обернулся: передъ нимъ стоялъ вертлявый, бѣлокурый авторъ „Заоблачныхъ Трелей“.

— Ахъ, какъ я радъ, какъ радъ, что встрѣтился съ вами! воскликнулъ вертлявый поэтъ.—Я давно замѣтилъ васъ, но никакъ не могъ пробраться—такое многочисленное, блестящее общество!.. Можете вы мнѣ уступить подлѣ себя крошечное мѣсто?..

Дрянковъ пожалъ мокрую руку и отодвинулся.

— Я совершенно счастливъ, что встрѣтилъ васъ, продолжалъ поэтъ,—вчера еще прочелъ я вашу прекрасную повѣсть: прекрасно! прекрасно! Послѣдняя сцена въ состояніи исторгнуть слезы изъ каменнаго сердца...

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣчалъ Дрянковъ, отодвигаясь немного въ сторону, чтобъ два господина, сидѣвшіе въ креслахъ, удобнѣе могли слышать похвалы его произведенію.—Не знаете ли,—примолвилъ онъ, наклоняясь къ уху нѣжнаго собесѣдника,—кто эти два господина, которые подлѣ насъ?..

— Толстенькій, это—Шишкинъ, пишетъ повѣсти; другой—поэтъ Пендринъ,—замѣчательные таланты! отвѣчалъ шопотомъ авторъ „Трелей“, который не былъ знакомъ съ Шишкинымъ и Пендринымъ, но очевидно горѣлъ жела-

ніемъ познакомиться съ ними, потому что впивался въ нихъ заискивающими, подобострастными глазами.—Ахъ, кстати о поэзіи!—подхватилъ онъ.—Читали ли вы мои „Заоблачныя Трели"? Скажите мнѣ откровенно ваше мнѣніе... скажите прямо, я дорожу вашими совѣтами... Не правда ли, все это очень слабо, юно, можно даже сказать... безцвѣтно? Я самъ знаю свои недостатки...

Вертлявый авторъ „Заоблачныхъ Трелей" принадлежалъ къ числу тѣхъ скромныхъ поэтовъ, которые унижаютъ достоинство своихъ произведеній единственно съ тою цѣлью, чтобъ дать только этимъ способомъ поводъ къ толкамъ и разсужденіямъ о вышеупомянутыхъ произведеніяхъ; они охотно выслушиваютъ совѣты, умоляютъ не щадить ихъ и быть съ ними по возможности искреннѣе; все это, разумѣется, нисколько не мѣшаетъ имъ окрысиваться и питать въ душѣ непримиримую вражду къ тѣмъ наивнымъ существамъ, которыя произносятъ искреннія сужденія.

Не знаю, извѣстны ли были всѣ эти подробности Аполлону Егоровичу, но онъ поспѣшилъ изъявить свое удивленіе въ необычайной даровитости автора „Заоблачныхъ Трелей", и съ этой минуты сердце вертляваго поэта переполнилось живѣйшей симпатіей къ „Непризнанной Индѣйкѣ", которая, по словамъ его, должна была стоять на ряду съ лучшими произведеніями нашего времени.

— Я отчасти согласенъ съ вами, скромно отвѣчалъ Дрянковъ,—и по тому самому мнѣ хотѣлось бы прочесть ее нынче передъ многочисленнымъ собраніемъ...

— Ахъ, какъ было бы это хорошо! Съ какимъ наслажденіемъ прослушалъ бы я ее еще разъ!... Но, къ несчастью, мы, вѣрно, лишимся этого удовольствія: сейчасъ начнетъ читать Клавдія Ильинична, а за нею—я это навѣрное знаю—Куликовъ прочтетъ свое посланіе „Къ за̀мку на Воробьевыхъ горахъ"—геніальная вещь! Да, впрочемъ, и головушка-то геніальная. Посмотрите, посмотрите, вотъ онъ! сказалъ нѣжный поэтъ съ какою-то дикою восторженностью, которая, во всякомъ случаѣ, была оригинальнѣе его „Заоблачныхъ Трелей".

Дрянковъ взглянулъ по направленію, куда указывали умильные глазки собесѣдника, и увидѣлъ, неподалеку отъ голубого дивана, Леокадія Куликова, который, запустивъ правую руку за жилетъ и наклонивъ голову, сидѣлъ въ мрачномъ раздумьи.

— Скажите, пожалуйста, кто эта дама, которая сидитъ подлѣ Клавдіи Ильиничны? спросилъ Аполлонъ Егоровичъ, кивая на посаженую мать.

— Не-уже-ли вы ее не знаете? Марья Ивановна Валдайская, геніальнѣйшая женщина, авторъ „Симфоній“ и редакторъ извѣстнаго „Дѣтскаго Альманаха“, гдѣ помѣщена „послѣдняя пѣснь лебедя“...

— А тотъ старичокъ, что̀ сидитъ подлѣ Тирсиса Иваныча?

— Ахъ, удивительный, необыкновенный старичокъ! восторженно отвѣчалъ поэтъ. — Это отецъ Клавдіи Ильиничны...

Но едва Дрянковъ получилъ это объясненіе, какъ старикъ быстро вскочилъ съ своего мѣста и захлопалъ въ ладоши.

— Шт! шт! господа! messieurs! „Пѣснь лебедя“ въ рукописи! „послѣдняя пѣснь нашего лебедя“! прошу покорнѣйше слушать! закричалъ онъ, бросаясь со всѣхъ ногъ въ кресла, размахивая руками и впиваясь глазами въ Клавдію Ильиничну, которая, между тѣмъ, медленно приподымалась съ тетрадкою въ рукахъ.

— Шт! шт! послышалось во всѣхъ концахъ гостиной.

— Шт! шт! подхватили задніе ряды.

— Шт! повторилъ какой-то непомѣрно толстый господинъ, находившійся подлѣ возвышенія.

При этомъ онъ повернулъ круглое лицо свое, украшенное кудрями сѣдоватыхъ волосъ.

Такъ какъ лицо это принадлежало одному изъ тѣхъ колоссовъ, которые вытѣсняли всѣхъ своими спинами, то Дрянковъ обратился съ разспросами къ нѣжному собесѣднику.

— Не-уже-ли вы его не знаете? возразилъ тотъ шопотомъ,—Торкватъ Армениновъ... одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ поэтовъ—геніальная голова! авторъ „Опытовъ“, „Опытовъ юной музы“, „Опытовъ воркованій юнаго голубка“—страшный талантъ!

— Но скажите, пожалуйста, отчего же онъ пишетъ одни „Опыты“? спросилъ едва внятно Дрянковъ.—Онъ, кажется, уже человѣкъ немолодой...

— А въ томъ-то и штука: онъ этимъ способомъ надулъ всѣхъ критиковъ, которые, какъ вамъ извѣстно, преслѣдуютъ съ закоснѣлою злобою поэтовъ. Критики убѣждены, что Торкватъ Армениновъ молодой человѣкъ, только что выступающій на литературное поприще, и потому отзы-

ваются о немъ съ величайшимъ снисхожденіемъ... „Опыты“, поощряемые такимъ образомъ всѣми журналами, расходятся въ страшномъ количествѣ... я вамъ говорю: геніальная головушка! Да чего же лучше, посмотрите, какъ она сформирована: вы отсюда можете видѣть его лобъ... взгляните, взгляните, вотъ отсюда вамъ будетъ удобнѣе—каковъ лобъ, а?..

— Да, дѣйствительно, лобъ очень замѣчательный, пробормоталъ Аполлонъ Егоровичъ.

Начало чтенія „послѣдней пѣсни лебедя“ прекратило бесѣду; нѣжный поэтъ обратился весь въ слухъ и зрѣніе; что же ка́сается до Дрянкова, то онъ навелъ въ уголъ глаза на Шишкина и Пендрина, которые продолжали сидѣть на своихъ креслахъ, перекидываясь время отъ времени отрывчатыми фразами.

— Я ничего не читаю! говорилъ поэтъ Пендринъ, потирая переносицу.

— И прекрасно дѣлаешь, отвѣчалъ тѣмъ же тономъ нувеллистъ Шишкинъ, потирая желудокъ.

Послѣдовало молчаніе.

— Въ настоящее время рѣшительно ничего невозможно читать, продолжалъ Пендринъ.

— Я совершенно раздѣляю такое мнѣніе, отвѣчалъ Шишкинъ.

Послѣдовало молчаніе.

— Было время, началъ поэтъ Пендринъ, — являлись у насъ замѣчательныя произведенія людей съ истиннымъ талантомъ, писали тѣ, другіе, писалъ и ты, я все читалъ тогда; было, братецъ, что̀ и читать... но вѣдь ты ужъ не пишешь?..

— Нѣтъ...

— Ну, я ничего не читаю: все дрянь и не сто̀итъ вниманія...

Послѣдовало продолжительное молчаніе.

— Я въ точно такомъ же положеніи, шепнулъ нувеллистъ Шишкинъ,—былъ у насъ Пушкинъ, Лермонтовъ, ты писалъ, я съ жадностью пожиралъ ваши стихи... но вѣдь ты ужъ ничего не пишешь?..

— Нѣтъ, отвѣчалъ Пендринъ.

— Ну! я ничего и не читаю: все дрянь, не сто̀итъ вниманія—бездарность! отвѣчалъ Шишкинъ.

Громкій взрывъ рукоплесканій обратилъ вниманіе Аполлона Егоровича на ту часть гостиной, гдѣ происходило чтеніе.

— Нѣтъ, я не могу, я не въ силахъ! это дѣйствуетъ на мои нервы! геніально! я не въ состояніи! я не могу выдержать! верхъ совершенства! кричалъ отрывчатымъ голосомъ отецъ Клавдіи Ильиничны, кувыркаясь въ своихъ креслахъ, конвульсивно потряхивая головой и дергая съ какимъ-то энтузіазмомъ кончики своего жабо.

— Превосходно! превосходно! раздалось въ толпѣ.

— Неподражаемо! воскликнулъ Тирсисъ Ивановичъ, цѣлуя съ восторгомъ женину руку. (Другая рука великаго поэта покоилась между ладонями Валдайской, знаменитаго редактора „Дѣтскаго Альманаха").

— Неподражаемо! неподражаемо! я просто не въ состояніи! верхъ совершенства! это дѣйствуетъ на мои нервы! кричалъ отецъ Ястребиловой, между тѣмъ какъ сама Клавдія Ильинична торжественно обводила общество лезвіемъ своего орлинаго носа.

Внезапно Марья Ивановна Валдайская выпустила руку великаго поэта, приложила батистовый платокъ къ глазамъ своимъ и исчезла въ сосѣднія двери.

— Кажется, этой дамѣ... какъ бишь ее... редактору альманаха, сдѣлалось дурно... произнесъ Дрянковъ, наклоняясь къ автору „Заоблачныхъ Трелей", который посылалъ нѣжныя улыбки издателю „Лермонтовской Шпоры", стоявшему въ отдаленьи.

— Кто? она, Валдайская? нѣтъ, ничего; она удалилась въ сосѣднюю комнату, чтобъ высказать въ звучныхъ, прекрасныхъ стихахъ впечатлѣнія, произведенныя на нее чтеніемъ Клавдіи Ильиничны... Всякій разъ, когда читаютъ Ястребиловы, она даритъ насъ своими геніальными экспромптами... увидите... Черезъ часъ какой-нибудь, какъ только кончится чтеніе „Лебедя", она вернется съ безподобными стихами. Страшный талантъ! проговорилъ вертлявый поэтъ, пожимая руку Дрянкова.

Вертлявый поэтъ говорилъ сущую правду. Какъ только голосъ Клавдіи Ильиничны замолкъ посреди грома рукоплесканій, въ гостиной показалась Марья Ивановна Валдайская; въ рукахъ ея находился листъ бумаги, исписанный со всѣхъ четырехъ сторонъ.

Мало-по-малу Аполлонъ Егоровичъ пришелъ къ тому печальному заключенію, что слѣдовало отложить всякую надежду прочесть въ этотъ вечеръ „Непризнанную Индѣйку", и потому принялся внимательно наблюдать физіономію Леокадія Куликова, который съ той самой ми-

нуты, какъ началось чтеніе экспромпта, не переставалъ хмурить брови, глядѣть на часы и обнаруживать всѣ признаки самаго глубокаго отчаянія.

Новый взрывъ рукоплесканій.

Геніальный отецъ Клавдіи Ильиничны вставалъ съ своего мѣста и объявлялъ, что чтеніе неподражаемаго экспромпта подѣйствовало сильнѣйшимъ образомъ на его нервы; затѣмъ онъ раскланялся и началъ прочищать себѣ дорогу въ толпѣ, которая тѣснилась къ дверямъ.

— А вотъ и очередь Куликова! посмотрите, посмотрите, мсьё Дрянковъ: вотъ онъ приподнялся съ своего мѣста. Эхъ, славная головушка! Взгляните на него, взгляните! Но куда же это всѣ идутъ? Что̀ же это такое? Надѣюсь, мсьё Дрянковъ, вы останетесь слушать „Посланіе къ за́мку на Воробьевыхъ горахъ“? говорилъ вертлявый поэтъ, схватывая за руку собесѣдника и порываясь внизъ.

Дрянковъ не сдѣлалъ никакого возраженія: его молчаніе служило несомнѣннымъ знакомъ полнѣйшаго согласія.

— Извините меня, заговорилъ нувеллистъ Шишкинъ, вставая неожиданно съ креселъ и притрогиваясь къ рукѣ вертляваго поэта, — вы часто бываете у Ястребиловыхъ?

— Я не пропускаю ни одного литературнаго вечера, восторженно отвѣчалъ поэтъ.

— Скажите, пожалуйста, что здѣсь... ужинаютъ? подхватилъ Шишкинъ.

— Нѣтъ-съ, никогда; помилуйте, до того ли!.. Ахъ, Боже мой, отчего же всѣ уходятъ?.. какая досада!.. Мсьё Дрянковъ, посмотрите, посмотрите, какъ вдругъ поблѣднѣлъ Куликовъ, что̀ съ нимъ? Пойдемте поскорѣе къ нему, заключилъ скороговоркою авторъ „Заоблачныхъ Трелей“, бросаясь въ толпу.

Но Аполлонъ Егоровичъ остался на нижней ступени возвышенія, и это дало ему возможность явственно разслышать, какъ нувеллистъ Шишкинъ сказалъ поэту Пендрину:

— Знаешь, братецъ, съ этими литературными вечерами такъ отощаешь, что тебя скоро отецъ родной не узнаетъ!..

— Я совершенно согласенъ съ тобою, отвѣчалъ Пендринъ, потирая переносицу.

Аполлонъ Егоровичъ раздѣлялъ точно такъ же это мнѣніе; и такъ какъ оба писателя направились къ двери, то онъ послѣдовалъ ихъ примѣру, не встрѣтивъ на этотъ разъ ни малѣйшаго препятствія со стороны толстыхъ спинъ.

Вступивъ въ сосѣднюю комнату, Аполлонъ Егоровичъ направился прямо къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ свою шляпу. Но каковъ былъ его ужасъ, когда, вмѣсто новой шляпы, увидѣлъ онъ расплюснутый, неуклюжій картузъ, который могъ только помѣститься на исполинской головѣ Торквата Арменинова!

Этимъ кончился литературный вечеръ и вмѣстѣ съ нимъ столичныя похожденія „Непризнанной Индѣйки".

III.

Судьба сталкиваетъ два нѣжныя сердца, созданныя одно для другого. Порфирій Павловичъ знакомится съ однимъ гостепріимнымъ семействомъ и наслаждается истиннымъ счастіемъ.

А между тѣмъ много утекло воды въ первомъ нумерѣ аристократической гостиницы, которую продолжаетъ украшать своимъ присутствіемъ великій человѣкъ изъ Горшкова. Были происшествія всякаго рода, но всѣ эти происшествія, каково бы ни было ихъ значеніе въ этой правдивой исторіи, должны непремѣнно блѣднѣть и меркнуть передъ однимъ событіемъ, главнымъ актеромъ котораго былъ, однакожъ, не Балахновъ, а сердобольный другъ его, Порфирій Павловичъ. Дѣло вотъ въ чемъ: гастрономическія увеселенія, которымъ предавался Васильковъ со всею неумѣренностью пылкаго темперамента, расшатали его нѣжную натуру, развинтили его члены и свернули его на-бокъ. Вотъ ужъ третьи сутки, какъ Порфирій Павловичъ не встаетъ съ своего дивана, наполняя одну изъ комнатъ перваго нумера болѣзненными стонами.

Обстоятельство это, конечно, не имѣетъ само по себѣ большой важности; но если принять въ соображеніе гибельное дѣйствіе, какое могли произвести на непривычный желудокъ частыя возліянія лампопо̀, безпрерывные тосты въ честь Аристарха Ѳедоровича, порціи жирнаго поросенка съ тертымъ хрѣномъ (любимое блюдо Василькова), если принять въ соображеніе непрерывный рядъ бѣлыхъ ночей, проведенныхъ Порфиріемъ Павловичемъ посреди удовольствій, столько же разнообразныхъ, сколько и одуряющихъ—невольно придешь въ справедливое изумленіе передъ тѣмъ, какъ могъ еще Порфирій Павловичъ не сойти въ преждевременную могилу, и какъ, вообще, что ни говорятъ, крѣпка и могуча человѣческая природа.

Совсѣмъ противнаго мнѣнія былъ на этотъ счетъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

Съ той минуты, какъ физическіе недуги пригвоздили Василькова къ дивану, Балахновъ не переставалъ подтрунивать надъ его слабостью, называлъ его бабой и многими другими эпитетами игриво-юмористическаго характера.

— Стыдись, братецъ, сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, входя на третье утро въ комнату больного и садясь въ кресло, подлѣ его изголовья, — стыдись, любезный, какъ тебѣ не совѣстно сокрушаться духомъ отъ такой бездѣлицы!.. Засорилъ желудокъ — вотъ и все тутъ; съ кѣмъ этого не случается!.. Небось не умрешь!.. Вотъ другое дѣло, если бъ ты, напримѣръ, сломалъ себѣ ногу, или карета проѣхала бы по твоему тѣлу... ну, я, конечно, ничего бы не сказалъ тогда... а это вздоръ, пустяки!..

— Меня, Аристархъ Ѳедоровичъ, не столько сокрушаетъ болѣзнь, сколько мысль объ этой несчастной встрѣчѣ съ Фанагоріей Петровной, отвѣчалъ Васильковъ печально-разстроеннымъ тономъ. — Охъ! я былъ тогда въ такомъ видѣ... все, все это случилось въ Петровскомъ паркѣ... теперь весь уѣздъ узнаетъ... станутъ говорить Богъ знаетъ что... надо смотрѣть съ точки, Аристархъ Ѳедорычъ... Это ужасно!..

— Ты опять за свои пустяки, любезнѣйшій! Во-первыхъ, говорить ничего не будутъ, потому что всякій знаетъ, что ты со мной; довольно, надѣюсь, моего присутствія, чтобъ оградить и предохранить тебя отъ дурныхъ предположеній, могущихъ произойти въ противномъ случаѣ, сказалъ съ достоинствомъ Балахновъ, — а во-вторыхъ, если бъ даже и стали болтать о тебѣ всякій вздоръ, что жъ изъ этого? „На чужой ротокъ не накинешь платокъ“, говоритъ мудрая пословица славныхъ нашихъ прадѣдовъ. Взводятъ небылицы и не на такихъ, братецъ, тузовъ, какъ ты... Огорчаюсь ли я, напримѣръ, сплетнями уѣзда? Пускай судятъ, рядятъ и толкуютъ — все это вздоръ! Человѣкъ долженъ только страшиться суда собственной своей совѣсти, примолвилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, выпрямляя грудь и горделиво поднимая голову. — Твоя совѣсть чиста... чиста ли твоя совѣсть? заключилъ онъ, строго взглянувъ на больного.

— Кажется, я ничего не сдѣлалъ такого... пробормоталъ Васильковъ, испуская глубокій вздохъ.

— А когда такъ, стало-быть, и сокрушаться нечего. Мой совѣтъ: выбрось всю эту дурь изъ головы и пошли, какъ я еще вчера говорилъ, за докторомъ.

— За докторомъ? Нѣтъ, Аристархъ Ѳедорычъ, ни за что на свѣтѣ! воскликнулъ Васильковъ, придавая своимъ испуганнымъ глазамъ неслыханные размѣры.

— Это что еще?..

— Ни за что на свѣтѣ!.. повторилъ Васильковъ, прикутываясь халатомъ.

— Ты, братецъ, попросту, кажется, рехнулся, сказалъ Балахновъ, разсѣянно всматриваясь въ кончики своихъ сапогъ.

— Нѣтъ, Аристархъ Ѳедорычъ, клянусь! Надо смотрѣть съ точки на тотъ предметъ, простоналъ Порфирій Павловичъ,—посудите сами: придетъ незнакомый, чужой человѣкъ, безъ всякаго участія, пропишетъ рецептъ... какое ему до меня дѣло? Охъ! я охотно лѣчился въ Горшковѣ у Карла Готлибовича... тотъ пріятель... и я его знаю, и онъ меня знаетъ... это совсѣмъ другое дѣло: довѣренность, дружба... вы сами знаете, для больного это всего дороже...

— Ха, ха, ха! Нѣтъ, какъ я вижу, ты того... повихнулся, любезнѣйшій! А впрочемъ, слушать тебя нечего... Эй, Сидоръ! крикнулъ Балахновъ, поворачиваясь къ двери. — Сидоръ, продолжалъ онъ, когда явился камердинеръ, — ступай и отыщи сейчасъ же доктора. Болѣзнь Порфирія Павловича совсѣмъ не такъ опасна, чтобъ нужны были столичные медики; спроси просто доктора; здѣсь, я полагаю, всякій знаетъ... А ты, любезный, выбрось эту дурь изъ головы, примолвилъ онъ, поворачиваясь къ Василькову, лицо котораго сохранило такое выраженіе, какъ будто готовились произвести надъ нимъ самую трудную операцію. — Стыдись быть столь слабодушнымъ! Надѣюсь увидѣть тебя къ вечеру бодрымъ душой и тѣломъ, толстымъ, румянымъ и совершенно здоровымъ... Теперь, покуда, прощай, любезный; у меня сегодня кой-какія дѣла, заключилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, поспѣшно направляясь къ двери.

Оставшись наединѣ, Порфирій Павловичъ испустилъ протяжный вздохъ и окинулъ комнату глазами, выражавшими безотрадную грусть.

Равнодушіе, съ какимъ говорилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, его насмѣшки, невниманіе—все это ложилось тяжелымъ бременемъ на чувствительную душу нѣжнаго Порфирія Пав-

ловича. Того ли слѣдовало ожидать отъ друга? Принимая въ соображеніе собственныя свои чувства и обсуждая здраво и ясно, какъ сталъ бы онъ дѣйствовать въ случаѣ, если бъ Балахновъ очутился на его мѣстѣ, Васильковъ имѣлъ полное право огорчиться при мысли, что Аристархъ Ѳедоровичъ не просиживалъ ночей у его изголовья, не утѣшалъ его, не обнаруживалъ передъ нимъ каждый часъ, каждую минуту знаковъ трогательнаго, дружескаго участія, что̀ въ настоящую минуту было бы для Василькова дѣйствительнѣе всякихъ микстуръ, примочекъ и катаплазмовъ. „Дружба познается въ несчастіи". Изреченіе это, забытое Васильковымъ вскорѣ послѣ того, какъ онъ пересталъ упражняться прописями, ярко отразилось теперь въ мозгу его и частью разъяснило передъ нимъ настоящую причину равнодушія Балахнова. Мысли, одна другой печальнѣе, зароились въ головѣ его, тяжело опущенной на пеструю подушку. Все, впрочемъ, къ тому способствовало: невозмутимая тишина царствовала въ нумерѣ (Сидоръ исчезалъ всякій разъ, какъ уѣзжалъ Аристархъ Ѳедоровичъ; Дрянковъ пропадалъ по цѣлымъ суткамъ съ тѣхъ поръ, какъ вышла въ свѣтъ его повѣсть), наружность самой комнаты, въ которой всѣ украшенія замѣнялись коленкоровою шторой, изображавшей два дерева, раздѣленныя лиловымъ ручьемъ, и выведенная на этой шторѣ надпись:

„Ручей два древа раздѣляетъ;
Но вѣтви ихъ..." и т. д.

конечно, могли только раздражать въ настоящемъ случаѣ Василькова, точно такъ же, какъ надпись на зеленой oберткѣ „Непризнанной Индѣйки", лежавшей передъ нимъ на столикѣ, вмѣстѣ съ огаркомъ, переломленными щипцами и пустымъ кошелькомъ. „Другу и благопріятелю, П. П. Василькову, въ изъявленіе глубокаго сочувствія, наполняющаго душу автора", гласилъ Аполлонъ Егоровичъ, не показавшій со всѣмъ тѣмъ Василькову кончика своего носа съ той самой поры, какъ занялъ у него денегъ, и очевидно—теперь ужъ это ясно—смѣявшійся въ душѣ надъ чувствами дружбы.

Такъ размышлялъ Порфирій Павловичъ, какъ вдругъ въ дверяхъ появился Сидоръ.

— Порфирій Павловичъ, сказалъ онъ,—дохтуръ дожидается въ гостиной.

Меланхолическое лицо Василькова приняло внезапно

такое страшное выраженіе, что Сидоръ выюркнулъ изъ двери и побѣжалъ за докторомъ, питая въ душѣ увѣренность, что если больному нужна помощь, такъ, разумѣется, въ настоящую минуту.

Когда докторъ вошелъ въ комнату, больной лежалъ пластомъ, закутанный герметически со всѣхъ сторонъ халатомъ.

— Подними, милый мой, штору, сказалъ докторъ, обращаясь къ Сидору.

Слова эти произнесены были такимъ нѣжнымъ, можно даже сказать, чувствительно-трогательнымъ голосомъ, что Порфирій Павловичъ невольно раскрылъ правый глазъ и приложилъ его къ одной изъ халатныхъ щелей. Мало-помалу, лѣвый глазъ его послѣдовалъ примѣру своего товарища, и вскорѣ вся голова Порфирія Павловича вынырнула изъ-подъ халата.

— Какъ вы себя чувствуете? спросилъ докторъ, приближаясь къ паціенту и устремляя на него меланхолическій взоръ.

— Очень хорошо, докторъ, клянусь, какъ честный человѣкъ! отвѣчалъ Васильковъ, успокоенный нѣсколько наружностью врача.

Наружность врача была въ самомъ дѣлѣ такова, что сразу дѣйствовала самымъ успокоительнымъ образомъ на больного и даже пробуждала въ немъ самыя пріятныя чувства. Представьте себѣ молодого человѣка, лѣтъ тридцати, средняго роста, съ синими глазами томнаго свойства и бѣлымъ, полнымъ лицомъ. Бѣлокурые, плоскіе, тщательно приглаженные волосы спускались двумя неправильными полукругами вдоль пуховыхъ его щекъ, украшенныхъ рыжеватыми бакенбардами, которыя, очевидно, должны были закутываться на каждую ночь носовымъ платкомъ и умасливаться каждое утро душистымъ фиксатуаромъ, чтобъ сохранить свой лоскъ и изящную форму. Одежда доктора показывала въ немъ человѣка высокоцѣнившаго дарованную ему природою красоту и умѣвшаго извлекать изъ каждой туалетной принадлежности такія выгоды, которыя выставляли эту красоту въ самомъ рельефномъ видѣ.

— Хотя я лѣчу однѣхъ дамъ... это моя спеціальность, пролепеталъ медикъ такимъ сладкимъ голосомъ, какъ-будто выпрашивалъ взаймы денегъ, — но мнѣ было бы весьма пріятно, если бъ всѣ мужчины удостоивали меня

точно такъ же своею довѣренностью. Надѣюсь, моя наружность не внушаетъ вамъ никакого опасенія, примолвилъ онъ, медленно приподнимая томные глаза на паціента.

— Помилуйте, докторъ, совершенно напротивъ! произнесъ Васильковъ, между тѣмъ какъ медикъ вынималъ изъ кармана черепаховый гребешокъ, на поверхности котораго вдѣлано было маленькое зеркальце.

— Мнѣ весьма пріятно слышать это, проговорилъ женоподобный врачъ, бросая привѣтливую улыбку на зеркальце, — очень даже пріятно это слышать. Въ нашемъ званіи наружность имѣетъ... имѣетъ большое значеніе. Первое впечатлѣніе больного, при взглядѣ на доктора, рождаетъ тотчасъ же симпатію или антипатію, и черезъ то самое ускоряется или замедляется ходъ болѣзни... это ужъ невольно. Я сужу по опыту: всѣ дамы, которыхъ я имѣлъ счастіе пользовать, при моемъ появленіи падали въ обморокъ, но потомъ, при первомъ взглядѣ—все это тотчасъ же проходило; онѣ охотно протягивали мнѣ свои руки...

Сказавъ это, докторъ положилъ въ карманъ зеркальце, пощупалъ Василькову пульсъ, поглядѣлъ на его языкъ и объявилъ, что нѣтъ никакой опасности, что надо стараться, по возможности, болѣе развлекать себя, ибо главная причина болѣзни происходитъ не столько отъ физическаго разстройства, сколько отъ сильнаго душевнаго потрясенія, имѣвшаго прямое дѣйствіе на сердце.

— Можетъ-быть, другіе прописали бы вамъ микстуры или посадили бы васъ на строгую діэту; но я считаю это совершенно лишнимъ въ настоящемъ случаѣ, прибавилъ мелодически докторъ,—главное: старайтесь окружить себя людьми, которые вамъ особенно милы или дòроги: общество искреннихъ друзей...

Васильковъ испустилъ протяжный вздохъ.

— Если у васъ нѣтъ здѣсь такихъ людей, поспѣшно подхватилъ докторъ, взявъ руку больного и выразивъ на лицѣ своемъ трогательное участіе,—ищите развлеченій. Я полагаю, что дамское общество... или, напримѣръ, прогулка по Петровскому парку, или вечеръ, пріятно проведенный въ театрѣ, принесли бы вамъ несомнѣнную пользу.

— Ахъ, докторъ! воскликнулъ Порфирій Павловичъ, пожимая съ горячностью его руку,—я чувствую, что отъ

однихъ словъ вашихъ мнѣ ужъ дѣлается легче! Да, вы изволили совершенно справедливо замѣтить: мнѣ именно грустно, такъ, знаете, тоска какая-то, уныніе... кругомъ ни одного человѣка, ни одного добраго пріятеля... Извините докторъ, если я осмѣлюсь спросить ваше имя и отчество... я такъ радъ, право...

— Аполлинарій Ильичъ Миловзоровъ, отвѣчалъ докторъ пріятнымъ голосомъ.

— Какъ, можетъ ли быть, Миловзоровъ? Ахъ, Боже мой, какой счастливый случай!.. Вѣдь я, Аполлинарій Ильичъ, знаю вашихъ сестрицъ: мы познакомились въ нашемъ уѣздномъ городѣ Горшковѣ... такъ точно, онѣ говорили мнѣ, что у нихъ есть братецъ, докторъ въ Москвѣ! воскликнулъ Васильковъ, восторженно хлопая глазами.

— Такъ это вы изволили съ ними встрѣтиться? пролепеталъ Миловзоровъ, бросая привѣтливую улыбку.

— Какъ! неужели онѣ писали вамъ о нашей встрѣчѣ? вскричалъ Васильковъ, обуреваемый порывами душевнаго восторга.

— Писали и даже очень много-съ. Вы были, кажется, столь обязательны, что купили имъ лошадокъ?..

— О, помилуйте, что-жъ это такое!.. Это, это... это, Аполлинарій Ильичъ, такая ничтожная услуга! Я почитаю себя счастливымъ уже тѣмъ, что удалось хоть чѣмъ-нибудь доказать свою... свою преданность, перебилъ Васильковъ, подпрыгивая на диванѣ.

— Съ ними, долженъ я вамъ сказать, случилась послѣ того маленькая непріятность, меланхолически произнесъ Миловзоровъ.

— Ахъ, Боже мой! что такое? спросилъ Васильковъ, обнаруживая неподдѣльное участіе въ каждой чертѣ своего лица.

— Представьте, онѣ не могли доѣхать до дома: лошади эти околѣли на дорогѣ, такъ что сестры принуждены были купить другихъ...

— Что жъ это такое? Я, просто, не понимаю, краснѣя, произнесъ Порфирій Павловичъ, при чемъ физіономія его выразила несомнѣнные признаки глубочайшей скорби и досады. — А, впрочемъ, прибавилъ онъ, поправляя свои волосяныя волюты,—я хорошо знаю эту статью и глядѣлъ тогда во всѣ глаза... я, кажется, никакъ не могъ ошибиться, потому что въ то время, какъ полкъ нашъ стоялъ на травяномъ продовольствіи, я исправлялъ должность

ремонтера, и лошади были у меня всегда отличныя... Вѣрно, кучеръ вашихъ сестрицъ, или что-нибудь такое... во всякомъ случаѣ, мнѣ весьма больно слышать это. Надѣюсь, ваши сестрицы не сердятся... я не виноватъ, клянусь вамъ, не виноватъ!

Миловзоровъ поспѣшилъ успокоить Василькова, сказавъ ему при этомъ, что сестры не только не сердятся, но даже съ восхищеніемъ припоминаютъ горшковскую встрѣчу. Такое извѣстіе, какъ и слѣдовало ожидать, подѣйствовало на Порфирія Павловича самымъ благопріятнымъ образомъ; онъ объявилъ, въ свою очередь, что никогда, до гробовой доски, не забудетъ горшковской ярмарки, доставившей ему случай познакомиться съ милыми и любезными сестрицами Аполлинарія Ильича.

Такія объясненія должны были завязать между докторомъ и паціентомъ пріятную бесѣду. Черезъ полчаса Миловзорову извѣстно уже было во всѣхъ подробностяхъ несчастное сусловское происшествіе, и онъ убѣдился, разъ навсегда, что вѣрно угадалъ болѣзнь Василькова, приписавъ главное основаніе ея не столько причинамъ физическимъ, сколько душевнымъ потрясеніямъ, имѣвшимъ прямое дѣйствіе на сердце. Впослѣдствіи Миловзоровъ любилъ приводить этотъ фактъ, какъ несомнѣнный признакъ своей проницательности.

Затѣмъ Аполлинарій Ильичъ сообщилъ своему паціенту весьма много любопытнаго о самомъ себѣ, сказалъ, что онъ точно такъ же женатъ, что жена его—настоящій ангелъ, а тесть и теща — честнѣйшіе и добрѣйшіе люди, какіе когда-либо существовали на свѣтѣ. Тесть и теща (которыхъ Миловзоровъ называлъ „боперчикъ“ и „бельмерочка“) пользовались превосходнымъ состояніемъ, доставшимся имъ отъ покойнаго отца, торговавшаго бронзой, старымъ фарфоромъ, картинами и драгоцѣнною древнею мебелью. Послѣ этого Миловзоровъ почелъ не лишнимъ объяснить паціенту, почему, при огромномъ состояніи тестя и тещи, занимается онъ практикой. Изъ словъ его оказалось, что практика была ему столько же полезна, сколько необходима; съ точки зрѣнія пользы—она доставляла ему развлеченіе; необходима была она потому именно, что доставляла случай отучать жену отъ неумѣстной ревности. Миловзорова была страшно ревнива, не давала мужу ступить шага, преслѣдовала его всюду и настоятельно требовала, чтобъ мужъ ни подъ какимъ предло-

гомъ не лѣчилъ дамъ. Аполлинарій Ильичъ, конечно, не былъ виноватъ въ томъ, что природа даровала ему красоту; не виноватъ былъ онъ также и въ томъ, что страждущія дамы посылали преимущественно за нимъ...

Порфирій Павловичъ не находилъ въ душѣ своей ничего такого, что̀ могло бы противорѣчить мнѣнію дамъ въ отношеніи къ милому доктору. Онъ былъ отъ него въ восхищеніи; мало того: на другое утро, когда Аполлинарій Ильичъ явился въ его комнату, онъ объявилъ, что готовъ пролежать цѣлый годъ въ постели, лишь бы пользоваться постоянно обществомъ такого медика. Общество самого Порфирія Павловича, слѣдуетъ предполагать, доставляло такое же точно наслажденіе Миловзорову. Онъ являлся аккуратно каждое утро, просиживалъ цѣлые часы сряду и, смотрясь въ зеркальце, повѣствовалъ разныя занимательныя исторіи, пересыпанныя безчисленнымъ множествомъ фактовъ, изъ которыхъ каждый доказывалъ неоспоримымъ образомъ, что наружность его играла всегда самую важную роль въ удачныхъ его лѣченіяхъ...

Должно отнести, однакожъ, къ чести Миловзорова, что главный предметъ интересныхъ исторій составляли все-таки его жена, тесть и теща. Мало-по-малу, передъ Васильковымъ раскрылась панорама такого семейнаго счастья, что сердце его замирало отъ сладостнаго трепета. Изъ дальнѣйшихъ источниковъ, дошедшихъ до насъ чрезъ Порфирія Павловича, узнаемъ мы, что Андрей Андреевичъ Бычковъ (тесть Миловзорова) и Марья Кузьминична Бычкова (теща) были въ самомъ дѣлѣ достойны того, чтобы зять превозносилъ ихъ до небесъ. Доброта тестя и тещи явствуетъ изъ слѣдующихъ двухъ фактовъ: 1) до женитьбы своей, Аполлинарій Ильичъ былъ не что иное, какъ бѣдный студентъ медицинскаго факультета, приходившій давать уроки русскаго языка купеческой дочкѣ. Слѣдуя неизбѣжному ро̀ку, Бычкова почувствовала вдругъ непреодолимое влеченіе къ Миловзорову. Непреодолимое влеченіе, само собою разумѣется, должно было обратиться въ непреоборимую страсть. Дочка упала въ ноги къ отцу и матери, заливаясь слезами; отецъ и мать взглянули на дочь, потомъ на Миловзорова, который плакалъ въ углу, потомъ сами зарыдали, потомъ слезы всѣхъ четверыхъ смѣшались въ одинъ общій потокъ, и потомъ, не взирая на то, что все богатство молодого человѣка заключалось въ однѣхъ бакенбардахъ, назвали его своимъ сыномъ.

Пораженные умомъ, способностями, ученостью и красотою зятя, тесть и теща ежечасно благодарили судьбу, даровавшую ихъ дочкѣ такого феникса. Дочка, съ своей стороны, была также очень счастлива, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда Аполлинарій объявлялъ, что, такъ-какъ непредвидѣнныя обстоятельства поглотили деньги, выданныя тестемъ на мѣсячные расходы, то ему необходимо будетъ прибѣгнуть къ практикѣ, спеціальность которой заключалась, какъ уже извѣстно, въ лѣченіи страждущихъ дамъ; жена спѣшила снабжать его требуемою суммой и этимъ способомъ всегда возвращала мужа къ домашнему очагу. 2) Значительный проигрышъ въ карты, сдѣланный Миловзоровымъ въ первый годъ его супружества, нисколько не унизилъ его во мнѣніи тестя и тещи. Пораженные сначала этимъ извѣстіемъ, старики вошли въ комнату зятя съ твердымъ намѣреніемъ прочесть ему наставленіе; но, увидѣвъ слезы на щекахъ его, тотчасъ же упали духомъ, прослезились сами, и тутъ же обѣщали забыть прошлое и ни въ какомъ случаѣ даже не упоминать о немъ.

Слушая все это, Порфирій Павловичъ умилялся душою; послѣ всего этого было бы дико съ его стороны—именно дико и даже нелѣпо—не чувствовать сильной потребности сойтись, сдружиться и сблизиться съ почтеннымъ семействомъ Миловзорова.

Случай не замедлилъ представиться... Здѣсь не мѣсто входить въ ученыя изслѣдованія, защищать или оспаривать многочисленныя медицинскія теоріи, или вдаваться въ умозрительныя разсужденія насчетъ того, производитъ ли дѣйствительно наружность медика болѣе или менѣе благодѣтельное вліяніе на разстроенный организмъ паціента; къ тому же намъ нѣтъ до этого ровно никакого дѣла; обязанность наша состоитъ исключительно въ томъ, чтобъ выставлять одни факты и результаты; а результатъ былъ такого рода, что Миловзоровъ поставилъ Василькова на ноги въ самомъ скоромъ времени, и не далѣе какъ недѣли чрезъ три явился съ нимъ въ театрѣ.

Тутъ только увидѣлъ Порфирій Павловичъ, какъ могущественна была въ самомъ дѣлѣ красивая наружность медика-друга. Слѣдя внимательно за дамскими биноклями, онъ убѣдился, что они преимущественно маневрировали вокругъ лоснящихся бакенбардъ Миловзорова. Порфирій Павловичъ пригладилъ собственныя свои бакенбарды и

испустилъ глубокій вздохъ. Причина такого вздоха заключалась въ томъ, что въ душѣ его, вслѣдствіе естественнаго сцѣпленія идей, пробужденныхъ внѣшними предметами, возникло глубокое сожалѣніе насчетъ того, зачѣмъ онъ въ свое время не избралъ карьеры медицинской; такія безотрадныя размышленія, конечно, не мѣшали ему вращать глазами по направленію каждаго хорошенькаго личика. Одно лицо, глядѣвшее изъ бенуара, особенно поразило его: оно составляло неотъемлемую принадлежность молоденькой женщины, въ голубомъ, кисейномъ тòкѣ съ серебряными кисточками; дама, казалось, была въ большомъ волненіи: полная грудь ея вздымалась сильнѣйшимъ образомъ и глаза впивались, какъ стрѣлы, въ бакенбарды Миловзорова, который обводилъ между тѣмъ томнымъ взоромъ другія ложи. Сердобольный Порфирій Павловичъ почелъ своею обязанностью обратить вниманіе Аполлинарія Ильича на бенуаръ.

— Это жена моя... нѣжно пролепеталъ Миловзоровъ.

— Ахъ, помилуйте, да это просто красавица! Аполлинарій Ильичъ, я считаю васъ счастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, сказалъ Васильковъ, приковывая исполинскіе зрачки свои къ голубому тòку.

Миловзоровъ наклонился къ уху собесѣдника и проворковалъ голосомъ, который захлебывался въ патокѣ:

— И... и влюблена въ меня до безумія!..

— А тотъ почтенный старичокъ, чтò сидитъ за нею? спросилъ Васильковъ, подавляя завистливый вздохъ.

— Мой тесть — добрѣйшій человѣкъ въ мірѣ... Позвольте мнѣ имѣть удовольствіе познакомить васъ съ ними? Обоимъ будетъ весьма пріятно.

— Ахъ, Боже мой, а мнѣ и подавно! воскликнулъ Васильковъ, горячо пожимая руку новаго друга и обтягивая отвороты своего сюртучка.

Они вышли въ коридоръ и, секунду спустя, очутились подлѣ бенуара, дверь котораго была уже отворена супругою Миловзорова.

— Agrippine, рекомендую тебѣ друга моего, Порфирія Павловича Василькова, о которомъ я такъ много говорилъ тебѣ, нѣжно сказалъ Аполлинарій Ильичъ.

— Весьма пріятно... я такъ много ужъ слышала... что... что... право...

— Мм... мм... пробормоталъ Порфирій Павловичъ, ободряя себя легкимъ кашлемъ.

Такая же рекомендація воспослѣдовала съ тестемъ, коротенькимъ пузанчикомъ самаго веселаго, привѣтливаго вида, закупореннымъ въ круглый фракъ табачнаго цвѣта. Добродушное лицо Бычкова изобразило всѣ признаки живѣйшаго нетерпѣнія, которые проглянули даже во всѣхъ его движеніяхъ; припрыгивая на кончикахъ носковъ, какъ танцмейстеръ или воробей, и потирая ладони, онъ схватилъ обѣ руки Порфирія Павловича и заботливо усадилъ его подлѣ себя; затѣмъ поспѣшилъ засыпать его вопросами о томъ, какимъ образомъ сошелся онъ съ Аполлинаріемъ, какъ вообще нравился ему Аполлинарій, и, не дожидаясь отвѣта, объявилъ напрямикъ, что Аполлинарій—изумительное совершенство человѣческой природы и представляетъ въ одномъ цѣломъ счастливое сочетаніе красоты, ума и всѣхъ возможныхъ достоинствъ.

Между тѣмъ Миловзоровъ и жена его стояли подлѣ двери бенуара и продолжали шептаться. Сущность консультаціи между двумя супругами осталась для Василькова непроницаемою тайной; по движеніямъ ихъ, онъ могъ судить, однакожъ, что объясненіе не лишено было нѣкоторой энергіи. Миловзорова, убѣжденная повидимому какими-то неотразимыми доказательствами своего супруга, отпустила его, наконецъ, въ кресла, усѣлась на свое мѣсто и еще пристальнѣе впилась въ него глазами.

Порфирій Павловичъ остался въ бенуарѣ и, слово за слово, такъ разговорился съ тестемъ своего друга, что тотъ потребовалъ отъ него обѣщанія пріѣхать завтра обѣдать.

Въ отвѣтъ на это, сердобольный владѣтель Сусловки съ чувствомъ пожалъ сначала правую руку веселаго старичка, потомъ лѣвую, потомъ обѣ вмѣстѣ, и на другой день, во второмъ часу, бережно звонилъ уже у двери двухъэтажнаго каменнаго дома, выкрашеннаго розовой краской. Навстрѣчу ему вышелъ молодой, бѣлокурый лакей въ синемъ фракѣ съ плоскими, свѣтлыми пуговицами, очевидно блиставшими когда-то на груди Аполлинарія Ильича; фракъ этотъ замыкался напереди холстиннымъ фартукомъ, ниспадавшимъ до колѣнъ, обтянутыхъ сѣрыми брюками съ темными лампасами; лѣвая рука лакея вооружена была тряпкой, бумажкой съ толченымъ кирпичомъ и мѣднымъ шандаломъ.

— Дома господа? спросилъ Васильковъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ затѣмъ прибавить: — „Если я помѣ-

шалъ, другъ мой, ты мнѣ прямо скажи: я сейчасъ же уйду—это ничего!“

— Дома-съ, дома; пожалуйте, сударь, пожалуйте, поспѣшно отвѣчалъ лакей, обнаруживая такую же точно неподдѣльную радость, какъ Робинзонъ при встрѣчѣ съ Пятницей,—всѣ дома, сударь, всѣ до одного, продолжалъ онъ, принимаясь освобождать плечи гостя отъ пальто, — а мы ужъ, признаться, сударь, и не думали увидѣть васъ. Всякій день слышимъ, Аполлинарій Ильичъ изволятъ говорить:. господинъ Васильковъ, господинъ Васильковъ!.. Что́, думаемъ—то-есть мы про себя, примѣрно, такъ думаемъ—что̀, думаемъ, хоть бы разъ взглянуть на нихъ— а вотъ вы и пожаловали! заключилъ словоохотливый слуга, оглядывая съ восхищеніемъ гостя.

— Благодарствуй, дружокъ, благодарствуй. Я самъ очень радъ, произнесъ Порфирій Павловичъ, тронутый словами слуги, изъ которыхъ онъ ясно видѣлъ, что Миловзоровъ, увлекаемый дружбой, произносилъ поминутно его имя.

— А ужъ какъ они-то, сударь, будутъ вамъ рады, какъ родному! подхватилъ гостепріимный лакей. — Сегодня утромъ, и то разъ съ двадцать объ васъ вспоминали...

— Я надѣюсь, голубчикъ, всѣ здоровы? вымолвилъ Васильковъ, единственно съ тою цѣлью, чтобъ скрыть волненіе, произведенное въ немъ такими милыми для сердца словами.

— Нѣтъ, сударь, возразилъ слуга, — какъ на бѣду-съ, Аполлинарій Ильичъ изволили заболѣть сегодня.

— Боже мой! что̀ съ нимъ? спросилъ Васильковъ.

— Да зубы-съ; у нихъ это часто бываетъ; повѣрите ли, сударь, щака-то вотъ эвдакая! сказалъ слуга, показывая на полуаршинъ отъ своей собственной скулы, — теперь, однако, полегче стало... изволили заснуть.

— Ахъ, Боже мой! такъ какъ же?.. я, можетъ-быть, помѣшалъ?.. Ты, голубчикъ, пожалуйста, скажи мнѣ, я сейчасъ уйду, это ничего...

— Помилуйте, какъ можно, сударь! наши господа и не вѣсть какъ за это разсердятся... Пожалуйте, пожалуйте; они приказали просить васъ; съ утра еще наказывали! поспѣшилъ возразить слуга, вводя гостя въ маленькую прихожую, наполненную сильнымъ утюжнымъ запахомъ.

Порфирій Павловичъ не успѣлъ обтянуть отвороты своего сюртука и навести ладонью лоскъ на шляпѣ, какъ

ужъ дверь сосѣдней комнаты протяжно скрипнула, медленно отворилась, и на порогѣ ея показался тесть.

Затаивъ дыханіе, онъ чуть слышно выступалъ на цыпочкахъ и, бережно подобравъ коротенькія фалды табачнаго фрака, поджавъ губы и наклонивъ голову, появился въ передней. Увидѣвъ гостя, онъ сначала быстро простеръ къ нему толстенькія свои руки, сдѣлалъ даже прыжокъ, и потомъ вдругъ, какъ бы опомнившись, снова поднялся на цыпочки, проворно оглянулся назадъ и съ таинственно лукавымъ видомъ приложилъ указательный палецъ къ носу. Послѣ такого маневра, Андрей Андреевичъ (такъ звали тестя) подкрался къ Василькову, облобызалъ его въ обѣ щеки и шепнулъ ему мимоходомъ въ оба уха:

— А нашъ Аполлинарій только-что прилегъ отдохнуть!

Порфирій Павловичъ поспѣшилъ также приподняться на цыпочки и приложить указательный палецъ къ носу.

Примѣру его мгновенно послѣдовалъ и лакей въ синемъ фракѣ.

— Шт... шш... произнесъ Андрей Андреевичъ, съ испугомъ оглядываясь назадъ,—какъ жаль, Порфирій Павлычъ, что вы не пожаловали къ намъ десятью минутами раньше! таинственно шепнулъ онъ,—вы услышали бы, что̀ сказалъ Аполлинарій... онъ сказалъ (тутъ лицо тестя приняло восхищенное выраженіе), онъ сказалъ, что къ вечеру зубы его перестанутъ болѣть! Матвѣй, присовокупилъ едва внятно старикъ, обращаясь къ слугѣ, — слышалъ ты, что̀ сказалъ Аполлинарій Ильичъ?..

— Никакъ нѣтъ-съ... шепнулъ лакей.

— Шт... шш... зашипѣлъ Андрей Андреевичъ, грозя пальцемъ,—онъ сказалъ, что сегодня къ вечеру зубы его непремѣнно перестанутъ болѣть!

Прошептавъ это, старичокъ обхватилъ руку Василькова и, соблюдая всю возможную осторожность, чтобъ не шаркнуть какъ-нибудь по полу сапогомъ, ввелъ его въ маленькую уютную комнату.

Тутъ, подлѣ окна, въ мягкихъ вольтеровскихъ креслахъ, сидѣла жена Бычкова, крошечная старушка, съ добродушною, но нѣсколько серьезною физіономіей, украшенной круглыми очками, и прямо противъ нея, въ другихъ креслахъ, покоилась жена Миловзорова, роскошная дама съ бѣлыми льняными волосами, маслистыми голубоватыми взорами и красноватымъ лицомъ. Издали, въ театрѣ, напримѣръ, она могла казаться весьма эффектною дамой.

Обѣ встали съ своихъ мѣстъ, подняли указательный палецъ и, привставъ на цыпочки, радушно встрѣтили гостя.

— Заснулъ? шепнулъ Андрей Андреевичъ, подмигивая на сосѣднюю дверь.

— Кажется... отвѣчали обѣ женщины.

— Шт-ш-ш... подхватилъ старикъ. — Вы ужъ знакомы съ дочерью, Порфирій Павлычъ; а вотъ и старуха моя, позвольте васъ познакомить: это тотъ самый господинъ Васильковъ, котораго такъ полюбилъ нашъ Аполлинарій...

— Знаю, знаю, едва слышно проговорила старушка,— очень, очень пріятно съ вами познакомиться... мы такъ много слышали о васъ отъ нашего Аполлинарія, что давно желали съ вами познакомиться... Прошу покорнѣйше садиться...

Миловзорова повторила приглашеніе, и Порфирій Павловичъ сѣлъ на стулъ, не сдѣлавъ ни малѣйшаго шума, что̀ очевидно доставило величайшее удовольствіе тремъ членамъ гостепріимнаго семейства.

— Андрей Андреичъ, начала старушка, наклоняясь къ мужу,—сообщилъ ли ты нашему дорогому гостю о томъ, что сказалъ передъ ихъ приходомъ Аполлинарій?..

— Какъ же, какъ же, сообщилъ! отвѣчалъ старикъ съ такимъ видомъ, какъ-будто дѣло касалось какого-нибудь важнаго предмета, не терпящаго отлагательства.

— Да-съ, я ужъ имѣлъ удовольствіе слышать, шепнулъ въ свою очередь Порфирій Павловичъ, прикладывая къ груди поля своей шляпы,—я уже слышалъ... Боюсь, однакожъ, чтобъ не ошибся Аполлинарій Ильичъ: у меня точно такъ же болѣли разъ зубы... это было въ то время-съ, какъ полкъ нашъ стоялъ на травяномъ продовольствіи... и повѣрите ли, я мучился двѣ недѣли!

Въ эту самую минуту, за сосѣднею дверью послышался шорохъ, и вслѣдъ за тѣмъ сладкозвучный голосъ пролепеталъ:

— Бопѐрчикъ, это вы?..

— Боже мой, мы его разбудили! съ отчаяніемъ воскликнулъ старикъ.

— Нѣтъ, онъ, должно-быть, самъ проснулся, сказала дочь.

— Нѣтъ, вѣрно мы его разбудили! подхватила старушка, суетливо подымаясь съ креселъ.

Но Миловзоровъ показался уже въ комнатѣ. Пуховыя щеки его рдѣли самымъ яркимъ румянцемъ, котораго не

могли даже затмить красный халатъ изъ канауса, подбитый тафтою, и пунцовыя бархатныя туфли, вышитыя блестками и шелкомъ.

При видѣ посторонняго лица, Миловзоровъ отступилъ шагъ назадъ и проворно захлопнулъ дверь, но, услышавъ голосъ Василькова, мгновенно появился въ комнатѣ.

— Порфирій Павловичъ! Боже мой, какъ я счастливъ! съ нѣжностью воскликнулъ онъ, принимаясь обнимать гостя, между тѣмъ какъ остальные члены семейства съ умиленіемъ смотрѣли на эту сцену. — Ахъ, Боже мой, что жъ это такое? подхватилъ онъ, обращаясь съ тоскливымъ укоромъ къ тестю, — бопѐрчикъ, Agrippine, зачѣмъ не разбудили вы меня, не сказали, что пріѣхалъ Порфирій Павлычъ?.. Гость нашъ не можетъ минуты остаться безъ трубки, а вы заставили его дожидаться!.. Пойдемте ко мнѣ, Порфирій Павлычъ, пойдемте курить! А вы, бопѐрчикъ, распорядитесь, пожалуйста, скорѣй насчетъ обѣда... Agrippine и maman вамъ помогутъ. Гость нашъ, живя въ провинціи, вѣрно, привыкъ рано обѣдать, заключилъ Миловзоровъ.

И, не слушая возраженій гостя, который увѣрялъ, что ему совершенно все равно, когда бы ни обѣдать, Миловзоровъ повлекъ его въ сосѣднюю комнату.

Комната эта, которую тесть и теща прозвали кабинетомъ Аполлинарія, не отличалась, однакожъ, ничѣмъ особеннымъ отъ будуара молодой купчихи. Она раздѣлялась пополамъ зеленою шелковою занавѣсью, которая держалась на точеныхъ кольцахъ изъ краснаго дерева, скользившихъ на лакированной палкѣ изъ того же дерева; въ первой половинѣ, между двумя окнами, возносилось трюмо съ вызолоченными арабесками, и по бокамъ его, противъ оконъ, стояли два стола, покрытые бѣлой кисеей, подбитою розовой тафтою; поверхность столиковъ усѣяна была безчисленнымъ множествомъ скляночекъ, баночекъ, флаконовъ, пилочекъ для ногтей, ножницъ, ящичковъ съ пудрой, рубашечныхъ пуговокъ, драгоцѣнныхъ булавокъ, разложенныхъ симметрически, или сверкавшихъ въ перламутровыхъ раковинахъ, и множествомъ другихъ бездѣлушекъ, въ числѣ которыхъ бросались особенно въ глаза фарфоровая чернильница, золотой ножичекъ съ голубымъ фарфоровымъ черенкомъ и стальныя перья съ такими же фарфоровыми ручками; тутъ вытягивались также стройными рядами принадлежности бритвеннаго несессера; мяг-

кій коверъ покрывалъ полъ; эластическій диванъ и такія же кресла окружали стѣны, украшенныя литографіями самаго нѣжнаго содержанія. Словомъ, если бъ въ этой комнатѣ, издававшей сильнѣйшій запахъ пачули, не находилось въ числѣ принадлежностей несессера трехъ бритвъ, то никто не догадался бы, что тутъ жилъ членъ медицинскаго факультета.

Миловзоровъ подалъ Василькову стеклянный ящичекъ съ тоненькими папиросами, обернутыми въ розовую бумагу.

— Извините меня, Порфирій Павлычъ, пролепеталъ онъ, запахиваясь халатомъ, — если я въ вашемъ присутствіи приведу въ порядокъ свой туалетъ...

— Аполлинарій Ильичъ, энергически воскликнулъ Васильковъ, прислоняя къ коробкѣ папиросу и поспѣшно подходя къ медику,—Аполлинарій Ильичъ, исполните ли вы мою сердечную, можно сказать, душевную просьбу?..

— Ахъ, все, что хотите, Порфирій Павлычъ! для васъ я все готовъ сдѣлать, все, все...

— Нѣтъ, дайте мнѣ слово, честное слово!

— Даю!

— Въ такомъ случаѣ, Аполлинарій Ильичъ, съ чувствомъ сказалъ Васильковъ и горячо пожалъ при этомъ протянутую ему руку,—Аполлинарій Ильичъ, вы не должны снимать вашего халата... нѣтъ, ни подъ какимъ предлогомъ! Я прошу, умоляю васъ объ этомъ: я не хочу, чтобъ вы стѣснялись чѣмъ-нибудь въ моемъ присутствіи... я у васъ не гость и не хочу быть гостемъ: я просто добрый знакомый, такъ, пришелъ повидаться съ вами... вы окажете мнѣ величайшую дружбу, если останетесь весь день въ халатѣ; я буду видѣть изъ того, что вы меня хоть сколько-нибудь любите...

Аполлинарій Ильичъ отвѣчалъ, что если въ томъ только состоитъ просьба, онъ готовъ, въ угоду дорогому гостю, проходить всю свою жизнь въ халатѣ. И слова его, продиктованныя симпатіей, проникнуты были такою искренностью, что Порфирій Павловичъ объявилъ, въ свою очередь, что онъ, съ своей стороны, готовъ сдѣлать то же самое.

Къ несчастію, бесѣда двухъ пріятелей, подававшая надежду быть весьма интересною, прекратилась въ самомъ началѣ появленіемъ Андрея Андреевича, его жены и дочери, которые пришли объявить, что кушанье подано.

За столомъ служили извѣстный уже лакей, въ синемъ

фракѣ, и вмѣстѣ съ нимъ какая-то молоденькая, смазливая горничная, съ которой, почему-то, во все продолженіе обѣда не спускала пытливыхъ глазъ мадамъ Миловзорова, сидѣвшая наискось отъ мужа. Подавая блюдо, лакей и горничная громогласно дѣлали разныя замѣчанія самаго веселаго и непринужденнаго свойства; такъ, напримѣръ, лакей сказалъ Василькову: „Кушайте, сударь, кушайте на здоровье... дай вамъ Богъ вѣкъ водить хлѣбъ-соль съ нашими хозяевами!..“ Смазливая горничная почла своею обязанностью прибавить: „Наши хозяева вамъ оченно рады, особливо Аполлинарій Ильичъ!“ при семъ глаза ея встрѣтились съ глазами Аполлинарія Ильича, но тотчасъ же должны были разбѣжаться въ разныя стороны, благодаря проницательному взгляду г-жи Миловзоровой, которая поблѣднѣла. Васильковъ замѣтилъ, что вниманіе тестя и тещи бращено было исключительно на зятя; старики не спускали съ него глазъ, выбирали для него лучшіе куски и подобострастно слѣдили за каждымъ его движеніемъ. Отъ вниманія его не ускользнуло также, какъ Аполлинарій Ильичъ, соскучившійся, вѣроятно, тѣмъ, что жена не переставала слѣдить пытливымъ взоромъ за эволюціями смазливой горничной, началъ приходить постепенно въ раздражительное состояніе, подъ конецъ страшно раскапризничался, объявилъ, что все дѣлается не по немъ, что никто не хочетъ принять въ соображеніе его разстроеннаго здоровья, и проч., и проч. — обстоятельство, мгновенно распространившее грусть на лицахъ тестя и тещи. Оба принялись сначала увѣщевать зятя и вдругъ единодушно напали на дочь, которая, въ свою очередь, начала оправдываться и кончила, наконецъ, тѣмъ, что залилась слезами. Нѣтъ сомнѣнія, что сцена, начавшаяся подъ такими печальными обстоятельствами, не остановилась бы на этомъ, если бъ не прекратило ее окончаніе обѣда.

— Порфирій Павлычъ, сказалъ Миловзоровъ съ печально-разстроеннымъ тономъ,—пойдемте въ мой кабинетъ... Я такъ огорченъ, такъ огорченъ... вы сами должны понять это...

— Другъ мой, успокойся... ты разрываешь намъ сердце! произнесъ тесть, дѣлая сверхъестественныя усилія, чтобъ казаться спокойнымъ, и бросая въ то же время укоризненный взглядъ на дочь, которая обливалась слезами, сидя на сосѣднемъ стулѣ.

— Порфирій Павлычъ, шепнула теща, притрогиваясь къ плечу гостя,—Порфирій Павлычъ,—примолвила она, подавляя болѣзненный вздохъ,—успокойте нашего Аполлинарія...

Порфирій Павловичъ объявилъ, что въ этомъ состоитъ его обязанность. Бросивъ еще разъ тоскливый взглядъ на плачущую Миловзорову, онъ обхватилъ рукою Аполлинарія Ильича и медленно повелъ его въ кабинетъ.

Сознавая всю важность порученія, Порфирій Павловичъ принялся тотчасъ же утѣшать своего друга и вызвался даже быть парламентеромъ между нимъ и его женою. Но каково же было изумленіе Василькова, когда увидѣлъ онъ, что выраженіе тоски и скорби, отпечатанное на прекрасномъ лицѣ Миловзорова, исчезло и замѣнилось улыбкою, лишь только онъ очутился въ кабинетѣ! Изумленіе Порфирія Павловича обнаружилось въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, когда Миловзоровъ предложилъ ему часамъ къ шести прогулку въ Марьину рощу. Приписывая такую внезапную перемѣну могущественному вліянію дружбы, Васильковъ направился къ двери, сгорая желаніемъ успокоить радостною вѣстью добродушное семейство; но Аполлинарій Ильичъ остановилъ его, сказавъ, что это совершенно лишнее, ибо теща и жена, по соображеніямъ его, должны были находиться теперь въ своихъ спальняхъ.

— Можетъ быть и вамъ угодно отдохнуть, Порфирій Павлычъ? заключилъ Миловзоровъ.

Васильковъ отвѣчалъ, что онъ не прочь отъ такого предложенія, тѣмъ болѣе, что обѣдъ былъ необыкновенно сытенъ и чувствовалась даже нѣкоторая тяжесть въ желудкѣ.

Пять минутъ спустя, Миловзоровъ лежалъ за занавѣсью на роскошной двухспальной постели, а Порфирій Павловичъ покоился на эластическомъ диванѣ противъ трюмо. Но сонъ бѣжалъ отъ исполинскихъ глазъ Василькова: все видѣнное и слышанное имъ, естественнымъ образомъ, должно было вызвать въ душѣ его цѣлый рядъ размышленій и сравненій. Мысли его, смѣняясь одна другою, привели его постепенно къ воспоминанію о Сусловкѣ, и тутъ въ головѣ его завязалась нить тягостныхъ сравненій между судьбою Миловзорова и его собственною судьбою.

Да, жизнь Аполлинарія Ильича была именно такая, о которой такъ сладко мечталъ Порфирій Павловичъ въ то время еще, когда, суетясь въ маленькомъ домикѣ на бе-

регу живописной рѣчки, перевязывалъ голубыми бантами занавѣски брачной постели! Что же вышло, Боже, что̀ вышло?.. Нѣтъ, Порфирій Павловичъ никогда не наслаждался истиннымъ счастіемъ! Онъ былъ горемычнымъ сиротою, съ дѣтства обреченнымъ влачить дни свои въ тоскливомъ одиночествѣ.

Нельзя опредѣлить навѣрное, сколько времени посвящено было сердобольнымъ Васильковымъ на размышленія; заподлинно извѣстно только то, что, часа полтора спустя послѣ обѣда, дверь кабинета скрипнула, и на порогѣ ея показался сначала тесть, потомъ его жена, а за ними Миловзорова.

Всѣ трое стояли на цыпочкахъ и держали указательные пальцы на правой сторонѣ носа.

Застигнутый врасплохъ, Порфирій Павловичъ быстро вскочилъ съ дивана, застегнулъ сюртукъ и поправилъ волосы.

— Тсс... тсс... произнесъ тесть, таинственно указывая на занавѣсъ и поджимая губы.

— Что? успокоился нашъ Аполлинарій? шепнула теща.

— Успокоился-съ... я сдѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ... и теперь заснулъ, отвѣчалъ едва внятно Васильковъ, наклоняясь преимущественно къ женѣ своего друга.

— Шт...ш...ш... пойдемте посмотрѣть на него... шепнулъ тесть, нетерпѣливо мигая глазками и становясь на цыпочки.

— Что это ты, Андрей Андреичъ, никакъ съ ума сошелъ? возразила теща,—ты, вѣрно, хочешь разбудить его...

— Жена, шепнулъ тесть, обводя восторженнымъ взглядомъ присутствовавшихъ,—сдѣлаемъ ему сюрпризъ. Агриппина спрячется за оконную занавѣсь, а мы скажемъ Аполлинарію, что она уѣхала въ Сокольники, заключилъ онъ, лукаво прищуривая лѣвый глазъ и прикладывая ладонь къ губамъ, которыя тряслись отъ внутренняго смѣха.

Мысль эта была единодушно одобрена; Agrippine скрылась за гардиной; тесть, теща и Васильковъ, томимые ожиданіемъ, присѣли на диванъ.

— Порфирій Павлычъ, это вы? мелодически произнесъ Миловзоровъ, поворачиваясь на своихъ пуховикахъ.

— Мы его разбудили! съ испугомъ шепнулъ старикъ.

— Нѣтъ, Аполлинарій Ильичъ, здѣсь ваши papa и maman... отозвался Васильковъ, хитро подмигивая старикамъ.

Миловзоровъ показался изъ-за занавѣси, и Порфирій

Павловичъ увидѣлъ, къ великому своему изумленію, что лицо его было на этотъ разъ еще печальнѣе, чѣмъ во время обѣда.

— Мы разбудили тебя! воскликнули тесть и теща, устремляя на зятя умоляющіе взгляды.

— Что-жъ дѣлать! возразилъ Миловзоровъ заунывнымъ голосомъ.

— Прости насъ, мой другъ, мы сдѣлали это невольно!.. простонали тесть и теща.

— Помилуйте, папенька, замѣтилъ съ явною раздражительностью зять, — что-жъ, вы имѣете полное... да, скажу, полное право входить въ мой кабинетъ, когда вамъ угодно!..

Послѣдовала пауза.

— А знаешь ли ты, мой другъ, началъ Андрей Андреевичъ, подмигивая женѣ и Василькову,—въ то время, какъ ты отдыхалъ, съ нами случилось маленькое несчастье...

— Какъ! что вы говорите? воскликнулъ Миловзоровъ, отыскивая глазами мягкій стулъ.

— Да, другъ мой, Agrippine твоя уѣхала въ Сокольники! подхватилъ тесть, багровѣя отъ удовольствія.

— Боже мой! закричалъ Миловзоровъ, падая въ кресла и бросая косвенный взглядъ на гардину, гдѣ спрятана была жена,—Боже мой, что̀ здѣсь со мною дѣлаютъ! Зачѣмъ она уѣхала? подхватилъ онъ, бросая вторичный взглядъ на гардину. — О, я несчастнѣйшій изъ всѣхъ мужей на свѣтѣ!.. Агриппина меня не любитъ!..

— Другъ мой, люблю! люблю! люблю! обожаю! вскрикнула жена, выскакивая изъ-за гардины и бросаясь къ мужу.

Но Миловзоровъ закрылъ лицо руками и опустилъ голову.

— Вотъ, вѣчныя твои глупыя затѣи! сказала теща, потрясая руками передъ Андреемъ Андреевичемъ, который сидѣлъ какъ преступникъ.—Что ты надѣлалъ! Ты напугалъ его! Успокойся, Аполлинарій, успокойся, Бога ради!.. Агриппина, скорѣй стаканъ свѣжей воды!

Но Аполлинарій Ильичъ, къ великому отчаянью тестя и тещи, никакъ не успокоивался и, вѣроятно, не успокоился бы до самаго вечера, безъ горячаго содѣйствія Порфирія Павловича, который съ неподражаемымъ великодушіемъ принялъ на себя выдумку сюрприза, причинившаго такое сильное потрясеніе на слабонервный организмъ женоподобнаго медика.

Аполлинарій Ильичъ поцѣловалъ жену, обнялъ тестя,

тещу, сказалъ, что теперь все прошло, пожалъ руку Василькову и закурилъ папироску.

— Ангелъ мой, Аполлинарій, другъ души моей! подобнаго тебѣ нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ! воскликнула Миловзорова, всматриваясь въ лицо мужа.

— Красавецъ! красавецъ! палата! архивъ! восторженно воскликнулъ тесть.

— Красавецъ! радость наша! повторяла теща, всплеснувъ руками.

Аполлинарій Ильичъ окончательно повеселѣлъ и успокоился. Онъ объявилъ, что намѣренъ поѣхать прогуляться съ гостемъ куда-нибудь за городъ. Извѣстіе это возбудило тотчасъ же поводъ къ горькимъ упрекамъ со стороны Миловзоровой, и, безъ сомнѣнія, между нею и мужемъ произошла бы маленькая сцена, если бъ не потушили ее заблаговременно тесть и теща, сказавъ, что ревность ея неумѣстна, что свѣжій воздухъ необходимъ ея мужу, и что, во всякомъ случаѣ, развлеченія принесутъ огромную пользу разстроеннымъ нервамъ Аполлинарія. Этимъ способомъ водворено было согласіе между супругами.

Agrippine поручила своего мужа попеченію Василькова. Васильковъ далъ обѣщаніе, что исполнитъ въ точности всѣ эти порученія, предписанныя ему, сверхъ того, обязанностями дружбы, и, напутствуемый благодарностью всѣхъ членовъ семейства, уѣхалъ съ Миловзоровымъ въ Марьину рощу.

IV.

Васильковъ и Миловзоровъ, предводительствуемые Аристархомъ Ѳедоровичемъ, ищутъ развлеченій сначала въ одномъ инструментальномъ концертѣ, потомъ въ одномъ клубѣ. Здѣсь же фактически доказывается извѣстная истина, что великіе люди могутъ попадать впросакъ ничѣмъ не хуже послѣдняго смертнаго.

Привязанность Порфирія Павловича къ гостепріимному семейству Аполлинарія Ильича не имѣла бы, конечно, той силы, если бъ Аристархъ Ѳедоровичъ обнаруживалъ, съ своей стороны, ревность или явную досаду, или, напри-

мѣръ, хоть разъ сказалъ бы Василькову: „За что, любезнѣйшій, предпочелъ ты мнѣ Миловзорова?..“ Умиленный Порфирій Павловичъ, нѣтъ сомнѣнія, раздѣлилъ бы тогда пополамъ свое сердце и отдалъ бы одну часть одному другу, другую—другому. Но дѣло въ томъ, что Аристарху Өедоровичу было, повидимому, совершенно все равно; онъ не измѣнилъ ни на волосъ обращенія своего съ Васильковымъ, за исключеніемъ развѣ того, что пересталъ доставлять ему удовольствія; равнодушіе его простиралось до такой степени, что онъ ни разу не обратился даже къ нему съ упрекомъ—обстоятельство, которое естественнымъ образомъ должно было огорчать чувствительную душу владѣтеля Сусловки.

Разъ только въ голосѣ и движеніяхъ Аристарха Өедоровича промелькнуло что-то похожее на прежнее задушевное расположеніе.

Это было утромъ, часу въ двѣнадцатомъ. Порфирій Павловичъ входилъ въ комнату Балахнова, чтобъ пожелать ему счастливаго дня и всевозможныхъ успѣховъ.

— Здравствуй, любезнѣйшій, здравствуй! произнесъ Аристархъ Өедоровичъ, полируя въ то же время крошечной щеткой патентованные свои зубы.—Брррр... бууу... а скажи-ка ты мнѣ, милый мой, что̀ ты намѣренъ дѣлать сегодня? примолвилъ онъ, взявъ изъ рукъ Сидора полотенце и обтирая имъ дипломатическій лобъ свой.

— Я думалъ, Аристархъ Өедоровичъ, навѣстить... Миловзоровыхъ... отвѣчалъ Васильковъ такимъ тономъ, какимъ Аполлинарій Ильичъ Миловзоровъ возвѣщалъ женѣ, что пойдетъ врачевать дамъ, когда имѣлъ въ виду возбудить ея ревность.

— Васъ, кажется, попросту, бѣсъ веревочкой связалъ! весело произнесъ Балахновъ, возвращая Сидору полотенце.—Скоро ли, скажи на милость, перестанешь ты няньчиться съ своими Миловзоровыми?.. Право, на васъ смотрѣть даже завидно... особенно мнѣ; вѣдь ты, братецъ, совсѣмъ почти забылъ меня... такъ, или нѣтъ?

— Нѣтъ, Аристархъ Өедорычъ... но я встрѣчаю тамъ каждый разъ такой радушный, привѣтливый пріемъ... выразительно отвѣчалъ Порфирій Павловичъ.

— А что же, развѣ ты не встрѣчаешь здѣсь такого же точно радушнаго пріема?.. перебилъ Балахновъ, обнаруживая въ эту минуту столько благороднаго достоинства, что Васильковъ невольно припомнилъ всѣ благодѣянія,

оказанныя ему въ Ханскихъ-Прудахъ, и устыдился въ глубинѣ души своей.—Кажется, въ этомъ отношеніи тебѣ, братецъ, грѣшно на меня сѣтовать, продолжалъ Аристархъ Ѳедоровичъ съ возраставшимъ величіемъ, — я дѣлаю все, что̀ могу, чтобъ столичная жизнь казалась тебѣ по возможности пріятною и разнообразною... Да вотъ, чего же лучше, не далѣе, какъ сегодня, хотѣлъ я похитить тебя у твоихъ пріятелей и везти съ собою...

— Аристархъ Ѳедоровичъ... вы знаете... я... всегда душевно радъ... Это единственное мое желаніе, клянусь! пролепеталъ Васильковъ, краснѣя до ушей и чувствуя сильнѣйшее угрызеніе совѣсти, какъ человѣкъ, явно-уличенный въ черной неблагодарности.

— Ну, хорошо, хорошо! Я никогда, братецъ, не сомнѣвался въ искренности твоихъ чувствъ, сказалъ Балахновъ, потрепавъ его по плечу.—Итакъ, рѣшено: ты даришь мнѣ нынѣшній день? Дѣло, видишь ли, вотъ въ чемъ: мы поѣдемъ сегодня въ концертъ къ этому выскочкѣ Бобохову... Кстати, посмотри-ка на афишку; кажется, объявлено въ два часа... афишка на столѣ, подлѣ чайнаго прибора... прочти-ка, прочти, что̀ тамъ такое?..

Афишка возвѣщала, что такого-то числа, въ такой-то залѣ, въ два часа пополудни, данъ будетъ инструментальный концертъ музыкантами одного изъ извѣстнѣйшихъ дилетантовъ. Затѣмъ поименованы были артисты: г. Габріельскій, г. Паганиновъ и г. Серенадинъ — прозвища, очевидно, изобрѣтенныя знаменитымъ дилетантомъ.

— Хвастунъ! изъ Гаврилки сдѣлалъ какого-то Габріельскаго, да и думаетъ удивлять публику; нашелъ дураковъ! презрительно замѣтилъ Балахновъ, когда кончилось чтеніе афишки. — Туда же — дилетантъ! Ха-ха-ха! потѣха! право, потѣха!.. А потомъ изъ концерта, если хочешь, поѣдемъ въ клубъ обѣдать, продолжалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, презрительно отталкивая афишу и садясь за чайный приборъ. — Одинъ, братецъ, я сегодня не тронулся бы съ мѣста; самъ не знаю: скучно какъ-то... Съ тобой я посмѣюсь, разсѣюсь и, надѣюсь, излѣчусь къ вечеру отъ хандры.

— Я, конечно, очень радъ, Аристархъ Ѳедоровичъ, но... пролепеталъ съ неловкостью Васильковъ.

— Что еще?

— Я обѣщалъ, далъ слово пріѣхать обѣдать сегодня къ...

— Къ Миловзорову, подхватилъ, смѣясь, Балахновъ,— ну, такъ, я это зналъ! Неужто ты дня не можешь прожить безъ него?.. Смѣшно, братецъ, право, смѣшно; а впрочемъ, сдѣлай вотъ что: пригласи его отъ меня съ собою; я буду очень радъ; онъ добрый малый—и оба вы развлечете меня...

Этимъ способомъ уничтожены были всѣ препятствія, могущія встрѣтиться со стороны Василькова. Онъ написалъ Миловзорову записочку, тотъ не замедлилъ явиться, и въ половинѣ второго, послѣ легкаго завтрака, предложеннаго гостепріимнымъ Аристархомъ Өедоровичемъ, всѣ трое поѣхали въ концертъ.

Бобоховъ распорядился отлично. Воодушевленный тою блистательною ролью, которую предстояло ему играть въ концертѣ, онъ нанялъ огромную залу въ домѣ одного вельможи, находившагося за границей. Потолокъ залы и полукруги надъ дверьми расписаны были музыкальными атрибутами; правая сторона ея представляла нескончаемые ряды старинныхъ, закоптѣлыхъ картинъ въ золотыхъ рамахъ; лѣвая состояла изъ однихъ стеколъ, наподобіе оранжереи, и установлена была чахлыми, по тѣмъ не менѣе дорогими растеніями. Дно залы украшалось возвышеніемъ, обтянутымъ краснымъ сукномъ; на немъ располагался полукругомъ многочисленный оркестръ, нанятый Бобоховымъ для аккомпанимента доморощеннымъ виртуозамъ. Стройные ряды креселъ и стульевъ тянулись съ одного конца залы до другого.

— Что, милый мой, не начинался еще концертъ?

Съ такимъ вопросомъ Балахновъ обратился къ швейцару, стоявшему у входа съ булавой. Получивъ отрицательный отвѣтъ, Аристархъ Өедоровичъ, сопровождаемый своими тѣлохранителями, вступилъ торжественно въ комнату, предшествовавшую концертной залѣ. Комната освѣщалась единственнымъ круглымъ окномъ изъ потолка и, подобно сосѣдкѣ своей, украшалась растеніями и картинами.

Первый предметъ, поразившій Балахнова, былъ Аөанасій Никитичъ Степанчиковъ, стоявшій въ отдаленномъ углу и толковавшій о чемъ-то съ двумя черными фраками и еще третьимъ господиномъ съ унылымъ лицомъ и такими толстыми губами, какъ будто наканунѣ искусали ихъ комары или ужалили пчелы.

Видъ Степанчикова невольно пробудилъ въ Аристархѣ

Өедоровичѣ самыя непріятныя воспоминанія; но, по своему обыкновенію, онъ тотчасъ же овладѣлъ собою, не показалъ ни малѣйшаго признака досады и ограничился тѣмъ только, что презрительно прищурилъ глаза и произнесъ вполголоса: „плутъ!..“

— Ахъ, ужаснѣйшій, мсьё Балахновъ! неожиданно отозвался Миловзоровъ.

— А вы почемъ его знаете? небрежно спросилъ Аристархъ Өедоровичъ.

— О, и очень хорошо его знаю-съ: это извѣстнѣйшій аферистъ Степанчиковъ. Онъ нѣсколько разъ обманывалъ моего тестя, честнѣйшаго старика, когда тотъ занимался еще торговыми операціями, пролепеталъ Аполлинарій Ильичъ.

— Ахъ, если бъ вы знали только, Аристархъ Өедоровичъ, какой честнѣйшій и добрѣйшій старичокъ ихъ тесть! энергически подхватилъ Порфирій Павловичъ, моргая своими исполинскими глазами на величаваго мужа и пожимая въ то же время руку красивому эскулапу.

Но Аристархъ Өедоровичъ не обратилъ никакого вниманія на замѣчаніе Василькова: проницательный взглядъ его снова устремился на Степанчикова и его собесѣдниковъ. Любопытство Балахнова возросло до неимовѣрной степени, когда онъ узналъ въ послѣднихъ—музыкантовъ Бобохова; такъ точно, онъ не ошибался: эти три физіономіи мелькали въ оркестрѣ выскочки въ то время, какъ онъ обѣдалъ въ Голодаевкѣ. Аристархъ Өедоровичъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и внимательно принялся разсматривать какую-то картину. Никто не сомнѣвается, что можно созерцать картину и въ то же время не пропускать ни одного слова изъ того, что̀ говорится подлѣ. Такой фактъ краснорѣчивѣйшимъ образомъ подтвердилъ нашъ герой, который не только разслышалъ, какъ Степанчиковъ ободрялъ трехъ музыкантовъ, обѣщая имъ золотыя горы въ томъ случаѣ, если они отличатся, но увидѣлъ, увидѣлъ своими глазами, какъ аферистъ скрѣпилъ слова свои тремя ассигнаціями, искусно вложенными въ коренастыя ладони трехъ виртуозовъ.

„Что̀ бы это значило? подумалъ Балахновъ, провожая глазами трехъ музыкантовъ и Степанчикова, направлявшихся въ концертную залу,—тутъ, вѣрно, кроется какая-нибудь штука; въ противномъ случаѣ, съ чего бы сталъ этотъ старый плутъ снабжать деньгами бобоховскихъ му-

зыкантовъ... А впрочемъ я очень радъ: пускай подцѣпитъ онъ на чемъ-нибудь выскочку и проучитъ его хорошенько!“

Заключивъ свою филантропическую сентенцію снисходительнымъ наклоненіемъ головы по направленію къ Василькову и Миловзорову, которые стояли передъ картиною, изображавшею нимфу, Аристархъ Өедоровичъ вступилъ въ залу и, принявъ спокойно величавую осанку, помѣстился въ первомъ ряду.

Въ эту самую минуту, въ сосѣдней комнатѣ раздался громкій говоръ, сопровождавшійся не менѣе громкимъ хохотомъ, и, секунду спустя, въ дверяхъ залы показались блистательный Тохтамышевъ, изящный Чиндаласовъ, почтенный Петръ Степановичъ Краповъ и много еще другихъ джентльменовъ. Въ этой толпѣ особенно рѣзко бросалась въ глаза фигура Бобохова.

Нестройный шопотъ, посреди котораго ясно можно было разслышать: „Бобоховъ... Бобоховъ... его музыканты... самъ училъ ихъ!..“ Балахновъ окинулъ пытливымъ глазомъ залу и, увидѣвъ, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ слышался шопотъ, престарѣлаго Корнея и еще другихъ лицъ, замаскированныхъ приличной одеждой, вполнѣ соотвѣтствующей случаю, заключилъ весьма основательно, что они посажены были самимъ выскочкою, съ цѣлью обращать на него вниманіе почтеннѣйшей публики.

Цѣль была достигнута: Бобоховъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, хотя, къ сожалѣнію, эффектъ былъ не совсѣмъ удовлетворителенъ. Почтенный Петръ Степановичъ Краповъ, какъ человѣкъ солидный, отсталъ вскорѣ отъ шумныхъ своихъ собесѣдниковъ и усѣлся въ одинъ изъ заднихъ рядовъ; остальная часть толпы разсыпалась по первому ряду.

Аристархъ Өедоровичъ очутился между Тохтамышевымъ и Бобоховымъ.

— Чрезвычайно пріятно встрѣтиться съ вами здѣсь... заговорилъ восхищенный Бобоховъ, обращаясь къ Балахнову,—между нами очень рѣдко можно найти дилетанта, dilétan, не правда ли?.. Очень радъ, что вы любитель музыки...

— Да, люблю музыку... разумѣется, въ томъ только случаѣ, когда она хороша... возразилъ Аристархъ Өедоровичъ, дѣлая удареніе на послѣднія слова и косясь иронически на Тохтамышева.

Тохтамышевъ отвѣтилъ выразительнымъ движеніемъ бровей.

— Надѣюсь, что сегодня, по крайней мѣрѣ, вы будете довольны... суетливо подхватилъ выскочка,—удивительные таланты! Габріельскій и Паганиновъ прекрасныя скрипки, можно сказать, замѣчательныя! Но они ровно ничего не значатъ передъ Серенадинымъ: это талантъ первоклассный. Вы увидите, я распорядился нарочно такъ, что онъ будетъ играть послѣднимъ pour bon bouch...

— И очень хорошо сдѣлали...

— Вы одобряете... чрезвычайно пріятно! сказалъ Бобоховъ, иронически подмигивая Тохтамышеву на величаваго сосѣда.

Тохтамышевъ отвѣтилъ выскочкѣ тѣмъ же выразительнымъ движеніемъ бровей, какимъ обмѣнялся прежде съ Аристархомъ Ѳедоровичемъ насчетъ самого Бобохова. Въ то же время въ первомъ ряду кто-то нетерпѣливо захлопалъ въ ладоши; звукъ этотъ, дружно подхваченный въ другихъ рядахъ, наполнилъ вскорѣ все зало.

— Всеобщее нетерпѣніе... не пора ли начинать? произнесъ Бобоховъ, обнаруживая восторженное волненіе.

— Я думаю, что такъ; давно бы, кажется, пора, отвѣчалъ Тохтамышевъ, протягивая ноги съ такимъ комфортомъ, какъ будто намѣревался провести на своемъ мѣстѣ нѣсколько часовъ пріятнаго сна.

Выскочка привсталъ съ креселъ, пошептался съ капельмейстеромъ, и, минуту спустя, оркестръ заигралъ увертюру.

— Изъ Лючіи, Lutchi, превосходная вещь! произнесъ Бобоховъ.

— Да, вещь хорошая, отвѣчалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, пристально наблюдая обрюзглое лицо Степанчикова, который стоялъ за возвышеніемъ и, дѣлая ободрительные жесты, шептался съ тремя концертистами, скрывавшимися покуда за оркестромъ.

— А вотъ и очередь Паганинова! произнесъ вполголоса выскочка, припрыгивая на своемъ мѣстѣ.

— А!

— А!

— А!.. разразилось въ разныхъ концахъ перваго ряда. Но восклицанія эти, сопровождаемыя въ первомъ ряду удушливымъ смѣхомъ, тотчасъ же заглушились звонкими рукоплесканіями заднихъ рядовъ.

— Славно принимаютъ вашего виртуоза! сказалъ Балахновъ, поворачиваясь назадъ и стараясь навести глаза выскочки на то мѣсто, гдѣ сидѣлъ престарѣлый Корней.

Бобоховъ ничего не отвѣчалъ и показалъ видъ, что въ настоящую минуту вниманіе его поглощено исключительно появленіемъ Паганинова, который, отвѣсивъ низкій поклонъ, залился тотчасъ же на своей скрипкѣ, безъ предварительныхъ приготовленій. Могло статься, что игра Паганинова была весьма достопримѣчательна, что въ ней „виртуозность подчинялась классицизму, и наоборотъ, и сверхъ того проглядывали поминутно явные признаки романтизма, смѣшаннаго съ непостижимымъ развитіемъ механизма“, какъ выразился одинъ знатокъ на столбцахъ одной газеты; но профаны, и въ томъ числѣ бо̀льшая часть публики, остались того мнѣнія, что физіономія скрипача была несомнѣнно достопримѣчательнѣе его игры.

Паганиновъ былъ человѣкъ средняго роста, съ лицомъ мрачнаго вида, черными щетинистыми волосами и крупнымъ носомъ, гдѣ, казалось, основала свою резиденцію красная краска, умѣренно распредѣляемая у другихъ смертныхъ по различнымъ частямъ физіономіи.

Каждый разъ, какъ наступалъ трудный пассажъ, глаза виртуоза впивались въ оконечность пальцевъ, и волосы его отъ страшной натуги становились торчмя, какъ у ежа; но какъ только смычокъ выдѣлывалъ adagio, глаза его мгновенно обращались къ потолку и закатывались подъ лобъ, а губы покидали середину лица, чтобъ улыбнуться правому уху.

Полчаса спустя, мѣсто Паганинова заступилъ Габріельскій, маленькій, узенькій человѣчекъ, бѣлокурое лицо котораго во все время игры сохранило самое странное выраженіе.

Удушливый хохотъ снова раздался въ первомъ ряду, но снова заглушился громкими рукоплесканіями заднихъ рядовъ, и Габріельскій покинулъ возвышеніе съ такимъ же точно тріумфомъ, какъ его предшественникъ.

— Славно! молодецъ! замѣтилъ Аристархъ Өедоровичъ, посылая одобрительный кивокъ удалявшемуся скрипачу.

— Вамъ нравится? чрезвычайно пріятно! поспѣшно заговорилъ Бобоховъ, — но эти два еще ничего; совѣтую вамъ послушать Серепадина. Конечно, не всякій можетъ оцѣнить достоинство его игры: для этого нужно особенное развитіе, знаете, general baz... Но я смѣло скажу,

что такого кларнета нѣтъ у насъ... одно жаль: онъ, знаете, робокъ, чрезвычайно робокъ, но, надѣюсь, вы поддержите его?.. надо, знаете, не мѣшаетъ... поощрять таланты...

Слова Бобохова прерваны были появленіемъ Серенадина. Крошечные, узенькіе глазки придавали физіономіи кларнетиста плачущее выраженіе, а страшная блѣдность лица показывала величайшее смущеніе.

Оркестръ грянулъ интродукцію.

— Это интродукція, introductie, поспѣшилъ подсказать Бобоховъ, суетливо озираясь направо и налѣво.

— Прекрасно! вымолвилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, устремляя любопытный взоръ на Степанчикова, который дѣлалъ изъ-за угла одобрительные жесты кларнету.

Интродукція умолкла, воцарилась тишина. Серенадинъ сдѣлалъ шагъ впередъ, приложилъ кларнетъ къ губамъ и принялся дуть изо всей силы безъ всякаго результата.

Инструментъ оставался нѣмъ, какъ рыба. Бобоховъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе; Степанчиковъ почесалъ ухо; въ первомъ ряду послышался смѣхъ, заглушенный тотчасъ же, впрочемъ, громкими рукоплесканіями со стороны престарѣлаго Корнея.

Снова воцарилась тишина.

На этотъ разъ кларнетъ издалъ какой-то странный звукъ, весьма похожій на то, когда разрываютъ кусокъ клеенаго гостинодворскаго коленкора.

Послышался сильный, единодушный взрывъ хохота.

— Нѣтъ, тутъ что-нибудь такое... это инструментъ... зеленѣя, произнесъ Бобоховъ, обращаясь съ пояснительнымъ видомъ къ сосѣдямъ.—Интродукцію! играйте интродукцію, шепнулъ онъ, махая въ оркестръ и бросая взгляды на Серенадина, который продувалъ инструментъ, выбивая ускоренный тактъ угловатыми своими колѣнями.

Интродукція кончена. Виртуозъ дѣлаетъ шагъ впередъ, прикладываетъ инструментъ къ губамъ и снова издаетъ странный звукъ. Раздается взрывъ хохота, отъ котораго звенятъ стекла обширной залы. Серенадинъ кашляетъ совершенно безнадежнымъ образомъ и осматриваетъ съ видомъ глубокаго отчаянія клапаны своего кларнета.

— Интродукцію! интродукцію! продолжалъ нашептывать Бобоховъ.

Интродукцію играютъ въ третій разъ, но многія особы перваго ряда обнаруживаютъ явное намѣреніе не дослу-

шать окончанія концерта. Тохтамышевъ, Чиндаласовъ покидаютъ свои мѣста; концертъ между тѣмъ продолжается. Серенадинъ, развинтившій нѣсколько разъ сряду свои клапаны, наполняетъ теперь залу звонкими, раскатистыми трелями, къ совершенному удовольствію Бобохова... Затѣмъ наступаетъ антрактъ.

— Я вамъ говорилъ, что виноватъ былъ инструментъ; не правда ли, какой замѣчательный талантъ? Вамъ нравится? чрезвычайно пріятно! Но куда же дѣвались эти господа? Они, вѣрно, ушли курить. Я распорядился нарочно, чтобъ была особая комната; я люблю confor. Надѣюсь, вы останетесь до конца? теперь всѣ трое будутъ играть вмѣстѣ trio: чрезвычайно пріятно, если вы останетесь! говорилъ Бобоховъ.

— Непремѣнно, непремѣнно, отвѣчалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, посылая въ то же время знаменательный сигналъ Василькову и Миловзорову.

Полный удовлетвореннаго самолюбія, Бобоховъ разгуливаетъ по залѣ и улыбается публикѣ. Аристархъ Ѳедоровичъ летитъ, между тѣмъ, въ наемной каретѣ вмѣстѣ со своими тѣлохранителями и благополучно достигаетъ дверей одного клуба.

— Вы здѣсь членъ-съ? лепеталъ сладостнымъ голосомъ красивѣйшій изъ всѣхъ докторовъ, вынимая изъ бокового кармана гребешокъ, украшенный зеркальцемъ.

— Всегдашній и всенепремѣннѣйшій! самодовольно отвѣчалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, подымаясь съ нѣкоторою торжественностью по ступенямъ парадной лѣстницы клуба. — Я здѣсь дома и покорнѣйше прошу васъ, господа, помнить, что вы мои гости и, слѣдовательно, ничѣмъ не должны стѣснять себя въ этихъ стѣнахъ, гдѣ все должно дышать веселостью, примолвилъ онъ съ очаровательною любезностью. — Ну, что, Степанъ? что новаго, любезный? заключилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, обращаясь къ ливрейному лакею, который встрѣтилъ его на лѣстничномъ парапетѣ.

— Меня зовутъ-съ Матвѣемъ, отвѣчалъ лакей, представляя его вниманію записную книгу.

— Ахъ, да, я забылъ... Ну, что, Матвѣй? что дѣлается?.. вымолвилъ съ безпечною развязностью Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Сейчасъ только сѣли кушать... отвѣчалъ Матвѣй, отворяя двери.

— А, ужъ обѣдаютъ! Ну, пойдемте, пойдемте, господа, добро пожаловать; столовая раскрываетъ передъ вами свои гостепріимныя объятія... весело сказалъ Балахновъ, подымаясь впередъ и самодовольно выпучивая грудь.

Трудно передать выраженіе того сановито-грандіознаго спокойствія, съ какимъ Аристархъ Өедоровичъ вступилъ въ обѣденную залу. Скажемъ только, что Васильковъ и даже Миловзоровъ, несмотря на всю красу свою, казались подлѣ него въ эту торжественную минуту какими-то жалкими пигмеями, незаслуживающими рѣшительно никакого вниманія.

Занявъ свое мѣсто, Балахновъ окинулъ орлинымъ взглядомъ общество. Посѣтителей было много. Какъ правая сторона стола, такъ и лѣвая, представляли самую разнообразную панораму изъ лбовъ, завитковъ, коковъ, лысинъ, бакенбардъ и носовъ всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и размѣровъ. Общество хранило невозмутимое молчаніе; каждый сидѣлъ, глубокомысленно насупивъ брови, и занятъ былъ, казалось, разрѣшеніемъ какого-то многосложнаго и крайне головоломнаго вопроса, очевидно вызваннаго созерцаніемъ тысячерублеваго супа и подовыхъ пирожковъ, появившихся на каждомъ кувертѣ. Задумчиво-торжественное выраженіе на всѣхъ лицахъ ясно передавало общую мысль, какою одушевлены были въ настоящую минуту присутствовавшіе; каждый, казалось, хотѣлъ сказать: „Милостивые государи! мы всѣ собрались сюда въ этотъ день для того, чтобъ произнести нашъ приговоръ о достоинствѣ сей знаменитой стерляжьей ухи, и слѣдуетъ изъ того“... Но что слѣдуетъ изъ того, этого ни подъ какимъ видомъ не доказывали физіономіи присутствовавшихъ. Впрочемъ, Аристарху Өедоровичу было совершенно все равно: иныя мысли, иныя соображенія тѣснились въ дипломатической головѣ его, обращавшейся попеременно то къ одному концу стола, то къ другому, смотря по тому, куда устремлялись глаза, жадно искавшіе чего-то, или кого-то.

Обѣдъ приближался уже къ концу, когда Аристархъ Өедоровичъ почувствовалъ на лѣвомъ плечѣ прикосновеніе чего-то жесткаго; онъ обернулся—и не мало удивился, увидѣвъ передъ собою лакея, державшаго подносъ со стаканомъ шампанскаго.

— Это что? спросилъ онъ.

— Отъ господина Тохтамышева, отвѣчалъ лакей, почтительно наклоняясь.

Балахновъ взялъ стаканъ, быстрымъ взглядомъ окинулъ присутствовавшихъ и, отыскавъ на концѣ стола блистательнаго Тохтамышева, сидѣвшаго между изящнымъ Чиндаласовымъ и почтеннымъ Краповымъ, послалъ ему очаровательную улыбку, сопровождаемую не менѣе очаровательнымъ наклоненіемъ головы.

Вслѣдъ за тѣмъ, онъ велѣлъ подать бутылку шампанскаго, налилъ стаканъ и послалъ его Тохтамышеву.

Аристархъ Ѳедоровичъ внимательно слѣдилъ за лакеемъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не остановился подлѣ Тохтамышева. Улучивъ минуту, когда Тохтамышевъ вооружался стаканомъ, Аристархъ Ѳедоровичъ снова выдвинулся впередъ и послалъ ему одну изъ самыхъ любезныхъ улыбокъ, какія когда-либо украшали человѣческое лицо.

Страшный грохотъ трехсотъ стульевъ возвѣстилъ окончаніе обѣда.

Аристархъ Ѳедоровичъ такъ проникнутъ былъ чувствомъ собственнаго достоинства, такъ высоко цѣнилъ самого себя, что не заботился о томъ, что̀ могли сказать люди, встрѣчавшіе его въ обществѣ какого-нибудь ничтожнаго Миловзорова и еще болѣе ничтожнаго Василькова. Всякій благоразумный человѣкъ могъ, конечно, понять, что Аристархъ Ѳедоровичъ таскаетъ съ собою такихъ людей, какъ Васильковъ и Миловзоровъ, изъ одной лишь прихоти, такъ себѣ, можетъ статься, для забавы, а, можетъ статься, по внушенію безграничнаго снисхожденія, свойственнаго скучающимъ богачамъ и эксцентрическимъ людямъ. Поэтому самому, не стѣсняясь нимало присутствіемъ Порфирія Павловича и Миловзорова, выступавшихъ по бокамъ его, Аристархъ Ѳедоровичъ пошелъ прямо къ Тохтамышеву, который, со своей стороны, направлялся къ нему, держа подъ одну руку Чиндаласова, подъ другую—Петра Степановича Крапова.

— Мсьё Балахновъ! сказалъ Тохтамышевъ, протягивая ему неоцѣненную свою руку,—позвольте познакомить васъ съ моимъ пріятелемъ Чиндаласовымъ. Оба вы, если не ошибаюсь, принадлежите одной и той же губерніи и, вѣроятно, прежде еще встрѣчались...

— Да, я уже имѣлъ удовольствіе встрѣчать васъ, мсьё Балахновъ, въ нашемъ уѣздномъ городѣ, но не имѣлъ до сихъ поръ случая познакомиться съ вами... весело произнесъ Чиндаласовъ, выпучивая грудь и пожимая руку великому человѣку изъ Горшкова.

— Благодарю васъ, благодарю, мсьё Чиндаласовъ! возразилъ Аристархъ Өедоровичъ, проявляя на величавой своей физіономіи выраженіе любезности и радушія и отвѣчая горячимъ пожатіемъ руки,—безъ содѣйствія мсьё Тохтамышева, весьма легко могло случиться, что мы остались бы чужды другъ другу, несмотря на то, что встрѣчаемся на выборахъ и связаны даже нѣкоторымъ образомъ общими интересами... Вы, кажется, постоянный житель столицы: вы измѣнили, мсьё Чиндаласовъ, нашимъ мирнымъ селамъ, нашимъ безпредѣльнымъ, необъятнымъ полямъ и простору, въ пользу древней, почтенной старушки-Москвы... Впрочемъ, такъ поступаете не вы одни, примолвилъ онъ, бросая на собесѣдника обворожительно-любезную улыбку, — такъ поступаютъ почти всѣ молодые люди нашего скромнаго, уѣзднаго міра; всѣ побросали своихъ пенатовъ, всѣ дезертировали и такъ искусно скрыли слѣды своего побѣга, что ихъ даже и не отыщешь. Въ провинціи носятся слухи, будто всѣ мало-мальски богатые люди нашего уѣзда эмигрировали въ Москву; а между тѣмъ вотъ ровно мѣсяцъ, какъ живу я въ Москвѣ, и въ этотъ мѣсяцъ встрѣтилъ васъ однихъ... Куда же, спрашивается, дѣвались остальные?.. заключилъ Аристархъ Өедоровичъ съ безпечно-веселымъ тономъ, приправленнымъ пытливымъ взглядомъ, устремленнымъ на собесѣдника.

— Что мы стоимъ, господа? воскликнулъ Тохтамышевъ, обрѣзывая сигару. — Мсьё Балахновъ, Чиндаласовъ, пойдемте варить нашъ обѣдъ, какъ говорится...

Аристархъ Өедоровичъ изъявилъ величайшую готовность, и всѣ трое направились къ двери обѣденной залы.

— А, мсьё Миловзоровъ! какими судьбами?.. произнесъ Чиндаласовъ, обращаясь къ красивому врачу, который стоялъ у дверей вмѣстѣ съ Васильковымъ и курилъ тоненькую дамскую папироску, обернутую въ розовую бумажку...

Аполлинарій Ильичъ покраснѣлъ до ушей, пробормоталъ какой-то несвязный отвѣтъ и, взявъ подъ-руку Порфирія Павловича, курившаго трубку, послѣдовалъ за остальною компаніей.

Минуту спустя, компанія расположилась въ небольшой комнатѣ, украшенной полудюжиною зеленыхъ столовъ и диванами; тутъ, въ числѣ многихъ лицъ, бросалась особенно рѣзко въ глаза почтенная, спокойная наружность Петра Степановича Крапова.

Тохтамышевъ потребовалъ шампанскаго—и Аристархъ Өедоровичъ потребовалъ шампанскаго; Тохтамышевъ потребовалъ тончайшихъ сигаръ—и Аристархъ Өедоровичъ потребовалъ тончайшихъ сигаръ.

— Итакъ, сказалъ Балахновъ, улыбаясь Чиндаласову,— разъясните же мнѣ, наконецъ, вы, который постоянно живете въ Москвѣ, куда могли дѣться наши губернскіе львы?.. По крайней мѣрѣ, я не встрѣтилъ ни одного изъ нихъ во все время пребыванія моего въ столицѣ...

— Мудренаго ничего нѣтъ, возразилъ Чиндаласовъ, пуская клубъ дыма, — Сѐрбинъ и Крановичъ, пріѣхавъ изъ провинціи, пробыли здѣсь всего двѣ недѣли и уѣхали въ Петербургъ; Serge Старобѣльскій живетъ, какъ вамъ, я думаю, извѣстно, безвыѣздно въ своихъ „Золотыхъ-Привольяхъ“, поглощенный весь въ созерцаніе своихъ гнѣдыхъ рысаковъ и саврасыхъ скакуновъ...

— Какъ же это? перебилъ Балахновъ, — мнѣ сказали, будто Старобѣльскій уѣхалъ нынѣшнее лѣто на московскія скачки!.. Я даже собирался навѣстить его, но не сдѣлалъ этого единственно потому, что нигдѣ его не встрѣчаю...

— Э, помилуйте! ничуть не бывало! живетъ преспокойно въ своихъ „Золотыхъ-Привольяхъ“. Что жъ касается до другихъ, Окатовъ, напримѣръ...

— О, я этого и не считаю! живо перебилъ Аристархъ Өедоровичъ, потирая переносицу.

— Ну, кто тамъ у насъ еще изъ особенно-богатыхъ?.. Да, Бирюковъ...

— Ну, а этотъ куда дѣвался? съ участіемъ спросилъ Балахновъ, — мнѣ сказывали, что онъ уѣхалъ въ Москву для консультаціи съ здѣшними докторами, по случаю болѣзни его брата...

— Ха! ха! ха! разразился Чиндаласовъ, — кто могъ вамъ дать такое ложное извѣстіе? Бирюковъ, Бирюковъ поѣдетъ для консультаціи! Онъ не предприметъ поѣздки, которая будетъ ему чего-нибудь стоить... Развѣ вы его не знаете?..

— Да, онъ-таки скупенекъ, нечего сказать, замѣтилъ Аристархъ Өедоровичъ.

— Еще бы! подхватилъ Чиндаласовъ,—еще бы!

— Тохтамышевъ! сказалъ Петръ Степановичъ Краповъ, подходя къ разговаривавшимъ,—не хочешь ли составить партію?

— Охотно, отвѣчалъ Тохтамышевъ, безпечно раскачивая ногой, — но кто жъ будетъ моимъ партнеромъ? Отыщи партнера, и я сяду...

— Вы играете, мсьё Чиндаласовъ? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Играю и даже люблю играть, несмотря на то, что, во время послѣднихъ выборовъ, получилъ порядочный урокъ отъ Крановича и Сербина...

— И, несмотря на этотъ урокъ, будете все-таки играть на слѣдующихъ выборахъ? смѣясь, произнесъ Балахновъ, горѣвшій желаніемъ узнать, будетъ ли присутствовать собесѣдникъ на выборахъ.

— Всенепремѣнно! смѣясь, возразилъ Чиндаласовъ,—я обѣщалъ даже реваншъ Крановичу и Сербину.

— Въ такомъ случаѣ, любезно перебилъ Балахновъ,—въ ожиданіи этого реванша, не хотите ли состязаться со мною?..

— Очень радъ. Партія, слѣдовательно, готова. Тохтамышевъ! крикнулъ Чиндаласовъ, обращаясь къ свояку Бобохова, стоявшему подлѣ стола, — ты играешь съ Крановымъ противъ меня и мсьё Балахнова.

— Пре-к-расно, о-о-чень радъ! отвѣчалъ Тохтамышевъ, между тѣмъ какъ кончики драгоцѣнныхъ его пальцевъ, державшіе сигару, тотчасъ же принялись разыгрывать извѣстное allegro.

„Дѣло въ шляпѣ“, подумалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, направляясь къ игорному столу: „Чиндаласовъ любитъ играть; проигрываю ему пятьсотъ рублей, и этимъ способомъ пріобрѣтаю его на свою сторону; сверхъ того, пріобрѣтаю его друзей, Крановича и Сербина, которымъ также своевременно проиграна будетъ маленькая сумма—наша возьметъ!“

Въ то время, когда Аристархъ Ѳедоровичъ усаживался за карты, составляя въ дипломатической головѣ своей глубокія комбинаціи хитросплетеннаго свойства, Миловзоровъ увлекалъ своего сердобольнаго друга въ сосѣднюю комнату.

— Много ли денегъ взялъ съ собой Аристархъ Ѳедоровичъ, ты не знаешь? спросилъ Аполлинарій Ильичъ съ нѣкоторою поспѣшностью.

— Нѣтъ, не знаю; а что?

— Онъ погибъ, навѣрное погибъ!

— Какъ! что такое?.. возразилъ Васильковъ, вращая глазами, выражавшими испугъ.

— И ничего не знаешь ты объ этихъ господахъ?.. И ничего не знаешь даже объ этой комнатѣ, откуда мы сейчасъ вышли?.. продолжалъ Миловзоровъ, увлекая своего друга въ диванную.

— Ничего, клянусь!

— Ужасно! ужасно! Одинъ видъ этой комнаты пробуждаетъ во мнѣ страхъ, вымолвилъ Миловзоровъ съ такимъ выраженіемъ, отъ котораго всѣ члены Порфирія Павловича прониклись невольнымъ трепетомъ.

— Ее зовутъ особымъ именемъ! шепнулъ Миловзоровъ.

— Какимъ?—вотъ все, что могъ произнести Васильковъ.

— Адская комната! проговорилъ Миловзоровъ, таинственно наклоняясь къ уху своего собесѣдника.

— Можетъ ли быть?.. шепнулъ Васильковъ, озираясь на стороны.

— Я тебя увѣряю. Что жъ касается до этихъ господъ, это первые игроки въ мірѣ; играютъ страшно: это тѣ самые, что̀ выиграли у меня пятнадцать тысячъ въ полчаса! тѣ самые — Чиндаласовъ и тотъ старый Краповъ; случай необыкновенный! Такъ все это хитро было подведено, что всякій бы попался на моемъ мѣстѣ...

— Какъ же это было? спросилъ Васильковъ, тронутый минувшимъ горемъ одного друга и въ то же время обуреваемый страхомъ при мысли, что другой другъ его подвергался неминуемой опасности.

— Однажды вечеромъ—это случилось, душка моя, четыре года тому назадъ, вскорѣ послѣ моей свадьбы—присылаетъ за мной какой-то больной... началъ Миловзоровъ, усаживая на диванъ взволнованнаго Василькова, — я являюсь. Вводятъ меня въ спальню; вижу: лежитъ больной, вотъ этотъ самый Чиндаласовъ, что̀ играетъ теперь съ Аристархомъ Ѳедоровичемъ. Передъ постелью столъ, а за этимъ столомъ сидятъ Тохтамышевъ, тотъ же самый, и Краповъ... замѣтилъ ты его?..

— Охъ! простоналъ Порфирій Павловичъ, томимый страшнымъ предчувствіемъ.

— Оба они, то-есть Тохтамышевъ и Краповъ, играли въ карты. Больной разсказываетъ мнѣ, между тѣмъ, о своей болѣзни—а болѣзни, надо тебѣ сказать, душка моя, ровно никакой у него не было; попросту, голова болѣла. Слово за слово, больной, то-есть, Чиндаласовъ, и гововитъ мнѣ: — „Докторъ, говоритъ, смотрю я на ваше прекрасное лицо, смотрю и не могу наглядѣться... (ты знаешь,

душка моя, всѣ говорятъ мнѣ почему-то то же самое); ваша физіономія кажется мнѣ самою счастливою. Послушайте, говоритъ, не согласитесь ли вы поиграть за меня?.. Пріятели пришли развлечь меня, а мнѣ, между тѣмъ, сдѣлалось еще скучнѣе, потому что „глазъ видитъ, да зубъ нейметъ"... это было его собственное выраженіе. Вижу, люди такіе пріятные, любезные. „Отчего жъ, говорю, весьма буду радъ". Вотъ, душенька, я и сѣлъ съ ними...

— Охъ! простоналъ Порфирій Павловичъ. Вздохъ этотъ вызванъ былъ тяжелымъ воспоминаніемъ проигрыша въ сто цѣлковыхъ, сдѣланнаго имъ въ то время еще, когда полкъ его стоялъ на травяномъ продовольствіи.

— И представь, душенька, счастіе дѣйствительно повезло мнѣ, продолжалъ Миловзоровъ,—такъ повезло, что въ какихъ-нибудь полчаса я выигралъ у Тохтамышева и Крапова двѣсти-пятьдесятъ цѣлковыхъ! Мнѣ стало ужасно досадно, что я игралъ на чужія деньги: выигрышъ принадлежалъ Чиндаласову. Не знаю, догадался ли онъ, только когда я сталъ отдавать ему деньги, онъ и говоритъ мнѣ: „Мнѣ, право, говоритъ, совѣстно брать деньги, которыя вы одни выиграли; а впрочемъ, все это, говоритъ онъ, можно поправить: приходите завтра и будемъ играть пополамъ; необыкновенное счастіе ваше ручается мнѣ за успѣхъ". Денегъ мнѣ не нужно было; ты знаешь, душка, боперчикъ и бельмерочка ни въ чемъ мнѣ не отказываютъ; но я былъ увѣренъ, что выиграю, и самъ поймешь, какъ билось мое сердце, когда я думалъ, что вдругъ принесу имъ тысячъ, этакъ, тридцать или сорокъ!.. Мнѣ хотѣлось сдѣлать имъ пріятный сюрпризъ. Боперчикъ только что подарилъ мнѣ тогда ломбардный билетъ въ пятнадцать тысячъ; я взялъ этотъ билетъ (нарочно никому не сказалъ ни слова) и на слѣдующій вечеръ отправился къ Чиндаласову. Смотрю: онъ лежитъ попрежнему въ постели, и показалось мнѣ тогда, что онъ въ самомъ дѣлѣ боленъ (потомъ уже узналъ я, душка, что все это была штука); попрежнему сидятъ Тохтамышевъ и Краповъ. Чиндаласовъ далъ мнѣ денегъ, я сѣлъ играть и... сказать ли тебѣ?.. да, скажу, душка, въ полчаса они обыграли меня до-чиста: пятнадцать тысячъ какъ не бывало! Тутъ они и забастовали. Я бы до сихъ поръ ничего не подозрѣвалъ съ ихъ стороны, если бъ не одинъ пріятель, также докторъ, съ которымъ они

сыграли такую же штуку: зазвали его къ себѣ, Чиндаласовъ прикинулся больнымъ, пригласилъ его въ долю, тотъ сѣлъ; въ первый день повезло счастье, а на другой день его обыграли точно такъ же, какъ меня... Я тебѣ говорю: это ужасные люди!..

— Аполлинарій! воскликнулъ Васильковъ, воодушевленный какою-то энергическою мыслью,—надо спасти Аристарха Ѳедоровича!..

Миловзоровъ изъявилъ совершеннѣйшую готовность слѣдовать за своимъ другомъ. Васильковъ обвилъ правою рукою лѣвую руку красиваго медика, и оба направились смѣлыми стопами въ адскую комнату.

По мѣрѣ приближенія къ цѣли, рѣшимость и отвага, отражавшіяся на энергическихъ лицахъ двухъ пріятелей, постепенно слабѣли, слабѣли и, наконецъ, замѣнились явнымъ смущеніемъ; въ сосѣдней комнатѣ Миловзоровъ обнаружилъ желаніе закурить папироску, и такъ долго продлилъ эту церемонію, что Порфирій Павловичъ почувствовалъ потребность затянуться, въ свою очередь, табачнымъ дымомъ и потребовалъ трубку; вступивъ въ третью комнату, Миловзоровъ почелъ не лишнимъ сообщить задушевному другу, что подвигъ, предпринятый ими, требовалъ большой осторожности и особенно сильнаго присутствія духа и находчивости; на этомъ основаніи рѣшено было, съ общаго согласія, отправиться въ буфетъ и выпить, для бодрости, по стакану портвейна.

Въ четвертой комнатѣ Васильковъ спросилъ у доктора, не зналъ ли онъ еще какихъ-нибудь подробностей насчетъ Чиндаласова и его пріятелей? Докторъ отвѣчалъ, что ему извѣстна только ссора, происшедшая между Чиндаласовымъ и какимъ-то господиномъ, который, желая заступиться за брата, обыграннаго Чиндаласовымъ, намекнулъ послѣднему о его неправильной игрѣ; больше ничего онъ не зналъ о Чиндаласовѣ.

— Мнѣніе мое, сказалъ Миловзоровъ, останавливаясь въ великомъ смущеніи подлѣ двери завѣтной комнаты,— мнѣніе мое такого рода, что намъ не слѣдуетъ даже показывать ни въ какомъ случаѣ, что мы принимаемъ участіе въ Аристархѣ Ѳедоровичѣ; мы сядемъ на диванъ противъ него и молча будемъ подавать ему знаки глазами: онъ пойметъ!

Порфирій Павловичъ отвѣчалъ энергическимъ пожатіемъ руки; затѣмъ оба пробрались въ игорную комнату,

усѣлись въ отдаленный уголъ и принялись наблюдать Аристарха Ѳедоровича, окруженнаго толпою игроковъ и любопытныхъ.

Въ эту минуту Аристархъ Ѳедоровичъ достоинъ былъ наблюденія со стороны кого бы то ни было: изъ разговора оказывалось, что онъ проигрывалъ нѣсколько тысячъ, и со всѣмъ тѣмъ на величавомъ лицѣ его не обнаруживалось ни малѣйшаго обличительнаго признака внутренней тревоги. Пурпуровые кружки, горѣвшіе яркимъ пламенемъ на благородныхъ его ланитахъ и принимавшіе издали видъ накапаннаго краснаго сургуча, доказывали только, вмѣстѣ съ каплями пота, что Аристархъ Ѳедоровичъ не былъ привыченъ къ жаркой атмосферѣ адской комнаты.

— Прекрасно, мсьё Чиндаласовъ, пре-вос-ходно! ха! ха! ха! говорилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, вынимая съ особеннымъ великолѣпіемъ бумажникъ изъ бокового кармана,— чудесно! А впрочемъ, наше дѣло еще не кончено: надѣюсь, вы не забыли, что дали мнѣ слово навѣстить меня до выборовъ въ губернскомъ городѣ и привезти съ собою Сѐрбина и Крановича?.. Партія наша, слѣдовательно, еще не кончена и отлагается впредь до другого случая...

— Разумѣется, отвѣчалъ изящный Чиндаласовъ, разсѣянно запрятывая въ карманъ балахновскія деньги,— что-жъ касается до даннаго слова, я сдержу его и въ назначенный день явлюсь къ вамъ съ Сѐрбинымъ и Крановичемъ...

— Благодарю! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, величественно приподымаясь съ своего мѣста и протягивая руку собесѣднику,—а ужъ насчетъ Ханскихъ-Прудовъ и думать нечего—съ этой стороны не ждите вы никакой пощады... ха! ха! ха! Какъ только завидятъ васъ—стой! Запремъ коляску, запремъ лошадей, а самихъ заполонимъ точно такъ же, какъ дѣлывали въ старину наши предки... Надѣюсь, вы недолго останетесь въ губернскомъ городѣ послѣ выборовъ? Что тамъ дѣлать? Скука смертная...

— Ну, нѣтъ, я съ вами не совсѣмъ согласенъ; во-первыхъ, тамъ бездна хорошенькихъ...

Аристархъ Ѳедоровичъ залился веселымъ смѣхомъ и погрозилъ съ очаровательною граціею пальцемъ на своего собесѣдника.

— Серьезно, я вовсе не шучу, повторилъ Чиндаласовъ,—хорошенькихъ бездна!..

— Не знаю, мсьё Балахновъ, много ли у васъ хорошенькихъ, сказалъ Тохтамышевъ,—но, во всякомъ случаѣ, мнѣ также, какъ и Крапову, хотѣлось бы узнать объ одной особѣ вашего губернскаго города, красоту которой превозноситъ до небесъ нашъ пріятель Чиндаласовъ.

— Кто-жъ такая? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, лукаво прищуривая глаза.

— Вы, вѣрно, знаете, или видѣли по крайней мѣрѣ... нѣкто Кошкина. Чиндаласовъ увѣряетъ, что такой хорошенькой женщины не встрѣтишь даже въ цѣлой Москвѣ, продолжалъ Тохтамышевъ, не замѣчая конвульсивныхъ движеній, производимыхъ бровями Аристарха Ѳедоровича.

— И, конечно, такое мнѣніе найдетъ живой отголосокъ въ мсьё Балахновѣ, если онъ только видѣлъ мадамъ Кошкину, сказалъ Чиндаласовъ.

— Къ сожалѣнію, я не знакомъ съ ними, отвѣчалъ Аристархъ Ѳедоровичъ съ тѣмъ невозмутимо-благороднымъ спокойствіемъ, которое составляло самую рѣзкую и замѣчательную черту въ его высокой натурѣ.

— Жаль, мсьё Балахновъ, очень жаль! произнесъ Тохтамышевъ.—Основываясь на вашемъ приговорѣ, я хотѣлъ удостовѣриться, достойна ли она похвалъ нашего друга Чиндаласова, который... ха! ха! ха!.. чтобъ угодить ей, обѣщалъ держать сторону ея мужа во все время выборовъ...

Въ эту минуту Аристарху Ѳедоровичу сдѣлалось очень неловко; мрачное облако затмило его взоры. Но это продолжалось всего одну секунду; секунду спустя, черты великаго дипломата приняли свое обычное величавое спокойствіе.

— А! такъ вы намѣрены держать сторону Кошкина?.. разсѣянно вымолвилъ онъ, проникаясь мгновенно глубочайшимъ презрѣніемъ и непримиримою ненавистью къ Чиндаласову и его пріятелямъ.

— Да, весело отвѣчалъ Чиндаласовъ,—и сдѣлаю это съ величайшимъ удовольствіемъ; самъ я не принимаю никакого участія въ выборахъ: пускай себѣ торжествуетъ мсьё Кошкинъ!..

„Мы это еще увидимъ!“ чуть было не крикнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Пускай себѣ торжествуетъ мсьё Кошкинъ, пусть будетъ по-вашему! произнесъ онъ удушливымъ голосомъ, производившимъ какое-то странное дребезжанье, какъ будто въ его горлѣ засѣлъ кустъ крыжовника.

Сказавъ эти слова, Аристархъ Өедоровичъ раскланялся съ Чиндаласовымъ и, горделиво закинувъ голову, вышелъ изъ комнаты.

Васильковъ и Миловзоровъ быстро послѣдовали за нимъ. Рѣшивъ въ своемъ сердцѣ, что это была самая благопріятная минута для предостереженія Аристарха Өедоровича насчетъ страшной опасности, какой подвергался онъ въ обществѣ Чиндаласова, они стремительно пробѣжали длинную анфиладу комнатъ. Усердіе ихъ оказалось, однакожъ, безполезнымъ:

Аристарха Өедоровича ужъ не было въ клубѣ.

V.

Одинъ интересный молодой человѣкъ ѣдетъ къ одной великосвѣтской дамѣ, которая даетъ блистательные вечера по пятницамъ, а оттуда въ Петровскій паркъ, гдѣ встрѣчаетъ веселую компанію.

Утромъ на другой день, послѣ блистательнаго концерта, ознаменованнаго странными звуками Серенадина, въ пятый нумеръ гостиницы, занимаемой Бобоховымъ, вошелъ извѣстный аферистъ Аөанасій Никитичъ Степанчиковъ. Престарѣлый Корней поспѣшилъ доложить барину, и такъ какъ отвѣтъ оказался вполнѣ удовлетворительнымъ, минуту спустя, Степанчиковъ входилъ въ гостиную.

Послѣ обычныхъ привѣтствій, бесѣда между милліонщикомъ и флегматическимъ толстякомъ началась слѣдующимъ образомъ:

— Что вамъ угодно? спросилъ Бобоховъ, усаживаясь на диванѣ и приглашая гостя занять мѣсто на сосѣднемъ стулѣ.

— Я пришелъ къ вамъ, сударь мой, поговорить насчетъ землицы, которую привелось пріобрѣсти у васъ, мѣсяцъ назадъ, прохрипѣлъ Степанчиковъ, устремляя глаза на собесѣдника и полируя въ то же время ладонью правой руки ворсъ порыжѣвшей своей шляпы.

— Что жъ вамъ угодно? нетерпѣливо повторилъ выскочка.—Дѣло, кажется, кончено.

— Я самъ полагалъ, что оно кончено, а на повѣрку, сударь мой, выходитъ, что не совсѣмъ: въ купчей, которую

вы изволили тогда принять на себя, находится маленькое недоразумѣніе...

— Объяснитесь! сказалъ Бобоховъ, закидывая назадъ голову.

Толстякъ поставилъ шляпу на сосѣдній стулъ, вынулъ изъ бокового кармана табакерку, угостилъ носъ щепотью табаку и снова устремилъ глаза на собесѣдника.

— Изволите видѣть, началъ онъ, укрѣпляясь окончательно на стулѣ и дѣлая пояснительныя движенія пальцами.—Изволите видѣть: я, какъ вамъ, полагаю, извѣстно, купилъ землю не для себя; купилъ я ее по порученію одного богатаго господина и, слѣдственно, долженъ отвѣчать за каждую бездѣлицу... Изволите видѣть: въ купчей означено, сверхъ земли, тридцать одна душа; такъ или нѣтъ-съ?.. Въ числѣ ихъ оказывается маленькій недочетъ-съ; изволите видѣть, какъ это произошло: скупивъ имѣнія у прежняго владѣльца, вы изволили заниматься формированіемъ оркестра... Похвальная мысль-съ, сударь мой; вчера еще я могъ убѣдиться, съ какимъ успѣхомъ вы привели ее въ исполненіе... Итакъ-съ, вы изволили заниматься формированіемъ оркестра и для этой цѣли потребовали изъ отдѣльныхъ вотчинъ, прилежащихъ къ большому вашему имѣнію... Голодаевка, кажется... такъ точно-съ — потребовали способныхъ людей. Изъ справокъ оказывается, что три дворовыя души, о которыхъ я упоминалъ, которыя числятся въ купчей и которыхъ нѣтъ у меня налицо—находятся теперь въ вашемъ оркестрѣ...

— Я что-то не совсѣмъ этому вѣрю, сказалъ Бобоховъ, презрительно прищуривая глазки.

— Такъ точно-съ! возразилъ Степанчиковъ съ необычайною флегмою. — Такъ точно-съ; если вамъ угодно будетъ заглянуть вотъ сюда-съ, примолвилъ онъ, вынимая изъ кармана нѣсколько сложенныхъ листовъ,—вы сейчасъ же убѣдитесь во всемъ; изволите видѣть: вотъ купчая, а вотъ и ревизская сказка; тутъ найдете вы даже имена трехъ вышеупомянутыхъ музыкантовъ.

— Что мнѣ смотрѣть!.. Помилуйте, это совершеннѣйшая нелѣпость. Какъ! я упомянулъ въ купчей, говорите вы,— трехъ музыкантовъ, которыхъ я самъ, лично, постарался усовершенствовать?.. Этого быть не можетъ!..

— Такъ точно-съ... возразилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ Степанчиковъ,—и я требую, сударь мой...

— Вы требуете... странно! перебилъ Бобоховъ.

— То-есть требую собственно не я-съ, а покупщикъ имѣнія вашего. Вы извольте взглянуть, сказалъ Степанчиковъ, раскрывая бумаги и подчеркивая ногтемъ три имени, курсиво-прописанныя въ сказкѣ.

— Какъ, Серенадинъ? вскричалъ, зеленѣя, Бобоховъ.— Три музыканта, на образованіе которыхъ пошли огромныя суммы... три виртуоза, которыми вчера еще восхищалась вся публика... и... и...

— Что жъ дѣлать! равнодушно сказалъ Степанчиковъ, покручивая сережку, украшавшую его правое ухо.

— Какъ, что дѣлать? Что дѣлать!.. Ха-ха! залился выскочка тѣмъ смѣхомъ, который называется обыкновенно „желтымъ“. — Ха-ха!.. И вы серьезно думаете, что я уступлю этому господину Паганинова, Габріельскаго и Серенадина?

— Такъ точно-съ, отвѣчалъ съ убійственною флегмою Степанчиковъ.

— Что значитъ ваше „такъ точно“? Такъ точно!.. Знайте, что я смѣюсь надъ всѣмъ этимъ! запальчиво сказалъ выскочка, быстро приподнимаясь съ своего мѣста и принимаясь размахивать руками...

— Смѣйтесь, сударь мой, смѣйтесь! Смѣйтесь, сколько угодно! подхватилъ Степанчиковъ, отодвигаясь вмѣстѣ со стуломъ.

Мы уже сказали, что лицо Аѳанасія Никитича увѣнчано было бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, остриженными подъ гребенку и принимавшими издали видъ бѣлой ермолки; точность, какой слѣдовали мы во все продолженіе этой правдивой исторіи, заставляетъ насъ сознаться, что въ ту самую минуту, какъ Бобоховъ принялся размахивать руками, на лицѣ Степанчикова обозначилась пріятная улыбка и вмѣстѣ съ тѣмъ сѣрые глаза его заискрились веселымъ блескомъ.

— Смѣйтесь, сударь мой! повторилъ Степанчиковъ. — Съ своей стороны, я буду имѣть честь извѣстить васъ, отъ имени покупщика вашей деревни, что если вы воспротивитесь удовлетворить его миролюбивымъ образомъ, онъ принужденъ будетъ обратиться куда слѣдуетъ, сударь мой: подастъ прошеніе... И такъ какъ всѣ права на нашей сторонѣ въ настоящемъ случаѣ...

— Нѣтъ, на вашей сторонѣ или на сторонѣ этого господина, какъ вы его называете, рѣшительно нѣтъ никакихъ правъ! воскликнулъ выскочка, останавливаясь пе-

редъ собесѣдникомъ, который продолжалъ покручивать сережкой. — Во-первыхъ, съ васъ потребуютъ отчетъ, зачѣмъ не сказали вы мнѣ ни слова прежде о томъ, что недостаетъ въ купчей трехъ человѣкъ, и объявили мнѣ объ этомъ спустя мѣсяцъ!..

— Полноте, сударь вы мой! сказалъ съ разстановкою Степанчиковъ.—Мало ли у меня дѣла! за всѣмъ не присмотришь; до сего времени и покупщикъ не заглядывалъ въ вашу купчую; а какъ заглянули, такъ я вотъ и пришелъ къ вамъ... Вотъ и все тутъ!

— А я вамъ скажу, что вы знали очень хорошо все это дѣло! вскричалъ Бобоховъ.—Вы знали, что, продавая имѣніе, я проглядѣлъ нечаянно въ купчей трехъ музыкантовъ, и нарочно ничего тогда не сказали!.. Да, вамъ извѣстно было, что я намѣренъ былъ истратить на нихъ огромныя суммы и сдѣлать изъ нихъ знаменитыхъ виртуозовъ... вы все это знали и даже разсчитывали на это... И теперь, какъ три виртуоза получили громкую извѣстность, вы хотите отнять ихъ у меня!.. Такъ можетъ поступить только тотъ... Да, тотъ, кто... примолвилъ Бобоховъ, осаживая къ двери.—Да, вы просто поступили со мною...

— Извольте продолжать, сударь мой, извольте! подхватилъ Аѳанасій Никитичъ, громко сморкаясь.—Вы, кажется, сударь мой, изволили выразиться...

— Да, я сказалъ, поспѣшилъ перебить Бобоховъ, — я сказалъ, что вы поступили со мною... да... совсѣмъ... очень даже не хорошо!.. Я никого не боюсь, и наведите хоть тысячу, хоть три тысячи свидѣтелей, я все-таки повторю, что не уступлю вамъ трехъ музыкантовъ... Это явная нелѣпица, безсмыслица, чепуха!.. и я... я совѣтую вамъ, милостивый государь, быть со мною осторожнѣе!.. присовокупилъ онъ, разгорячаясь. — Да, совѣтую вамъ, милостивый государь, быть со мною осторожнѣе! подхватилъ запальчивый юноша, значительно понижая голосъ. — Вы забываете, съ кѣмъ имѣете дѣло! Я никогда, слышите ли, никогда никому не позволю шутить съ собою, да будетъ это вамъ извѣстно!

— Какой же, батюшка вы мой, шутникъ! возразилъ Степанчиковъ.—Я только хотѣлъ сказать вамъ, что, принимая въ уваженіе ваше пристрастіе къ вышереченнымъ тремъ музыкантамъ, готовъ, пожалуй, отъ имени господина, купившаго у васъ имѣніе, предложить вамъ мировую, полюбовную сдѣлку...

— Не хочу я никакихъ полюбовныхъ сдѣлокъ!.. Ха-ха-ха!.. Мировыя сдѣлки съ вами! Это, просто, смѣшно!.. Вы поступили со мною какъ... какъ... Хи-хи-хи!.. Сдѣлка, сдѣлка... Хи-хи-хи! подхватилъ выскочка, стараясь принять насмѣшливый видъ. — Любопытно было бъ знать, однакожъ, какая это сдѣлка?..

— Угодно вамъ выслушать?..

— Да, пожалуй, хи-хи!.. да; но только нельзя ли, пожалуйста, кончить скорѣе?

— Съ моимъ большимъ удовольствіемъ: угодно вамъ будетъ вознаградить покупщика наличными деньгами?

— Сколько же онъ хочетъ? презрительно спросилъ Бобоховъ.

— Семь тысячъ.

— Семь тысячъ?.. воскликнулъ, зеленѣя, Бобоховъ.

— Такъ точно-съ, возразилъ неумолимый Степанчиковъ, — а въ случаѣ, если нѣтъ у васъ наличной суммы, мы напишемъ, пожалуй, вексель... за поручительствомъ Аркадія Андреевича Тохтамышева...

— У меня всегда есть деньги! гордо воскликнулъ Бобоховъ.—Я не знаю, откуда, кто могъ сказать, съ чего вы взяли, что я стану подписывать векселя!

— Такъ, стало-быть, вы, сударь мой, не согласны? спокойно произнесъ Степанчиковъ, посылая въ носъ щепоть табаку.

— Я удивляюсь, да, я не постигаю, какъ вы можете предлагать мнѣ такія сдѣлки! запальчиво воскликнулъ выскочка, принимаясь снова размахивать руками.—Вы забываете, кажется, съ кѣмъ имѣете дѣло.

— Эге-ге-ге, батюшка! большой форсъ на себя берете, медленно сказалъ Степанчиковъ, нагибаясь, чтобъ приподнять шляпу,—оченно горячи, да-съ, хотя и не больно какой знатный вельможа...

Бобоховъ сдѣлалъ жестъ рукою, хотѣлъ что-то сказать, но взглянулъ на толстаго афериста и ограничился тѣмъ только, что указалъ ему торжественно на дверь и вышелъ въ сосѣднюю комнату.

— Мое почтеніе, сказалъ ему вослѣдъ Степанчиковъ, выражая насмѣшливую улыбку, — мое почтеніе-съ; буду имѣть честь извѣстить васъ, сударь мой, что завтра же подано будетъ, куда слѣдуетъ, прошеніе... Желаю оставаться благополучно...

Всякому понятно, я думаю, какихъ усилій потребова-

лось со стороны Бобохова, чтобъ выдержать равнодушно окончаніе этой сцены и вести себя истинно джентльменскимъ образомъ. Такое умѣнье владѣть собою сдѣлало бъ даже честь самому Аристарху Ѳедоровичу. Но всякій, я думаю, знаетъ также, что страсти, подавляемыя такимъ образомъ въ глубинѣ сердца, пріобрѣтаютъ свойство пороха, который тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ тѣснѣе пространство, въ которомъ его заключили. Такое свойство сосредоточенныхъ страстей замѣчаемъ мы теперь въ Бобоховѣ, который явился въ гостиную, какъ только шаги Степанчикова умолкли въ коридорѣ. Ничего не можетъ быть свирѣпѣе выскочекъ, приведенныхъ въ раздраженное состояніе, и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда напоминаютъ имъ ихъ далеко не аристократическое происхожденіе. Выскочки въ тѣхъ случаяхъ—то же, что разбогатѣвшіе петербургскіе сапожники изъ нѣмцевъ, которые готовы, кажется, пронзить васъ шиломъ, если вы осмѣлитесь назвать ихъ „сапожниками". Гроза, нависнувшая надъ пятымъ нумеромъ аристократической гостиницы, прошла, однакожъ, безъ особенныхъ послѣдствій; все дѣло ограничилось нѣсколькими „эй!", приправленными лаконическимъ приказаніемъ подавать немедленно карету.

Пять минутъ послѣ этого, Бобоховъ летѣлъ къ свояку своему, блистательному Тохтамышеву. Тохтамышевъ жилъ великолѣпно, и жилъ, нужно замѣтить, совершеннѣйшимъ холостякомъ. Въ то самое утро въ кабинетѣ его—отличнѣйшемъ кабинетѣ, съ патѐ и диванами, обтянутыми краснымъ сафьяномъ—было очень весело. Тутъ находились Чиндаласовъ, почтенный Петръ Степановичъ Красновъ, много еще другихъ джентльменовъ, принадлежащихъ той же компаніи. Въ ту самую минуту, какъ Бобоховъ входилъ въ переднюю, стѣны квартиры потрясались единодушнымъ хохотомъ.

— Аркадій Андреевичъ только что изволили уѣхать, сказалъ съ увѣренностью лакей.

— Онъ уѣхалъ, можетъ быть, для другихъ... Но развѣ ты меня не знаешь? произнесъ выскочка, при чемъ физіономія его представила ровную, глянцевитую поверхность желтаго лица, украшеннаго по бокамъ рыжеватыми бакенбардами.

— Помилуйте, какъ не знать-съ! очень хорошо знаю-съ! возразилъ лакей, заслоняя слегка дорогу,—но Аркадій Андреичъ, какъ я вамъ уже докладывалъ, изволили уѣхать...

Тутъ въ отдаленіи послышался новый взрывъ хохота, который раздался съ перекликами въ оскорбленномъ сердцѣ выскочки; онъ показалъ, однакожъ, что ничего не замѣтилъ и спросилъ разсѣянно:

— Когда же онъ будетъ дома?..

— Не могу знать; они ничего не изволили говорить... отвѣчалъ лакей, отворяя дверь на улицу.

— Скажи, по крайней мѣрѣ, что я былъ! вымолвилъ Бобоховъ глухимъ голосомъ.

Чрезвычайно непріятно! Къ счастію еще, что въ ту самую минуту, когда выскочка садился въ карету, на тротуарѣ толпилось много народа, и онъ могъ вознаградить себя, крикнувъ кучеру громкимъ голосомъ: „къ Тохтамышевой!"

Тохтамышевъ и жена его не жили вмѣстѣ. Не могу сказать вамъ навѣрное, въ какой именно день и по какому именно случаю произошло несогласіе между ними. Людская молва и толки потеряли кредитъ съ незапамятныхъ временъ; и всякій мало-мальски опытный человѣкъ знаетъ, какъ опасно довѣрять тому, что̀ говорятъ люди. Не ручаясь за справедливость нижеприведенныхъ строкъ, мы скажемъ, однакожъ, что иные говорили, будто „разстройство" между супругами произошло вскорѣ послѣ того, какъ приданое купеческой дочки (нынѣ Тохтамышевой) обратилось въ тщательно закругленный ноль; другіе, болѣе скромные изслѣдователи чужихъ дѣлъ приписывали разстройство несогласію характеровъ: супруга настоятельно требовала, чтобъ мужъ возилъ ее на балъ въ дворянское собраніе и посѣщалъ съ нею всевозможныя гостиныя; мужъ, съ своей стороны, не любилъ всего этого; руководимый истиною, онъ не разъ даже говорилъ женѣ, что самъ не имѣетъ никакого доступа въ гостиныя, никогда не посѣщалъ ихъ, ибо съ юнаго возраста ограничилъ визиты свои клубомъ, креслами театра и почтеннымъ Петромъ Степанычемъ Краповымъ; но жена противилась внимать голосу истины и настаивала на своемъ. Третьи, напротивъ того, обвиняли во всемъ мужа: они положительно утверждали, будто Тохтамышевъ смотрѣлъ на жену не иначе, какъ на мѣшокъ съ деньгами, и разстался съ этимъ мѣшкомъ именно въ то самое утро, когда не оказалось въ немъ гроша. Что до меня касается, я рѣшительно почитаю такіе слухи пустыми сплетнями, возведенными людскою злобою до небывалыхъ размѣровъ. Дѣло, мнѣ кажется, очень

просто и объясняется само собою: Тохтамышевъ любитъ шумъ, блескъ; жена его любитъ скромное уединеніе, и потому, не желая, вѣрно, мѣшать другъ другу, они согласились жить въ разныхъ квартирахъ.

Склонность къ уединенію заставила Тохтамышеву поселиться вовсе не на Сивцовомъ Вражкѣ, какъ говорилъ Бобоховъ, но въ отдаленнѣйшемъ захолустьи Москвы, и нанять три комнаты вовсе не въ домѣ графа Волынскаго, какъ повѣствовалъ опять-таки Бобоховъ, но въ домѣ весьма невзрачной наружности, принадлежавшемъ какой-то старой купчихѣ.

Могло также статься, что „салонъ" троюродной сестры Бобохова, которую называлъ онъ, вѣроятно, для краткости, сестрою, не представлялъ также образчика современной роскоши, доведенной до тончайшей аристократической изысканности: аристократическая роскошь и тонкая изысканность салона сосредоточивались въ чахломъ диванѣ, въ видѣ S, обитомъ когда-то красною байкой съ черными разводами...

Прислуга Тохтамышевой была также не очень многочисленна: мажордомъ, грумъ, камеристки и проч. олицетворялись въ одномъ образѣ старой, подслѣповатой кухарки.

Видъ этой кухарки сильнѣйшимъ образомъ оскорблялъ и даже возмущалъ джентльмена Бобохова. Когда она отворила ему дверь въ то достопамятное утро, о которомъ идетъ рѣчь, онъ не взглянулъ даже на нее и ограничился тѣмъ только, что произнесъ отрывисто:

— Дома?

— Дома-съ, пожалуйте...

Выскочка бросилъ пальто и вступилъ въ „салонъ" съ какимъ-то рѣшительнымъ, въ высшей степени развязнымъ и даже наглымъ видомъ, съ какимъ входятъ обыкновенно разбогатѣвшіе выскочки къ бѣднымъ родственникамъ.

— Здравствуйте, сестрица! сказалъ онъ, снисходительно протягивая руку хозяйкѣ дома, выходившей къ нему навстрѣчу изъ противоположной двери.

Общее впечатлѣніе, производимое наружностью Тохтамышевой, было какъ-то неудовлетворительно, какъ-то неполно, словно недоставало чего-то; а недоставало именно голубого шелковаго платочка, плотно повязаннаго на головѣ, брильянтовыхъ серегъ въ ушахъ, румянъ на ще-

кахъ, турецкой шали на плечахъ — словомъ, всего того, чѣмъ любуемся мы, встрѣчая перваго мая въ Сокольникахъ богатыхъ купчихъ, самодовольно возсѣдающихъ въ роскошныхъ колясkахъ, запряженныхъ щегольскою четверкою сѣрыхъ и украшенныхъ на запяткахъ „малымъ“ изъ гостинаго двора.

— Ахъ, братецъ, какъ я рада! сказала Тохтамышева, обнаруживая тѣмъ не менѣе явную неловкость и смущеніе. — А я, признаться, думала, что васъ ужъ нѣтъ въ Москвѣ... На-дняхъ я писала вашей матушкѣ и даже пеняла на васъ...

Затѣмъ, смутившись окончательно, она попросила его войти въ сосѣднюю комнату.

— Скажите, братецъ, давно ли видѣлись съ вашей маменькой? Здорова ли она?.. Я такъ давно не получаю отъ нея писемъ... спросила Тохтамышева.

— Не знаю; я также давно не получалъ отъ нея писемъ, небрежно отвѣчалъ выскочка.

Несмотря, однакожъ, на то, что „братецъ“ выказалъ при этомъ признаки величайшаго нетерпѣнія, сестра засыпала его вопросами о роднѣ и кончила свои разспросы не прежде, какъ когда Бобоховъ объявилъ наотрѣзъ, что онъ рѣшительно ничего не знаетъ о своихъ родственникахъ.

Тохтамышева перемѣнила тотчасъ же разговоръ и спросила братца, не хочетъ ли онъ завтракать.

— Merci, я только-что отъ Шевалье, отвѣчалъ выскочка, запрятывая руку въ отверстіе бѣлаго жилета.

— Въ такомъ случаѣ, вы не хотите ли завтракать, Аполлосъ Васильичъ? вымолвила Тохтамышева, обращаясь къ какому-то вошедшему въ это время господину, который отвѣчалъ наклоненіемъ головы.

При имени „Аполлосъ Васильичъ“ Бобоховъ вспомнилъ исторію одного весьма богатаго человѣка, проигравшаго когда-то до послѣдней нитки все свое состояніе; кой-какіе признаки въ наружности господина служили Бобохову несомнѣннымъ доказательствомъ, что это былъ именно тотъ господинъ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, сестрица, однакожъ, за дѣломъ, сказалъ выскочка, когда завтракъ былъ поданъ и послѣ того, какъ Аполлосъ Васильевичъ выпилъ залпомъ рюмку водки,—дѣло, разумѣется, ничтожное, чрезвычайно даже забавное, если хотите, но, со всѣмъ тѣмъ, оно ста-

вить меня въ непріятное положеніе... то-есть не то, чтобъ непріятно, а такъ, знаете, досадно...

— Что жъ такое? спросила Тохтамышева.

— Всего забавнѣе то, что кашу эту заварилъ мнѣ, разумѣется, нечаянно, Arcadie... Arcadie... Этакая вѣтреная голова! продолжалъ Бобоховъ.—Видите ли, въ чемъ дѣло: мнѣ хотѣлось продать одно изъ моихъ помѣстій, которое мнѣ страшно надоѣло; я обратился къ Arcadie; тотъ, разумѣется, самъ не зная кого рекомендуетъ, приводить ко мнѣ въ Hôtel, гдѣ я всегда останавливаюсь, какого-то господина. Въ этомъ имѣніи — и самъ не знаю, какъ это случилось — управляющіе мои не досмотрѣли, что ли—записаны были три музыканта... вы, можетъ-быть, слыхали о нихъ? Ну, вотъ тѣ самые, что̀ давали на-дняхъ концертъ, вся Москва тамъ была! присовокупилъ онъ, закуривая папироску.—Теперь, представьте же, что̀ случилось: покупщикъ имѣнія требуетъ отъ меня этихъ музыкантовъ... онъ подалъ даже просьбу на меня по этому случаю... хи-хи-хи!.. Разумѣется, все это вздоръ, пустяки; но мнѣ, знаете, хотѣлось бы проучить хорошенько этого господина; не мѣшаетъ, знаете, учить такихъ людей. Нѣтъ ли у васъ въ виду какого-нибудь дѣлового человѣка, знаете, пройдохи какого-нибудь, который бы, за извѣстную плату (я денегъ не пожалѣю), повернулъ бы дѣло такимъ образомъ, чтобъ три музыканта остались въ моихъ рукахъ?.. Вы, я знаю, имѣли разныя дѣла, и я былъ бы вамъ чрезвычайно благодаренъ. Ужасно хочется наказать этого господина!.. Нѣтъ, скажите мнѣ, каковъ Arcadie? Arcadie-то каковъ?

— Да вы бы обратились къ...

— Къ Arcadie? подхватилъ Бобоховъ,—да, конечно; но я долженъ вамъ сказать, сестрица, что послѣ этой исторіи, хотя, разумѣется, невольной съ его стороны, я имѣю полное право на него сердиться... мы даже, хи-хи! да, мы въ маленькихъ контрахъ... хи-хи-хи!...

— Къ сожалѣнію, я, право, никого не знаю, возразила Тохтамышева, приподнимаясь на своихъ пяткахъ, чтобъ закурить папиросу, предложенную ей Бобоховымъ.—Аполлосъ Васильичъ, не знаете ли вы кого-нибудь? присовокупила она, пристально устремляя глаза на другого собесѣдника.

— Ахъ, сдѣлайте милость, сообщите, если вы знаете!

чрезвычайно было бы пріятно! заговорилъ Бобоховъ, пуская длинную струю дыма.

Аполлосъ Васильевичъ медленно повернулъ голову, окинулъ Бобохова насмѣшливымъ взглядомъ и пустилъ нѣсколько густыхъ клубовъ дыма.

— Если вамъ нуженъ пройдоха, какъ вы говорите, вымолвилъ онъ, наконецъ, какъ бы нехотя,—мнѣ остается пожалѣть, что вы „въ контрахъ“ (тутъ лицо стараго игрока озарилось саркастической улыбкой)... что вы въ контрахъ съ Тохтамышевымъ: онъ вѣрно не замедлилъ бы вамъ представить такого человѣка.

— О, разумѣется! съ увѣренностью перебилъ Бобоховъ, не понимавшій насмѣшливаго тона Аполлоса Васильевича, — но согласитесь, что, послѣ всего этого, мнѣ не хотѣлось бы обратиться къ Arcadie... а дѣло, между тѣмъ, не терпитъ промедленія: чего добраго, покупщикъ имѣнія въ самомъ дѣлѣ возьметъ свое, если не предупредить его...

— Весьма можетъ быть, пробормоталъ Аполлосъ Васильевичъ, взглядывая въ окно.

— Какъ жаль, право, братецъ, если васъ разлучатъ съ вашими музыкантами!

— Помилуйте, сестрица, чрезвычайно даже непріятно, то-есть, разумѣется, не столько для меня, сколько для моего оркестра—первый оркестръ въ губерніи!..

— Да вотъ, чего же лучше! произнесъ Аполлосъ Васильевичъ, снова поворачиваясь къ выскочкѣ.—Не знаете ли вы или не слыхали ли по крайней мѣрѣ объ извѣстномъ аферистѣ Степанчиковѣ? Обратитесь къ нему: онъ устроитъ вамъ, что хотите... за деньги, конечно.

— Какъ! Степанчиковъ! да помилуйте, это тотъ самый, что отнимаетъ у меня музыкантовъ! воскликнулъ Бобоховъ.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю! произнесъ Аполлосъ Васильевичъ.

Тутъ поставилъ онъ на окно трубку, которую курилъ до того времени, положилъ голову на спинку креселъ и залился протяжнымъ смѣхомъ.

— Что вы хотите этимъ сказать? воскликнулъ Бобоховъ, обижаясь не на шутку непринужденнымъ обращеніемъ гостя.

Онъ подпрыгнулъ на своемъ креслѣ и заморгалъ глазками, по направленію къ Аполлосу Васильевичу; но Апол-

лосъ Васильевичъ не обратилъ на него, повидимому, ни малѣйшаго вниманія и продолжалъ смѣяться.

При этомъ лицо щепетильно-раздражительнаго выскочки мгновенно перекрылось зловѣщею зеленью; и безъ сомнѣнія, легко могла бы возникнуть маленькая сцена, если бъ не поспѣшила предупредить все это хозяйка дома.

— Вы не знаете, отчего смѣется Аполлосъ Васильичъ, произнесла она, подходя къ Бобохову, стоявшему уже со шляпою въ рукѣ,—Аполлосъ Васильичъ смѣется, братецъ, оттого, что этотъ Степанчиковъ сдѣлалъ ему когда-то точно такую же исторію...

— Да-съ, любезнѣйшій мсьё Бобоховъ, исторію, во всемъ сходную съ вашей! подхватилъ злосчастный игрокъ, поворачиваясь къ выскочкѣ, окидывая его съ головы до ногъ насмѣшливымъ взглядомъ и не стараясь даже скрыть саркастической улыбки. — Я продалъ ему когда-то одну изъ своихъ усадебъ, — усадьбу, которая мнѣ также надоѣла... онъ, разумѣется, обманулъ меня; виноваты, кажется, были мои управляющіе: не досмотрѣли! А такъ какъ Степанчиковъ рекомендованъ мнѣ былъ господиномъ Arcadie, какъ вы его называете, то понимаете, что я точно такъ же имѣю маленькія контры съ вашимъ своякомъ; ну, словомъ, исторія, во всемъ сходная съ вашей...

Какъ ни простъ былъ Бобоховъ, онъ понялъ, однакожъ, что Тохтамышевъ, рекомендуя ему Степанчикова, поступилъ не совсѣмъ опрометчиво, какъ это могло казаться съ перваго взгляда: Тохтамышевъ, какъ всѣ игроки, могъ нуждаться въ такомъ пройдохѣ, каковъ былъ Степанчиковъ, могъ занимать у него деньги, могъ даже задолжать ему сильнѣйшимъ образомъ и могъ также, за неимѣніемъ процентовъ, или въ вознагражденіе за одолженіе, доставить Степанчикову выгодныя дѣла. Все это весьма даже легко могло статься. Выскочка слышалъ даже кое-что объ этомъ стороною и въ свое время, но не обратилъ тогда должнаго вниманія, приписавъ такіе слухи изобрѣтеніямъ завистниковъ блистательнаго Тохтамышева. Теперь не оставалось и малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Arcadie въ дѣлѣ Габріельскаго, Паганинова и Серенадина игралъ не совсѣмъ невинную роль; выходило на повѣрку, что онъ попросту надулъ любезнаго своего свояка... Чрезвычайно непріятно! Бобоховъ понялъ также, очень хорошо понялъ, что Аполлосъ Васильевичъ подтрунивалъ надъ нимъ сильнѣйшимъ образомъ, обнаруживалъ даже

къ нему какое-то оскорбительное презрѣніе, и это обстоятельство, смѣшанное съ досадою, возникшею вслѣдствіе предыдущаго открытія, взорвало до такой степени выскочку, что онъ нѣсколько минутъ стоялъ какъ ошеломленный громомъ и не могъ произнести ни слова.

— Прощайте, честь имѣю кланяться, проговорилъ онъ, когда, наконецъ, послѣ многихъ судорожныхъ потрясеній, получилъ опять способность говорить.

— Какъ, братецъ, вы ужъ ѣдете?.. сказала Тохтамышева, обнаруживая на лицѣ своемъ выраженіе грустнаго сожалѣнія, принимаемое обыкновенно въ такихъ случаяхъ за „я васъ не задерживаю". — Вы, должно быть, теперь очень заняты по вашему дѣлу... Прошу васъ только, братецъ... вы, разумѣется, заѣдете на обратномъ пути изъ Москвы въ городъ Малиновъ, чтобъ навѣстить вашу маменьку—прошу васъ, не забыть поклониться отъ меня.

— Помилуйте, сестрица, это дѣло... хи-хи-хи! я совсѣмъ не занятъ; это пустяки, не стоящіе вниманія. Что жъ касается до вашего порученія, я, вѣроятно, не въ состояніи буду исполнить его: я не поѣду къ маменькѣ... я долженъ спѣшить въ свои помѣстья...

Проговоривъ все это скоро и сдѣлавъ почему-то особенное удареніе на словѣ *маменька*, выскочка отступилъ къ двери и бросилъ презрительный взглядъ на Аполлоса Васильевича.

Но Аполлосъ Васильевичъ не обращалъ уже на него ни малѣйшаго вниманія: закинувъ одну ногу на другую, утопивъ спину въ кресло, онъ глядѣлъ въ окно и курилъ съ превеликимъ комфортомъ свою трубку.

Выскочка сдѣлалъ принужденный поклонъ сестрѣ, которая провожала его, и поспѣшно юркнулъ въ прихожую.

Спускаясь съ лѣстницы, Бобоховъ подавилъ, однакожъ, въ своемъ сердцѣ всѣ непріятныя чувства и рѣшился провести остатокъ дня какъ можно веселѣе, гдѣ-нибудь за городомъ. Къ этому побудило его, во-первыхъ, то, что день былъ праздничный и, по всѣмъ соображеніямъ, въ загородныхъ мѣстахъ сосредоточится фешенебельный, модный свѣтъ древней столицы; во-вторыхъ, въ загородныхъ мѣстахъ находятся отличные вокзалы, гдѣ можно пообѣдать за самую умѣренную цѣну.

На этомъ основаніи, онъ избралъ Петровскій паркъ и, развалившись въ каретѣ по образцу столичныхъ денди, приказалъ везти себя немедленно къ Тріумфальнымъ воротамъ.

Если бъ мы поставлены были въ завидное положеніе нѣкоторыхъ фельетонистовъ, которые считаютъ непремѣнною обязанностью принимать къ сердцу интересы трактирщиковъ и слѣдить за успѣшнымъ процвѣтаніемъ загородныхъ гуляній, мы ни подъ какимъ видомъ не пропустили бы удобнаго случая упомянуть здѣсь о Ярѣ, трактирщикѣ Петровскаго парка. Мало того: мы не преминули бы сказать ему похвальное слово; мы сказали бы, напримѣръ, что почтенный Иванъ Ивановичъ Яръ—чародѣй, ухитрившійся соединить въ саду своего заведенія природу Юга съ природою Сѣвера, что гуляющіе по Петровскому парку, благодаря распоряженію почтеннаго Ивана Ивановича, могутъ посѣщать волшебный садъ съ своими семействами и пользоваться всѣми удовольствіями за самую умѣренную цѣну (тутъ, разумѣется, выставили бы мы съ подобающею ловкостью прейсъ-курантъ разнымъ напиткамъ и карту роскошныхъ яствъ); кстати, не преминули бы мы посовѣтовать нашимъ читателямъ отвѣдать тѣхъ жареныхъ почекъ, которыя такъ искусно приготовляетъ почтенный Иванъ Ивановичъ, сообщивъ при этомъ, что ничего не можетъ быть пріятнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ здоровѣе—кушать жареныя почки подъ сѣнью широко-раскидистыхъ древесныхъ вѣтвей. Затѣмъ, послѣдовалъ бы непремѣнно легкій біографическій очеркъ почтеннаго старичка Яра; исчисливъ всѣ свойства филантропической души этого старца и убѣдившись хорошенько, что читатели наши прольютъ обильные потоки слезъ надъ поразительно-трогательными фактами благотворительности, мы перешли бы къ описанію самаго Петровскаго парка... Но, не имѣя счастія принадлежать къ вышеупомянутымъ фельетонистамъ и не видя, слѣдовательно, никакой необходимости распространяться о Петровскомъ паркѣ съ тою единственною цѣлью, чтобъ обратить всеобщее вниманіе на почтеннаго Яра, мы ограничимся одною истиною. Истина эта заключается въ томъ, что какъ Яръ, такъ равно и самый Петровскій паркъ не представляютъ ничего особенно разительнаго. Дорожки, тумбы по бокамъ, кусты и березы направо и налѣво и пыль—составляютъ отличительныя свойства этого гулянья. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, по праздникамъ здѣсь бываетъ очень людно. Въ шесть часовъ становится уже тѣсно; въ семь—дѣлается рѣшительно непроходимо, благодаря экипажамъ, которые тянутся непрерывною нитью по главнымъ дорож-

камъ. Въ восемь—толпа начинаетъ рѣдѣть. Въ девять—паркъ превращается въ пустыню... Главный путь веселья—противъ вокзала, огромнаго сѣраго зданія, расположеннаго между театромъ и группою сѣрыхъ домиковъ, гдѣ съ шести часовъ, вплоть до восьми, раздается бряцанье гитары... Пространство между театромъ и вокзаломъ, и именно та часть, которая предназначается для пѣшеходовъ, попирается преимущественно ногами моднаго свѣта. Въ этотъ вечеръ, о которомъ пойдетъ теперь рѣчь, погода была чудеснѣйшая и, благодаря этому обстоятельству, толпилось превеликое множество гуляльщиковъ; всѣ они тѣснились на вышеозначенномъ пространствѣ, лорнировали направо и налѣво, раскланивались съ особами, рисовавшимися въ экипажахъ, или сидѣли въ болѣе или менѣе живописныхъ и интересныхъ положеніяхъ на зеленыхъ скамейкахъ, окаймлявшихъ дорогу.

Подлѣ одной изъ такихъ скамеекъ стоялъ господинъ, который невольно обращалъ на себя вниманіе посторонняго наблюдателя; всего замѣчательнѣе то, что въ костюмѣ этого господина не было ничего особенно рѣзкаго и бросавшагося въ глаза, за исключеніемъ, развѣ, высокаго волосяного галстука, туго притянутаго къ шеѣ помощью стальной пряжки, блестѣвшей надъ воротникомъ чернаго сюртука; физіономія его была бы также весьма обыкновенною, если бъ не отличали ее высокое мыслящее чело и ослѣпительный рядъ бѣлыхъ зубовъ лучшей вагенгеймовской работы; но, какъ хотите, въ наружности этого господина, въ высшей степени величавой, было что-то такое, что невольно заставляло предполагать присутствіе той обаятельной, могучей силы, которую распространяютъ вокругъ себя великіе люди и вообще избранныя натуры. Сейчасъ можно было сказать, что этотъ человѣкъ проникнутъ глубокимъ сознаніемъ высокаго своего превосходства надъ толпою.

Аристархъ Ѳедоровичъ Балахновъ (конечно, это былъ онъ), привлеченный на видное мѣсто гулянья разными обстоятельствами, въ числѣ которыхъ главную роль играло желаніе скрыться отъ Василькова и Миловзорова, не переставалъ слѣдить за проѣзжавшими, наблюдалъ пѣшеходовъ и въ то же время внимательно прислушивался ко всему, что говорилось вокругъ. Съ нѣкоторыхъ поръ, однакожъ, вниманіе его исключительно обращалось на господина, одѣтаго съ невыразимою щепетильностью, который,

за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, выпрыгнулъ изъ наемной коляски и расположился на скамейкѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими молодыми людьми.

— Нѣтъ; да знаете ли вы, что̀ особенно хорошо въ Парижѣ, говорилъ щепетильно одѣтый господинъ, находившій особенное удовольствіе произносить слова нараспѣвъ, озираться на стороны и называть Парижъ мѣстечкомъ и городкомъ.—Хороша въ мѣстечкѣ прислуга... такой расторопности я нигдѣ не видывалъ; бывало, утромъ встанешь, смотришь въ окно, а ужъ мой грумъ, Benjamin, сидитъ въ фаэтонѣ; крикнешь: Benjamin!—„Sieur l'comte!" мигнуть не успѣешь — проснулся, стоитъ на вытяжкѣ и держитъ за удила лошадь...

— Ахъ, это, должно быть, превосходно! какая жизнь! какая жизнь! воскликнули молодые люди, окружавшіе разсказчика.

Вмѣстѣ съ этимъ восклицаніемъ, Аристархъ Ѳедоровичъ услышалъ за спиною слѣдующее:

— Какой онъ графъ! все вретъ. Онъ просто недоросль изъ дворянъ!

Но Аристархъ Ѳедоровичъ не обратилъ на это замѣчаніе особеннаго вниманія и, вдумываясь въ мірскую суету, продолжалъ въ то же время слушать болтовню сосѣда.

— Да, господа, было попито въ городкѣ! повѣствовалъ щепетильно одѣтый господинъ.—Сто тысячъ! чтобъ знали, по крайней мѣрѣ, что sieur l'comte проѣзжаетъ. Да. Мнѣ нѣтъ дѣла до всѣхъ этихъ поклоненій Дюпре, Лаблашу и прочимъ. Бывало, боленъ; позвалъ ихъ всѣхъ къ себѣ, сунулъ денегъ—поютъ до позднихъ пѣтуховъ! За деньги рады все сдѣлать! Sieur l'comte—да!.. заключилъ, воодушевляясь, щепетильно одѣтый болтунъ.

Не знаю въ достовѣрной степени, насколько Балахновъ раздѣлялъ мысли и мнѣнія этого господина; не знаю даже, приходились ли ему по сердцу такія мысли и мнѣнія; заподлинно извѣстно только, что едва послышались послѣднія эти слова, взоръ его устремлялся все пристальнѣе и пристальнѣе на говорившаго; онъ кашлянулъ, выпрямилъ грудь, и, нѣтъ сомнѣнія, завязалъ бы пріятную бесѣду съ сосѣдями, если бъ не помѣшали этому Васильковъ и Миловзоровъ, которые вдругъ, откуда ни возьмись, появились подлѣ зеленой скамейки.

Аристархъ Ѳедоровичъ отступилъ шагъ назадъ, и брови его нахмурились.

— Ахъ, Боже мой, Аристархъ Θедорычъ! а мы искали васъ, искали! Весь паркъ кругомъ обѣжали; вотъ и Аполлинарій то же скажетъ!.. воскликнулъ Порфирій Павловичъ, порываясь къ великому мужу и вращая разомъ во всѣ стороны большими своими глазами, очевидно потерявшими уже точку опоры. — Ахъ, какъ весело! какъ весело! Мы веселимся до упаду... Что это!.. это просто какая-то волшебная Голландія! продолжалъ онъ, восторженно обращаясь ко всѣмъ окружавшимъ.—Вотъ и Аполлинарій то же скажетъ. Но безъ васъ, Аристархъ Θедорычъ, мы никуда не пойдемъ! Безъ васъ намъ веселье не въ веселье; вотъ и Аполлинарій то же скажетъ...

— Безъ васъ намъ веселье не въ веселье, пробормоталъ Миловзоровъ, сонливо раскачивая головою и переминая ногами.

— Вѣрю, вѣрю, что вамъ здѣсь очень весело; веселитесь, ха-ха-ха! веселитесь; очень радъ, что могъ доставить вамъ удовольствіе, сказалъ Аристархъ Θедоровичъ, обращаясь преимущественно къ щепетильно одѣтому господину, который разглядывалъ съ любопытствомъ Василькова и Миловзорова. — Веселитесь; но только нельзя ли вамъ, мои милые, веселиться безъ меня? Я вамъ не товарищъ, примолвилъ онъ презрительно-равнодушнымъ тономъ и снова снисходительно усмѣхнулся.

— Нѣтъ, Аристархъ Θедорычъ, безъ васъ мы шагу не сдѣлаемъ! воскликнулъ Васильковъ съ чувствомъ оскорбленной дружбы,—ни за что на свѣтѣ!..

Вдругъ Порфирій Павловичъ отпрянулъ назадъ, устремилъ испуганные глаза на какую-то точку, находившуюся, очевидно, за спиною Балахнова, затрясся всѣмъ тѣломъ и поблѣднѣлъ какъ полотно. Аристархъ Θедоровичъ быстро обернулся и, къ великому своему ужасу, увидѣлъ шагахъ въ восьми Фанагорію Петровну, которая выступала, переваливаясь съ ноги на ногу и посылая направо и налѣво очаровательныя улыбки изъ-подъ голубой шляпки, украшенной райскою птицей; ей, повидимому, было очень жарко; обстоятельство это подтверждалось тѣмъ, что пунцовая шаль ея свѣшивалась граціозно до самой земли. Позади Фанагоріи Петровны, въ почтительномъ разстояніи, шествовалъ старый управитель, облаченный въ темнозеленую ливрею. Наблюденіе Аристарха Θедоровича простиралось ровно настолько, чтобъ убѣдиться, была ли это точно любезная сосѣдка; убѣдившись въ этомъ, на что,

разумѣется, потребовалась съ его стороны одна секунда, онъ тотчасъ же повернулся спиною къ сосѣдкѣ и, выпрямивъ величественно грудь, замаршировалъ ускореннымъ шагомъ впередъ по дорогѣ.

Достигнувъ поворота, Аристархъ Ѳедоровичъ остановился, желая навести нагляднымъ образомъ справки касательно того, куда могли скрыться Васильковъ и Миловзоровъ, но въ самую эту минуту позади его раздался шелестъ туго накрахмаленныхъ юбокъ и вслѣдъ за тѣмъ женскій, задыхающійся голосъ произнесъ:

— Аррристархъ Ѳедорычъ!.. Ахъ, Боже мой... Аррристархъ Ѳедорычъ!..

Но Аристархъ Ѳедоровичъ сдѣлалъ видъ, какъ будто ничего не слышитъ и не замѣчаетъ, и, удвоивъ шаги, закинувъ голову, замаршировалъ впередъ, пробираясь то по тротуару, то по самой дорогѣ, смотря по тому, какъ измѣнялось направленіе его пути встрѣчными толпами гуляющихъ.

Нетерпѣливый и рѣшительный въ своихъ движеніяхъ, Балахновъ не замедлилъ обогнуть значительную часть парка и, къ великому своему удовольствію, очутился недалеко отъ прежняго своего мѣста, а именно подлѣ дверей вокзала. Разсуждая весьма основательно, что не слѣдовало ни въ какомъ случаѣ подвергать себя новымъ встрѣчамъ, могущимъ только компрометировать его особу, и проклиная въ душѣ прогулку и вмѣстѣ съ нею свое добродушіе и снисхожденіе, онъ поднялся на лѣстницу, заплатилъ за входъ и вступилъ въ обширную залу, прорѣзанную со всѣхъ четырехъ сторонъ окнами и дверьми, которыя были запружены посѣтителями. Въ залѣ находилось также довольно много народа; тутъ курили, ходили, разговаривали, тѣснились вокругъ маленькихъ столовъ, покрытыхъ скатертями и украшенныхъ пустыми бокалами шампанскаго, симметрически разставленными противъ каждой тарелки. Аристархъ Ѳедоровичъ подошелъ къ одному изъ такихъ столовъ, сѣлъ на порожнее мѣсто и подозвалъ слугу.

— Чего изволите-съ?

— Стаканъ лимонаду! сказалъ Балахновъ, обтирая дипломатическій лобъ свой.

Но едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ за спиною его кто-то крикнулъ хриплымъ голосомъ:

— Че-ла-екъ! три стакана лимонаду!

Аристархъ Ѳедоровичъ повернулся въ ту сторону — и не мало удивился, увидѣвъ, что три стакана лимонада потребованы были однимъ господиномъ.

То былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, въ свѣтло-зеленомъ фракѣ съ мѣдными охотничьими пуговицами; волосы его свѣшивались длинными, жиденькими прядями по обѣимъ сторонамъ исхудалаго лица, покрытаго веснушками и сохранившаго выраженіе совершеннѣйшаго идіотизма. Передъ нимъ стояла бутылка шампанскаго и стаканъ, наполненный тою же влагой. Зеленый фракъ потребовалъ вина, очевидно, для того только, чтобъ упитывать скатерть, потому что, не прикасаясь губами къ стакану, поминутно подливалъ изъ бутылки. Въ ту минуту, какъ Аристархъ Ѳедоровичъ обернулся, незнакомецъ пролилъ значительную часть шампанскаго на столъ, пристально взглянулъ на него и самодовольно улыбнулся.

— Какое есть мороженое? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, обращаясь къ слугѣ послѣ того, какъ тотъ поставилъ лимонадъ.

— Ананасъ, фисташка, земляника, лимонъ-съ...

— Хорошо, любезный, дай мнѣ порцію ананаса.

— Че-ла-екъ! десять порцій ананаса! закричалъ зеленый фракъ, бросая значительный взглядъ на величаваго сосѣда.

Балахновъ вопросительно посмотрѣлъ на слугу.

— Молодой Пузакинъ-съ, шепнулъ слуга, принимая подносъ.

— Постой, любезный; мороженое, вѣрно, у васъ не очень хорошо, сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, останавливая слугу ради смѣха и желая посмотрѣть, чѣмъ можетъ кончиться сцена, — принеси-ка ты мнѣ лучше стаканъ чаю... слышишь?..

— Че-ла-екъ! прокричалъ на этотъ разъ съ какимъ-то азартомъ г. Пузакинъ,—десять стакановъ чаю!

— Съ лимономъ, произнесъ Балахновъ.

— Съ лимономъ! подхватилъ Пузакинъ, бросая торжествующій взглядъ на сосѣда.

Аристархъ Ѳедоровичъ отвернулся къ двери и засмѣялся; но почти въ ту же секунду лицо его приняло величавое и даже строгое выраженіе. Причина такой внезапной перемѣны заключалась въ томъ, что въ дверяхъ показалась фигура Аполлона Егоровича Дрянкова. Обстоятельство это, какъ каждый легко себѣ представитъ, не

произвело бы на Балахнова никакого дѣйствія, если бъ Дрянковъ былъ одинъ; но дѣло въ томъ, что Дрянкова сопровождало нѣсколько молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ особенно бросались въ глаза: вертлявый, бѣлокурый юноша, молодой человѣкъ съ встрепанными черными волосами и блуждающимъ взоромъ и еще какой-то мрачный господинъ. Проникнутый заранѣе тою мыслью, что Дрянковъ, вѣрно, не пропустилъ случая прихвастнуть новымъ товарищамъ дружбою съ знаменитымъ владѣльцемъ Ханскихъ-Прудовъ, Аристархъ Ѳедоровичъ принялъ строгій видъ единственно съ тою цѣлью, чтобъ сразу опредѣлить въ мнѣніи молодыхъ людей настоящія свои отношенія къ Дрянкову и показать имъ то неизмѣримое разстояніе, какое можетъ находиться между проживальщикомъ и его благодѣтелемъ. На этомъ основаніи, выждавъ минуту, когда Дрянковъ и его спутники выровнялись со столомъ, Аристархъ Ѳедоровичъ кивнулъ Дрянкову головой и сказалъ снисходительно покровительствующимъ тономъ:

— А, и ты здѣсь! зачѣмъ пожаловалъ, любезный?..

Маневръ этотъ не удался, однакожъ, Аристарху Ѳедоровичу: товарищи Аполлона Егоровича, вмѣсто того, чтобъ остановиться съ почтеніемъ, стремительно бросились къ Пузакину, который, какъ только завидѣлъ ихъ, вскочилъ съ своего мѣста и, потрясая въ воздухѣ стаканомъ, прокричалъ троекратное „ура!“ Что жъ касается до Дрянкова, онъ пробормоталъ Аристарху Ѳедоровичу какой-то несвязный отвѣтъ, выпрямился и, придавъ лицу своему экспрессію, преисполненную чувства собственнаго достоинства, послѣдовалъ тотчасъ же за своими товарищами.

Аристархъ Ѳедоровичъ презрительно усмѣхнулся и покосился на сосѣдній столъ.

— Ваня! закричалъ молодой человѣкъ съ блуждающимъ взоромъ, обращаясь къ Пузакину. — Ваня, рекомендую тебѣ одного изъ знаменитыхъ нашихъ писателей: господинъ Дрянковъ! заключилъ онъ, восторженно указывая на автора „Непризнанной Индѣйки“.

— Шампанскаго! воскликнулъ Пузакинъ, протягивая правую руку писателю, тогда какъ лѣвая рука его размахивала въ воздухѣ.

Аполлонъ Егоровичъ взглянулъ на Балахнова и покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Ваня, промолвилъ мрачный господинъ,—завтра же посылай взять двадцать экземпляровъ...

— „Непризнанной Индѣйки“... геніальная вещь! подсказалъ вертлявый юноша.

— Уррра! прокричалъ Пузакинъ. — Милостивый государь, присовокупилъ онъ, неожиданно обращаясь къ Балахнову,—не прикажете ли бокальчикъ, такъ, знаете, для компаніи?..

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Аристархъ Ѳедоровичъ съ явнымъ пренебреженіемъ. Затѣмъ онъ поспѣшилъ приподняться съ своего мѣста, подмигнулъ лакею, подошелъ къ буфету, расплатился и вышелъ на крыльцо.

Но такъ ужъ, вѣрно, написано было въ книгѣ судебъ, что Аристархъ Ѳедоровичъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить въ этотъ вечеръ всѣхъ своихъ знакомыхъ. Едва ступилъ онъ на первую ступень лѣстницы, какъ прямо, носъ къ носу, столкнулся съ Бобоховымъ.

— Ахъ, мсье Балахновъ! чрезвычайно пріятно!.. произнесъ выскочка самодовольно.

— Гуляете? разсѣянно спросилъ Балахновъ.

— Какое гулянье, помилуйте! Я весь день отыскиваю Тохтамышева и не могу найти его! Не знаю, право, куда дѣвалась эта разсѣянная голова. Ахъ, кстати: не видали ли вы его въ вокзалѣ?..

— Нѣтъ, сухо отвѣчалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, причемъ брови его нахмурились и на лицѣ его проступила краска негодованія.

— Представьте, что онъ со мной надѣлалъ... разумѣется, все это вышло нечаянно: бѣдный Arcadie самъ не подозрѣвалъ этого; чрезвычайно непріятно, тѣмъ не менѣе... Извольте видѣть... Тутъ Бобоховъ принялся сообщать сосѣду извѣстную исторію о трехъ музыкантахъ.

— Согласитесь, чрезвычайно непріятно! А впрочемъ, хи-хи-хи!.. разумѣется, все это вздоръ и пустяки! Не далѣе, какъ сегодня утромъ, я завернулъ къ сестрѣ Тохтамышевой; нынче, какъ нарочно, пятница—пріемный день, народу съѣхалось множество, почти вся аристократія. Я разсказалъ кой-кому свою исторію, и всѣ, конечно, поспѣшили обнадежить меня; всѣ единодушно сказали, чтобъ я успокоился насчетъ этихъ музыкантовъ, которые ни подъ какимъ видомъ не могутъ отойти отъ меня. Мнѣ хотѣлось бы только сообщить все это Тохтамышеву: такой, знаете, добрый, простой малый; онъ ужасно огорчится,

если не предупредить его, что дѣло это не будетъ имѣть для меня никакихъ послѣдствій... Какъ вы думаете, мсье Балахновъ, вѣдь не правда ли, не можетъ быть никакихъ послѣдствій?..

— Я ничего этого не знаю, холодно сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ. Тутъ онъ остановился, и на тонкихъ губахъ его показалась едва-замѣтная улыбка, выразившая, однакожъ, очень ясно удовольствіе удовлетворенной мести. — Я знаю только, продолжалъ онъ,—знаю... (тутъ лицо его приняло внезапно такое спокойно-величественное выраженіе, что выскочка невольно опустилъ глаза) знаю, что если бъ вы имѣли тогда дѣло только со мною, васъ, безъ сомнѣнія, не постигли бы всѣ эти непріятности... Зачѣмъ не продали вы мнѣ тогда имѣнія?

Выскочка, пораженный внезапнымъ величіемъ горшковскаго мужа, не смѣлъ возобновить разговора въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ, и уже не прежде, какъ черты Балахнова разгладились до степени физіономіи обыкновеннаго смертнаго, произнесъ:

— Чрезвычайно сожалѣю...

— И сожалѣйте, сожалѣйте! вы въ правѣ сожалѣть! подхватилъ Балахновъ, возвышая голосъ и выпрямляя грудь,— сожалѣйте, потому что, имѣя дѣло съ благородными людьми, пріобрѣтаешь ихъ доброе расположеніе; а добрымъ расположеніемъ честныхъ и благородныхъ людей пренебрегать не должно!.. Да, впрочемъ, что объ этомъ толковать! что прошло, того не воротишь! Скажите-ка лучше, долго ли располагаете вы остаться еще въ бѣлокаменной?.. заключилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, обводя спокойнымъ взоромъ толпы гулявшихъ.

— Не знаю-съ, недѣлю, дня четыре, день, можетъ-быть, какъ вздумается; я, знаете, ни въ чемъ не люблю стѣснять себя: я люблю комфортъ, confort; а вы, мсье Балахновъ, долго еще здѣсь останетесь?..

— Не думаю; время разстаться съ бѣлокаменной Москвою; пора домой, пора наконецъ...

— На выборы... подсказалъ Бобоховъ,—да и мнѣ также не мѣшаетъ поспѣшить... Я, какъ вы знаете, обѣщалъ свой голосъ Кошкину...

— Поѣзжайте, поѣзжайте, произнесъ, блѣднѣя, Аристархъ Ѳедоровичъ, между тѣмъ, какъ глаза его заискрились такимъ свѣтомъ, котораго не могли даже затмить лучи заходящаго солнца,— поѣзжайте, отдайте вашъ го-

лосъ кому угодно... Въ этомъ каждому предоставляется полная свобода... Замѣтьте, однакожъ, почтенный мой, промолвилъ онъ, закидывая назадъ голову и возвышая постепенно голосъ, при чемъ всѣ черты его лица приняли снова величественное выраженіе гордости и рѣшительнаго презрѣнія, — замѣтьте себѣ, что прямизна и безпристрастіе—чувства благороднѣйшія, должны въ этихъ случаяхъ управлять совѣстью каждаго изъ насъ... Будьте здоровы!..

Проговоривъ все это твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ и бросивъ на выскочку выразительный, полный и могущественный взглядъ, Аристархъ Ѳедоровичъ медленно спустился съ лѣстницы вокзала и вскорѣ исчезъ въ толпѣ, которая замѣтно начинала рѣдѣть на дорожкахъ Петровскаго парка.

VI.

Путевыя впечатлѣнія Ивана Дормидоновича Бобохова и пребываніе его въ родительскомъ домѣ.

Невзирая, однакожъ, на огромныя связи и безпредѣльное покровительство аристократическихъ особъ, посѣщавшихъ въ пріемные дни салонъ госпожи Тохтамышевой, несмотря даже на то, что всѣ эти особы почли непремѣнною своею обязанностью успокоить Бобохова и обнадежить его въ благополучномъ результатѣ исторіи, затѣянной по поводу Габріельскаго, Паганинова и Серенадина, Степанчиковъ не замедлилъ наклеить Бобохову такой страшный носъ, такой носъ, который настращалъ выскочку и надѣлалъ ему много безпокойствъ. На третій день послѣ вышеописанныхъ происшествій, Бобоховъ получилъ изъ своего квартала billet-doux, въ которомъ ясно значилось, что полиція, предупрежденная своевременно нѣкіимъ Аѳанасьемъ Никитинымъ, сыномъ Степанчиковымъ, обязывала подпискою нѣкоего Ивана Дормидонова, сына Бобохова, не вывозить до времени изъ Москвы трехъ музыкантовъ въ томъ случаѣ, если самъ онъ пожелаетъ оставить эту столицу. Такое ограниченіе, согласитесь сами, должно было подѣйствовать самымъ непріятнымъ, можно даже сказать, чрезвычайно непріятнымъ образомъ на человѣка, проникнутаго сознаніемъ собственнаго своего значенія и любившаго притомъ комфортъ, confort! Главная непріятность состояла въ томъ, что обстоятельство это ясно убѣждало Бобохова въ необходимости удовлетворить Степан-

чикова семью тысячами. Взвѣсивъ въ пустой головѣ своей выгоды и невыгоды такого положенія, Бобоховъ рѣшился удовлетворить Степанчикова; для этого неизбѣжно надлежало ему ѣхать въ городъ Малиновъ, надлежало даже ѣхать какъ можно скорѣе и повидаться съ матушкой. Такой внезапный припадокъ сыновней любви возбуждаемъ былъ, съ одной стороны, тѣмъ, что въ карманѣ его не имѣлось необходимыхъ денегъ; съ другой стороны, Бобоховъ имѣлъ полное право разсчитывать на слабость материнскаго сердца, которое, нѣтъ сомнѣнія, тронуто будетъ сильнѣйшимъ образомъ, если принять въ соображеніе, что сынъ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ ни разу не заглядывалъ къ матери, несмотря на близкое разстояніе между Горшковымъ и Малиновымъ. По этому поводу, онъ принялся тотчасъ же приводить себѣ на память разныя интересныя исторійки извѣстнаго сорта и даже отрывчатыя фразы, посредствомъ которыхъ всего успѣшнѣе можно было бы подѣйствовать на старушку. Штука въ томъ, что старушка была весьма умная старушка и далеко не принадлежала къ числу тѣхъ матерей, которыя умиляются при одномъ взглядѣ на родимое дѣтище. Бобоховъ не могъ судить о первомъ; что-жъ касается до второго, онъ судилъ о немъ по опыту. Всякій разъ, когда представлялся ему случай рисоваться передъ товарищами и затѣмъ овладѣвала имъ мысль выставлять напоказъ свои джентльменскія свойства — свойства, заключавшіяся, по мнѣнію Бобохова, въ томъ, чтобъ подтрунивать надъ самыми естественными душевными побужденіями, отвергать въ себѣ присутствіе всякаго добропорядочнаго чувства и краснѣть за родныхъ потому только, что они не князья и не графы — онъ называлъ старушку простой, но хитрой купчихой, придавая ей въ то же время и другія, болѣе или менѣе рѣзкія особенности.

Убѣждаясь заранѣе въ успѣхѣ своей поѣздки и вызывая на лицѣ своемъ цѣлый рядъ лучезарныхъ улыбокъ, которыя ясно свидѣтельствовали, что онъ даже не сомнѣвался въ могущественномъ вліяніи сентиментальныхъ исторій на сердце матери, Бобоховъ отдалъ приказаніе, чтобъ къ завтрашнему утру все было готово къ отъѣзду. Остальная часть дня посвящена была имъ на укрощеніе непріятнаго чувства, возбуждавшагося въ душѣ его тѣмъ, что приведется, можетъ статься, прожить нѣсколько дней въ ненавистномъ Малиновѣ.

При всемъ томъ, на другое утро, послѣ полученія полицейскаго billet-doux, выскочка покинулъ аристократическую гостиницу и выѣхалъ въ одну изъ заставъ древней столицы.

Утро было чудеснѣйшее. Наступалъ одинъ изъ тѣхъ сѣрыхъ, но теплыхъ и сухихъ дней, которые составляютъ неотъемлемую принадлежность сентября мѣсяца и дѣлаютъ изъ него чуть ли не самую поэтическую эпоху года въ нашемъ отечествѣ. Знойный воздухъ лѣта, напитанный тяжелыми испареніями, застилавшими горизонтъ, очищенный теперь первыми холодными утренниками, получаетъ прозрачность и легкость необыкновенную; отдаленнѣйшіе предметы, и даже самый горизонтъ, рисуются теперь чисто и ясно. Запоздалыя птицы чиликаютъ какъ-то тоскливо, въ разладъ, и рѣдко нарушаютъ невозмутимую тишину, смѣнившую суетливый, шумный говоръ лѣта, когда повсюду раздавался скрипъ навьюченныхъ снопами телѣгъ, серебряное ржаніе жеребенка, жужжаніе косъ, голоса поселянъ, и все это, сливаясь въ одинъ общій, нестройный, но тѣмъ не менѣе привлекательный гулъ, съ трескомъ кузнечика, звонкими хорами птицъ, пѣснями жницъ, наполняло оживленную, движущуюся окрестность. Теперь все молчитъ и какъ бы предается мирному, сладкому отдыху послѣ тяжкаго дневного труда.

Хорошо ѣхать въ такой день по русской дорогѣ. Я утверждаю это положительно, хотя не берусь объяснить того впечатлѣнія, какое производятъ на душу тихія картины осени: знаю только то, что, по поводу ихъ, душа обрѣтаетъ ясность и спокойствіе, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не дастъ никакой городъ въ свѣтѣ, какъ бы онъ ни былъ великолѣпенъ.

Съ Бобоховымъ тѣмъ не менѣе, однакожъ, происходило совсѣмъ другое. Съ каждымъ поворотомъ колеса душа его наполнялась тревожно безпокойнымъ чувствомъ. Читатель долженъ припомнить, что городъ Малиновъ, куда направлялся теперь выскочка, былъ его родиной; въ Малиновѣ протекло его дѣтство. Въ этомъ городѣ народонаселеніе состояло преимущественно изъ купцовъ, и матушка Бобохова, равно какъ покойный отецъ его, занимали въ немъ съ незапамятныхъ временъ самое видное и почетное мѣсто; сыну, слѣдовательно, благодаря такой популярности, не предстояло ровно никакой возможности озадачивать тамъ кого бы то ни было своимъ аристократизмомъ: здѣсь

въ памяти каждаго живо еще рисовался Ваня Бобоховъ, шествующій по воскреснымъ днямъ въ соборъ, въ сопровожденіи тятеньки, который плавно выступалъ, разглаживая свою бѣлую, окладистую бородку...

Желая, вѣроятно, заглушить бурный потокъ безпокойныхъ мыслей быстрымъ движеніемъ экипажа, Бобоховъ принялъ рѣшительное намѣреніе пролетѣть какъ можно скорѣе пространство между ненавистнымъ Малиновымъ и Москвою. Чтобъ скорѣе достигнуть такой цѣли, онъ лично выскакивалъ на каждой станціи изъ кареты, снабжалъ ямщиковъ приличными эпитетами, размахивалъ неистово руками, топалъ ногами и грозилъ смотрителямъ выразить свое неудовольствіе въ почтовой книгѣ; при чемъ каждый могъ вдоволь любоваться фуражкой съ краснымъ околышемъ, появившейся почему-то на головѣ выскочки вскорѣ послѣ московской заставы. Во все продолженіе дороги онъ не переставалъ высовывать свои щеки то изъ одного окна кареты, то изъ другого, не переставалъ кричать „пошелъ!“ и укротилъ свое негодованіе повидимому тогда только, когда, наконецъ, на другой день, къ вечеру, началъ показываться городъ Малиновъ.

Здѣсь онъ приказалъ остановиться, разспросилъ у ямщика, можно ли миновать главныя улицы и обогнуть лугами значительную часть города. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ отдалъ строжайшее приказаніе Корнею, чтобъ тотъ ни подъ какимъ видомъ не смѣлъ кланяться съ знакомыми лицами; затѣмъ Бобоховъ опустилъ шторы и поѣхалъ далѣе.

Малиновъ показывался весьма живописно, несмотря на то, что располагался на мѣстности такой же гладкой и ровной, какъ ландкарта, на которой означенъ онъ едва видною точкой. Благодаря обширной хлѣбной торговлѣ, производимой обывателями, городъ замыкался со всѣхъ сторонъ безчисленнымъ множествомъ вѣтряныхъ мельницъ, которыя въ настоящую минуту неистово размахивали своими рѣшетчатыми крыльями. Солнце садилось въ отдаленномъ плоскомъ горизонтѣ, прямо за городомъ, и зеленовато-прозрачное небо, исполосованное на закатѣ длинными синими тучами, принимало издали видъ безграничной рѣки, по которой идетъ ледъ; форштаты или слободки, примыкавшія къ городу съ двухъ противоположныхъ концовъ, окутались уже черною матовою тѣнью; между тѣмъ, самъ Малиновъ, потопленный фруктовыми

садами, весело выглядывалъ изъ фіолетоваго тумана макушками своихъ церквей и бѣлыхъ каменныхъ домовъ, освѣщенныхъ съ лѣваго бока огненными пятнами заката; верхнія стекла оконъ и желѣзныя кровли сверкали ослѣпительнымъ блескомъ, дѣлавшимся ярче и ярче по мѣрѣ того, какъ синія тучи опускались къ горизонту. Свѣжій вечерній вѣтеръ пощипывалъ носъ престарѣлому Корнею, возсѣдавшему на козлахъ, и доносилъ до его старческаго слуха отдаленные звуки колокола, возвѣщавшіе окончаніе всенощной.

Корней, а за нимъ и ямщикъ, сняли шапки и перекрестились.

„Пошелъ!" глухо раздалось позади.

Карета, заключавшая въ себѣ драгоцѣнную особу Бобохова, достигнувъ вѣтряныхъ мельницъ, круто свернула влѣво и поѣхала лугами. Съ этой стороны мѣстность была совершенно открыта; послѣдніе лучи солнца мягко скользили по травѣ, обращая пыль, поднятую возвращающимся стадомъ, въ золотое кудрявое облако, изъ середины котораго фантастически высовывались головы и ноги животныхъ, наполнявшихъ окрестность дружнымъ блеяньемъ; картина оживлялась группами богомольцевъ, тащившихся по окраинѣ дороги. Всѣ они, выравниваясь съ каретой, останавливались и отвѣшивали поклоны; ямщикъ переносилъ вожжи въ лѣвую руку, приподымалъ правою рукою шапку и встряхивалъ головой; Корней кивалъ слегка направо и налѣво.

„Пошелъ! пошелъ!" глухо раздавалось за зелеными шторами экипажа.

Лошади, почуявъ родимое стойло, дружно встрепенулись, замахали хвостомъ и понеслись крупною рысью. Вскорѣ копыта ихъ застучали по мосту и зазвенѣли по мостовой. На улицахъ было людно и весело. Почти у каждыхъ воротъ толпились мѣщанки, прикутанныя въ цвѣтныя нанковыя шубейки, подбитыя зайчикомъ; дѣти бѣгали взапуски по всѣмъ направленіямъ, насовываясь иной разъ весьма неудачно на толстаго купца въ синемъ длинномъ кафтанѣ, медленно выступавшаго съ тростью въ одной рукѣ, съ клѣтчатымъ платкомъ въ другой; лавки запирались; желтые, долговязые приказчики кланялись мимо проходившимъ хозяевамъ; кумушки пронзительно перекликались и живо тараторили отдѣльными кучками по серединѣ улицы; въ верхнихъ окнахъ мелькали бѣлыя

бороды, багровыя лица и мѣдные самовары, пускавшіе струи пара... Оживленіе было повсюду; нѣсколько трактировъ, изъ оконъ которыхъ, украшенныхъ цвѣтными ставнями, вылетали плачевные звуки органа—свидѣтельствовали достаточно о промышленномъ состояніи города...

„Пошелъ! пошелъ!“ раздавалось изъ кареты.

Согласно наставленію, данному Бобоховымъ еще на половинѣ дороги, карета его не остановилась у подъѣзда матушкина дома, а въѣхала прямо на мощеный дворъ, отличавшійся необыкновенною чистотою; его обступали со всѣхъ сторонъ каменные сараи, службы и кладовыя, наполненныя всякимъ добромъ, и преимущественно бочками съ огурцами, арбузами, осетриной, бѣлугой, грибами, которыхъ насаливала богатая старуха въ началѣ каждаго года для домашняго обихода. Надъ крышами амбаровъ и конюшенъ высоко поднимались полукруглыя макушки яблонь и грушъ, усѣянныхъ плодами.

Бобоховъ выпрыгнулъ съ необыкновенною поспѣшностью изъ кареты и, не обращая никакого вниманія на двухъ-трехъ старухъ, выбѣжавшихъ къ нему навстрѣчу, поднялся на маленькое крылечко, а оттуда юркнулъ въ сѣни.

— Эй! крикнулъ онъ недовольнымъ голосомъ.

Запыленный съ ногъ до головы Корней почтительно остановился въ дверяхъ.

— Спросить, пусты ли нижнія комнаты!..

— Пустёхоньки, батюшка, пустёхоньки, Иванъ Дормидонычъ!.. воскликнула одна изъ старухъ, радостно протискиваясь между Корнеемъ и косякомъ двери,—пожалуйте. Сколько лѣтъ, батюшка... какъ помолодѣли!..

— Хорошо, хорошо, ступай! нетерпѣливо возразилъ Бобоховъ, поворачиваясь спиною и быстро направляясь къ клеенчатой двери, которая вела въ означенныя комнаты, занимавшія нижній этажъ дома.

— Иванъ Дормидонычъ... проговорилъ Корней, когда баринъ вступилъ въ покои.

— Что такое? крикнулъ Бобоховъ, не любившій вообще, чтобъ люди позволяли себѣ подымать голосъ въ его присутствіи.

— Сказываютъ, сударь, маменьки... дома нѣту... изволили уѣхать на богомолье...

Извѣстіе это озадачило сильнѣйшимъ образомъ выскочку. Матушка его имѣла обыкновеніе отправляться на бого-

молье цѣлымъ домомъ, шествовать пѣшкомъ и, по этому самому, оставаться въ отлучкѣ долгое время.

— Когда она уѣхала? спросилъ Бобоховъ, бросая на столъ фуражку съ краснымъ околышемъ.

— Третьяго дня-съ...

— Съ кѣмъ?.. спросилъ выскочка, обнаруживая сильное безпокойство.

— Съ сестрицами... Анной Дормидоновной, Раисой Дормидоновной и Варварой Дормидоновной. Черезъ недѣлю изволятъ, говорятъ люди, назадъ пожаловать...

Обстоятельство это окончательно взорвало выскочку. Мысль, что эти три сестры, давнымъ-давно замужнія и обремененныя дѣтьми, увиваются подлѣ матери, ухаживаютъ за ней, имѣя въ виду корыстолюбивыя цѣли, возмутила сильнѣйшимъ образомъ душу Бобохова, судившаго всегда о чувствахъ сестеръ своихъ по собственнымъ своимъ чувствамъ. Такая мысль давно его безпокоила. Главная причина его двухлѣтней разлуки съ матерью заключалась именно въ томъ, что онъ вознегодовалъ на бѣдныхъ родственницъ, которыми окружила себя старушка, вопреки убѣжденіямъ сына. По его соображеніямъ, родственницы должны были неминуемо отнимать у него часть наслѣдства, и предположеніе это основывалось на томъ, что старушкѣ предоставлено было располагать наслѣдствомъ по своему произволу.

„Недоставало только сестеръ; онѣ получили свою долю— чего жъ имъ еще надо? Зачѣмъ онѣ поминутно ѣздятъ къ матери? Такъ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія: пользуясь отсутствіемъ брата, онѣ согласились не покидать матери, окружить ее вниманіемъ и этимъ способомъ заставить старушку окончательно охладѣть къ сыну, который не заботился даже извѣщать ее письмами!“

Съ такими похвальными и болѣе или менѣе честными помыслами вступалъ жалкій выскочка въ отеческій домъ.

Съ другой стороны, Бобохова не мало также бѣсило и то, что приведется прожить цѣлую недѣлю въ ненавистномъ Малиновѣ, гдѣ каждый почти купчикъ приходился ему сродни; со всѣмъ тѣмъ, онъ рѣшился дождаться возвращенія матери. Не сомнѣваясь нимало, что всѣ городскіе бѣдняки, облагодѣтельствованные старушкой, и родственники преимущественно, поспѣшатъ наводнить домъ, какъ скоро узнаютъ о пріѣздѣ Ивана Дормидоновича, Бобоховъ принялъ намѣреніе подрѣзать сразу дерзкій за-

мыселъ: онъ замкнется въ отдаленныхъ комнатахъ и попросту, безъ церемоній, велитъ сказать, что никого не хочетъ видѣть. Онъ обратился уже къ Корнею, чтобъ передать ему свою непреклонную волю, какъ вдругъ на порогѣ комнаты показалась сгорбленная фигура старичка въ длинномъ гороховомъ сюртукѣ.

Старикъ былъ лысъ совершенно, и только нѣсколько желтоватыхъ волосъ, зачесанныхъ съ праваго уха на лѣвое, украшали глянцовитое его темя; красненькое, туповатое, отчасти даже глуповатое лицо его выкупалось какъ нельзя лучше выраженіемъ безграничнаго добродушія, разлитаго во всѣхъ чертахъ и свѣтившагося даже сквозь мутныя стекла круглыхъ мѣдныхъ очковъ, сидѣвшихъ у него на носу.

Это былъ учитель Бобохова и многочисленныхъ сестеръ его. Старуха Бобохова, привыкнувшая къ учителю и движимая, сверхъ того, чувствомъ благодарности, оставила его въ своемъ домѣ послѣ того, какъ разсѣялись дѣти; она дала ему комнату и снабжала его всѣмъ нужнымъ для жизни; съ годами, Семенъ Панкратьевичъ (такъ звали старика) сдѣлался своимъ, роднымъ человѣкомъ; семейство купчихи почиталъ онъ своимъ собственнымъ семействомъ—и мудренаго тутъ ничего нѣтъ: дѣтей носилъ онъ почти на рукахъ, а со старухою прожилъ въ одномъ домѣ тридцать пять лѣтъ сряду.

Увидѣвъ прежняго своего питомца, Семенъ Панкратьевичъ простеръ впередъ руки и заковылялъ поспѣшно къ Бобохову, который между тѣмъ не трогался съ мѣста и нетерпѣливо пощипывалъ усики.

— Ваня!.. Ваничка!.. дружокъ ты мой!.. Ахъ, Господи, Господи!.. Вотъ наконецъ-то надоумилъ тебя Создатель!.. Какъ же это ты два-то года-то... а? Слышь: цѣлыхъ два года, шутка! два года не навѣщалъ насъ! радостно говорилъ старикъ, обнимая своего питомца и горячо цѣлуя его въ обѣ щеки.

— Хорошо, хорошо... здравствуйте, Семенъ Панкратьичъ, хорошо!.. бормоталъ сквозь зубы Бобоховъ, корчась въ объятіяхъ старика и слегка отклоняя его рукою.—Хорошо!.. Только знаете ли что, Семенъ Панкратьичъ... примолвилъ онъ, освобождаясь изъ рукъ учителя и прищуривая свои глазки.

— Ваня... Хи-хи-хи!.. Ваничка... Хи-хи...

— Я, знаете, кажется, немножко выжилъ изъ Ваничекъ... знаете, странно какъ-то: Ваничка, хи-хи-хи...

Радостное чувство, наполнявшее въ эту минуту душу старика, не дало ему возможности замѣтить взглядовъ и холодности питомца; онъ продолжалъ суетиться вокругъ него и пожимать ему руки.

— Какъ не выжить-то! какъ не выжить! Вѣдь тебѣ, голубчикъ, скоро тридцать лѣтъ! восклицалъ онъ. — Да будь тебѣ хоть сорокъ, хоть пятьдесятъ лѣтъ, для меня все одно: все же ты останешься для меня Ваничкой; я вѣдь на рукахъ тебя носилъ!.. Ну, слава тебѣ, Господи, что ты вздумалъ навѣстить насъ. Ужъ какъ я радъ, какъ радъ-то!..

— Я также очень радъ... проговорилъ разсѣянно Бобоховъ.

Тутъ онъ подошелъ къ столу, положилъ на фуражку часы свои, разстегнулъ жилетъ и пробормоталъ подъ носъ:

— Ты! ты! Какъ это мило, наивно, naiff, naive!..

— Нѣтъ, Ваничка, продолжалъ старикъ, потряхивая головою и восторженно всплескивая руками,—нѣтъ, какъ ужъ, я чай, маменька-то рада будетъ, какъ она будетъ рада! Какъ обрадуются тебѣ сестрицы!.. Повѣришь ли, словно сердце ихъ чуяло: всю недѣлю, все время передъ богомольемъ, все о тебѣ говорили...

Тутъ старикъ пустился въ объясненія, не замѣчая, что питомецъ не думалъ даже о томъ, чтобъ его слушать.

— А знаете ли что, почтеннѣйшій Семенъ Панкратьичъ? наконецъ сказалъ Бобоховъ, нетерпѣливо поворачиваясь къ старику. — Вотъ, видите ли... я, конечно, очень радъ васъ видѣть, но вы сами знаете: я усталъ; дорога скверная... Чрезвычайно непріятно съ вами разстаться; но, право, чувствую необходимость отдохнуть...

— А чайку-то, какъ же? Неужто ты не накушаешься прежде чайку?.. Какъ это можно! Что ты, что ты! Я сейчасъ же велю нашей кухаркѣ, Акулинѣ, поставить самоваръ...

— Нѣтъ, не безпокойтесь; у меня есть для этого свой камердинеръ; къ тому же, я вечеромъ никогда не пью чаю... возразилъ Бобоховъ, слѣдуя за учителемъ съ тою цѣлью, чтобъ удобнѣе было выпроводить его. — Итакъ, прощайте, почтенный Семенъ Панкратьичъ, доброй ночи, до завтра. Надѣюсь, завтра вы навѣстите меня?..

— Завтра! Ахъ ты, чудакъ Дормидонычъ, право, чу-

дакъ Дормидонычъ! Да какъ же! чѣмъ свѣтъ прибѣгу къ тебѣ! Шутка, два года не видались!..

— Чрезвычайно благодаренъ... Я долженъ только предувѣдомить васъ, что, такъ какъ я чудакъ, я встаю не раньше двѣнадцати часовъ...

— А Богъ съ тобой, спи хоть до пяти, мнѣ какое дѣло? Я все-таки приду, погляжу, все ли тебѣ приготовили, за всѣмъ ли присмотрѣли...

— Благодарю васъ... у меня для этого есть свой камердинеръ.

— А мнѣ какая нужда до твоего камердинера? Я самъ за всѣмъ хочу приглядѣть! Вѣдь не въ чужой домъ какой заѣхалъ... А что, Ваничка, а ну-ка, ну-ка, скажи-ка ты мнѣ: я чай, радъ, что Богъ привелъ побывать дома, а? Свой уголокъ-то лучше, а?... вымолвилъ старикъ, схватывая руку питомца, при чемъ глаза его, выглянувшіе поверхъ очковъ, принялись лукаво подмигивать.

— Какъ же, какъ же... я тронутъ до слезъ. Прощайте, почтенный Семенъ Панкратьичъ, сказалъ Бобоховъ, отворяя ногою дверь прихожей.

— Прощай, Ваничка. Я и забылъ, что тебѣ отдохнуть-то надо, заболтался... Спи хорошенько, Христосъ съ тобой...

— Доброй ночи! сухо отвѣчалъ Бобоховъ, захлопывая дверь.

Фамильярность старика не могла быть ни въ какомъ случаѣ оскорбительна Бобохову; но тѣмъ не менѣе она показалась ему совершенно лишнею и неумѣстною.

„Что за Ваничка! Ваничка!.. Скучно, однакожъ, если онъ будетъ надоѣдать мнѣ такимъ образомъ каждый день!.. Ваничка!..“ думалъ Бобоховъ, направляясь въ заднюю комнату, гдѣ приготовлена была для него постель и гдѣ дожидался его Корней.

Повторивъ камердинеру, чтобъ ни подъ какимъ видомъ не смѣлъ подпускать къ двери родственниковъ, Бобоховъ потонулъ въ перинѣ и приказалъ взять свѣчку. Невзирая на усталость послѣ дороги, онъ долго не могъ заснуть: тревожно-безпокойныя мысли, возбужденныя загадочнымъ поведеніемъ сестеръ, которыя, бывъ замужемъ и имѣя свое собственное семейство, не переставали навѣщать старуху-мать, возникали вереницами въ головѣ выскочки и не давали ему покоя. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей, первая ночь, проведенная въ отеческомъ домѣ, была не изъ самыхъ пріятныхъ ночей Бобохова.

Все это способствовало къ тому, что на другой день онъ всталъ дѣйствительно очень поздно. Напившись чаю и отдѣлавшись отъ Семена Панкратьевича подъ тѣмъ предлогомъ, будто ему необходимо было писать дѣловыя письма, Бобоховъ принялся расхаживать по всѣмъ нижнимъ комнатамъ, проклиная обстоятельства, заставившія его пріѣхать въ Малиновъ.

Жизнь Малинова не представляла въ самомъ дѣлѣ ничего особенно интереснаго человѣку, не принимавшему дѣятельнаго участія въ хлѣбной торговлѣ; тѣмъ менѣе могла она доставить удовольствія Бобохову, который, кромѣ того уже, что считалъ себя поставленнымъ въ фальшивое положеніе, не смѣлъ выглянуть изъ двери, боясь натолкнуться на какую-нибудь мучную бороду, которая, чего добраго, бросится обнимать его на улицѣ и назоветъ во всеуслышаніе племянничкомъ! Бобоховъ скучалъ страшно, къ совершенному отчаянію Семена Панкратьевича, который тщетно изощрялъ всю свою умственную силу, чтобъ пріискать какое-нибудь развлеченіе своему питомцу. На третій день послѣ своего пріѣзда, выскочка рѣшился уже, въ ожиданіи матушкина возвращенія, отправиться въ Голодаевку, какъ вдругъ одно совершенно неожиданное обстоятельство измѣнило его намѣреніе. Въ то самое утро, какъ мысль уѣхать въ Голодаевку достигала уже до степени убѣжденія, въ квартирѣ выскочки появился содержатель кочующей труппы актеровъ.

Услышавъ о пріѣздѣ г. Бобохова въ городъ Малиновъ, содержатель театра почелъ за непремѣннѣйшій долгъ засвидѣтельствовать ему свое почтеніе; наслышанный также весьма много о покровительствѣ, какое оказывалъ Иванъ Дормидоновичъ въ прежнее время другимъ труппамъ, появлявшимся въ Малиновѣ, содержатель театра питалъ въ душѣ своей лестную надежду, что Иванъ Дормидоновичъ, какъ меценатъ и, сверхъ того, извѣстный покровитель и поощритель искусства, не оставитъ точно такъ же безъ вниманія настоящую труппу, которая почтетъ за особенное счастіе имѣть своимъ покровителемъ извѣстнаго знатока и дилетанта.

— Вы не ошиблись, я точно dilèttan... и всегда покровительствую артистамъ! сказалъ Бобоховъ. — Что жъ вы хотите, однакожъ, чтобъ я для васъ сдѣлалъ?..

— Отъ васъ, отъ васъ однихъ, сударь мой, зависитъ успѣхъ нашихъ представленій! съ горячностью воскликнулъ-

нулъ антрепренеръ, прикладывая скомканную шляпу свою къ сердцу, наподобіе того, какъ это дѣлаютъ театральные любовники, когда клянутся въ вѣчной любви,—вашъ оркестръ пользуется давно заслуженною извѣстностью; слава о немъ гремитъ по всѣмъ окрестнымъ уѣздамъ и губерніямъ! такого оркестра — не почитайте это за лесть, я человѣкъ искренній — не найдешь даже въ Москвѣ... Все это заставляетъ предполагать меня, что если бъ вы дозволили вашему оркестру принять участіе въ нашихъ спектакляхъ...

— Все это прекрасно, перебилъ Бобоховъ, разваливаясь въ креслахъ,—но оркестръ мой находится въ одномъ изъ моихъ помѣстій... а, впрочемъ, это еще ничего. Когда думаете начать спектакли? заключилъ онъ тономъ снисходительнаго покровительства.

Спектакли должны были начаться не ранѣе недѣли. Впрочемъ, все зависѣло отъ Бобохова; антрепренеръ вторично возлагалъ на него всѣ свои надежды.

Послѣдовала пауза, въ продолженіе которой Бобоховъ раздумывалъ очень серьезно о томъ, посадить ли антрепренера, или заставить его простоять въ почтительномъ уничиженіи передъ своимъ кресломъ. Наконецъ, чувство жалкаго снисхожденія къ бѣдному актеру взяло рѣшительный перевѣсъ въ сердцѣ Бобохова надъ барственною гордостью: онъ пригласилъ антрепренера занять мѣсто на сосѣднемъ стулѣ. Тутъ начались разспросы о томъ, многочисленна ли труппа, какія именно лица входятъ въ составъ ея, находится ли достаточное количество костюмовъ, декорацій, бутафорскихъ вещей и приведено ли все это въ надлежащій порядокъ. Разспросы эти сдѣланы были съ тою единственною цѣлью, чтобъ поразить антрепренера глубокими свѣдѣніями дилетанта по части театральнаго управленія. Отвѣты оказались вполнѣ удовлетворительными. Бобоховъ объявилъ, что, принимая въ уваженіе хорошій порядокъ труппы и благо не было у него въ настоящую минуту никакихъ особенныхъ занятій, приметъ, пожалуй, на себя трудъ надзирать за ходомъ спектаклей и снабдить труппу оркестромъ.

— Вы понимаете, я не хочу, да и не могу себя компрометировать, примолвилъ онъ, пыжась и надуваясь какъ кузнечный мѣхъ, — если я рѣшаюсь принять участіе въ вашемъ театрѣ, я хочу, слѣдовательно, чтобъ все было хорошо. На этомъ основаніи принесите мнѣ, почтеннѣй-

шій, во-первыхъ, списокъ пьесъ: я самъ сдѣлаю выборъ репертуара; потомъ присылайте мнѣ сказать каждый разъ, когда начинаются репетиціи: я лично буду на нихъ присутствовать... Что жъ касается до оркестра, я пошлю за нимъ немедленно.

Антрепренеръ, засѣвшій въ Малиновѣ со своею труппою, какъ ракъ на мели, задолжавшій кругомъ и не имѣвшій рѣшительно никакой надежды выпутаться изъ скверныхъ обстоятельствъ, не видѣвшій даже возможности дать спектакля, за неимѣніемъ въ Малиновѣ оркестра, покорился волѣ дилетанта и разсыпался даже передъ нимъ въ благодарственныхъ монологахъ.

Съ уходомъ антрепренера дано было Корнею приказаніе ѣхать въ Голодаевку и черезъ три дня, никакъ не позже, явиться обратно въ Малиновъ съ оркестромъ. Отъ Малинова до Горшкова считалось сорокъ верстъ, отъ Горшкова до Голодаевки — двадцать. Приготовленія къ отъѣзду должны были занять никакъ не болѣе двухъ часовъ. Бобоховъ не терпѣлъ возраженій. Корней отправился. Дѣло въ томъ, что въ головѣ Бобохова мелькнула слѣдующая счастливая мысль: малиновскіе купцы народъ тугой и подозрительный; они, пожалуй, готовы забрать себѣ въ голову, что Иванъ Дормидоновичъ прячется отъ нихъ, чтобъ скрыть какія-нибудь неблагопріятныя обстоятельства. Заинтересованные его затворничествомъ, они, чего добраго, начнутъ наводить справки и пронюхаютъ въ самомъ дѣлѣ настоящія, плохія обстоятельства Ивана Дормидоновича. Надлежало послѣ всего этого показаться Малинову, но показаться во всемъ великолѣпіи; надлежало развернуться передъ этимъ ненавистнымъ городомъ, привыкшимъ, по какому-то предразсудку, причислять Бобохова къ своимъ членамъ; нѣтъ, пускай же увидятъ эти малиновцы, пускай убѣдятся они хорошенько, какая неизмѣримая дистанція существуетъ между ними и человѣкомъ образованнымъ, просвѣщеннымъ, *развитымъ*! Озаренный такою мыслью, Бобоховъ обратилъ прежде всего вниманіе свое на афишку. Три дня, проведенные имъ за перомъ и бумагой, произвели одинъ изъ тѣхъ chef-d'oeuvres, который надолго останется капитальнымъ образчикомъ въ коллекціи оригинальныхъ объявленій. Во главѣ афиши значилось, между прочимъ, что малиновскій театръ обратилъ на себя съ нѣкоторыхъ поръ особенное вниманіе г. Б***, одного изъ извѣстнѣйшихъ знатоковъ искусства

и дилетантовъ, „dilėttan“, и что теперь, слѣдовательно, не остается ужъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что публика приметъ такое же точно участіе въ процвѣтаніи малиновскаго театра, который, благодаря высокому покровительству, не замедлитъ стать на ряду съ первоклассными театрами нашего отечества.

Афиша, прибитая къ углу огромнаго мучного сарая, вмѣщавшаго въ себѣ театръ, произвела, какъ каждый легко представитъ себѣ, сильное дѣйствіе на малиновцевъ.

VII

предлагаетъ на разсмотрѣніе любопытный вопросъ о томъ: слѣдуетъ ли утверждать положительно, что молодое поколѣніе далеко опередило старое.—Фантастическое и вовсе неожиданное появленіе одного стариннаго знакомаго.

Въ Малиновѣ всѣ заговорили о Ванѣ Бобоховѣ и предстоящемъ спектаклѣ. Оркестръ, между тѣмъ, пріѣхалъ; начались репетиціи. Бобоховъ былъ, однакожъ, не совсѣмъ доволенъ; главная причина его неудовольствія заключалась въ томъ, что оркестръ, безъ Паганинова, Габріельскаго и Серенадина, неминуемо долженъ былъ утратить блистательную свою славу.

Бобоховъ былъ страшно не въ духѣ. Въ одну изъ самыхъ мрачныхъ минутъ его, въ комнату вбѣжалъ Семенъ Панкрантьевичъ.

— Ваничка, новость! пріятная, другъ мой, новость! воскликнулъ старикъ.—Ты жаловался, дружокъ мой, что нѣтъ тебя капельмейстера: не тужи; я нашелъ тебѣ капельмейстера!

— Вы? хи-хи-хи!.. хорошъ, должно быть! сказалъ Бобоховъ, закидывая руки за фалды фрака и насмѣшливо прищуривая глазки.

— Ей-Богу, Ваничка, нашелъ капельмейстера! я не шучу; самъ сказывалъ мнѣ: „я, говоритъ, управлялъ петербургскими музыкантами“. Такой, знаешь, расторопный, ловкій, говорливый такой... съ усердіемъ описывалъ старикъ, бившійся изо всей мочи, чтобъ разсѣять своего питомца.

— Гдѣ жъ вы его встрѣтили?

— А видишь ли, дружокъ: пошелъ я на почту посмотрѣть, нѣтъ ли чего отъ маменьки; спрашиваю—нѣтъ, говорятъ, никакихъ, говорятъ, нѣтъ писемъ...

— Хорошо, хорошо, что жъ дальше?

— Экой ты какой, Ваничка, нетерпѣливый! Погоди, все разскажу: ну, вотъ, и выхожу я съ почты: такъ, знаешь, скучно какъ-то стало; подходитъ ко мнѣ какой-то молодой человѣкъ, такой опрятный, учтивый: „вы, говоритъ, куда, позвольте васъ спросить?“ — „Домой, говорю, пора обѣдать“.—„Ну, говоритъ, и я съ вами, позвольте проводить васъ?“—„Очень, говорю, радъ!“ Такой, знаешь, учтивый, внимательный... Слово за словомъ, разговорились; тутъ и узналъ я, что онъ музыкантъ. — „Управлялъ, говоритъ, оркестрами въ Петербургѣ, а теперь ѣду получать наслѣдство...“

— Отчего жъ вы не привели его прямо ко мнѣ?

— Да я не смѣлъ обезпокоить тебя, дружокъ мой; видишь ты вѣдь какой...

— Ну, хорошо, хорошо! нетерпѣливо перебилъ Бобоховъ,—дѣло въ томъ, что надо сiю же минуту послать отыскать его...

— Зачѣмъ? что тебѣ безпокоиться! Я спросилъ, гдѣ квартируетъ онъ, и, если хочешь, сейчасъ же приведу его къ тебѣ...

— Да, такъ сдѣлайте же это какъ можно скорѣе, Семенъ Панкратьичъ; отправляйтесь сейчасъ же; пожалуйста, только не забудьте то, о чемъ говорилъ вамъ на-дняхъ, то-есть не называйте меня: Ваничка, Ваня и другими милыми именами при постороннихъ: я этого терпѣть не могу, проговорилъ питомецъ, подталкивая старика за плеча,— да не забудьте, что черезъ какiе-нибудь два часа начнется спектакль; мѣшкать нечего...

Извѣстiе это, хотя еще не совсѣмъ вѣрное, обнадежило нѣсколько Бобохова; онъ рѣшился переговорить съ капельмейстеромъ и, въ случаѣ, если тотъ окажется способнымъ, завербовать его, не медля ни минуты, въ свой оркестръ.

Бобоховъ крикнулъ „эй!“ и приказалъ Корнею подавать одѣваться; надлежало обратить на этотъ разъ особенное вниманiе на туалетъ. Малиновцы, которые, нѣтъ сомнѣнiя, наполнятъ весь театръ, должны убѣдиться съ перваго взгляда въ необъятной дистанцiи, какая существуетъ между ними и человѣкомъ образованнымъ, „раз-

витымъ“ и просвѣщеннымъ. По этому поводу на сцену явились: черный фракъ съ краснымъ фуляромъ въ боковомъ карманѣ, синіе панталоны и бѣлый жилетъ неизмѣримой длины. Смотрясь въ зеркало и раздувая щеки, Бобоховъ расправлялъ уже кончики галстука, долженствовавшіе свести съ ума малиновскихъ купчихъ, когда въ сосѣднихъ комнатахъ послышались неожиданно шаги и голоса.

— Пожалуйте, батюшка, просимъ покорно; Иванъ Дормидонычъ будетъ очень радъ, говорилъ Семенъ Панкратьевичъ.

— Чувствительно благодаренъ... Роскошь!.. богатство!.. милліоны!.. видно сразу!.. Весьма пріятно... просвѣщеніе, тонкій вкусъ... весьма пріятно!.. подхватывалъ отрывчатый голосъ.

Бобоховъ окинулъ себя самодовольно съ головы до ногъ и вышелъ навстрѣчу.

Онъ увидѣлъ тогда высокаго, статнаго, живого малаго съ бѣлокурыми завитками на головѣ, сѣрыми быстрыми глазами, бѣлыми зубами и полными румяными щеками. На незнакомцѣ былъ желтый поношенный нанковый сюртукъ съ обсѣченными рукавами, падавшими на кисти рукъ; черный ветхій галстукъ и широкіе нанковые шальвары довершали костюмъ его; въ лѣвой рукѣ незнакомца виднѣлась замасленная фуражка; въ правой держалъ онъ хлыстикъ, которымъ выводилъ въ воздухѣ фантастическіе іероглифы и безпрестанно похлопывалъ по шальварамъ.

Незнакомецъ выступалъ медленно, подгибая колѣна; но какъ только Бобоховъ показался въ дверяхъ, онъ сдѣлалъ три граціозные прыжка впередъ и пристукнулъ каблукомъ.

— Вотъ, Ванич... Иванъ Дормидонычъ, вотъ, другъ мой, тотъ самый господинъ, о которомъ я говорилъ тебѣ... сказалъ старый учитель, поспѣшно ковыляя къ выскочкѣ.

— Хорошо, знаю, отвѣчалъ Бобоховъ, поворачиваясь къ нему спиною и обращаясь къ незнакомцу.

— Честь имѣю рекомендоваться, заговорилъ незнакомецъ, расшаркиваясь, — Попельковскій, Ардаліонъ Александрычъ... очень радъ познакомиться... много слышалъ... могу судить... самъ получилъ блестящее воспитаніе... обстоятельство, тетка... процессъ... все пропало!..

Тутъ Попельковскій стукнулъ еще разъ каблукомъ и ударилъ хлыстикомъ по шальварамъ.

— Очень радъ, сказалъ Бобоховъ, пристально осматривая незнакомца рысьими глазками. — Вы, сказывали мнѣ, управляли оркестромъ въ Петербургѣ.

— Могу похвастать... восемь оркестровъ — много заботы!.. Впрочемъ, вы не думайте... мои товарищи знаменитые люди! А впрочемъ, что за дѣло!..

Тутъ Попельковскій выставилъ лѣвую ногу впередъ, вытянулъ лѣвую руку и быстро провелъ по ней нѣсколько разъ хлыстикомъ, какъ будто разыгрывалъ па скрипкѣ.

— Какими же оркестрами вы управляли? недовѣрчиво спросилъ Бобоховъ.

— Пруженкевича... Невзорова... много было... не остался... умоляли... не могу: ѣду получать наслѣдство... Въ театрѣ аккомпанировалъ Рубини... на віолончели... славный пѣвецъ!.. ѣли вмѣстѣ устрицы... лихой малый!.. позвольте сѣсть?.. безъ запинки отвѣчалъ Попельковскій.

— Садитесь! сказалъ покровительствующимъ тономъ Бобоховъ. — Вы, безъ сомнѣнія, должны были слышать о моемъ оркестрѣ?..

— Слышать! ха-ха-ха! всѣ говорятъ!.. слава... огромная извѣстность... артисты... сами учили... дѣлаете гигантскую честь...

— Да, я самъ ихъ училъ и, могу сказать, образовалъ даже нѣкоторыхъ виртуозовъ, возразилъ выскочка, причемъ профиль его заслонился щеками,—въ Москвѣ я давалъ на-дняхъ блистательный концертъ; всѣ знатоки объявили единодушно, что мои музыканты лучше театральныхъ, primo, prim. Мой своякъ, Тохтамышевъ, выпросилъ у меня главнаго солиста, который управлялъ всегда моимъ оркестромъ, и потому самому я теперь безъ капельмейстера. Если у васъ нѣтъ теперь мѣста, я охотно переговорю съ вами... Но я впередъ предувѣдомлю васъ, что я очень взыскателенъ: я требую отъ капельмейстера фундаментальнаго знанія, генералъ-баса, général-baze... Сверхъ того, такъ, по крайней мѣрѣ, я полагаю, капельмейстеръ долженъ знать всѣ инструменты...

— Гляжу я на тебя, Ван... Иванъ Дормидонычъ, и дивлюсь, право, замѣтилъ Семенъ Панкратьевичъ, всплескивая руками,—гдѣ это ты всему этому научился?..

— Позвольте вамъ замѣтить, мой почтеннѣйшій, замѣчаніе ваше вовсе неумѣстно, перебилъ питомецъ, бросая строгій взглядъ на старика,—пожалуйста, не перебивайте насъ; видите, здѣсь заняты дѣломъ... вы сдѣлали бы мнѣ

большое удовольствіе, если бъ сходили въ театръ и спросили, скоро ли начнется представленіе...

— Экой ты какой... вотъ ужъ и разсердился!.. Ну, ну, полно! сейчасъ схожу... отвѣчалъ старикъ, суетливо направляясь къ двери.

— Ну-съ; итакъ, что̀ вы скажете насчетъ моихъ требованій? спросилъ Бобоховъ, бросая значительный взглядъ на Попельковскаго.

— Безподобно!.. я то же говорю... всѣ инструменты... лучше быть нельзя!

— Да, всѣ инструменты, но чтобъ однимъ какимъ-нибудь капельмейстеръ владѣлъ въ совершенствѣ — это необходимо, примолвилъ выскочка съ видомъ знатока.

— Превосходно!.. рекомендуюсь: віолончель... люблю... страсть... что жъ дѣлать?.. слабость!.. давалъ концерты... Неистовствуетъ весь Петербургъ... Попельковскій! всѣ знакомы!.. Машутъ платки... дамы улыбаются... Графиня прослезилась... Ничего... шалишь, думаю, ударилъ смычкомъ!.. слышу: фальшивая нота... адъ и ничтожество!.. бацъ! разбиваю вдребезги віолончель!.. заплатилъ три тысячи... перваго мастера: Бени... Пени... забылъ! Графиня вскрикиваетъ... обморокъ... ничего!.. Покидаю залу... смятеніе... уѣхалъ... Очень радъ заняться вашимъ оркестромъ!.. всѣхъ затмимъ...

— Скажите же, напримѣръ, какія полагаете вы условія?..

— Условія, ха-ха-ха!.. э! трынь-трава!.. добрый малый!.. очень радъ познакомиться... Вы, я вижу, образованный человѣкъ... сойдемся... я человѣкъ: „пуръ ла компани“!.. отлично!.. сказалъ Попельковскій, привскакивая съ мѣста, ударяя хлыстикомъ по шальварамъ и протягивая руку. Въ самую эту минуту въ дверяхъ появился Корней.

— Иванъ Дормидонычъ, сказалъ онъ, вытягиваясь по швамъ, — тотъ ахтеръ, что заправляетъ кіатромъ, приказалъ сказать, что васъ дожидаются... пора начинать, говоритъ...

— Ахтеръ! кіатръ... болванъ! Когда выучитесь вы говорить по-людски? Хорошо, ступай! проговорилъ Бобоховъ. — Кстати, примолвилъ онъ, обращаясь къ Попельковскому, — пойдемте со мной въ театръ; тамъ услышите вы мой оркестръ и, слѣдовательно, сами увидите, до какой степени онъ подвинутъ, и что остается еще сдѣлать.

— Будьте увѣрены... чистосердеченъ, какъ артистъ!.. все пойдетъ какъ по маслу; увидимъ... ухо не обманетъ...

глазъ также... говорилъ Попельковскій, направляясь за Бобоховымъ, который шелъ въ прихожую.

— Пальто! крикнулъ выскочка.

Корней подалъ пальто и вручилъ барину шляпу и желтыя перчатки.

— А я-то въ чемъ пойду?.. спросилъ неожиданно Ардаліонъ Александровичъ, съ удивленіемъ оглядывая Бобохова.

— Какъ въ чемъ?

— Превосходное пальто!.. нѣтъ ли шинели?.. забылъ въ гостиницѣ... холодно... могу простудиться...

— Эй! крикнулъ Бобоховъ, значительно подмигивая Корнею.

Корней поспѣшилъ вытащить изъ-за двери свою собственную шинель и подалъ ее гостю.

— Негодится... въ лакейской... знаете, неловко... извѣстность!.. укажутъ пальцемъ... Нѣтъ ли получше?.. дайте вашу... чрезвычайно буду благодаренъ!..

Бобоховъ, нѣсколько озадаченный безцеремоннымъ обращеніемъ артиста, приказалъ тѣмъ не менѣе подать ему свою дорожную шинель.

Пять минутъ спустя, Бобоховъ и Попельковскій входили въ театръ.

Въ ту самую минуту, какъ выскочка, проникаясь мыслью о томъ страшномъ эффектѣ, какой произведетъ на малиновцевъ его появленіе, ухватился за ручку двери театральной залы, позади его послышался суетливый топотъ нѣсколькихъ ногъ и вслѣдъ затѣмъ нѣсколько задыхавшихся голосовъ прокричало: „Иванъ Дормидонычъ! Иванъ Дормидонычъ!“

Бобоховъ быстро отступилъ шагъ назадъ, обернулся— и остолбенѣлъ.

Въ сѣняхъ толпилось довольно много народу; посреди этой толпы, состоявшей большею частью изъ лавочниковъ и малиновскихъ лабазниковъ, бросались въ глаза Семенъ Панкратьевичъ, двѣ старухи и еще какой-то долговязый малый съ клинообразною бородкой, исправляющій должность разсыльнаго въ домѣ купчихи Бобоховой; всѣ четверо размахивали руками, протискивались сквозь толпу и надсаживали горло, призывая Ивана Дормидоновича; наконецъ, они выбрались впередъ и, не обращая, разумѣется, вниманія па толпу, которая вперила любознательные взоры на Бобохова, прокричали въ одинъ голосъ:

„Иванъ Дормидонычъ! Ваня... Ваничка, батюшка! маменька сейчасъ пріѣхала! мамаша пріѣхала!..“

Бобоховъ вздрогнулъ; желчь и досада закипѣли ключомъ подъ его джентльменскимъ жилетомъ и приступили къ горлу. Первымъ движеніемъ его было броситься въ залу и показать видъ, что онъ не замѣтилъ даже четырехъ вѣстниковъ, но въ ту жъ секунду измѣнилъ свое намѣреніе: мысль, что Семенъ Панкратьевичъ и его спутники вернутся за нимъ въ залу и возвѣстятъ въ присутствіи публики новость, приковала его на мѣстѣ; онъ быстро нагнулся къ старому учителю, судорожно стиснулъ ему руку и прошипѣлъ въ ухо: „Ступайте скорѣй домой, скажите матушкѣ, что я сейчасъ буду!“ — „Скорѣй, Ваничка! скорѣй же, смотри, другъ мой! мамашенька дожидается!“ крикнулъ старикъ.

Но Бобоховъ не слыхалъ ужъ послѣднихъ словъ: онъ выступалъ между рядами скамеекъ и стульевъ, замѣнявшихъ партеръ и ложи, при чемъ пожелтѣвшія щеки его мгновенно выразили совершеннѣйшее довольство самимъ собою, какъ будто убѣдился онъ съ перваго взгляда, что никто здѣсь не можетъ сравниться съ его особой. Удушливый шопотъ пробѣжалъ по мучному сараю; въ то же время изъ-за занавѣски кто-то махнулъ платкомъ — и оркестръ грянулъ увертюру.

— Всѣ поклоняются... отдаютъ честь... почетъ, слава... превосходно!.. вы заслуживаете!.. проговорилъ Попельковскій, слѣдовавшій по стопамъ Бобохова.

Достигнувъ перваго ряда, гдѣ съ утра еще воздвигнуто было особенное кресло для Бобохова, выскочка прислонился къ дощатымъ периламъ и показалъ свое лицо публикѣ; замѣтивъ въ весьма недалекомъ разстояніи нѣсколько родственныхъ бородъ, Бобоховъ поспѣшилъ обратиться къ оркестру и сѣлъ въ кресла. Попельковскій, не пропустившій между тѣмъ случая подмигнуть двумъ-тремъ купеческимъ дочкамъ, помѣстился на сосѣднемъ стулѣ.

— Послушайте, сказалъ выскочка, наклоняясь къ уху Ардаліона Александровича, — сейчасъ пріѣхала моя матушка; я долженъ непремѣнно видѣться съ нею по одному весьма важному дѣлу... Прослушайте какъ можно внимательнѣе оркестръ и приходите завтра для окончательныхъ переговоровъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же?.. я приду лучше послѣ театра... дѣла... время дорого!..

— Дѣло въ томъ, что я, вѣроятно, поздно просижу у матушки...

— Все равно... я подожду... ночная бесѣда... свѣтлѣй голова... велите только... ужинъ... рано обѣдаю... музыка пробуждаетъ аппетитъ... сильное потрясеніе... слабые нервы...

Бобоховъ кивнулъ пальцемъ турецкому барабану.

— Господинъ этотъ вернется съ вами домой. Сказать Корнею, чтобъ подавалъ ужинъ.

— Да вотъ еще что, подхватилъ Попельковскій,—прикажите сбѣгать въ лавку... купить сигаръ... смотрите только одинъ сортъ: Бѣлобородова... другихъ не курю... Мечтательность... наслажденіе... лѣзутъ мысли... играетъ вдохновеніе...

Бобоховъ не дослушалъ, однакожъ, послѣдней просьбы своего сосѣда; онъ приподнялся съ мѣста, кивнулъ ему головой, юркнулъ въ боковую дверь сарая и очутился на улицѣ.

Сѣрыя осеннія сумерки окутывали уже городъ, когда Бобоховъ подошелъ къ родительскому дому. Тамъ, во второмъ этажѣ, на половинѣ, занимаемой старухой, бѣгали огоньки и мелькали тѣни. Но эти тѣни и огоньки не возбудили отраднаго чувство въ душѣ выскочки; напротивъ, они, казалось, омрачали лицо Бобохова; по крайней мѣрѣ, взглянувъ на него въ настоящую минуту, никто не предположилъ бы, что онъ готовится на свиданіе съ матерью и родными сестрами, съ которыми не видался нѣсколько лѣтъ. Было ли то угрызеніе совѣсти, невольно родившееся въ черствомъ сердцѣ Бобохова, или смущеніе, овладѣвающее каждымъ человѣкомъ передъ свиданіемъ съ людьми, въ присутствіи которыхъ чувствуешь себя виновнымъ, или, наконецъ, нетерпѣливое, но, тѣмъ не менѣе, тягостное волненіе, предшествующее свиданію съ близкими сердцу послѣ долгой разлуки?.. Нѣтъ! По поводу этихъ огней и тѣней въ головѣ Бобохова возникали самыя черныя мысли, и ни одна искра теплаго чувства не проникала въ его сердце. Жалкій, но, къ несчастію, часто встрѣчающійся образчикъ тѣхъ молодыхъ людей мѣщанскаго происхожденія, которые, помощью денегъ, заползаютъ въ чужія сани, комически рискуютъ на новомъ своемъ мѣстѣ, и считаютъ себя въ правѣ презирать честное

сословіе своихъ предковъ, забывая, что сами они, какъ тунеядцы, безъ воспитанія, образованія и нравственныхъ правилъ, во-сто разъ ниже всякаго честнаго ремесленника!

Бобоховъ прошелся нѣсколько разъ по своимъ комнатамъ, стараясь придать своему лицу такое выраженіе, которое уничтожило бы всякое подозрѣніе о томъ, что въ самомъ дѣлѣ происходило въ душѣ его; онъ достигъ этого въ совершенствѣ; ибо нѣтъ на свѣтѣ такого глупца, который не вмѣщалъ бы въ себѣ изрядной доли лукавства и хитрости. Затѣмъ, онъ повторилъ Корнею приказанія, отданныя въ театрѣ турецкому барабану, касательно Попельковскаго, вышелъ изъ своихъ комнатъ и поднялся во второй этажъ.

Прислуга купчихи Бобоховой, состоявшая преимущественно изъ старухъ и бѣдныхъ проживалокъ, обступила выскочку и разсыпалась передъ нимъ въ поздравительныхъ, подобострастныхъ привѣтствіяхъ, какъ только онъ вступилъ въ прихожую, не успѣвшую еще освободиться отъ кулечковъ, узелковъ и мѣшечковъ, сопровождавшихъ старуху во все время богомолья; но выскочка прошелъ мимо съ неподражаемымъ равнодушіемъ, смѣшаннымъ даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ насмѣшливаго презрѣнія; онъ ограничился тѣмъ лишь, что спросилъ: „гдѣ матушка?“ и, получивъ въ отвѣтъ, что матушка изволятъ кушать чай въ спальнѣ, направился быстрыми шагами въ эту комнату.

Старуха Бобохова рѣдко выходила изъ своей спальни. Окруженная съ ранняго утра до поздняго вечера бѣдными родственницами, проживалкими, облагодѣтельствованными сиротами, которыя предупреждали малѣйшія ея желанія, она могла прожить очень хорошо, не вставая даже съ мѣста. Впрочемъ, спальня называлась этимъ именемъ только по привычкѣ; въ сущности, въ ней сосредоточивались гостиная, пріемная, образнàя, столовая—словомъ, всевозможныя отдѣленія дома. Изъ этого не слѣдуетъ, однакожъ, заключать, что спальня должна была отличаться роскошью или комфортомъ; совсѣмъ напротивъ: все было до невѣроятности скромно и просто, за исключеніемъ задней стѣны, уставленной плоскими шкапами изъ краснаго дерева. Противоположная стѣна занята была почти исключительно старомоднымъ диваномъ, нѣсколькими разнокалиберными креслами и комодомъ, выложеннымъ мѣдными полосками и бляхами. Противъ дивана

стоялъ массивный овальный столъ, покрытый синею ярославскою скатертью, изображавшею двухъ голубковъ, которые пили изъ одной чашки. Налѣво отъ дивана, по сосѣдней стѣнѣ, лѣпилась огромная дубовая постель, завѣшенная ситцевымъ пологомъ съ широкими разводами; окна противъ постели выходили въ садъ и заслонялись до половины вѣтвями деревъ.

Въ настоящую минуту, то-есть въ то время, какъ Бобоховъ приготовлялся къ свиданію, матушка его спокойно сидѣла на диванѣ, украшенномъ подушками всѣхъ возможныхъ формъ и размѣровъ; тутъ были подушки, шитыя шелкомъ по глазету, бархату и атласу, подушки, шитыя шерстью въ гладь и подъ такъ-называемый бархатный шовъ, съ изображеніемъ борзыхъ собакъ, албанцевъ, подпирающихся ружьемъ съ голубымъ куркомъ, турокъ, одалискъ съ четыреугольными ртами и носами, и т. д. Всѣ эти произведенія, поднесенныя въ разное время бѣдными сиротками и проживалками, жившими въ домѣ богатой купчихи, служили слабымъ, но тѣмъ не менѣе несомнѣннымъ знакомъ ихъ глубокой признательности. Проживалки и сиротки, наводнившія спальню съ той самой минуты, какъ Бобохова вернулась съ богомолья, располагались теперь вокругъ овальнаго стола, на которомъ пыхтѣлъ и шипѣлъ дюжій мѣдный самоваръ. На диванѣ, по обѣимъ сторонамъ старухи, сидѣли ея дочери, изъ которыхъ особенно отличалась старшая, высокая, плечистая, сорокалѣтняя женщина, съ лицомъ необыкновенно открытымъ, умнымъ и веселымъ. Посреди этого многочисленнаго женскаго сборища, бросался въ глаза Семенъ Панкратьевичъ съ своими круглыми очками, лысиною и длиннополымъ гороховымъ сюртукомъ. Онъ поминутно отрывался отъ своего стакана, подбѣгалъ къ единственному окну, глядѣвшему на улицу, или къ двери, прислушивался, присматривался и какъ будто ждалъ кого-то, при чемъ подслѣповатая физіономія его выражала всѣ признаки живѣйшаго нетерпѣнія. Обманутый каждый разъ въ своихъ ожиданіяхъ, онъ возвращался къ своему стакану и, прихлебывая чай, бросалъ украдкою безпокойный взглядъ на старуху Бобохову, которая казалась совершенно спокойною. Спокойствіе это, смѣшанное съ нѣкоторою холодностью въ общемъ выраженіи лица, такъ рѣзко, такъ положительно обозначалось въ чертахъ старухи, что, казалось, ни въ какомъ случаѣ не могло уже

замѣниться другимъ выраженіемъ; въ ея черныхъ какъ смоль глазахъ, глядѣвшихъ проницательно изъ-подъ густыхъ бровей, свѣтилось болѣе ума, чѣмъ чувства; широкій лобъ, угловатое, сухое очертаніе губъ, подбородка и носа, придавало желтому лицу старухи характеръ энергіи. Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, старуха держалась прямо, и члены ея отличались крѣпостью и полнотою. Она была вся въ черномъ. Черный коленкоровый платокъ плотно обвязывалъ ея голову; такой же капотъ исчезалъ на половину подъ чернымъ бумажнымъ платкомъ, покрывавшимъ плечи старухи. Взглянувъ на нее, нельзя было предположить, чтобъ она могла быть матерью джентльмена Бобохова. Впрочемъ, умная старуха сама изъявляла не разъ на этотъ счетъ свое удивленіе. Дѣло въ томъ, что она принадлежала къ числу тѣхъ рѣдкихъ матерей, которыя любятъ дѣтей своихъ безпристрастно, умѣютъ отличать умныхъ отъ глупыхъ, дурныхъ отъ хорошихъ, и охотно отдаютъ послѣднимъ ту часть своего сердца, которой, по ихъ мнѣнію, не заслуживаютъ первые. Ваня Бобоховъ, благодаря своему джентльменству, научившему ему презирать свое происхожденіе, гнушаться родныхъ и стыдиться своего семейства, пользовался самою ничтожною частичкою материнскаго сердца, и въ этомъ нисколько, однакожъ, не были виноваты сестры, старавшіяся, напротивъ того, склонить сердце старухи въ пользу брата.

Когда Бобоховъ вошелъ въ спальню, всѣ приподнялись съ своихъ мѣстъ и пошли къ нему навстрѣчу, за исключеніемъ старухи-матери, которая ограничилась тѣмъ только, что внимательно устремила на сына пронзительные глаза свои. Глаза эти, казалось, съ первой же секунды смутили джентльмена; считая, однакожъ, не лишнимъ показать при этомъ случаѣ какъ можно больше спокойствія и даже хладнокровія, онъ сдѣлалъ видъ, будто не замѣчаетъ окружавшихъ его родственницъ и знакомыхъ, прошелъ мимо сестеръ, какъ будто послѣднія были невидимки, и, повернувшись спиною къ Семену Панкратьевичу, въ отвѣтъ на его радостное восклицаніе, поспѣшно направился къ дивану.

— Здравствуйте, матушка! сказалъ онъ, прикладываясь къ рукѣ матери,—какъ вы себя чувствуете?.. очень радъ, что васъ вижу... Надѣюсь, что вы здоровы?.. прибавилъ онъ, очевидно, пріискивая фразы.

— Здравствуй, батюшка, произнесла невозмутимо спокойно старушка, — живу какъ видишь; здорова, слава Богу; благодаря добрымъ дѣткамъ, которыя навѣщаютъ меня, не забываютъ старуху-мать, живу счастливо и покойно.

— Чрезвычайно пріятно, перебилъ Бобоховъ, торопливо придвигая сосѣдній стулъ и усаживаясь противъ матери, спиною къ сестрамъ, которыя стояли посреди спальни, озадаченныя невниманіемъ брата,—чрезвычайно пріятно, подхватилъ онъ, понижая голосъ, — все это время заваленъ былъ ужаснѣйшими дѣлами... секунды не было свободной... насилу вырвался... чрезвычайно сожалѣю, что не засталъ васъ... Нарочно летѣлъ, думалъ повидаться съ вами; такъ скакалъ, что двѣ отличнѣйшія лошади пали дорогой...

— И-и-и, мой батюшка! зачѣмъ же было такъ спѣшить? недовѣрчиво сказала старуха и покачала головой,— не Богъ вѣсть, какъ давно не видались, всего два года, только два года... продолжала она съ ироніей, между тѣмъ какъ глаза ея съ сожалѣніемъ устремлялись на сына.—Коли столько времени не заглядывалъ къ матери, такъ не зачѣмъ, право, было и торопиться; днемъ раньше, днемъ позже, не все ли это равно?.. напрасно только лошадей поморилъ... Да что жъ ты, батюшка, али сестеръ-то не примѣтилъ? Встань, хоть поклонись имъ; онѣ, вѣдь, кажись, немножко сродни тебѣ...

— Ахъ, чрезвычайно пріятно! пробормоталъ Бобоховъ, приподымаясь со стула, церемонно расшаркиваясь, но не трогаясь съ мѣста.

Двѣ младшія сестры поспѣшили сдѣлать шагъ впередъ, но въ ту жъ секунду остановлены были старшей, которая нетерпѣливо загородила имъ дорогу и, ставъ между ними и братомъ, бросила на послѣдняго взглядъ полный негодованія и гордости.

Бобоховъ шаркнулъ во второй разъ и что-то пробормоталъ сквозь зубы.

— Что жъ ты, батюшка, стоишь? Удостой тронуться съ мѣста да подойти къ сестрамъ... или, можетъ статься, это у васъ тамъ не въ модѣ...

— Помилуйте... напротивъ того... мнѣ чрезвычайно пріятно... пробормоталъ выскочка, зеленѣя и принужденно подвигаясь впередъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же тебѣ безпокоиться, братецъ? По-

жалуйста, садись и продолжай не обращать на насъ никакого вниманія, сказала старшая сестра, смягчая по возможности свой голосъ, очевидно, съ тою цѣлью, чтобъ сцена эта была какъ можно менѣе чувствительна старухѣ,—не лучше ли поступать прямо и высказать откровенно настоящія твои чувства къ сестрамъ. Откровенность въ этихъ случаяхъ, какъ она ни горька, все же лучше лжи. Пожалуйста, садись и успокойся; мы очень хорошо знаемъ твою непріязнь, незаслуженную, впрочемъ, и съ своей стороны, два года назадъ, сдѣлали все, что можно, чтобъ заслужить твою довѣренность и дружбу; къ несчастью, какъ видно, мы этого до сихъ поръ еще не удостоились; будемъ стараться заслужить современемъ милостивое твое снисхожденіе, а покуда намъ больно только то̀, что все это происходитъ передъ маменькой и можетъ огорчить ее... продолжала она, окинувъ насмѣшливо брата, который ёжился, пыхтѣлъ, отдувался и во все это время не переставалъ улыбаться, надѣясь скрыть этимъ способомъ свою неловкость.—Очень рада, нетерпѣливо подхватила она, покрываясь краской негодованія, но со всѣмъ тѣмъ стараясь придать своему голосу веселую интонацію,—очень рада, что слова мои доставляютъ тебѣ удовольствіе... Не желая, однакожъ, разрушить такое счастливое расположеніе духа, что весьма легко было бы случиться, если бъ я продолжала эту пріятную бесѣду, я лишу себя на время удовольствія сидѣть съ тобою въ одной комнатѣ. Анюта, Раиса, заключила она, обращаясь къ двумъ сестрамъ и вслѣдъ за тѣмъ къ остальнымъ женщинамъ, находившимся въ спальнѣ, — я думаю, всѣмъ намъ не мѣшало бы сдѣлать то же самое; любезный братецъ мой, я полагаю, не найдетъ особеннаго удовольствія въ нашемъ обществѣ—пойдемте...

— Но отчего же, Варвара Дормидоновна? какъ же это?.. Ваничка очень радъ...

— Э! полноте, почтенный и добрый мой Семенъ Панкратьичъ! произнесла Варвара Дормидоновна, взявъ руку старика, — вамъ неизвѣстны обычаи модныхъ, такъ-называемыхъ истинно-порядочныхъ людей: присутствіе друзей и родственниковъ мѣщанскаго круга можетъ только смущать ихъ; это для нихъ горче ревеню. Пойдемте...

И, взявъ подъ руку стараго учителя, кивнувъ головою сестрамъ и проживальщицамъ, которыя стояли уже у двери, она покинула спальню.

Во время этихъ объясненій, старуха сидѣла, скрестивъ на груди руки. Умное, выразительное лицо ея, устремленное сначала на сына, выражало какъ будто горькое состраданіе; но теперь оно глядѣло въ другую сторону и обращено было къ полу; угловатыя черты старухи, освѣщенныя сбоку свѣчкой, рѣзко выступали изъ мрака и казались еще суровѣе и строже; черная одежда ея смѣшивалась почти съ густою тѣнью, бросаемой спиною и плечами; лицо старухи было неподвижно, и только въ черныхъ съ просѣдью бровяхъ, тѣсно сдвинутыхъ подъ широкимъ, морщинистымъ лбомъ, изрѣдка пробѣгало судорожное движеніе. Она, повидимому, не замѣчала сына, который, между тѣмъ, расхаживалъ быстрыми шагами изъ угла въ уголъ, стараясь подавить злобу, кипѣвшую въ его груди по поводу выходки старшей сестры.

Мало-по-малу, старуха снова обратила свои черные глаза на сына и минуты двѣ слѣдила за всѣми его движеніями. Холодное, угрюмое выраженіе на лицѣ ея показало, что послѣдняя надежда вразумить сына, направить его на должный путь—угасла уже въ сердцѣ матери. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Бобоховъ, подвизаясь на джентльменскомъ поприщѣ, постарался уже обогатить свою біографію такими фактами, которые ясно доказывали матери, что не было никакой надежды на его исправленіе. Расхаживанье взадъ и впередъ не мѣшало ему, однакожъ, наблюдать за матерью. Замѣтивъ, что взглядъ ея обращенъ былъ съ нѣкоторыхъ поръ на его особу, онъ поспѣшилъ замаскировать свое бѣшенство, скорчилъ грустную физіономію и, сдѣлавъ выразительный жестъ къ двери, куда ушли сестры, сказалъ наивнымъ голосомъ:

— Я, право, не понимаю, матушка, за что онѣ на меня сердятся...

Старуха усмѣхнулась и покачала головою. Улыбка эта показала Бобохову, что попытка его стать въ выгодное положеніе посредствомъ пошлой выходки нисколько не удалась: старуха, очевидно, подсмѣивалась надъ нимъ; сознаніе собственнаго своего безсилія и ничтожества возмутило самолюбиваго выскочку до невѣроятной степени, и, не будучи уже въ состояніи скрывать на этотъ разъ настоящаго чувства, онъ проговорилъ отрывисто:

— А, впрочемъ... не мудрено догадаться, отчего онѣ сердятся... Имъ досадно, что я сюда пріѣхалъ... Онѣ меня

не ждали... да-съ. Я, можетъ-быть, отнялъ у нихъ мѣсто... подлѣ васъ. Онѣ, кажется, совсѣмъ поселились въ вашемъ домѣ.

— Э, батюшка мой! за что имъ на тебя сердиться? возразила спокойно и какъ бы нехотя старуха,—ты имъ ни въ чемъ не помѣха.

— Помилуйте, я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь! воскликнулъ выскочка, нетерпѣливо усаживаясь въ кресло,—странно было бы въ этомъ сомнѣваться... Онѣ такъ часто здѣсь бываютъ, такъ часто доказываютъ вамъ любовь свою... вы такъ твердо увѣрены въ ихъ чувствахъ... что, конечно, ничто уже не можетъ повредить имъ въ вашемъ мнѣніи... О, онѣ боготворятъ васъ! обожаютъ! подхватилъ онъ иронически.—Знаете, матушка, какъ пріятно, когда льстятъ, неправда ли? Сейчасъ, знаете, такъ и чувствуешь, что все это правда... особенно если льстить хитро и ловко... чрезвычайно пріятно!

— Ахъ ты, сынокъ ты мой любезный! И взаправду, экія онѣ какія!.. насмѣшливо вымолвила старуха, — вотъ, вѣдь, чтò значитъ старость-то! Изъ ума, батюшка, выжила!

— Смѣйтесь, сколько угодно, а я все-таки скажу, что онѣ льстятъ... и... и, конечно... Впрочемъ, вы сами очень хорошо знаете причины... пробормоталъ, задыхаясь, Бобоховъ.

— Какія же это, батюшка, причины? Я что-то въ толкъ не возьму...

— Вы сами очень хорошо знаете...

— О-о! какъ же ты, голубчикъ мой, какъ я посмотрю, глубоко плаваешь! Гдѣ это ты научился такому мастерству? Скажу я тебѣ за это вотъ чтò: ужъ полно, не мѣришь ли ты сестеръ своихъ своимъ аршиномъ?.. Смотри, только не обмѣрься, не обманулъ бы тебя какъ-нибудь твой аршинъ! Не всѣ люди равны. Вотъ ты, примѣрно, мой батюшка, совсѣмъ иное дѣло...

— Конечно, я не льщу! произнесъ Бобоховъ, свирѣпо пощипывая свои усики.

— Кто про то говоритъ! кто про то говоритъ, мой голубчикъ! Ты сынъ примѣрный и человѣкъ, притомъ, правдивый! А хочешь ли, я скажу тебѣ, зачѣмъ ты сюда пожаловалъ? присовокупила старуха, пристально вглядываясь въ смутившееся лицо сына, и, не дожидаясь отвѣта, прибавила:—Пріѣхалъ ты вотъ зачѣмъ: денегъ, знать, понадобилось...

— Кто же это вамъ сказалъ? произнесъ Бобоховъ, быстро привскакивая на своемъ мѣстѣ.

— Самъ, батюшка, научилъ догадываться, подсмѣиваясь, возразила старуха, — самъ научилъ! Съ той поры, какъ вышелъ ты въ отставку, этому скоро шесть лѣтъ, былъ ты у меня три раза, и все за тѣмъ же. Пора, я чай, догадаться, мой батюшка, зачѣмъ ты навѣщаешь мать!.. Ну, а на это скажу я тебѣ вотъ что̀—скажу то же, что говорила прошлый разъ: денегъ я тебѣ не дамъ; а не дамъ затѣмъ, что есть у меня, окромѣ тебя, много дѣтей, которымъ деньги подлинно нужны; есть, окромѣ того, на свѣтѣ много бѣдныхъ и неимущихъ, много сиротъ безъ крова и старыхъ людей безъ пристанища... А ты, мой батюшка, благодаря отцовскому наслѣдію, обзавелся вотчинами, сталъ бариномъ, живешь хорошо, роскошничаешь, въ картишки играешь... Чего жъ тебѣ еще надо?.. Нѣтъ, батюшка мой, нѣтъ; денегъ я тебѣ не дамъ! заключила старуха такимъ саркастическимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительнымъ тономъ, передъ которымъ всѣ надежды Бобохова исчезли такъ же быстро, какъ привидѣнія, заслышавшія пѣніе пѣтуха.

Увидѣвъ себя, сверхъ того, осмѣяннымъ, разбитымъ и предупрежденнымъ во всѣхъ своихъ планахъ и намѣреніяхъ шестидесятилѣтней старухой, старухой простого происхожденія, не понимавшей дендизма, чуждой притомъ эстетическаго развитія и не читавшей даже русскихъ журналовъ, выскочка, джентльменъ быстро вскочилъ со своего мѣста и неистово заморгалъ своими рысьими глазками.

Онъ убѣдился, что продолжать бесѣду было бы совершенно напрасно, и, основываясь на этомъ, ограничился тѣмъ только, что шаркнулъ сапогомъ и пробормоталъ:

— Чрезвычайно сожалѣю... оставайтесь въ пріятномъ заблужденіи... покойной ночи!

— И тебѣ, батюшка, желаю того же, спокойно возразила старуха, не поворачивая даже головы своей.

Но Бобоховъ былъ уже за дверью и нетерпѣливыми стопами направлялся къ лѣстницѣ, ведшей въ нижній этажъ.

— Чтобъ завтра же чѣмъ свѣтъ были готовы лошади! я ѣду въ Голодаевку!..

Съ такимъ рѣшительнымъ приказаніемъ обратился къ Корнею Бобоховъ, какъ только очутился въ своей собственной прихожей.

Затѣмъ онъ хлопнулъ дверью, прошелъ всѣ остальныя комнаты и, вступивъ въ спальню, крикнулъ:

— Эй!

Встревоженная физіономія Корнея показалась въ дверяхъ.

— Гдѣ жъ капельмейстеръ? спросилъ Бобоховъ.

— Изволитъ почивать-съ...

— Дали ли ему ужинать?

— Какъ же-съ... Только, Иванъ Дормидонычъ, осмѣлюсь доложить... не могли сыскать ботвиньи съ бѣлугой...

— Это еще что значитъ?.. какой ботвиньи?..

— Они изволили приказывать ботвинью съ бѣлугой... изволили очень сердиться... Мнѣ, говорятъ, нужна ботвинья съ бѣлугой для цвѣта лица...

— Пошелъ вонъ! крикнулъ Бобоховъ, но въ ту же секунду остановился и прибавилъ:—разбудить его чуть свѣтъ и сказать, чтобъ принесъ свои вещи сюда; сказать ему, что я беру его съ собой.

Часа два или три Бобоховъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, изрѣдка проводя рукою по своимъ щекамъ, которыя дрожали во все это время какъ желе; наконецъ, онъ угомонился и легъ въ постель. Ничего неизвѣстно о томъ, какъ провелъ онъ эту ночь и какіе сны низлетали на его голову. Достовѣрно то лишь, что въ шесть часовъ онъ былъ уже на ногахъ.

— Готовы ли лошади? спросилъ Бобоховъ, какъ только Корней показался въ дверяхъ.

— Все готово-съ.

— А капельмейстеръ?

— Изволили уѣхать еще въ пятомъ часу...

— За вещами?

— Никакъ нѣтъ-съ... Увидѣли въ окнѣ становаго, сѣли съ нимъ въ телѣжку и уѣхали... приказали кланяться...

Пять минутъ послѣ этого извѣстія, сопровожденнаго рядомъ энергическихъ возгласовъ, Бобоховъ усаживался въ карету.

Въ ту самую секунду, какъ дверцы кареты захлопывались, изъ углового окна верхняго этажа, раскрытаго быстрымъ движеніемъ руки, выставилась заспанная голова Семена Панкратьевича.

— Ваничка!.. Ваня!.. куда ты?.. постой! экой ты какой!.. дай хоть проститься! погоди меня... Ваня! Ваня! Ваничка!.. кричалъ старикъ, отчаянно размахивая руками.

— Пошелъ! глухо раздалось въ каретѣ.

И экипажъ, подхваченный свѣжей четверкой, мгновенно оставилъ за собою крыльцо бобоховскаго дома.

VIII
о томъ, какъ процвѣтаютъ Ханскіе-Пруды, и что подѣлываетъ Карачаевъ.

Въ Ханскихъ-Прудахъ все, между тѣмъ, обстояло благополучно. Солнце, попрежнему, продолжало показываться каждое утро на горизонтѣ, и каждое утро, если только часамъ къ шести или семи небо не заслонялось тучами, золотые лучи, скользнувъ въ окна, освѣщали Павла Петровича Карачаева, который около этого времени уже непремѣнно расхаживалъ съ озабоченнымъ видомъ по залѣ, наблюдая за порядкомъ древняго дома.

Павелъ Петровичъ страшно захлопотался. Онъ считаетъ непремѣнною своею обязанностью лично присутствовать каждое утро при перестановкѣ мебели въ гостиной, при выбиваніи пыли, сниманіи паутины и чисткѣ половъ; затѣмъ, онъ обыкновенно освѣдомляется, проснулась ли Лизавета Семеновна и дѣти, и, каковъ бы ни былъ отвѣтъ, бѣжитъ стремглавъ къ Фіонѣ Ивановнѣ и сообщаетъ ей, что пора ставить самоваръ и приготовлять все нужное для чайной церемоніи. Онъ считаетъ также не лишнимъ заглянуть каждое утро въ кухню и сообщить повару, чтобъ онъ держалъ ухо востро; пользуясь случаемъ, онъ передаетъ то же самое остальнымъ членамъ многочисленной дворни.

Спокойствіе и благоденствіе балахновскаго семейства составляютъ теперь главную и въ то же время единственную цѣль настоящаго бытія Карачаева.

Когда въ хозяйствѣ Ханскихъ-Прудовъ происходитъ какой-нибудь случай, который, по соображеніямъ предусмотрительнаго Павла Петровича, можетъ причинить неудовольствіе Лизаветѣ Семеновнѣ, Карачаевъ поспѣшно сзываетъ въ извѣстный флигель дворню, со включеніемъ десятскаго и старосты, подымаетъ сжатые кулаки надъ своею головою и, яростно сверкая воспаленными глазами, объявляетъ громовымъ голосомъ, что первый, кто осмѣлится потревожить барыню этимъ непріятнымъ извѣстіемъ, будетъ имѣть дѣло съ нимъ.—„Пріѣдетъ Аристархъ Ѳедоровичъ — вѣдайтесь съ нимъ! Его дѣло разбирать все

это...“ говоритъ Павелъ Петровичъ, постепенно смягчаясь, и вдругъ, свирѣпѣя мгновенно, прибавляетъ: — „а если кто изъ васъ осмѣлится потревожить этимъ вздоромъ Лизавету Семеновну, если я узнаю это—берегись! вотъ она штука-то въ чемъ!“ Когда же Карачаевъ доволенъ которымъ-нибудь изъ людей, онъ даетъ ему полтинникъ изъ собственнаго кошелька... Люди были очень довольны такимъ распоряженіемъ, и особенно Моисей Акишевъ, который приходилъ поминутно въ умиленное состояніе каждый разъ, когда въ людской произносили съ похвалою имя Павла Петровича. Карачаевъ принялъ на себя роль покровителя и успокоителя Лизаветы Семеновны въ буквальномъ смыслѣ; онъ рѣшительно отказывался слушать ее каждый разъ, когда она просила его успокоиться, увѣряя, что ей хорошо, что она довольна, какъ нельзя болѣе, настоящимъ своимъ положеніемъ. Разъ даже, по поводу подобнаго замѣчанія, онъ оскорбился сильнѣйшимъ образомъ и пребывалъ мраченъ до тѣхъ поръ, пока Лизавета Семеновна, догадавшись, вѣроятно, о причинѣ его меланхоліи, не поспѣшила протянуть ему руку. Тогда Карачаевъ пришелъ въ неописанную ярость противъ самого себя: — „Какъ! вы, вы извиняетесь еще передо мной послѣ всего этого! Не смотрите на меня, Лизавета Семеновна, я этого не заслуживаю, я олухъ—и больше ничего! вы, вы говорите мнѣ изъ участія, а я, я принялъ слова ваши въ обиду, оскорбился, нелегкая меня возьми совсѣмъ; можетъ-быть, даже огорчилъ васъ... Нѣтъ, выгоните меня вонъ, послѣ этого, и больше ничего!“ При всемъ своемъ вліяніи, Лизавета Семеновна никакъ не могла, однакожъ, принудить Карачаева накинуть на плечи просторный нанковый казакинъ вмѣсто извѣстнаго фрака, въ которомъ очевидно было ему крайне тѣсно и неловко; въ этомъ единственномъ случаѣ слова ея были для Карачаева проповѣдью въ пустынѣ; никакія убѣжденія не помогали, и черный фракъ, какъ ничѣмъ несокрушимый утесъ, разбивающій вдребезги все тò, что къ нему подступаетъ, горделиво появлялся каждый день на широкой спинѣ Павла Петровича. Причины, побудившія Карачаева облачиться въ черный фракъ съ той самой минуты, какъ принялъ онъ на себя трудъ охранять спокойствіе балахновскаго семейства, рѣшительно неизвѣстны; дѣло въ томъ, что, во время отсутствія Аристарха Ѳедоровича, онъ являлся не иначе, какъ во фракѣ. Знаменитый фракъ этотъ, съ узенькими

фалдами, на манеръ ласточьихъ крыльевъ или рыбьяго хвоста, прежде еще производилъ на локтяхъ легонькую трескотню, приводившую въ смущеніе своего владѣльца; но теперь фактъ былъ окончательно уже близокъ къ разрушенію, и потому каждый вечеръ задавалъ, можно сказать, труднѣйшую работу Павлу Петровичу: тамъ отвалилась пуговица, здѣсь образовалась щель... словомъ, не было такого дня, который не наносилъ бы новой раны несчастному фраку; и такъ какъ Иванъ (такъ называемый карачаевскій Иванъ) давнымъ-давно покинулъ уже Ханскіе-Пруды вмѣстѣ съ Глафирой, то Павелъ Петровичъ самъ принужденъ былъ наблюдать за своимъ гардеробомъ и заниматься портняжнымъ искусствомъ — обстоятельство, сильно затруднявшее человѣка, не бравшаго прежде иголки въ руки. Разлука съ Иваномъ была тягостна Карачаеву не въ одномъ только этомъ отношеніи; въ первое время ему казалось даже, какъ будто онъ прежде былъ женатъ, и теперь вдругъ сталъ холостымъ. Имъ овладѣла страшная тоска, окончившаяся безпробудной, трехсуточной спячкой, которая, въ свою очередь, разрѣшилась безотрадной меланхоліей. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что меланхолія эта, при настоящихъ хлопотливыхъ обязанностяхъ Карачаева, была бы не такъ назойлива и продолжительна, если бъ не явилось одно совершенно постороннее обстоятельство, которое придало ей характеръ чисто хроническій. Безпокойное сердце дѣвицы Сараманаевой, тронутое, должно-быть, нѣжными чувствами Карачаева, краснорѣчиво высказанными при прощаніи съ Иваномъ, ни подъ какимъ видомъ не могло сохранить равнодушія и нежданно заговорило въ пользу несовсѣмъ еще стараго холостяка. Дѣло объясняется почти само собою: если Карачаевъ могъ привязаться въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ къ простому лакею до такой степени, чтобъ проливать горькія слезы при разставаньи съ нимъ, какихъ же чувствъ можно было ожидать отъ Карачаева въ отношеніи къ особѣ — особѣ, равной ему во всемъ, которая, сверхъ того, какъ будто нарочно предназначена была судьбою для его счастія? Кажется, ясно. Съ той минуты, какъ мысль эта озарила пылкую голову дѣвицы Сараманаевой, образъ Павла Петровича сталъ преслѣдовать ее и днемъ, и ночью. Я нахожу совершенно лишнимъ распространяться о томъ, какъ тридцати-пяти-лѣтняя весталка показывала Карачаеву бѣлки свои, какъ прилаживала она помощью кваса

„акрошкёры“ на вискахъ своихъ, и какъ, затѣмъ, писала она ему по десяти разъ въ день „милыя“ записки изъ верхняго этажа, гдѣ помѣщалась ея комната рядомъ съ комнатою Фіоны Ивановны, иначе вдовы Чивадзи; все это слишкомъ общеупотребительно и давно уже извѣстно; къ тому же, во всей этой исторіи важенъ одинъ лишь результатъ. Результатъ былъ такого рода, что Розалія Владиміровна, оскорбленная въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ своего дѣвственнаго сердца упорнымъ невниманіемъ Карачаева, объявила наотрѣзъ, что она ни за что въ свѣтѣ не останется долѣе въ Ханскихъ - Прудахъ, и на этомъ основаніи покорнѣйше просила Лизавету Семеновну возвратить ей капиталъ ея вмѣстѣ съ процентами, назначенными Аристархомъ Ѳедоровичемъ. Обстоятельство это поставило бѣдную хозяйку дома въ самое затруднительное положеніе: у нея гроша не было. Узнавъ обо всемъ этомъ, Карачаевъ тотчасъ же застегнулъ свой фракъ, вбѣжалъ въ комнату дѣвицы Сараманаевой и объявилъ ей напрямикъ, что такъ какъ деньги заняты были Аристархомъ Ѳедоровичемъ, то ей слѣдовало бы вѣдаться съ нимъ, а не безпокоить своими просьбами Лизавету Семеновну, которой нѣтъ, да и не можетъ быть никакого дѣла до займовъ мужа. На это дѣвица Сараманаева отвѣчала, что Карачаевъ необразованный мужикъ; Карачаевъ, въ пылу негодованія, назвалъ, въ свою очередь, дѣвицу Сараманаеву проживалкой; кончилось тѣмъ, что, спустя два дня, Розалія Владиміровна, несмотря на всѣ увѣщанія Лизаветы Семеновны, покинула домъ, объявивъ напередъ Фіонѣ Ивановнѣ, что распубликуетъ Ханскіе-Пруды по всей губерніи. Когда Карачаеву пришло на умъ, что онъ былъ нѣкоторымъ образомъ единственною причиной безпокойства и огорченій, причиненныхъ Лизаветѣ Семеновнѣ злосчастнымъ этимъ событіемъ, онъ ударилъ себя кулакомъ въ голову и побагровѣлъ такъ страшно, что, казалось, не миновать бы ему удара; но когда потомъ изъ словъ Балахновой онъ ясно убѣдился, что дѣло дѣйствительно должно было бы покончиться миролюбиво, если бъ не помѣшала ему горячность, онъ молча опустилъ голову, и душа его проникла мгновенно такимъ горемъ, которому, казалось, не было предѣла. На этотъ разъ не помогла даже и трехсуточная спячка. „Не утѣшайте меня, голубушка моя, Лизавета Семеновна, не утѣшайте; я человѣкъ безчувственный, и больше ничего. Простите меня.

Что вы хотите? ничему никогда не учился; такъ, брошенъ съ дѣтства... Словомъ, говорю я вамъ, выгоните меня вонъ!" говорилъ Карачаевъ, мрачно вращая своими воспаленными глазами и покрываясь чистѣйшимъ карминомъ.—„Что же касается до этой... которая осмѣлилась..." прибавилъ онъ, сжимая кулаки, — „о, она будетъ меня знать!.. А, впрочемъ, нѣтъ, не безпокойтесь... это я такъ только... даю вамъ честное, благородное мое слово, что буду даже избѣгать съ ней встрѣчи..." заключилъ онъ меланхолическимъ тономъ. Благодаря, однакожъ, увѣщаніямъ доброй Балахновой, — увѣщаніямъ, продиктованнымъ искреннею, сердечною привязанностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сожалѣніемъ, Карачаевъ мало-по-малу примирился съ самимъ собою, и въ Ханскихъ-Прудахъ все пошло попрежнему.

Лѣто промелькнуло почти незамѣтно, особенно для Балахновой, которая рѣшила въ своемъ сердцѣ, что эта пора, эти четыре мѣсяца были счастливѣйшими во всей ея жизни. Но счастье въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, было не очень продолжительно. Мало-по-малу, сѣрыя тучи стали чаще и чаще застилать ясное, голубое небо; непроницаемый туманъ окуталъ поля и дальній горизонтъ. Полились дожди. Наступила суровая, холодная осень. Потянулись длинные вечера и сумерки съ аккомпаниментомъ заунывнаго вѣтра и шума дождя, ниспадавшаго съ кровель и барабанившаго въ окна.

— Павелъ Петровичъ, что̀ съ вами?.. Вы какъ будто не въ духѣ все это время; вѣрно, у васъ есть на душѣ что-нибудь такое, что вы отъ меня скрываете... Это, право, не хорошо... съ друзьями такъ не дѣлаютъ... говорила съ нѣкоторыхъ поръ Лизавета Семеновна, пристально разглядывая вытянутое, комически-нахмуренное лицо Карачаева.

— Кто?.. я?.. écouté: даю вамъ честное слово... отвѣчалъ обыкновенно Карачаевъ, у котораго, благодаря такому нѣжному участію къ его расположенію духа, начинали вдругъ прыгать и смѣяться всѣ черты лица.

— Полноте, полноте! весело подхватывала Балахнова.— Не хотите ли вы, въ самомъ дѣлѣ, увѣрить меня, что вамъ очень весело въ Ханскихъ-Прудахъ?.. Нѣтъ, вы меня не обманете. Къ тому же, я, право, не вижу никакой надобности, чтобъ вы... именно вы стали меня обманывать; хотите, я вамъ разскажу, что̀ съ вами: вы, попросту, скучаете, мой добрый Павелъ Петровичъ...

Карачаевъ приподнималъ голову, при чемъ на лицѣ его можно было прочесть выраженіе глубокаго огорченія.

— Пожалуйста, дайте мнѣ договорить, продолжала Балахнова, прикасаясь рукою къ рукѣ Карачаева, чтобы удержать его на мѣстѣ. — Да, вамъ скучно, и я нахожу это весьма естественнымъ: не сами ли вы говорили мнѣ это, что какъ только наступаетъ осень, сентябрь, вы не можете сидѣть на мѣстѣ: васъ такъ вотъ и манитъ въ поле съ охотниками?.. Отчего же, скажите пожалуйста, нынче вы лишаете себя этого удовольствія? Я знаю, вы страстный охотникъ; вы сами это говорили, и, наконецъ, я слышала это отъ вашихъ пріятелей и знакомыхъ. Даю вамъ слово, я не нахожу въ этомъ ничего предосудительнаго; поѣзжайте съ Богомъ, прошу васъ объ этомъ. Къ тому же, вы даже получили нѣсколько приглашеній; охота развлечетъ васъ и разсѣетъ; а тамъ, опять пріѣдете, разумѣется, къ намъ, разскажете ваши впечатлѣнія, ваши похожденія...

— Позвольте, Лизавета Семеновна, écouté, перебилъ Карачаевъ уныло, вращая своими воспаленными бѣлками, — я все это очень хорошо понимаю... я вамъ надоѣлъ, прискучилъ... Нѣтъ, сдѣлайте милость, ей-Богу, такъ! Не говорите мнѣ, я самъ знаю. Ну, что я такое? никакого обращенія; съ дѣтства былъ брошенъ, не получилъ ровно никакого воспитанія... Я понимаю: ну, какая я для васъ компанія!..

— Э-э! Павелъ Петровичъ! Какъ вамъ не стыдно говорить такіе пустяки! Я, признаюсь, никакъ этого отъ васъ не ожидала, сказала Балахнова, съ живостью взявъ руку Карачаева. — Даю вамъ честное слово, мнѣ въ голову не приходили такія мысли. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ могли подумать, что я просила васъ ѣхать на охоту для того, чтобъ отъ васъ избавиться?.. Какъ же вы дурно знаете меня послѣ этого! Я держалась и держусь всегда обычая прямо высказывать свои чувства. Если бъ присутствіе ваше было для меня тягостно, я дала бы вамъ это почувствовать и, конечно, нашла бы средство удалить васъ... Ну, полноте же, мой добрый Павелъ Петровичъ! дайте мнѣ вашу руку и дайте мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ слово, что вы вѣрите, что я васъ искренно люблю и уважаю.

— Лизавета Семеновна, ваше слово... клянусь вамъ честью!.. воскликнулъ смущеннымъ голосомъ Карачаевъ.

Тутъ онъ, неизвѣстно почему, разстегнулъ верхнія пу-

говицы фрака, провелъ нѣсколько разъ по лысинѣ, неловко повернулся въ креслахъ и побагровѣлъ до ушей.

— Клянусь честью... я вамъ вѣрю! подхватилъ онъ, воодушевляясь,—но только, Бога ради, écoutè: я останусь съ вами и не поѣду, да и не хочу ѣхать на охоту... Ч̀то мнѣ съ ними? Въ душѣ, сказать по совѣсти, я не люблю охоты! Ну, сами посудите, ч̀то тутъ: какой-нибудь зайчишка, гонятъ, кричатъ... Потомъ кутежъ, пьянство... Богъ съ ними! Клянусь вамъ, какъ этакъ, вотъ, отвыкнешь на покоѣ отъ всего этого, да охватишь свое существо, такъ, словно, даже совѣстно станетъ. Мнѣ у васъ здѣсь такъ хорошо, какъ въ раю; а если скука, хандра, знаете, нападаетъ, такъ, право, оттого, что вспоминаешь старое житье-бытье... Нѣтъ, Богъ съ ними, не поѣду на охоту! заключилъ Карачаевъ, рѣшительно махнувъ рукою.

Послѣ этихъ разговоровъ, повторявшихся довольно часто, Карачаевъ впадалъ въ ничѣмъ несокрушимую веселость, проводилъ цѣлые вечера, играя съ дѣтьми, и былъ такъ счастливъ, какъ только можетъ быть счастливымъ человѣкъ.

Въ сумерки Лизавета Семеновна садилась за фортепіано, и Павелъ Петровичъ, обвѣшанный дѣтьми, которыя лѣзли ему на шею и на голову, слушалъ ее въ какомъ-то экстазѣ, при чемъ правая нога его — по привычкѣ, вѣроятно, — не забывала отбивать ускоренный тактъ. Игра на фортепіано была единственнымъ его развлеченіемъ; утро и большую часть вечера Балахнова проводила въ спальнѣ съ дѣтьми. Карачаеву не съ кѣмъ было перемолвить слова; онъ былъ совершенно одинъ. (Прокисай Захаровичъ, вскорѣ послѣ отъѣзда Аристарха Ѳедоровича, исчезъ изъ Ханскихъ-Прудовъ и предпочиталъ слоняться по уѣзду, проживать нынче въ одномъ домѣ, завтра въ другомъ, чѣмъ остаться почти наединѣ съ Фіоной Ивановной). Несмотря, однакожъ, на привычку находиться всегда въ шумномъ обществѣ, Карачаевъ продолжалъ отказываться отъ приглашеній окрестныхъ сосѣдей, которые поминутно звали его въ отъѣзжее поле. Онъ объявилъ наотрѣзъ, что не тронется изъ Ханскихъ-Прудовъ до тѣхъ поръ, пока не вернется Аристархъ Ѳедоровичъ, и твердо убѣжденъ былъ, говоря это, что долгъ чести и признательности обязываетъ его не покидать Лизаветы Семеновны и дѣтей ея. И, нѣтъ сомнѣнія, онъ не отступилъ бы на волосъ отъ такого убѣжденія, если бъ въ одно не-

настное, холодное сентябрьское утро не подали ему письмо. Письмо было отъ Барабанчикова. Карачаевъ, если припомнитъ читатель, былъ въ ссорѣ съ Барабанчиковымъ по тому поводу, что Барабанчиковъ отказалъ ему дать взаймы денегъ для награжденія Ивана; но такъ какъ Барабанчиковъ извѣщалъ стараго своего друга, что на охотѣ сломалъ себѣ ногу и лежитъ при смерти, то Карачаевъ разсудилъ, что такое важное дѣло не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства, что присутствіе его необходимо у Барабанчикова, и что, наконецъ, какихъ-нибудь восемь часовъ отлучки изъ Ханскихъ-Прудовъ ни въ какомъ случаѣ не могутъ нарушить спокойствія Лизаветы Семеновны. На этомъ основаніи, онъ приказалъ тотчасъ же осѣдлать лошадь, извѣстилъ обо всемъ Балахнову и, забывъ непріязненныя чувства къ прежнему пріятелю, пустился въ путь, невзирая на то, что вѣтеръ ломалъ деревья, мокрый снѣгъ валилъ хлопьями, а впереди предстояло сорокъ верстъ слишкомъ.

Карачаевъ, какъ уже извѣстно, былъ человѣкъ характера слабаго и легко увлекающагося. Вмѣсто предполагаемыхъ восьми часовъ, онъ пробылъ въ отлучкѣ двое сутокъ. На третье утро Карачаевъ вернулся въ Ханскіе-Пруды. Взглянувъ на него въ ту минуту, какъ онъ въѣзжалъ на дворъ, можно было подумать, что другъ дѣтства, Барабанчиковъ, приказалъ долго жить, или, наконецъ, самого Карачаева постигло какое-нибудь страшное горе. Онъ нетерпѣливо соскочилъ съ лошади, бросилъ поводья кучеру и, свирѣпо почесывая мокрый затылокъ, направился быстрыми шагами въ прихожую.

— Гдѣ барыня? спросилъ онъ отрывисто.

Получивъ въ отвѣтъ, что барыня въ дѣтской, Карачаевъ заморгалъ глазами, сдѣлалъ шагъ впередъ, но въ ту же секунду измѣнилъ свое намѣреніе и вступилъ въ свою комнату, ту самую, гдѣ онъ и Васильковъ слушали нѣкогда чтеніе „Непризнанной Индѣйки". Тутъ, закинувъ руки за спину, принялся онъ расхаживать взадъ и впередъ, проявляя на озабоченномъ лицѣ своемъ необычайное волненіе и произнося время отъ времени энергическія проклятія.

— Гдѣ Лизавета Семеновна? спросилъ онъ, выходя снова въ переднюю и забывъ, что былъ уже извѣщенъ объ этомъ.

На этотъ разъ Карачаевъ не надѣлъ черного фрака,

а какъ былъ въ нанковомъ казакинѣ, вымоченномъ дождемъ, прошелъ мимо изумленной Фіоны Ивановны и вступилъ въ дѣтскую.

Въ дѣтской было очень весело, несмотря даже на то, что окна, до половины залѣпленныя снѣгомъ, съ трудомъ пропускали дневной свѣтъ. Дѣло въ томъ, что на этотъ разъ солнечные лучи замѣнялись отличнѣйшимъ образомъ ярко-топившеюся печкой, которая обливала стѣны, бѣлыя постельки и деревья, расписанныя на стѣнахъ, розовымъ свѣтомъ. Балахнова сидѣла на низенькомъ табуретѣ, прямо противъ огня; Володя расположился на полу и, положивъ голову на колѣни матери, глядѣлъ на пылавшіе уголья; остальныя дѣти прыгали и рѣзвились вокругъ табурета, и веселыя лица ихъ, освѣщенныя пурпуровымъ заревомъ печки, казались еще миловиднѣе.

Есть что-то отрадное, успокоительное въ подобныхъ картинахъ! При видѣ ихъ, душа обрѣтаетъ какое-то полное, сознательное спокойствіе и невольно отдыхаетъ отъ всевозможныхъ суетныхъ треволненій жизни. На тѣхъ даже, кому рѣшительно недоступна поэтическая сторона нашего существованія, картины эти производятъ всегда сильное впечатлѣніе, хотя тѣмъ именно, что представляютъ рѣзкій контрастъ съ дико завывающею мятелью, унылымъ воемъ вѣтра и стужею, прохватывающею васъ насквозь. То же самое, или почти то же самое, было съ Карачаевымъ. Войдя въ комнату, онъ невольно отступилъ шагъ назадъ и остановился у двери. На лицѣ его, озабоченномъ и нахмуренномъ, проступило, однакожъ, выраженіе тоскливаго смущенія, похожаго на то, когда боишься потревожить сладкій сонъ ребенка и чувствуешь вмѣстѣ съ тѣмъ, что это необходимо сдѣлать. Увидѣвъ Павла Петровича, дѣти съ радостнымъ восклицаніемъ бросились къ нему навстрѣчу.

— Мама, мама! Карачаевъ пріѣхалъ! Карачаевъ! Здравствуй, Карачаевъ, здравствуй! закричали они въ одинъ голосъ, прыгая вокругъ него или цѣпляясь за фалды нанковаго его казакина.

Карачаеву сдѣлалось окончательно неловко; отвѣчая торопливыми ласками на ласки дѣтей, онъ свирѣпо потиралъ въ то же время широкую свою лысину, покрытую пòтомъ, моргалъ глазами, потряхивалъ головою, переминался на одномъ мѣстѣ, при чемъ въ каждомъ изъ его движеній обозначалось сильное волненіе.

— Дѣти, сказала Балахнова, послѣ того, какъ поздоровалась съ Карачаевымъ,—не безпокойте Павла Петровича: онъ, кажется, очень усталъ послѣ дороги...

— Нѣтъ... помилуйте, Лизавета Семеновна, это ничего... я очень радъ, проговорилъ Карачаевъ, дѣлая надъ собою явное усиліе и принимаясь ласкать дѣтей.

Послѣдовала кратковременная пауза, въ продолженіе которой Балахнова окинула любопытнымъ взглядомъ вошедшаго. Взгляда этого достаточно ужъ было, чтобъ убѣдиться, что съ Карачаевымъ произошло что-нибудь необыкновенное. Отсутствіе фрака, замѣненнаго на этотъ разъ казакиномъ, съ котораго Карачаевъ не позаботился даже отряхнуть воду, подтверждало краснорѣчивѣйшимъ образомъ такое предположеніе. Зная въ совершенствѣ экспансивную, сообщительную натуру Карачаева, и не сомнѣваясь нимало, что онъ поспѣшитъ передать ей свои горести, она придвинула къ печкѣ стулъ, пригласила его занять подлѣ себя мѣсто и начала разспрашивать его о результатахъ поѣздки.

— Ну, что, скажите пожалуйста, какъ нашли вы вашего пріятеля? сказала она.

— Ничего, Лизавета Семеновна, слава Богу; опасности нѣтъ никакой... все это вздоръ и пустяки! мрачно отвѣчалъ Карачаевъ.

— Взглянувъ на васъ, признаюсь, я думаю совсѣмъ другое... Скажите же мнѣ, Бога ради, что̀ съ вами, Павелъ Петровичъ? произнесла Балахнова съ участіемъ.

— Ничего, такъ... знаете... проговорилъ Карачаевъ, дѣлая очевидныя усилія, чтобъ казаться спокойнѣе,—а, впрочемъ, знаете, écoute, Лизавета Семеновна, прибавилъ онъ, багровѣя и знаменательно подмигивая на дѣтей,—мнѣ надо бы поговорить кой-о-чемъ съ вами...

Тонъ, съ какимъ произнесены были послѣднія эти слова, и выраженіе на лицѣ Карачаева заставили тотчасъ же предположить Балахнову, что тутъ скрывалось какое-нибудь несчастіе, лично до нея касавшееся.

— Дѣти, оставьте насъ на минуту, подите играть въ залу, сказала она измѣнившимся голосомъ.

— Не думайте, однакожъ, голубушка Лизавета Семеновна, что я хочу сообщить вамъ что-нибудь особенно важное, съ поспѣшностью подхватилъ Карачаевъ, когда веселые голоса дѣтей раздались въ сосѣдней комнатѣ,—ей-Богу ничего, такъ; успокойтесь... все это я зналъ за-

ранѣе... фу! заключилъ онъ, принимаясь обтирать лобъ.

Балахнова почувствовала въ эту минуту, что сердце ея забилось еще сильнѣе.

— Вы слышали что-нибудь о моемъ мужѣ!.. сказала она, блѣднѣя.

— Ничего, клянусь вамъ честью! Онъ здоровъ и даже на-дняхъ будетъ здѣсь, успокойтесь... фу! Эхъ, я дуракъ, болванъ! зачѣмъ я началъ все это! воскликнулъ Карачаевъ, внезапно вскакивая съ своего мѣста, и, замаршировавъ по комнатѣ, принялся долбить себя кулакомъ въ голову.

— Полноте, Павелъ Петровичъ, перестаньте! вы должны были передать мнѣ все, что знаете, изъ участія ко мнѣ. Умоляю васъ всѣмъ, что есть священнаго, не скрывать отъ меня ничего! произнесла Балахнова, живо схватывая руку собесѣдника.—Полноте, сядьте, говорите; видите, я совершенно спокойна... Вы знаете меня слишкомъ давно... вы должны знать также, что я ко всему ужъ привыкла... заключила она, садясь на стулъ и усаживая его подлѣ себя.

— Нѣтъ, голубушка моя, Лизавета Семеновна, вы не можете къ этому привыкнуть, вы не должны привыкать къ этому! воскликнулъ Карачаевъ съ запальчивостью.— Это, просто, глупость, извините меня, именно глупость! Этакъ, какъ хотите, а дѣлать нельзя, да и дѣлать этого никто не станетъ, имѣя дѣтей, семейство... это просто... это... это какъ Гирей, знаете, сидитъ себѣ, въ устахъ шипитъ или пищитъ у него янтарь, и знать никого не хочетъ! какъ говоритъ этотъ Пушкинъ въ своемъ „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“... Что это такое въ самомъ дѣлѣ? Не думаетъ ли Аристархъ Ѳедоровичъ, что сосѣди, съ которыми онъ перессорился, обезпечатъ его дѣтей и жену... или станутъ вносить въ Опекунскій Совѣтъ проценты всякій разъ, какъ онъ будетъ перезакладывать такимъ образомъ свое имѣніе... Эхъ, жаль, досадно, что я не умѣю писать этихъ комедій! подхватилъ онъ съ глубочайшимъ отчаяніемъ,—я бы выставилъ этихъ людей, которые изъ-за прихоти какой-нибудь... изъ-за того, чтобъ блистать да выставляться передъ другими, готовы разорить и пустить по міру свое собственное семейство!..

— Что-жъ случилось? проговорила Балахнова задыхающимся голосомъ.

Такой рѣшительный вопросъ поставилъ, казалось, Карачаева въ совершеннѣйшій тупикъ. Онъ заморгалъ воспа-

ленными глазами, побагровѣлъ и, проклиная себя въ душѣ за то, что зашелъ слишкомъ далеко, принялся обдумывать средство, какъ бы, по возможности, поберечь Лизавету Семеновну, или, по крайней мѣрѣ, смягчить то, о чемъ слѣдовало ей разсказать. На этомъ основаніи, онъ разстегнулъ воротникъ своего казакина, потомъ снова застегнулъ его, и, наконецъ, пробормоталъ несвязно:

— Нѣтъ, écouté, это собственно ничего... успокойтесь... я погорячился...

— Павелъ Петровичъ... умоляю васъ! говорите мнѣ прямо... вы разрываете мнѣ сердце... произнесла Балахнова, едва переводя духъ.

Лицо Карачаева представило въ эту критическую минуту панораму самыхъ рѣдкихъ физіономическихъ феноменовъ. Онъ, очевидно, поступилъ неосторожно и зашелъ слишкомъ далеко; скрывать долѣе истину, значило усилить только безпокойство бѣдной женщины; но какъ открыть ей горестную вѣсть? Счастливая мысль представить все въ аллегоріи мелькнула въ головѣ его; онъ быстро вскочилъ со своего стула, еще поспѣшнѣе вынулъ изъ кармана единственный свой клѣтчатый платокъ и, показывая его въ какомъ-то замѣшательствѣ Балахновой, произнесъ скороговоркой:

— Вотъ, изволите видѣть, платокъ, вотъ онъ... вы его видите... а вотъ (тутъ Карачаевъ скомкалъ платокъ и бросилъ его въ печь), а вотъ его и нѣтъ, сгибъ, сгорѣлъ—вотъ то же самое сдѣлалъ и Аристархъ Ѳедоровичъ: онъ перезаложилъ свое имѣніе! заключилъ Павелъ Петровичъ, выразительно разводя руками и поднимая брови.

Но тутъ Карачаевъ мгновенно остановился. Взглянувъ на Балахнову, которая, при послѣднихъ словахъ, закрыла лицо руками и горько заплакала, онъ послалъ себѣ въ голову такой ударъ, который легко могъ бы сбить съ ногъ любого быка; затѣмъ онъ бросился къ ней и, стараясь придать своему взбудораженному лицу спокойное выраженіе, проговорилъ скороговоркою:

— Лизавета Семеновна, я... я все это не такъ вамъ представилъ, успокойтесь, ради Бога!... Écouté: я вамъ разскажу все, какъ было; можетъ быть, мнѣ все это наврали: вы знаете уѣздныя сплетни... Я погорячился, не сообразилъ этого... а вы... эхъ, эхъ! послушайте: не сами ли вы говорили мнѣ, что не слѣдуетъ вѣрить всему тому, что̀ болтаютъ въ уѣздѣ? подхватилъ онъ, принимаясь дѣ-

лать какіе-то пояснительные знаки пальцами, наклоняя впередъ багровое лицо и выкатывая зрачки, какъ будто намѣревался проглотить за одинъ разъ свою собесѣдницу.—Опасность вовсе не такъ велика, какъ вы думаете; я погорячился потому только, что мнѣ, понимаете, досадно. Аристархъ Ѳедоровичъ перезаложилъ только свои двѣсти душъ! — продолжалъ онъ успокоительнымъ тономъ,—а, впрочемъ, и это, быть можетъ, однѣ лишь сплетни; всякому слуху не вѣрь... Вы сами знаете... Къ тому же, слухи эти распространяетъ этотъ... этотъ... желто-фіолетовый господинъ Кошкинъ, который говоритъ, будто писалъ ему объ этомъ какой-то... какъ бишь его... да, Чиндаласовъ, изъ Москвы... Вздоръ, пустяки! Aristarque никогда не игралъ въ карты по большой... успокойтесь! Я, впрочемъ, ужъ распорядился, Лизавета Семеновна: я велѣлъ передать Кошкину, что если онъ не будетъ держать языкъ на привязи, такъ найдется одинъ вексель... вы понимаете... которымъ мы зажмемъ ему ротъ! заключилъ Павелъ Петровичъ, очевидно, мѣшаясь и сбиваясь въ своихъ успокоительныхъ доводахъ и объясненіяхъ.

— Бѣдныя, бѣдныя мои дѣти! сказала Балахнова, медленно отнимая руку отъ лица и задумчиво глядя на угасавшій уголь, между тѣмъ какъ крупныя слезы лились по блѣднымъ щекамъ ея.

— Нѣтъ, голубушка моя, Лизавета Семеновна, у нихъ есть еще кусокъ хлѣба. Я все это устрою. Вотъ тутъ залѣзла счастливая мысль! воскликнулъ Карачаевъ, ударивъ себя по лбу.—Успокойтесь, ради Бога! И сказать, что у меня было когда-то сто тысячъ, которыя разлетѣлись по пустякамъ! подхватилъ онъ, отчаянно размахивая руками.—Впрочемъ, вы не думайте, нѣтъ, я совсѣмъ не то хотѣлъ сказать, поспѣшно заговорилъ онъ, взглянувъ на лицо Балахновой, мгновенно вспыхнувшее,—совсѣмъ не то, голубушка моя, Лизавета Семеновна... я хотѣлъ, то-есть, сказать, что какъ, то-есть, пропадаютъ иногда деньги; такъ ни за что... на сущій вздоръ!.. заключилъ Павелъ Петровичъ, передвигая пальцами и наклоняя голову, какъ будто передъ кѣмъ извинялся.

Въ эту самую минуту въ сосѣдней комнатѣ послышались бѣготня и дѣтскіе голоса.

Карачаевъ не успѣлъ повернуться къ двери, какъ дѣти вбѣжали ужъ въ спальню съ крикомъ:

— Мама, папа ѣдетъ! папа ѣдетъ!

Невозможно передать эффекта, произведеннаго этими словами на двухъ собесѣдниковъ. Карачаевъ отступилъ, какъ будто передъ нимъ упалъ громъ.

— Че-е-во? Быть не можетъ! произнесъ онъ, опомнившись.

— Павелъ Петровичъ, сказала Балахнова, приподымаясь со своего стула и поспѣшно схватывая его за руку, — прошу васъ не говорить ему ни слова: до поры до времени, онъ не долженъ знать, что намъ все ужъ извѣстно. Надѣюсь, вы сдѣлаете это для меня?..

Карачаевъ мрачно насупилъ брови и наклонилъ голову.

— Дѣти, произнесла Балахнова, обращая къ нимъ спокойное, хотя блѣдное лицо свое, — пойдемте встрѣчать отца!..

И, сопровождаемая дѣтьми и Карачаевымъ, который продолжалъ сохранять такой же точно мрачный видъ, какъ будто хоронилъ свое собственное счастье, быстрыми шагами направилась въ залу.

IX.

Аристархъ Өедоровичъ, сопровождаемый Порфиріемъ Павловичемъ и Аполлономъ Егоровичемъ, возвращается къ домашнему очагу.

Въ то время, какъ Лизавета Семеновна, дѣти и Карачаевъ выходили въ залу, Аристархъ Өедоровичъ въѣзжалъ на дворъ. Въ окнахъ видно было, какъ дорожная коляска его, окруженная дворовыми людьми, приближалась къ крыльцу. Коляска, несмотря на ненастную погоду, была открыта. Аристархъ Өедоровичъ, сидѣвшій на возвышеніи, сдѣланномъ изъ подушекъ, величественно, но привѣтливо раскланивался направо и налѣво, и по движенію губъ его можно было сказать безошибочно, что онъ произносилъ: „благодарю!“ Порфирій Павловичъ, сидѣвшій подлѣ, направлялъ свои зрачки въ одно и то же время на всѣ предметы и посылалъ суетливые поклоны. Одинъ Аполлонъ Егоровичъ Дрянковъ, помѣщавшійся на козлахъ, съ узелкомъ подъ мышкой,—узелкомъ, въ которомъ заключалась оттиснутая „Непризнанная Индѣйка“ вмѣстѣ съ экземплярами „Заоблачныхъ Трелей“, „Пелопонезо-Таврическихъ мелодій“ и „Шпоры Лермонтова“, хранилъ пе-

возмутимое спокойствіе и, задравъ кверху лицо свое, ни съ кѣмъ не кланялся. Въ общемъ, все это напоминало торжественный въѣздъ Александра Македонскаго въ Вавилонъ.

Наконецъ, коляска остановилась у подъѣзда. Минуту спустя, великій человѣкъ изъ Горшкова вступалъ уже въ домъ своихъ предковъ. Въ залѣ встрѣтили его жена, дѣти, Карачаевъ, Фіона Ивановна и вся дворовая челядь, сбѣжавшаяся со всѣхъ возможныхъ концовъ.

— Друзья мои, проговорилъ растроганнымъ голосомъ Аристархъ Өедоровичъ, обнимая жену.—Друзья мои, Порфирій Павлычъ, и ты, Карачаевъ! Друзья мои! молю Провидѣніе, чтобъ Оно ниспослало вамъ такую жену и такихъ дѣтей; дай Богъ, чтобъ вамъ привелось когда-нибудь вкушать въ сей юдоли плача и скорбей такія сладостныя минуты: онѣ возвышаютъ душу и сердце. Благодарю еще разъ и всѣмъ сердцемъ восклицаю: благодарю васъ, друзья мои!..

Тутъ Аристархъ Өедоровичъ, растроганный и прослезившійся, вторично обнялъ жену и, кивая черезъ ея плечо всѣмъ остальнымъ лицамъ, находившимся въ залѣ, проговорилъ еще разъ „благодарю“.

— Ну, вотъ я и дома! Опять съ вами, друзья мои! заключилъ Балахновъ, выпрямляя грудь и показывая всѣмъ свои вагенгеймовскіе зубы:

Когда жъ пространствуешь, воротишься домой,
И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

сказалъ великій Грибоѣдовъ, и сказалъ истинную правду! примолвилъ онъ, принимаясь снова ласкать дѣтей, между тѣмъ какъ Васильковъ и Дрянковъ здоровались съ хозяйкою дома. Аристархъ Өедоровичъ былъ необыкновенно веселъ, несмотря даже на то, что въ дипломатической головѣ его постоянно работала мысль о томъ, что поѣздка его въ Москву сопряжена была большею частью съ неудачами и не принесла почти никакого результата. Въ то время, какъ перетаскивали подушки и чемоданы, онъ успѣлъ сказать каждому привѣтливое слово, успѣлъ спросить: „что̀ слышно въ уѣздѣ?“, и, получивъ на этотъ счетъ кой-какія свѣдѣнія, обратился шутливо къ вдовѣ Чивадзи:

— А гдѣ жъ Прокисай? я что-то его не вижу.

— Почемъ же я знаю-съ?.. Я не нянька его... язвительно прошипѣла Фіона Ивановна, нетерпѣливо попра-

вляя косынку, перевязывавшую больную щеку, и придерживая пальцемъ непокорную фигу.

— Что жъ такъ? Вѣрно, опять измѣнилъ, злодѣй! Опять, вѣрно, у Кокуркиныхъ? сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, лукаво подмигивая вдовѣ, которая спѣшила скрыться.—Ха-ха-ха!.. залился Аристархъ Ѳедоровичъ и, повернувшись неожиданно къ женѣ, взялъ ее за обѣ руки.—Ну, Лизанька, сказалъ онъ добродушно шутливымъ тономъ,—я долженъ сообщить тебѣ одно происшествіе, которое, нѣтъ сомнѣнія, растерзаетъ твое супружеское счастіе. Плачь, плачь надъ сердцемъ своего мужа: оно заполонено m-me Камышевской, родною сестрой m-me Балаклéевой, которую ты видѣла не разъ въ нашемъ губернскомъ городѣ... Происшествіе необычайное, случай необыкновенный. Я долженъ тебѣ сказать прежде всего, что я спасъ ей жизнь, даровалъ существованіе... но скромность смыкаетъ мнѣ уста; пусть Васильковъ—онъ былъ свидѣтелемъ всего—разскажетъ тебѣ это событіе, гдѣ Промыслъ излилъ на меня новый потокъ щедротъ Своихъ! заключилъ Балахновъ, пожимая женину руку и самодовольно направляясь въ кабинетъ.

Васильковъ, у котораго давно ужъ зудѣлъ языкъ сообщить подробности этого драматическаго событія, исполнилъ съ наслажденіемъ просьбу своего величаваго друга. Изъ словъ его оказалось, что Аристархъ Ѳедоровичъ заѣхалъ по дорогѣ къ г-жѣ Камышевской, и что г-жа Камышевская, преисполненная признательности къ вниманію Аристарха Ѳедоровича, повезла именитаго своего гостя на маленькихъ дрожкахъ по всѣмъ частямъ своего хозяйства. Слѣдовало проѣхать черезъ плотину, чтобъ попасть на скотный дворъ. На плотинѣ дрожки опрокидываются; г-жа Камышевская падаетъ въ воду, и Аристархъ Ѳедоровичъ, движимый безпримѣрнымъ чувствомъ великодушія, вытаскиваетъ ее на берегъ здравою и невредимою.

Въ каждомъ событіи, какъ бы велико оно ни было, находятся всегда двѣ стороны; показавъ одну сторону чуднаго спасенія г-жи Камышевской и безпримѣрнаго великодушія Аристарха Ѳедоровича, мы непремѣнно должны показать и другую. Поѣздка къ г-жѣ Камышевской входила въ составъ дипломатическаго плана Балахнова,—плана, обдуманнаго еще въ Ханскихъ-Прудахъ, до поѣздки великаго человѣка въ Москву. Дѣло въ томъ, что госпожа эта приходилась родной сестрой госпожѣ Бала-

клеевой, мужъ которой игралъ одну изъ самыхъ первыхъ ролей въ губернскомъ городѣ, гдѣ должны были происходить выборы. Аристархъ Ѳедоровичъ давно уже заигрывалъ съ Балаклеевымъ, но, по какому-то странному, дикому предубѣжденію, Балаклеевъ обнаруживалъ всегда къ великому человѣку холодное равнодушіе. Можете представить себѣ послѣ этого восторгъ великаго дипломата, когда, можно сказать, сама судьба доставила ему случай возбудить въ душѣ всѣхъ Балаклеевыхъ вѣчную признательность за чудное спасеніе любимой сестры.

Спасеніе г-жи Камышевской не имѣло въ себѣ, собственно говоря, ничего особеннаго; все произошло самымъ обыкновеннымъ образомъ; тѣмъ не менѣе, однакожъ, событіе это, выходя изъ устъ Аристарха Ѳедоровича, пріобрѣло такую яркость и выкуплость, что сдѣлалось вскорѣ извѣстнымъ цѣлой губерніи и приняло даже подъ конецъ характеръ чисто лирическій. Прибавьте къ этому, что скромность самого героя не позволяла ему распространяться слишкомъ много объ этомъ предметѣ. Вотъ, между прочимъ, какую форму приняло это событіе въ знаменитой записной книжкѣ великаго горшковскаго мужа и, вслѣдъ за тѣмъ, въ письмѣ, адресованномъ имъ на имя Балаклеева: „...Добрая и возвышенная душа ваша, вѣрно, воздохнетъ къ Провидѣнію съ признательностью“, писалъ Аристархъ Ѳедоровичъ на второй страницѣ своего письма. „Шестого сентября, въ седьмомъ часу вечера, прекраснаго, хотя холоднаго, завлеченные сею погодою, по докладу старосты о чрезвычайно сильной водѣ, угрожавшей плотинамъ и мельницѣ (я пріѣхалъ въ село Пруженцо̀во навѣстить многоуважаемую сестрицу вашу),—мы отправились вмѣстѣ осмотрѣть оныя, въ дрожкахъ, на отличной и смирной лошади, преслѣдуемые старостою; спустились благополучно съ горы—и, не найдя ужъ на плотинѣ ничего снѣгу (утромъ шелъ мокрый снѣгъ, именуемый въ простонародьи „дряпнéю“), сострадая тяжести лошади отъ чрезмѣрной грязи, я сошелъ съ дрожекъ, а сестрица ваша взяла вожжи и шагомъ ѣдетъ впередъ, а мы съ старостою, разумѣется, отъ лошади поотстали, можетъ быть, шаговъ на десятокъ. И вижу сзади, что на мосту, подъ коимъ спускъ воды, отъ сильнаго стремленія ревущей, вдругъ дѣлается лошади дурнота и въ одно мгновеніе она съ него бросается прямо въ спускъ воды, ниже моста, на 3 аршина, а вдоль *девять съ половиною*

аршинъ и гдѣ глубина неизмѣрима!!! Отъ силы удара и собственнаго механизма тяжести дрожекъ и лошади (добрый конь!) въ ту же минуту утопъ въ этой страшной пропасти, а дрожки, съ безстрашной сестрицей вашей, черезъ него переброшенныя, въ водѣ накрыли ее!!!... Испуганный этою неизбѣжною гибелью, я бѣгу стремглавъ къ мосту, успѣвая на побѣгѣ сбросить замшевыя перчатки, дабы онѣ, намокнувъ, не скользили и не мѣшали мнѣ дѣйствовать руками, разсчитываю каждую терцію времени въ страхѣ, чтобъ она не захлебнулась подъ дрожками, гдѣ ее ужъ и не видно, съ моста кидаюсь подъ нихъ и, непостижимымъ милосердіемъ Неба, схватываю прямо ея руку, и вынырнувъ вверхъ, плыву къ берегу, силясь ее успокоить словами. Староста во все это время взывалъ къ народу, который, сбѣжавшись съ берега, у водопада, принимаетъ свою добрую госпожу на руки, коимъ я, дабы не выдернули рукъ, подавалъ ее снизу, опершись на какую-то глыбу глины; какъ вдругъ съ нея скользаю и окунаюсь вновь въ самую глубину, гдѣ, по счастью, тѣмъ же благимъ Промысломъ спасенный, попадаю на сваю, разбиваюсь жестоко, но сею же удержанный, выкарабкиваюсь и—вытащенъ людьми!!! Въ этомъ положеніи насъ уносятъ въ домъ, и тамъ, покровительствуемые Небомъ, всѣми способами отогрѣты. Но не менѣе того, хотя благополучно живы, а безъ различныхъ потрясеній не остались, особенно сестрица ваша, показавшая въ этомъ случаѣ безпримѣрную неустрашимость. Буди во всемъ слава и благодареніе Небесамъ, даровавшимъ человѣколюбіе людямъ!..“ Но дѣло вовсе не въ краснорѣчіи Аристарха Ѳедоровича; даже злѣйшіе враги его сознавались чистосердечно, что не знали ему въ этомъ отношеніи соперниковъ: въ цѣлой половинѣ уѣзда не было человѣка, который своевременно не прибѣгнулъ бы подъ защиту могущественнаго слова любимаго своего оратора, и наоборотъ, въ другой половинѣ уѣзда трудно было сыскать существо, которое не испытало бы на себѣ гибельнаго и всесокрушительнаго дѣйствія, производимаго, въ случаѣ надобности, ораторскими способностями великаго мужа. Это фактъ. Сила, слѣдовательно, не столько въ краснорѣчіи, сколько въ томъ благотворномъ, нравственномъ вліяніи, какое произведено было на Аристарха Ѳедоровича случаемъ, происшедшимъ съ г-жею Камышевской. Случай этотъ придалъ тройную силу потухавшей энергіи

знаменитаго Аристарха Өедоровича. „Балаклѣевы теперь мои!.. Наша возьметъ!..“ повторялъ поминутно Аристархъ Өедоровичъ, ударяя Василькова по плечу въ то время, какъ они возвращались въ Ханскіе-Пруды. Это обстоятельство достаточно объясняетъ, кажется, веселое расположеніе духа нашего героя. Благодаря этому счастливому расположенію, невольно заглушавшему въ немъ сознаніе собственнаго своего величія, онъ былъ необыкновенно разговорчивъ и во все продолженіе дня не переставалъ обнаруживать заботливое участіе къ женѣ, которая жаловалась на страшную головную боль. Карачаевъ мрачно глядѣлъ на всѣ эти сцены и не произносилъ слова. Онъ не отвѣчалъ даже на шутливыя замѣчанія Балахнова, ходилъ взадъ и впередъ, судорожно хмурилъ брови и, казалось, ждалъ чего-то. Васильковъ и Дрянковъ, несмотря на долгую съ ними разлуку, какъ будто вовсе не существовали въ этотъ день для Карачаева.

Тѣмъ не менѣе, однакожъ, какъ только наступила ночь и Аристархъ Өедоровичъ, распрощавшись съ членами своего семейства, ушелъ спать, Карачаевъ направился нетерпѣливыми шагами въ комнату проживальщиковъ. Онъ далъ себѣ слово вывѣдать отъ Василькова и Дрянкова, насколько справедливы были слухи, носившіеся въ уѣздѣ о томъ, будто Балахновъ перезаложилъ свое имѣніе. Достигнуть этого было легче, чѣмъ думалъ Карачаевъ. Васильковъ и Дрянковъ, связанные съ нѣкоторыхъ поръ тѣснѣйшими узами дружбы, передали Карачаеву во всѣхъ подробностяхъ столичное житье-бытье и высказали, сами того не замѣчая, все, о чемъ хотѣлъ знать Карачаевъ. Къ такимъ откровеніямъ сильнѣйшимъ образомъ способствовало также и то, что въ памяти обоихъ разсказчиковъ живо еще представлялись тѣ случаи, которые навлекли на нихъ когда-то справедливый гнѣвъ и угрозы Карачаева—угрозы, которыя, при малѣйшемъ упрямствѣ съ ихъ стороны, весьма легко могли быть приведены въ исполненіе.

— Хорошо, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до Миловзорова и до другихъ чертей, съ которыми ты свелъ тамъ дружбу! сурово сказалъ Карачаевъ, обращаясь къ сердобольному Порфирію Павловичу, начинавшему чувствительное повѣствованіе о дружбѣ своей съ докторомъ,—знакомься съ кѣмъ хочешь. Дѣло въ томъ, что на-дняхъ я заѣзжалъ къ женѣ твоей—вотъ въ чемъ дѣло...

Порфирій Павловичъ поблѣднѣлъ.

— Нечего, братъ, глаза-то выпучивать, какъ словно пятерыхъ проглотилъ, да шестымъ поперхнулся, продолжалъ неумолимый Карачаевъ,—дѣло въ томъ, что я заѣзжалъ къ ней: она больна и больна очень опасно. Слышишь ли ты это, Порфирій?

— Антониночка!.. плаксиво простоналъ Васильковъ.

— Все это, братъ, финтифлюшки; нечего гримасничать; не въ томъ сила,—сила въ томъ, что ты завтра же долженъ къ ней ѣхать—вотъ въ чемъ она, штука-то!

— Странно, однакожъ! пробормоталъ Дрянковъ, сидѣвшій на постели,—ты, братецъ, распоряжаешься...

— Че-е-во? грозно произнесъ Карачаевъ, вращая воспаленными бѣлками на безсмертнаго автора „Непризнанной Индѣйки“.

Аполлонъ Егоровичъ замолчалъ и повернулся спиною.

— Вотъ такъ-то лучше будетъ, сказалъ Карачаевъ,— ѣду, ѣду, не свищу, а наѣду—не взыщи! Ну, а мы завтра же съ тобой поѣдемъ, Порфирій. Ты долженъ примириться съ женою; я все это устрою...

— Охъ, Павелъ Петровичъ... другъ мой!.. Къ несчастію... робко проговорилъ Васильковъ.

— Что̀ еще?.. Какое несчастіе? Никакого нѣтъ несчастія. Ты самъ всему виною: кислилъ, мямлилъ, самъ долженъ все поправить...

— Совсѣмъ не то, душка моя... я не про то... Примириться съ Антониночкой я сейчасъ готовъ, но... къ несчастію, мнѣ никакъ этого нельзя сдѣлать...

— Это что еще? запальчиво крикнулъ Карачаевъ.

— Да ты не сердись, Павелъ, выслушай прежде, сказалъ Васильковъ, уныло разводя раковыми глазами,—я готовъ примириться съ Антониночкой, готовъ сойтись съ ней... но, но гдѣ-жъ мы жить-то будемъ?..

— Какъ гдѣ? вотъ вопросъ! а въ Сусловкѣ?

— Я продалъ Сусловку Аристарху Ѳедорычу... Вчера, какъ проѣзжали черезъ Горшковъ, совершили купчую...

— Ну, продалъ или не продалъ, это все равно; дѣло въ томъ, что на полученныя деньги ты купишь себѣ домъ или помѣстье—вотъ въ чемъ штука-то! Если хочешь, поручи мнѣ; я все это тебѣ устрою... Деньги получилъ?

— Аристархъ Ѳедорычъ сказалъ, что могу получить ихъ когда захочу...

— Ну, и ладно! Завтра, слѣдовательно, мы ѣдемъ къ Антонинѣ Васильевнѣ! рѣшительно сказалъ Карачаевъ.

Затѣмъ онъ оставилъ комнату проживальщиковъ, прошелъ въ залу и часа три ходилъ изъ угла въ уголъ, свирѣпо почесывая затылокъ.

Первый предметъ, поразившій взоры Аристарха Ѳедоровича, когда, возставъ отъ сна, расположился онъ въ вольтеровскихъ креслахъ, былъ Карачаевъ.

— А! защитникъ и покровитель дома сего! милости просимъ! весело воскликнулъ великій горшковскій мужъ.— Позволь, братецъ, еще разъ поблагодарить тебя хоть за то, что ты не оставлялъ въ одиночествѣ жены моей...

— Не за что, братецъ! недовольнымъ голосомъ отвѣчалъ Карачаевъ,—я почелъ своею обязанностью успокоить Лизавету Семеновну... Конечно, не всякій, братъ, понимаетъ то, что... ну, да не въ этомъ дѣло; я пришелъ отдать тебѣ отчетъ...

— Какой отчетъ? въ чемъ?

— Отчетъ—и больше ничего! отрывисто сказалъ Карачаевъ, косясь въ сторону.

Аристархъ Ѳедоровичъ взглянулъ на лицо мрачнаго собесѣдника и залился звонкимъ хохотомъ.

— Че-е-во? Смѣяться тутъ нечего! запальчиво крикнулъ Карачаевъ.—Тебѣ говорятъ дѣло, вотъ и все тутъ.

— Да полно, полно, взбалмошная голова ты этакая! скоро ли ты угомонишься?.. Ну, какіе тутъ отчеты ты еще затѣялъ? какіе отчеты? произнесъ Балахновъ, дружески положивъ обѣ руки на плечи Карачаева и слегка раскачивая его.—Садись-ка лучше, да разскажи, что̀ и какъ. Ну, что̀, напримѣръ, толкуютъ въ уѣздѣ? Не слыхалъ ли чего-нибудь о предстоящихъ выборахъ? Вѣдь всего, братецъ, три какія-нибудь недѣли осталось... три недѣли! заключилъ онъ торжественно.

— Я, братъ, ничего этого не знаю, да, признаться, и знать не хочу; мое дѣло сторона, нетерпѣливо перебилъ Карачаевъ,—я, братецъ, хотѣлъ поговорить тебѣ объ одномъ очень важномъ дѣлѣ, которое случилось во время твоего отсутствія, примолвилъ онъ такимъ тономъ, который ясно показывалъ рѣшительное намѣреніе быть до конца вѣрнымъ роли строгаго, дѣлового докладчика.

— Важное дѣло... ба!.. Ну, какое же это, какое важное дѣло? Я слушаю, произнесъ, подсмѣиваясь, Аристархъ Ѳедоровичъ.

Карачаевъ нахмурилъ брови и, косясь на окно, продолжалъ:

— Ты, вѣроятно, уже слышалъ, что Розалія Владиміровна Сараманаева...

— А, такъ вотъ оно въ чемъ важное-то дѣло! Ха-ха-ха!.. да, въ самомъ дѣлѣ... ха-ха! все это очень важно...

— Конечно, не всякій можетъ понимать то, что... запальчиво воскликнулъ Павелъ Петровичъ,—ну, да Богъ съ тобой! Не въ томъ штука; штука въ томъ, братецъ ты мой, что какова бы она ни была, она требуетъ назадъ свои деньги, прибавилъ Карачаевъ, смягчаясь и пытливо устремляя на Балахнова воспаленные бѣлки свои.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, признаюсь, любезнѣйшій, новость же ты мнѣ сообщилъ, нечего сказать! А, впрочемъ, кстати, такъ какъ ужъ рѣчь зашла объ этой интересной особѣ, прибавилъ Балахновъ, принимая вдругъ степенный видъ,—я хотѣлъ вчера еще поговорить съ тобою на этотъ счетъ. Скажи, пожалуйста, Павелъ Петровичъ, въ какихъ ты съ ней отношеніяхъ?

— Я, братецъ?.. Да такъ... ничего... возразилъ Карачаевъ, потирая лысину.

— Ну, такъ вотъ, видишь ли въ чемъ дѣло, подхватилъ Аристархъ Өедоровичъ,—сдѣлай мнѣ въ такомъ случаѣ одолженіе... Дурища эта, пожалуй, чего добраго, заберетъ себѣ въ голову чортъ знаетъ что такое и начнетъ болтать всякій вздоръ на мой счетъ: окажи дружбу, съѣзди къ ней и передай ей отъ меня, что она получитъ свои деньги въ самомъ короткомъ времени... Живетъ она у попадьи въ Горшковѣ, какъ мнѣ сказывали вчера, когда я проѣзжалъ черезъ этотъ городъ. Не сомнѣваюсь въ твоемъ расположеніи; я увѣренъ, что ты не откажешься исполнить это порученіе какъ нельзя лучше, заключилъ Балахновъ, полагавшій не безъ основанія, что, за три недѣли до выборовъ, каждый неблагопріятный слухъ, даже со стороны дѣвицы Сараманаевой, можетъ повредить ему.

Возложить на Карачаева какое-нибудь трудное, деликатное порученіе и показать ему при томъ, что на него, какъ на человѣка дѣлового и расторопнаго, полагаются совершенно, значило польстить ему въ высшей степени. Выслушавъ Аристарха Өедоровича, онъ мигомъ расправилъ брови и сказалъ миролюбиво:

— Помилуй, душа моя, Aristarque, я самъ то же го-

варю: непремѣнно разболтаетъ чортъ знаетъ что такое...

— Итакъ, ты ѣдешь въ Горшковъ?

— Позволь, душа моя... я не могу покуда дать тебѣ рѣшительнаго отвѣта; я прежде подумаю... сказалъ Карачаевъ, значительно насупивая брови.

Тутъ Карачаевъ приподнялся съ своего мѣста и, попросивъ Балахнова, чтобъ онъ не мѣшалъ ему, минутъ пять ходилъ по кабинету съ закинутыми за спину руками.

— Изволь, душа моя, чтобъ тебѣ доказать... я ѣду! воскликнулъ, наконецъ, Карачаевъ съ такою горячею готовностью, какъ будто дѣло шло о спасеніи человѣческой жизни.

— Я, братецъ, никогда не сомнѣвался въ твоемъ расположеніи, произнесъ Балахновъ, театрально протягивая ему руку,—только вотъ что, любезный, нельзя ли сдѣлать это какъ можно скорѣе, нынче, напримѣръ? а?..

— Ну, да, душа моя, конечно, сейчасъ же; зачѣмъ откладывать? Что дѣло, то дѣло! проговорилъ Павелъ Петровичъ, суетливо застегивая свой нанковый казакинъ.— Будь спокоенъ, я все это устрою!

Выходя изъ кабинета, онъ встрѣтилъ Василькова и Дрянкова, которые шептались у двери.

— Ты, вѣрно, за деньгами? спросилъ Карачаевъ у Порфирія Павловича...

— Да...

— Ну, хорошо; такъ получи же ихъ и дожидайся меня здѣсь. Я завтра вернусь назадъ, а послѣзавтра мы отправимся къ Антонинѣ Васильевнѣ, примолвилъ рѣшительно Павелъ Петровичъ и, не дожидаясь никакихъ объясненій, поспѣшно направился въ залу.

Четверть часа спустя, Карачаевъ летѣлъ въ Горшковъ.

Аполлонъ Егоровичъ, отпустивъ Василькова въ кабинетъ Аристарха Ѳедоровича, стоялъ, между тѣмъ, въ концѣ коридора, выжидая возвращенія сердобольнаго своего друга.

Съ нѣкоторыхъ поръ, а именно съ того самаго времени, какъ Васильковъ продалъ Сусловку и долженъ былъ получить отъ Балахнова восемь тысячъ, въ поэтической душѣ Аполлона Егоровича возникла сильная потребность сблизиться съ мягкою, нѣжною душою Порфирія Павловича. Съ прискорбіемъ сознался онъ, что въ этомъ благородномъ побужденіи, точно такъ же, какъ бо̀льшею частью во всѣхъ человѣческихъ побужденіяхъ, былъ замѣшанъ...

не то, чтобъ гнусный расчетъ, а такъ себѣ, скромное эгоистическое соображеніе. Въ прежнее время Аполлонъ Егоровичъ не видѣлъ для себя ничего оскорбительнаго въ званіи „проживальщика“: онъ находилъ весьма естественнымъ жить на чужой счетъ, ничего не дѣлая, и позволялъ человѣческому достоинству возмущаться тогда лишь, когда щелчки благотворительнаго Аристарха Ѳедоровича принимали слишкомъ явный и рѣшительный характеръ.

Теперь обстоятельства перемѣнились. Согласитесь сами: рука, начертавшая безсмертныя страницы „Непризнанной Индѣйки“, могла ли унизиться до того, чтобъ принимать подаянія? Нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ! Аполлонъ Егоровичъ не могъ оставаться въ Ханскихъ-Прудахъ въ качествѣ проживальщика; это ни съ чѣмъ не совмѣстно. Присосѣдиться, напримѣръ, хоть къ Василькову и жить на его счетъ въ качествѣ друга—это совсѣмъ другое дѣло. Въ этомъ послѣднемъ положеніи авторское и вмѣстѣ съ нимъ человѣческое достоинство Аполлона Егоровича не находило для себя вовсе ничего предосудительнаго.

Переходя постепенно отъ одной свѣтлой мысли къ другой, Аполлонъ Егоровичъ заключилъ уже, весьма основательно, что ему не будетъ стоить никакого труда уговорить Василькова избрать мѣстомъ жительства губернскій городъ, какъ вдругъ Васильковъ показался въ дверяхъ кабинета, и Дрянковъ полетѣлъ къ нему навстрѣчу.

Въ исполинскихъ глазахъ Порфирія Павловича проглядывало на этотъ разъ такое рѣшительное намѣреніе выскочить изъ своихъ впадинъ и лицо его выражало столько испуга, что Аполлонъ Егоровичъ счелъ непремѣнною своею обязанностью схватить друга за руку и спросить: что̀ случилось?

Порфирій Павловичъ не отвѣчалъ; онъ ограничился выразительнымъ пожатіемъ руки и повлекъ Дрянкова, черезъ коридоръ, на противоположный конецъ залы. Тутъ Порфирій Павловичъ остановился, и, убѣдившись хорошенько, что слова его не могутъ быть услышаны Аристархомъ Ѳедоровичемъ, обратился лицомъ къ двери кабинета и произнесъ взволнованнымъ голосомъ:

— Такъ-то вы покупаете имѣнія?.. а? Такъ вотъ какъ покупаете вы имѣнія!.. заключилъ онъ, вращая съ зловѣщимъ видомъ своими зрачками.

— Что̀ случилось?.. Я заранѣе смущенъ, проговорилъ

Аполлонъ Егоровичъ,—ты знаешь, какое участіе принимаю я въ этомъ дѣлѣ... Говори скорѣе...

— Ужасно!.. ужасно! Ахъ, я никогда не ожидалъ этого отъ Аристарха Ѳедоровича... я считалъ его своимъ благодѣтелемъ! воскликнулъ съ трогательнымъ отчаяніемъ Васильковъ.

— Напрасно! я всего ожидалъ отъ него; отъ него все станется... Говори скорѣе!

— Охъ, пойдемъ въ твою комнату, все разскажу! простоналъ сердобольный Васильковъ, между тѣмъ какъ лицо Дрянкова выражало высшую степень тревожной раздражительности.

— Ну? произнесъ Аполлонъ Егоровичъ, когда оба они очутились подъ лѣстницею, въ комнатѣ проживальщиковъ.

— Я просилъ у него деньги за Сусловку.

— Ну?.. повторилъ нетерпѣливо Дрянковъ.

— Онъ на это вынимаетъ изъ ящика какія-то бумаги... Смотрю... охъ, что-жъ бы ты думалъ?

— Ну?..

— Списки: на извозчика дано Василькову такого-то числа столько-то, на театръ столько-то, на платье столько-то, въ Троицкомъ трактирѣ за обѣдъ столько-то... Охъ, могъ ли я думать!

— Вотъ новость! произнесъ Дрянковъ, сжимая кулаки и стискивая зубы,—да вѣдь не самъ ли онъ таскалъ тебя въ Троицкій трактиръ?..

— Кто бы могъ это думать! снова простоналъ Васильковъ,—я вѣрилъ въ его дружбу... Повѣришь ли, все пересчиталъ, все, все до копейки... всего шесть тысячъ... Остается мнѣ получить за Сусловку двѣ тысячи...

— Ну?..

— Сказалъ, что теперь денегъ нѣтъ, что на-дняхъ отдастъ, а покуда, говоритъ, живи у меня въ Ханскихъ-Прудахъ.

— Плутъ!

— Охъ, не говори! Просто, просто, душа моя, меломанъ какой-то...

— Нѣтъ, воскликнулъ Дрянковъ, яростно взъерошивая волосы на головѣ своей,—нѣтъ, Порфирій! ты не долженъ оставаться минуты въ этомъ домѣ... Я также не останусь и поѣду съ тобою...

— Я тоже думаю, произнесъ убитымъ голосомъ Порфирій Павловичъ,—Богъ съ нимъ! Поѣдемъ къ барышнямъ

Кокуркинымъ: онѣ меня всегда любили... Боже мой, Боже мой! что со мной будетъ? Какъ покажусь я теперь Антониночкѣ и Фанагоріи Петровнѣ! заключилъ Васильковъ, дико блуждая глазами.

— Зачѣмъ же тебѣ имъ показываться? Рѣшительно не зачѣмъ. Вѣдь ты не хочешь примириться съ женою, не хочешь? Ты самъ говорилъ мнѣ это... Полно, братецъ, полно въ самомъ дѣлѣ плясать подъ дудочку Карачаева... и что такое? какое, наконецъ, имѣетъ онъ право?.. Итакъ, ты сейчасъ же ѣдешь къ Кокуркинымъ. Ты не ошибся въ нихъ: онѣ въ самомъ дѣлѣ тебя любятъ; тамъ найдемъ мы покуда пріютъ и убѣжище. Ты знаешь, Карачаевъ къ нимъ не ѣздитъ... А ты, примолвилъ Дрянковъ, обращаясь неожиданно къ двери съ поднятыми кулаками,— о, погоди, ханжа и благотворитель рода человѣческаго! ты еще поплатишься!

Заключивъ эту сентенцію энергическимъ жестомъ, Аполлонъ Егоровичъ представилъ своему другу всю необходимость покинуть Ханскіе-Пруды до возвращенія Карачаева. На этомъ основаніи, съ обѣихъ сторонъ рѣшено было отправиться какъ можно поспѣшнѣе и, главное, отправиться тайкомъ, чтобъ не было малѣйшихъ слѣдовъ побѣга и Карачаевъ не могъ бы никоимъ образомъ отъискать ихъ временнаго убѣжища.

Часа за три до обѣда, въ Ханскихъ-Прудахъ не было уже помину о двухъ пріятеляхъ.

Васильковъ, конечно, и самъ не подозрѣвалъ того непріятнаго и вполнѣ затруднительнаго положенія, въ какое поставилъ онъ Аристарха Өедоровича неумѣстною своею просьбою о выдачѣ денегъ за Сусловку. Всякому мало-мальски образованному человѣку извѣстно уже въ совершенствѣ, что такія просьбы, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ должника, не имѣютъ сами по себѣ ничего особенно привлекательнаго, способнаго пробудить въ человѣкѣ хорошее расположеніе духа. Все это справедливо въ высшей степени и подтверждается какъ нельзя лучше безчисленнымъ множествомъ должниковъ, которые, изъ опасенія, вѣроятно, утратить игривое расположеніе духа, дали себѣ разъ навсегда честное слово никогда не платить своихъ долговъ. Не слѣдуетъ думать, однакожъ, чтобъ Аристархъ Өедоровичъ Балахновъ принадлежалъ къ числу такихъ джентльменовъ. Во все продолженіе этого длиннаго и вполнѣ утомительнаго разсказа

нами управляла одна лишь истина, и благородное чувство это заставляетъ насъ сказать, что Аристархъ Ѳедоровичъ не могъ принадлежать къ вышеупомянутымъ джентльменамъ, во-первыхъ, уже потому, что, живя постоянно въ деревнѣ, во многомъ долженъ былъ отстать отъ просвѣщеннаго вѣка. Шутки въ сторону, Аристархъ Ѳедоровичъ, въ самомъ дѣлѣ, не могъ удовлетворить требованіямъ Порфирія Павловича. Предоставляю дѣло это на ваше собственное усмотрѣніе.

Если до сихъ поръ въ сердцѣ вашемъ не возникло никакого сомнѣнія насчетъ того, что черезъ три недѣли должны непремѣнно начаться губернскіе выборы, вы, конечно, согласитесь, что изъ семи тысячъ, находящихся теперь въ карманѣ Аристарха Ѳедоровича, шесть, по крайней мѣрѣ, должны быть употреблены на то, чтобъ поддержать себя достойнымъ образомъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ слѣдовало происходить выборамъ. Хорошо. Теперь второе: слѣдовало ли Аристарху Ѳедоровичу до выборовъ задать обѣдъ и блистательный праздникъ тѣмъ сосѣдямъ, которые имѣли счастіе стоять подъ его знаменами, или не слѣдовало задавать? Конечно, слѣдовало; это указуетъ даже здравая логика, какъ лично выражался самъ великій человѣкъ изъ Горшкова. Изъ этого явствуетъ, что Балахновъ, имѣя всего семь тысячъ, никакимъ образомъ не могъ и даже не долженъ былъ *удовлетворять* Порфирія Павловича. Ничтожные смертные должны всегда сторониться и давать дорогу великимъ людямъ!

Такъ думалъ, впрочемъ, самъ Аристархъ Ѳедоровичъ, и съ этой стороны не можетъ быть никакихъ возраженій.

Вмѣстивъ въ дипломатической головѣ своей статью объ обѣдѣ и блистательномъ празднествѣ, Аристархъ Ѳедоровичъ заперся въ своемъ кабинетѣ и написалъ до пятидесяти пригласительныхъ писемъ, которыя отданы были на другой день Моисею Акишеву, съ порученіемъ развезти ихъ какъ можно скорѣе по назначенію.

Мѣшкать было нечего; обѣдъ и празднество назначались черезъ недѣлю, и до того времени Аристарху Ѳедоровичу слѣдовало еще навѣстить Старобѣльскаго, Кормонолѣя Семеновича Бирюкова и другихъ тузовъ, съ которыми читатель познакомится въ слѣдующихъ главахъ.

X.

Непредвидѣнное обстоятельство сталкиваетъ Аристарха Ѳедоровича съ такими лицами, о которыхъ онъ вовсе даже и не думалъ.

Аристархъ Ѳедоровичъ написалъ весьма скоро пригласительныя письма на обѣдъ и празднество, долженствовавшія окончательно привлечь на его сторону бòльшую часть обывателей Горшковскаго уѣзда и этимъ самымъ доставить ему вѣрный способъ восторжествовать на предстоящихъ выборахъ надъ толпою. Развивая и соображая въ душѣ своей всѣ стороны этой истинно высокой цѣли, онъ рѣшился начать какъ можно скорѣе свои визиты. Надлежало еще вернуться заблаговременно домой, успѣть распорядиться съ обѣдомъ, обдумать рѣчи, въ которыхъ, при существующихъ обстоятельствахъ, каждое слово должно будетъ имѣть свое значеніе, и вслѣдъ за тѣмъ, по окончаніи обѣда и празднества, успѣть явиться вòвремя въ губернскій городъ.

Утромъ, на третій день послѣ своего пріѣзда въ Ханскіе-Пруды, неутомимый дипломатъ снова сидѣлъ въ дорожной коляскѣ.

Сидоръ, возсѣдавшій, по обыкновенію, на козлахъ рядомъ съ молодчикомъ-кучеромъ, распѣвавшимъ „Не бѣлы-та снѣги!“ не отрывалъ глазъ отъ колеи, боясь пропустить какъ-нибудь невзначай поворотъ съ большой дороги на проселокъ, который долженъ былъ привезти его барина къ Старобѣльскому, предмету настоящаго путешествія. Невзирая на страшную грязь и слякоть, Аристархъ Ѳедоровичъ ѣхалъ очень скоро. Убаюканный сначала національной пѣснью кучера, потомъ собственными своими грёзами, онъ весь ушелъ мало-по-малу въ безпредѣльную глубину собственной души своей. Прикутавшись почти съ головою въ енотовую шубу, забившись въ мягкій уголъ экипажа, онъ мысленно созерцалъ страшную уѣздную драму, въ которой готовился играть главную роль—роль тріумфатора, и при этомъ умственный взоръ его, подобно орлу, носящемуся на высотахъ недосягаемыхъ, окидывалъ однимъ разомъ безконечную панораму Горшковскаго уѣзда съ его деревнями, лѣсами, рѣками, помѣщичьими домами, усадьбами и дорогами, какъ столбовыми, такъ равно и проселочными...

И кто бы могъ подумать, взглянувъ издали на коляску Аристарха Өедоровича, мелькавшую чуть видною точкою посреди темныхъ, необъятныхъ полей, кто бы могъ подумать, что эта ничтожная точка вмѣщала въ себѣ человѣка, мысли котораго были между тѣмъ такъ возвышенны, колоссальны и могучи?.. Никто не былъ въ состоянiи даже подозрѣвать этого. Въ доказательство приведемъ нѣсколько сужденiй прохожихъ, которые, къ сожалѣнiю, были единственными свидѣтелями проѣзда великаго человѣка: то были, по бо̀льшей части, каменщики, шерстобиты и плотники, возвращавшiеся съ заработковъ во-свояси. Всѣ они, при видѣ коляски, нырявшей поминутно въ лужахъ и котловинахъ, останавливались, смотрѣли ей вослѣдъ съ недоумѣвающимъ видомъ, указывали на нее пальцемъ и начинали слѣдующую бесѣду: „Глядь-кась, ребята, никакъ вѣдь вонъ это баринъ ѣдетъ...“—„Кому же и быть? вѣстимо, баринъ!“—„Эхъ вы, догадчики! догадливы больно—баринъ! Нужда его какая неволитъ развѣ тащиться по эвтакой дорогѣ!.. Вишь: стыть, грязь, сиверка... баринъ! Должно быть купецъ какой запоздалъ, сердечный, съ товаромъ“. — „Анъ баринъ!“ — „Анъ нѣтъ!“ — „Анъ баринъ!“ — „Анъ нѣтъ!“ — „Полно, дядя Өедосѣй, ну чего ты глотку-то дерешь неразглядѣмши; ты погляди: вишь и кучеръ на козлахъ, и человѣкъ должно-быть господскiй, да и экипажъ-то барскiй!..“— „И то, ребята—обознался маленько!“—„Вотъ такъ ужъ подлинно, братцы, охота пуще неволи!“ замѣчалъ другой,—„небось вѣдь вотъ и вотчина чай есть, и домъ, и угодье всякое... Эхъ, былъ бы я баринъ, да меня, кажись, ничѣмъ бы сюда теперь не заманили; стыть, грязь! Подлинно охота пуще неволи! Сидѣлъ бы дома на лежанкѣ; тутъ барыня ходитъ красовитая такая... прислуга тебѣ всякая... чего бы, кажись, еще надоть? А то вонъ, вонъ, погляди-тка, братцы,—вонъ, насилу лошади тащатъ; того и смотри, шину оставитъ, либо сядетъ по ступицу... Ну, ужъ, подлинно, ребята, какъ передъ Богомъ: охота пуще неволи!..“ Такимъ же почти образомъ толпа объясняетъ себѣ или обсуживаетъ грандiозно-сложные замыслы великихъ людей! Жалкiе смертные! жалкiя сужденiя!.. Впрочемъ, что̀ толковать объ этомъ! Общiй удѣлъ великихъ людей—быть непонятыми... Коляска, между тѣмъ, давно ужъ свернула съ большой дороги и ѣхала проселкомъ. Тутъ нить размышленiй Аристарха Өедоро-

вича, до сихъ поръ строго-послѣдовательная, стала прерываться чаще и чаще, по случаю страшныхъ, окончательно нестерпимыхъ толчковъ, претерпѣваемыхъ коляской, и вслѣдъ за тѣмъ, по естественному закону отраженія, самой особой Балахнова. Были минуты, когда коляска ложилась на-бокъ, заставляя Аристарха Θедоровича принимать почти горизонтальное положеніе; были минуты, когда коляска подпрыгивала, неожиданно опрокидывалась на другой бокъ и перебрасывала Аристарха Θедоровича въ противоположный уголъ съ такою быстротою, что онъ не успѣвалъ ухватиться руками за фартукъ—обстоятельство, причинявшее каждый разъ дипломатической головѣ его сильную контузію. Являлись опять-таки минуты, въ которыя коляска принимала такое сильное наклоненіе впередъ, что знаменитый путешественникъ принужденъ былъ упираться со всею силою ногами, чтобъ не покатиться на дно кузова. Разъ даже онъ выглянулъ изъ-подъ кожанаго фартука, чтобъ лично убѣдиться въ степени справедливости словъ Сидора и кучера, увѣрявшихъ, будто они точно ѣдутъ по дорогѣ. Аристархъ Θедоровичъ убѣдился, что они точно ѣхали по дорогѣ. Коляска только что миновала послѣднія избы какой-то деревушки и приближалась къ маленькому и невзрачному господскому дому, который съ тоскливымъ видомъ глядѣлся въ прудъ. Дорога проходила подлѣ самаго дома. Окинувъ быстрымъ взоромъ окружавшую мѣстность, Аристархъ Θедоровичъ мгновенно откинулся на дно коляски, опустилъ фартукъ, приказалъ остановиться и подозвалъ камердинера.

— Что это такое? Это, кажется, Тросновка?.. торопливо спросилъ Аристархъ Θедоровичъ.

— Тросновка, сударь; та самая, гдѣ изволятъ жить Фуколъ Ивановичъ, отвѣчалъ Сидоръ, приподымая шляпу, украшенную галуномъ.

— Фу! я и забылъ совсѣмъ, что придется проѣзжать мимо... Дорога идетъ, кажется, подлѣ самаго дома?..

— Такъ точно-съ, поѣдемъ мимо самыхъ оконъ... Прикажете остановиться?

— Олухъ! я затѣмъ приказалъ остановиться, чтобъ сказать тебѣ, чтобъ проѣхать мимо дома какъ можно скорѣе. Вели гнать во весь духъ; а если случится, что узнаютъ коляску и побѣгутъ въ догоню — сказать, что ѣдете одни. Ступай!

Сидоръ надѣлъ шляпу и сѣлъ на козлы.

— Гей, гой! Охъ, вы соколики! У-у! залился лихачъ-кучеръ—и коляска понеслась во весь духъ.

Аристархъ Өедоровичъ, между тѣмъ, высунулъ голову изъ енотоваго воротника и, приложивъ глазъ къ щели кожанаго фартука, глядѣлъ съ презрительно-сострадательнымъ видомъ на приближавшійся домикъ; выровнявшись съ окнами, въ которыхъ мелькнуло тотчасъ же нѣсколько любопытныхъ головъ, онъ снова откинулся въ уголъ и, утонувъ въ шубѣ, подумалъ:

„Жалкія созданія! зачѣмъ вы существуете? Бремените только мать сыру-землю, да небо коптите!.. Гдѣ цѣль земного бытія вашего?.. Ничтожество!

„Вамъ чувствъ высокихъ не дано,
Отъ колыбели до мог-л...“

Но Аристархъ Өедоровичъ не докончилъ; внезапно раздался трескъ: колесо съ обломаннымъ концомъ оси отлетѣло въ сторону, коляска грохнулась о земь и выбросила своего величаваго владѣльца въ грязную лужу, противъ самыхъ оконъ невзрачнаго домика.

Одни великія, сверхъестественныя событія, какъ, напримѣръ, измѣна Кошкина, или потеря долины, въ состояніи были потрясать могучій духъ Аристарха Өедоровича, или возмутить величаво-стройный потокъ мыслей въ дипломатической головѣ его; но часъ бываетъ не ровенъ: на этотъ разъ произошло какое-то особенное исключеніе, потому, можетъ-статься, что быстрота и неожиданность паденія не дали ему возможности сообразиться съ мыслями и овладѣть собою.

Аристархъ Өедоровичъ быстро прыгнулъ на ноги, еще быстрѣе окинулъ взоромъ окна дома, выпрямилъ грудь, но, не встрѣтивъ ужъ никого въ окнахъ, повернулся къ нимъ спиною и, бѣшено заскрежетавъ патентованными зубами, взглянулъ на окружавшіе его предметы.

Коляска съ отломленною заднею осью неуклюже лежала въ грязи; мигачъ-кучеръ барахтался въ постромкахъ, стараясь удержать лошадей, которыя исчезали въ клубахъ сѣдого пара и наполняли воздухъ нетерпѣливымъ храпомъ и фырканьемъ. Сидоръ, оконтуженный со всѣхъ возможныхъ сторонъ и ошеломленный, вдобавокъ, исполинскимъ скачкомъ, стоялъ безъ шляпы, дико хлопалъ глазами, полузалѣпленными грязью, и съ недоумѣвающимъ видомъ разводилъ руками. Тросновскіе мужики, бабы, ребятишки и дворовые люди сбѣгались со всѣхъ концовъ и

становились полукругомъ позади коляски, наподобіе того, какъ это дѣлаетъ въ театрѣ свита Фортимбраса, или римскія трибуны въ то время, когда на авансценѣ совершается какое-нибудь кровавое дѣло.

Картина поразительная, достойная кисти великаго мастера и, пожалуй, даже самого Калины!

Первымъ движеніемъ Сидора, когда онъ пришелъ въ себя, было броситься къ барину и освободить его, помощью ладони, отъ толстыхъ слоевъ грязи, облипавшихъ его гордую грудь и темно-зеленые панталоны. Все это было дѣломъ одной секунды; но и секунды этой достаточно было Аристарху Ѳедоровичу, чтобъ вполнѣ овладѣть собою.

— Сидоръ! сказалъ онъ послѣ того, какъ камердинеръ снова вооружился своей шляпой, а обступившіе люди рѣшились, наконецъ, поставить на ноги кучера, — сейчасъ же найми у здѣшнихъ мужиковъ подводы, вели увязать на нихъ коляску и немедленно отвези ее въ Ханскіе-Пруды. Какъ пріѣдешь, распорядись, чтобъ тотчасъ же сварили ось, а завтра утромъ быть здѣсь съ коляской. Дома скажите, что я, слава Богу, здоровъ и невредимъ. Благодарите Творца: одно небесное милосердіе могло избавить насъ отъ гибели. Благодарю! заключилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, обращаясь къ обступившему его народу.

Тутъ онъ обратилъ снова величественное лицо свое къ дому и, замѣтивъ въ одномъ изъ оконъ какую-то фигуру, поспѣшилъ выпрямить грудь и послать рукою привѣтливый знакъ, выражавшій, чтобъ о немъ не безпокоились, что онъ, слава Богу, здоровъ и невредимъ.

Затѣмъ, снисходительно улыбаясь направо и налѣво, побрелъ онъ ровнымъ шагомъ къ маленькому крылечку, которое устроено было въ переднемъ углу зданія.

Крылечко, сѣни, равно какъ и весь домъ Фукола Ивановича казались заплѣсневѣлыми отъ старости и сырости; но Балахновъ не обратилъ на это никакого вниманія: онъ входилъ въ домъ бѣднаго человѣка и, слѣдовательно, думалъ только о томъ счастьи, какое доставитъ его посѣщеніе скромнымъ жителямъ убогаго жилища.

При входѣ въ переднюю, глазамъ Балахнова предстала слѣдующая картина: босая дѣвчонка, въ затрапезномъ платьишкѣ, съ головою, встрепанною, какъ старый вѣникъ, стояла подлѣ конника и употребляла неимовѣрныя усилія, чтобъ разбудить коренастаго парня. Парень сидѣлъ,

какъ турокъ, поджавъ подъ себя исполинскія босыя ноги; свѣсивъ на грудь голову, украшенную бѣлокурыми волосами, онъ спалъ крѣпкимъ сномъ; темновато-бурая рубашка и желтоватые нанковые панталоны составляли одежду заспаннаго дѣтины; черныя нитки, переброшенныя черезъ его шею, ножницы, игла въ лѣвой рукѣ, лохмотья, разбросанныя вокругъ, турецкая поза и, наконецъ, наперстокъ, сверкавшій на пальцѣ правой руки, свидѣтельствовали краснорѣчиво, что парень занимался весьма успѣшно портняжнымъ искусствомъ.

Какъ только Аристархъ Ѳедоровичъ показался въ передней, дѣвчонка отскочила отъ конника и съ оторопѣвшимъ видомъ пустилась въ бѣгство.

Гость посмотрѣлъ направо, посмотрѣлъ налѣво, потомъ, потерявъ, видно, терпѣніе, толкнулъ парня и сказалъ:

— Любезнѣйшій!

Парень тряхнулъ волосами, поднялъ голову и устремилъ на гостя мутный взоръ, исполненный глубочайшей меланхоліи.

— Любезный, проснись! пора! повторилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, пославъ вторичный толчокъ.

Парень тряхнулъ волосами, спустился съ конника и принялся освобождать гостя отъ шубы.

— Дома Фуколъ Иванычъ? громко спросилъ Балахновъ, обращаясь преимущественно къ особамъ, которыя, по всѣмъ соображеніямъ, должны были находиться въ дальнихъ покояхъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, пролепеталъ парень, не успѣвшій еще придти въ полное сознаніе.

— Гдѣ же онъ?

— Не могу... о-о-о... не могу знать! отвѣчалъ парень, прислоняя ладонь ко рту.—Барышня дома, да молодая барыня дома...

— Ольга Фуколовна? спросилъ Балахновъ.

— Да-съ, онѣ, отвѣчалъ парень и отворилъ дверь въ залу.

Комната, въ которую вступилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, была не многимъ больше прихожей: два окна на извѣстную ужъ дорогу, два окна на дворъ и сараи. Крошечныя эти окна, о четырехъ стеклахъ, украшались, однакожъ, гардинами: одна половина окна задрапировывалась краснымъ камлотомъ, другая — миткалемъ; стрѣлки не доходили до верхней части оконъ и оставляли между гарди-

нами и верхнимъ косякомъ изрядное пространство, сквозь которое можно было любоваться плаксивымъ небомъ — обстоятельство, заставлявшее предполагать, что въ общей сложности не достало нѣсколькихъ аршинъ камлота; оно, въ самомъ дѣлѣ, такъ и было; многія особы совѣтовали дочерямъ Фукола Ивановича раздрапировать окна миткалемъ, котораго находилось у нихъ въ волю, но дочери Фукола Ивановича, проникнутыя, съ одной стороны, явною необходимостью слѣдовать модѣ, воодушевляемыя, съ другой стороны, примѣромъ богатыхъ сосѣдей, поставили на своемъ и украсили окна дешевенькимъ пурпуромъ. Какъ бы тамъ ни было, пурпуръ этотъ, хотя дешевенькій, производилъ, въ совокупности съ другими предметами комнаты, такой же точно эффектъ, какъ желтыя франтовскія перчатки на ободранномъ нищемъ; красныя занавѣски и рядомъ съ ними прокиснувшія стѣны, черныя картинки въ черныхъ рамкахъ и закоптѣлый, треснувшій потолокъ, ощеливавшій дрань, производили на васъ впечатлѣніе тѣхъ франтовъ съ Невскаго проспекта и Тверского бульвара, которые, невзирая на то, что судьба даровала имъ косую, рябую физіономію и щетинистые рыжіе волосы, кокетливо повязываютъ на шею щегольскіе яркихъ цвѣтовъ галстуки. Изъ картинокъ сохранилась та только, на которой изображалась груша въ учетверенномъ видѣ; внизу можно было явственно различить подпись: „груша бонъкретьенъ". Ко второму окну, налѣво, примыкало огромное старомодное кожаное кресло; подлѣ столикъ; на немъ кружка, покрытая конвертомъ, футляръ очковъ, зеленый глазной зонтикъ домашняго издѣлія; на окнѣ шерстяной колпакъ, календарь, пузырекъ съ чернилами и бумажка съ горкою сушеной малины—это любимое мѣсто Фукола Ивановича. Весь уголъ позади креселъ оклеенъ синей сахарной бумагой, для предохраненія старческой головы хозяина дома отъ сквозныхъ вѣтровъ и ревматизма. На небольшихъ столикахъ, расположенныхъ противъ другихъ оконъ, возвышаются горки пробнаго овса, гречихи, ржи и кукурузы; мебель состоитъ изъ кожаныхъ стульевъ, съ высокими полуобломанными спинками; тутъ лѣпится также длинный диванъ, обитый кожей и утыканный когда-то гвоздями съ мѣдными головками, но гвозди теперь всѣ почти ужъ выпали и на мѣстѣ ихъ представляются отверстія.

Кромѣ всѣхъ этихъ предметовъ, въ комнатѣ находился

еще высокій молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати. Его блѣдные, длинные волосы, зачесанные къ вискамъ и заложенные за уши, открывали крошечное, болѣзненное лицо, безъ всякаго опредѣленнаго содержанія. Юноша былъ, казалось, въ сильномъ волненіи и курилъ изъ черешневаго чубука, такого же длиннаго и сухощаваго, какъ ноги его владѣльца, прикрытыя клѣтчатыми панталонами со штрипками и въ обтяжку.

Молодой человѣкъ былъ свидѣтелемъ несчастнаго паденія; онъ видѣлъ также, какъ Аристархъ Ѳедоровичъ направился къ дому и, слѣдовательно, ожидалъ съ секунды на секунду появленія въ залу, но, со всѣмъ тѣмъ, при видѣ Балахнова, смутился и обнаружилъ даже сильную робость.

— А, мсьё Ивановъ, здравствуйте! сказалъ Аристрахъ Ѳедоровичъ ласково-покровительственнымъ тономъ, между тѣмъ какъ юноша неловко расшаркивался,—здравствуйте! Получилъ сейчасъ скорбное извѣстіе о томъ, что почтеннѣйшаго и премногоуважаемаго Фукола Иваныча нѣтъ дома; сожалѣю, весьма сожалѣю!..

Тутъ Аристархъ Ѳедоровичъ поспѣшилъ улыбнуться и продолжалъ:

— Если не ошибаюсь, вы, кажется, не узнаете меня, мсьё Ивановъ? Стыдно, молодой человѣкъ, стыдно! А я такъ васъ помню, помню очень хорошо; помню, какъ вы были еще вотъ этакимъ, примолвилъ онъ, показывая на аршинъ отъ полу и прислушиваясь чуткимъ ухомъ къ вознѣ и шелесту туго-накрахмаленныхъ юбокъ, раздававшемуся за сосѣднею стѣною. — Ну, такъ какъ же вы думаете, молодой человѣкъ, кто я такой, а? заключилъ Балахновъ, становясь передъ юношею и пристально всматриваясь въ его лицо.

— Какъ же-съ... я помню-съ... вы... Аристархъ Ѳедоровичъ Балахновъ... проговорилъ застѣнчивый юноша такимъ глухимъ голосомъ, какъ будто во рту у него была каша.

Вмѣсто отвѣта, Аристархъ Ѳедоровичъ протянулъ ему съ театральною пантомимою руку.

Въ эту самую минуту дверь изъ залы въ другія комнаты отворилась и, выпустивъ молодую даму средняго роста, быстро захлопнулась, наподобіе театральныхъ дверей, которыя, какъ извѣстно, захлопываются такъ скоро единственно для того, чтобъ скрыть отъ взоровъ публики хламъ, наполняющій заднюю часть сцены.

Молодая дама, появившаяся такъ неожиданно, пред-

ставляла изъ себя довольно миловидную особу и могла бы съ большимъ успѣхомъ привлекать взоры каждаго, если бъ страшное количество туго накрахмаленныхъ юбокъ, воздымавшихся и качавшихся, наподобіе воздушнаго шара, готоваго пуститься за облака, не безобразило ея стройнаго стана; лицо ея, оживленное парою голубыхъ глазъ, приподнятыхъ нѣсколько къ небу,—какъ будто она въ самомъ дѣлѣ слѣдила за воздушнымъ полетомъ юбокъ въ заоблачныя пространства,—могло бы также быть очень мило, если бъ не мѣшала этому неуклюже-фантастическая прическа, состоявшая изъ маленькихъ буколь и локоновъ, подобранныхъ къ вискамъ.

Дама была не кто иная, какъ старшая дочь Фукола Ивановича, вышедшая три года тому назадъ замужъ за помѣщика Чибезова.

— Мсьё Балахновъ, ахъ, Боже мой! воскликнула она съ такимъ изумленіемъ, какъ будто вовсе не ожидала, не думала и не гадала застать гостя въ залѣ,—какой счастливый случай доставляетъ намъ удовольствіе видѣть васъ у себя? Боже мой, Боже мой! какъ быстро летитъ время! Давно ли я была еще ребенкомъ... а теперь!.. Сколько лѣтъ, сколько зимъ мы съ вами не видались! Какъ мило, какъ любезно съ вашей стороны...

— Сударыня, перебилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, раскланиваясь съ той свѣтской непринужденностью, которая была ему такъ свойственна,—не случай привелъ меня къ вамъ, нѣтъ, не случай, сударыня, а сама судьба предугадала, такъ сказать, живѣйшее стремленіе моего сердца... Сегодня утромъ я сѣлъ въ коляску и приказалъ кучеру дать волю лошадямъ: пусть, сказалъ я, везутъ онѣ меня туда, куда влечетъ меня мое сердце... Мы прискакали прямо къ вашему дому; противъ вашихъ оконъ коляска моя разбивается вдребезги — и я благословляю судьбу, даровавшую мнѣ случай пожать вамъ ручку... заключилъ онъ, приводя въ дѣйствіе слова свои. Желчь и бѣшенство Аристарха Ѳедоровича имѣли похвальное свойство мгновенно утихать въ присутствіи хорошенькихъ образчиковъ прекраснаго пола и нерѣдко вели за собою потоки цвѣтистыхъ фразъ, исполненныхъ обворожительной любезности. Такъ грозныя бури величественныхъ южныхъ морей, утихая при первыхъ лучахъ яснаго солнца, быстро уносятъ сѣдыя свои волны отъ берега, усыпая его драгоцѣнными, серебристыми раковинами...

— Ахъ, Боже мой, коляска ваша сломалась! Что̀ я слышу! Вы упали, ушиблись, можетъ быть? воскликнула съ испугомъ молодая дама; но, успокоенная Балахновымъ, который просилъ пріюта на эту ночь, она подхватила скороговоркою: — Боже мой, что вы говорите: пріюта! Какъ вамъ не стыдно, г. Балахновъ! Весь нашъ домъ къ вашимъ услугамъ... А каково! папеньки-то нѣтъ, какъ на зло! Представьте, уѣхалъ сегодня утромъ; онъ будетъ въ отчаяніи...

— Благодарю. Кстати, какъ его ноги? съ трогательнымъ участіемъ спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Благодарю васъ, г. Балахновъ. Ноги его въ томъ же почти безнадежномъ положеніи и, представьте, со всѣмъ тѣмъ, онъ не перестаетъ хлопотать, ѣздить, безпокоиться! Вотъ сегодня, напримѣръ, мы всѣ упрашивали его остаться дома—нѣтъ, не послушалъ, поѣхалъ, и какъ бы вы думали, зачѣмъ? Верстахъ въ двадцати отъ насъ живутъ два несчастные сосѣда: Свищовъ, Кондей Иванычъ, и Полушкинъ, Проклъ Иванычъ; впрочемъ, вы ихъ знаете; Свищовъ и Полушкинъ опять поссорились—это случается съ ними каждый день, какъ вамъ извѣстно; ну и пусть бы ихъ—такъ нѣтъ, папенька, узнавъ объ этомъ, тотчасъ же поѣхалъ мирить ихъ, а самъ, повѣрите ли, всѣ эти дни жаловался ногами и ревматизмами... Услышавъ о его положеніи, я и мужъ нарочно пріѣхали изъ деревни навѣстить его; и что жъ? при всемъ нашемъ стараніи, не могли удержать его не ѣздить къ Свищову; онъ, какъ будто, далъ, право, какой-то обѣтъ примирять всѣхъ ссорящихся и готовъ, кажется, лишь бы достигнуть своей цѣли, не щадить собственнаго своего здоровья...

Молодая дама проговорила все это безъ одышки и не чувствуя, повидимому, ни малѣйшей усталости. Все это происходило единственно изъ привычки, изъ старанія поддержать репутацію любезной дамочки, репутацію, полученную въ первый же мѣсяцъ замужества; она болтала безъ умолку, и, проболтавъ такимъ образомъ три года сряду, языкъ ея естественнымъ образомъ дошелъ ужъ до того, что не чувствовалъ ни малѣйшаго утомленія.

— Ахъ, Боже мой! я, однакожъ, заболталась, сказала она съ неподражаемою наивностью, — я забыла представить вамъ моего кузена, мсьё Балахновъ; мой cousin, Ваничка Ивановъ.

— Мы ужъ знакомы, отвѣчалъ Аристархъ Ѳедоровичъ,

вторично протягивая руку застѣнчивому юношѣ,—я зналъ его еще вотъ этакимъ, примолвилъ онъ, улыбаясь и снова приподымая руку на аршинъ отъ полу.

— Ахъ, и въ самомъ дѣлѣ! вы должны были видѣть его у тетушки Пульхеріи Андреевны! Помните тетушку Пульхерію Андреевну, мсьё Балахновъ? какая была милая, любезная, ласковая, привѣтливая старушка!.. А вотъ, мсьё Балахновъ, сестра моя Любочка: вы также должны помнить ее еще ребенкомъ... произнесла Чибезова, обращаясь къ двери.

— Помню ли я ее, Господи Твоя воля! чуть на рукахъ не носилъ! воскликнулъ Аристархъ Өедоровичъ, стараясь придать лицу своему восторженное выраженіе и протягивая обѣ руки восемнадцатилѣтней брюнеткѣ съ зеленымъ лицомъ, одѣтой въ черное коленкоровое, траурное платье.— Боже, какъ перемѣнилась, похорошѣла! продолжалъ великій горшковскій мужъ, пожимая пухленькія руки дѣвушки, которая присѣдала.—А помните ли, какъ у тетушки вы подбѣгали ко мнѣ и говорили: „дяденька, дай конфетку?“ а? ха, ха!..

Дѣвушка зардѣлась, сказала: „помню-съ“ и отошла къ окну.

Аристархъ Өедоровичъ замѣтилъ взглядъ, которымъ обмѣнялись зеленоватая брюнетка и ея троюродный братецъ, замѣтилъ, какъ мгновенно оживился юноша, и заключилъ тотчасъ же, что оба они должны были быть неравнодушны другъ къ другу. Онъ никакъ только не могъ понять причины, побудившей молоденькую дѣвушку надѣть траурное платье.

Ольга Фуколовна сообщила, между тѣмъ, Аристарху Өедоровичу, что остальныя ея сестры: Соничка, Лидочка и Вѣрочка, которыхъ онъ долженъ былъ точно такъ же помнить дѣтьми, уѣхали гостить къ одной сосѣдкѣ, и пригласила гостя занять мѣсто въ большихъ креслахъ; но гость отказался, сказавъ, что это мѣсто принадлежитъ ей по праву, какъ хозяйкѣ, и поспѣшилъ взять стулъ.

Слушая съ подобающимъ вниманіемъ несмолкаемую болтовню хорошенькой Чибезовой, Аристархъ Өедоровичъ не пропускалъ, однакожъ, случая бросать украдкой взгляды на зеленую брюнетку и ея кузена. Онъ замѣтилъ, что оба они сначала какъ будто дулись другъ на друга; молоденькая дѣвушка часто отворачивалась къ окну, при чемъ на лицѣ кузена проступали каждый разъ признаки

глубокаго отчаянія; мало-по-малу, черные глаза дѣвушки стали чаще и чаще обращаться къ кузену, который началъ постепенно обнаруживать признаки восторженнаго состоянія; потомъ оба вдругъ повеселѣли, придвинули другъ къ другу стулья и стали шептаться; потомъ Аристархъ Ѳедоровичъ увидѣлъ, какъ дѣвушка приподнялась неожиданно со своего мѣста, вышла изъ залы, и какъ, пять минутъ послѣ того, снова вернулась въ залу, но ужъ въ розовомъ коленкоровомъ платьѣ.

Невинные эти маневры, приводившіе на память Аристарху Ѳедоровичу ту блаженную эпоху, когда онъ былъ еще юношею, страдалъ и влюблялся, занимали его въ высшей степени, и, увлеченный такими воспоминаніями, онъ, безъ сомнѣнія, продолжалъ бы оставаться глухимъ слушателемъ любезной своей собесѣдницы, если бъ рѣчь ея не зашла случайно о предметѣ дѣйствительно достойномъ интереса.

— Представьте себѣ, мсьё Балахновъ, сказала неожиданно словоохотливая Ольга Фуколовна, — представьте, старшій братъ Кормонолѣя Семеныча Бирюкова, Изосимъ Семенычъ, умеръ...

— Можетъ ли быть? воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ, обнаруживая на этотъ разъ, въ своемъ голосѣ и движеніяхъ, неподдѣльное участіе.

— Серьезно. Что жъ тутъ удивительнаго? человѣку было за восемьдесятъ. Мнѣ сказывали объ этомъ барышни Кокуркины... онѣ все знаютъ... Ахъ, кстати, вы знаете, у нихъ послѣзавтра вечеринка, по случаю именинъ Вѣры Андреевны; вы получили приглашеніе, но, должно-быть, разъѣхались съ посланнымъ; сегодня утромъ онъ поѣхалъ отъ насъ прямо къ вамъ...

— Когда умеръ Изосимъ Семенычъ, вы знаете? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ съ необычайною живостью.

— Третьяго дня... Я, впрочемъ, признаться, не очень его жалѣю; хоть это и грѣхъ, но что же дѣлать!.. Онъ, говорятъ, былъ такой скряга, фи! Представьте, мнѣ сказывали, что когда онъ умиралъ, это было ночью, и подали свѣчку—онъ сказалъ, чтобъ затушили скорѣй свѣчку, что можно умереть и безъ огня... Фи, фи, какой гадкій!..

„Слава Богу, я не опоздалъ на похороны; они, по всѣмъ вѣроятіямъ, будутъ происходить завтра!“ думалъ между тѣмъ Аристархъ Ѳедоровичъ, продолжая улыбаться собесѣдницѣ.

Развивая мысль о томъ, что въ настоящемъ, разстроенномъ положеніи Кормонолѣя Семеныча легче будетъ на него подѣйствовать, склонить на свою сторону и уговорить ѣхать въ губернскій городъ на выборы, великій дипломатъ рѣшился отложить визитъ къ Старобѣльскому и ѣхать завтра же утромъ къ Бирюкову.

„Сверхъ того, по случаю похоронъ, къ Бирюкову, вѣрно, съѣдется много народа, и авось удастся затащить когонибудь на обѣдъ и празднество, а тамъ человѣкъ мой— не отвертится!“ заключилъ мысленно Аристархъ Ѳедоровичъ, озаренный потокомъ счастливыхъ мыслей.

Съ этой минуты рѣчь Аристарха Ѳедоровича закипѣла живымъ ключомъ, и любезность его приняла характеръ самый игривый и обворожительный. Онъ не роптал уже на судьбу, забросившую его въ домикъ жалкихъ смертныхъ.

Оставшись наединѣ съ застѣнчивымъ кузеномъ (Ольга Фуколовна и ея сестра покинули залу подъ тѣмъ предлогомъ, будто слѣдовало имъ сдѣлать распоряженія касательно чайной церемоніи), Аристархъ Ѳедоровичъ приподнялся со своего мѣста, подошелъ къ юношѣ и, потрепавъ его дружески по плечу, сказалъ съ веселымъ видомъ:

— Ну, такъ какъ же, молодой другъ мой? не думаемъ ли мы поѣхать на предстоящіе выборы—а?..

— Я бы очень хотѣлъ-съ...

— Желаніе похвальное! Вашу руку, молодой человѣкъ! Въ нынѣшній вѣкъ не во всѣхъ молодыхъ людяхъ найдешь такое благородное стремленіе... Къ тому же, вы, если не ошибаюсь, имѣете право на одинъ голосъ... Вѣдь у васъ, кажется, помнится мнѣ, сто душъ?

— Нѣтъ-съ, тридцать...

— Ба! воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ, значительно осматривая юношу и потирая переносицу,—ну, да что до этого. Была бы охота ѣхать. Мы можемъ устроить слѣдующее: я соберу двухъ-трехъ молодыхъ людей, у которыхъ одинаковое съ вами состояніе, составится въ сложности душъ сто, и тогда выберемъ изъ васъ представителя этихъ ста душъ, который будетъ имѣть право на одинъ голосъ... Я вамъ обѣщаю: вы будете этимъ представителемъ... Лестное назначеніе для молодого человѣка вашихъ лѣтъ!.. А вотъ что: пріѣзжайте-ка ко мнѣ въ будущую пятницу обѣдать; мы переговоримъ объ этомъ; ручаюсь, что вамъ будетъ очень весело; хорошенькихъ

гибель... Вѣдь мы любимъ хорошенькихъ — а? Ну, такъ по рукамъ — въ пятницу? заключилъ Аристархъ Θедоровичъ, похлопывая по рукѣ юноши съ неописаннымъ добродушіемъ.

— Очень пріятно-съ, отвѣчалъ юноша такимъ печально-разстроеннымъ тономъ, который невольно высказывалъ, что онъ снова поссорился со своей кузиной.

Такое предположеніе не замедлила подтвердить молоденькая кузина, появившаяся въ эту минуту въ дверяхъ съ грустно нахмуреннымъ лицомъ; траурное платье, снова замѣнившее мѣсто розоваго, не оставляло въ этомъ ужъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ то же время на порогѣ показалась Чибезова, и зала, на минуту спокойная, снова наполнилась несмолкаемою болтовнею, перебиваемою время отъ времени веселымъ смѣхомъ именитаго гостя.

Пять минутъ спустя, встрепанная дѣвчонка, будившая заспаннаго парня, поставила на столъ свѣчи—обстоятельство, тотчасъ же сообщившее мрачной комнатѣ видъ веселый и уютный. Видъ комнаты сдѣлался еще веселѣе, когда показался самъ заспанный дѣтина съ огромнымъ самоваромъ въ рукахъ, который пищалъ и шипѣлъ, пуская ему въ лицо струи сѣдого пара. Самоваръ поставленъ на столъ; заспанный дѣтина удалился; маленькое общество, подъ предсѣдательствомъ Ольги Фуколовны, расположилось вокругъ стола. Во время этихъ приготовленій, зеленая брюнетка успѣла повеселѣть, а за ней, конечно, повеселѣлъ и застѣнчивый кузенъ. Затѣмъ снова явилось на сцену розовое платье. Аристархъ Θедоровичъ лукаво подмигнулъ старшей сестрѣ на молодую чету и засмѣялся; засмѣялась и старшая сестра; засмѣялась, наконецъ, и молодая чета. Разговоръ сдѣлался на минуту общимъ.

— Одно мнѣ только очень непріятно, мсьё Балахновъ, воскликнула неожиданно Чибезова,—ужасно, ужасно непріятно: зачѣмъ нѣтъ теперь съ нами моего Поля! Вѣдь надо же, право, было ему уѣхать!.. Такая досада!.. Мнѣ, просто, плакать хочется!.. примолвила она, придавая своему лицу выраженіе дѣтской досады.

— Мнѣ кажется, кузиночка, онъ сказалъ, что вернется назадъ сегодня вечеромъ, робко пробормоталъ юноша.

— О, какъ бы я была счастлива! наивно воскликнула Чибезова, возводя голубые глаза свои къ потолку.—Но нѣтъ, нѣтъ, это мечта, одна лишь воздушная мечта!..

Онъ, вѣрно, заигрался гдѣ-нибудь въ карты... Представьте, мсьё Балахновъ: поѣхалъ на два дня, и вотъ теперь пятый день не возвращается! Такой, право, гадкій! О, я ужасно, ужасно на него зла!..

— Сударыня, сказалъ Аристархъ Өедоровичъ, любезно наклоняя голову,—всѣ мужчины таковы; они никогда не цѣнятъ тѣхъ благъ, которыя даруетъ имъ Провидѣніе, и, сверхъ того, они никогда не держатъ своихъ обѣщаній, что, такъ сказать, истина, аксіома, подтвержденная вѣками...

— О, нѣтъ, нѣтъ, мсьё Балахновъ! прошу васъ не нападать на моего Поля; мой Поль—исключеніе; онъ вовсе не похожъ на всѣхъ васъ, мужчинъ, безжалостныхъ эгоистовъ! воскликнула Чибезова съ дѣтскою игривостью,—нѣтъ-съ: мой Поль совсѣмъ не такой; мой Поль ангелъ! примолвила она страстно, прижимая носовой платокъ къ груди своей.—О, мсьё Балахновъ! заключила она восторженно,—что можетъ быть возвышеннѣе, что можетъ быть священнѣе того чувства, когда жена обожаетъ своего мужа?..

— Скажите лучше, сударыня, вдохновенно произнесъ Аристархъ Өедоровичъ,—что́, вообще, можетъ быть возвышеннѣе чувства любви; я разумѣю *любовь* въ обширномъ значеніи этого высокаго слова, любовь, подхватилъ онъ,—чувство благороднѣйшее, святѣйшее изъ всѣхъ, вложенныхъ Творцомъ въ сердце человѣческое:

„А кто любилъ, кто былъ любимымъ,
Тотъ въ свѣтѣ семъ не даромъ жилъ,
Не даромъ землю бременилъ!“

Юноша пожалъ украдкою подъ столомъ руку своей кузины; Чибезова схватила руку Аристарха Өедоровича.

— О, мсьё Балахновъ, merci, сто кратъ merci! ваши слова освѣжили мнѣ душу. О, какъ вы хорошо понимаете чувства!.. Пожалуйста, не откажите мнѣ... нѣтъ, вы не откажете, напишите мнѣ въ альбомъ все, что вы сейчасъ сказали...

Аристархъ Өедоровичъ самодовольно улыбнулся и сдѣлалъ глубокій, молчаливый поклонъ.

Черезъ минуту на столѣ явился альбомъ, величиною съ ладонь, весь почти исписанный мелкимъ почеркомъ, испещренный сердцами, бабочками и жертвенниками; кузенъ поспѣшилъ поставить передъ гостемъ скляночку съ чернилами; Чибезова отыскала чистую страничку; ма-

ленькое общество тѣсно прижалось къ именитому гостю и вперило любопытные глаза на бѣлый листъ альбома.

Аристархъ Ѳедоровичъ провелъ рукою по высокому лбу, задумался, потомъ улыбнулся и начерталъ слѣдующее незабвенное изреченіе:

„*Чувство любви!..*

„Любовь—чувство благороднѣйшее, святѣйшее изъ всѣхъ вложенныхъ Творцомъ въ сердце человѣческое—чувство, которое, какъ по всему видно, становится рѣже и рѣже въ свѣтѣ, которое, увы! вскорѣ будетъ пылать въ сердцахъ только немногихъ избранныхъ, а прочимъ извѣстно будетъ лишь по сказаніямъ минувшихъ вѣковъ. Преданія и развалины священной старины, завѣты родительскіе, игры дѣтскихъ лѣтъ, мечтанія юношескія—все это истребляется тлетворнымъ дыханіемъ эгоизма, все поглощается гнуснымъ расчетомъ, какъ цвѣтущіе города и села покрываются истребительною лавой, оставляющею на нихъ, по охлажденіи, ровную поверхность! Близкіе наши потомки станутъ читать въ книгахъ повѣсть о быломъ, незнакомомъ имъ вѣкѣ Астреи; они не будутъ вѣрить, чтобъ онъ когда-либо существовалъ; другіе станутъ осыпать его насмѣшками и клеймить презрѣніемъ!.. Едва ли немногіе избранные будутъ питать въ сердцѣ огнь священный! Но, можетъ быть, все клонится къ лучшему, только не для насъ, запоздалыхъ въ мірѣ гостей изъ протекшихъ временъ!..“

Аристархъ Ѳедоровичъ положилъ перо, глубокомысленнымъ взоромъ обвелъ присутствующихъ и задумчиво улыбнулся.

Альбомъ быстро переходилъ изъ рукъ въ руки.

— Merci, мсьё Балахновъ, сто кратъ merci! восторженно произнесла Чибезова, овладѣвъ въ свою очередь альбомомъ.—Ахъ, какъ это очаровательно! воскликнула она, прижавъ альбомъ къ груди своей и дѣлая нѣсколько прыжковъ,—но, послушайте, мсьё Балахновъ, теперь вы должны мнѣ написать какіе-нибудь стихи: я до страсти люблю стихи; это будетъ служить мнѣ памятью нынѣшняго вечера...

— Мсьё Балахновъ, робко произнесъ кузенъ, — кузина Лиза проситъ васъ также написать ей какіе-нибудь стихи.

— Пожалуйста... сказала, краснѣя, кузина Лиза.

— Mesdames, я былъ бы очень радъ, но, къ несчастію,

я не владѣю стихомъ, отвѣчалъ привѣтливо Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Я вамъ не вѣрю! вымолвила Чибезова, кокетливо наклоняя голову.

— Серьезно...

— Ахъ, какъ это жаль! Представьте, мсьё Балахновъ, мой Поль — совершенно напротивъ: онъ рѣшительно можетъ только писать одними стихами! Стихи, между прочимъ, вы сами знаете, писать очень трудно; для этого нужно имѣть особый даръ. Сколько у насъ извѣстныхъ писателей, которые не могутъ писать стиховъ! Самъ Пушкинъ, говорятъ, писалъ стихи съ ужаснымъ трудомъ. А мой Поль — совершенно напротивъ: все это у него такъ легко, такъ непринужденно... Впрочемъ, и онъ можетъ только писать по вдохновенію... Знаете, иногда даже онъ меня пугаетъ: вдругъ просыпается посреди ночи; въ глазахъ какой-то особый блескъ. — „Ольга!“ говоритъ, и, знаете, говоритъ какъ-то странно: „Ольга“, говоритъ, „бери чернильницу, перо, бумагу, садись и записывай!“ Самъ закуриваетъ трубку, начинаетъ ходить по комнатѣ, а стихи, между тѣмъ, такъ и льются, такъ и льются, повѣрите, едва-едва успѣваю записывать! Иногда нѣсколько большихъ страницъ въ полчаса... удивительный даръ!.. Да вотъ чего же лучше, въ этомъ альбомѣ есть много его стиховъ... Постойте, я вамъ покажу... вотъ, вотъ, смотрите!

Аристархъ Ѳедоровичъ прочелъ:

Ты просишь написать въ альбомъ!
Скажи, зачѣмъ? И для чего?
Повѣрь мнѣ, въ почеркѣ нѣмомъ
Не сыщешь ровно ничего!
Ищи ты въ сердцѣ лишь одномъ
Письменъ живого вдохновенья!..

— Очень, о-о-очень мило! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— А вотъ это, мсьё Балахновъ, посмотрите...

Аристархъ Ѳедоровичъ прочелъ:

Хоть и маленькій домѝчекъ
Некрасивъ, да какъ же быть!
Съ тобой, милый голубочекъ,
Безъ заботъ можно прожить...

— Много чувства... сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, перелистывая одну за другой странички альбома.

Внезапно лицо великаго человѣка, сохранявшее до сихъ поръ величавое спокойствіе, проявило необычайное волненіе: въ глазахъ его засверкалъ огонь негодованія: на одной изъ страничекъ альбома онъ явственно прочелъ ненавистную фамилію Окатова.

— Скажите, пожалуйста, Ольга Фуколовна, сказалъ онъ, стараясь подавить волненіе,—что это за Elise Okatoff? Не дочь ли это того Окатова, я разумѣю нашего сосѣда, который заклеймилъ свое имя безчисленнымъ рядомъ гнусныхъ поступковъ?..

— Ахъ, да, мсьё Балахновъ, это та самая! то-есть она ужъ теперь не Окатова, а Мурзи-Менасова... Мы воспитывались вмѣстѣ въ одномъ пансіонѣ... Бѣдная, несчастная Elise!..

— Несчастная, говорите вы? Но отчего же она несчастная? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ съ такимъ живымъ участіемъ, какъ будто Elise Мурзи-Менасова была сто разъ его дочь.

— Да, мсьё Балахновъ, несчастнѣе ея нѣтъ женщины въ свѣтѣ. Родные ея, увлеченные тѣмъ, что она будетъ женою богача, выдали ее замужъ за человѣка, который погубилъ ее... ужасная исторія!..

— Сударыня, воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ,—я нисколько этому не удивляюсь; отъ почтеннаго ея батюшки можно ожидать всего, что угодно... заключилъ онъ, торжественно подымая руки.

— Если васъ такъ интересуетъ судьба моей подруги, произнесла Чибезова,—я, пожалуй, могу сообщить вамъ всю ея исторію... Мы до сихъ поръ въ перепискѣ; надняхъ еще я получила письмо, въ которомъ описываетъ она свое несчастіе... О, это цѣлый романъ, ужасный романъ!

Трудно описать волненіе, овладѣвшее при этихъ словахъ Аристархомъ Ѳедоровичемъ; нужна была вся сила его могучей воли, чтобъ скрыть дикую радость, бушевавшую въ величавой груди его: письма, облитыя слезами несчастной Elise Okatoff, обратятся въ рукахъ Аристарха Ѳедоровича въ обоюду-острый кинжалъ, посредствомъ котораго онъ пронзитъ отцовское сердце Николая Степаныча! Аристархъ Ѳедоровичъ благословилъ на этотъ разъ судьбу, забросившую его въ жилище жалкихъ смертныхъ.

Онъ взялъ письма изъ рукъ романической Ольги Чибезовой, и такъ какъ было ужъ около полуночи, то не

замедлилъ вскорѣ остаться наединѣ въ залѣ, которая предназначалась ему для ночлега.

Пять минутъ, проведенныя заспаннымъ дѣтиной въ укладываніи перинъ на кожаный диванъ, въ навьючиваніи подушекъ и раскладываніи двухспальнаго, тяжеловѣснаго одѣяла, показались Балахнову продолжительнѣе цѣлой недѣли. Освободясь отъ одежды и убѣдившись хорошенько въ томъ, есть ли щипцы и достанетъ ли свѣчки, онъ выслалъ парня, который безъ этого приказанія не преминулъ бы повалиться на полъ и тутъ же заснуть богатырскимъ сномъ.

Аристархъ Ѳедоровичъ придвинулъ свѣчку, пересмотрѣлъ числа и мѣсяцы, означенные на письмахъ, привелъ ихъ въ послѣдовательный порядокъ и съ жадностью принялся читать драгоцѣнныя странички.

XI.

Душевныя качества Аристарха Ѳедоровича заглушаютъ въ немъ на время чувства злобы и ненависти. Онъ является утѣшителемъ страждущихъ и проливаетъ съ ними горькія слезы.

На другое утро Аристархъ Ѳедоровичъ не вдругъ воспрянулъ отъ сна, какъ это дѣлаютъ многія особы его пола, которыя, какъ только придутъ въ сознаніе, то тотчасъ же раскрываютъ глаза, сбрасываютъ одѣяло, вскакиваютъ на ноги, зовутъ хриплымъ голосомъ человѣка и требуютъ сапоги или трубку. Пробужденіе великаго человѣка совершалось постепенно и во всемъ схоже было съ усыпленіемъ наканунѣ, когда, послѣ прочтенія драгоцѣнныхъ писемъ, отдался онъ, наконецъ, Морфею, убаюкивая себя сладостными грёзами вѣрной мести. Въ физическомъ отношеніи, пробужденіе его было необыкновенно сладостно и весьма близко подходило къ состоянію человѣка, котораго оттаиваютъ въ теплой, ароматической ваннѣ. Глаза его оставались закрытыми, но улыбка бродила уже на тонкихъ губахъ, выставляя напоказъ сверкавшія оконечности зубовъ лучшей вагенгеймовской работы; высокое чело его было ясно, какъ майское утро; безпрерывное движеніе продольной морщины, помѣщенной немного выше бровей, показывало, между тѣмъ, что воспріимчивый умъ великаго дипломата успѣлъ уже при-

поднять всѣ свои шлюзы и работалъ всѣми своими шестернями.

Первой мыслью его было: выпросить, во что бы ни стало, у Чибезовой письма несчастной Мурзи-Менасовой, второй мыслью: послать эти письма Николаю Степановичу. Какой-то великій знатокъ человѣческаго сердца, кажется, даже Ларошфуко, сказалъ слѣдующее: „Человѣкъ находитъ какую-то тайную отраду въ несчастіи лучшаго своего друга...“ На этомъ основаніи слѣдуетъ заключить, что душа человѣческая должна чувствовать неизъяснимое наслажденіе, коль скоро дѣло идетъ о несчастіи злѣйшаго врага. Это ужъ само собою разумѣется.

Мысль о пересылкѣ писемъ Окатову такъ живительно подѣйствовала на Аристарха Ѳедоровича, что онъ раскрылъ глаза.

Первый предметъ, поразившій его, былъ Сидоръ, который стоялъ въ дверяхъ, держа въ одной рукѣ круглую свою шляпу съ галуномъ и кокардой, въ другой—зеленый кожаный сакъ, вмѣщавшій въ себѣ кой-какія туалетныя принадлежности, сопровождавшія всюду блистательнаго владѣльца Ханскихъ-Прудовъ.

— Что коляска? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Готова-съ.

— Надежна ли?

— Точно такъ-съ.

— Да полно, такъ ли?

— Такъ точно-съ.

— Что кучеръ?

— Слава Богу-съ.

— А дома что? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, какъ бы спохватившись.

— Слава Богу-съ.

— Успокоились?

— Такъ точно-съ.

— Хорошо. Который часъ?

Сидоръ поспѣшилъ вынуть изъ бокового кармана серебряную луковицу, привѣшенную къ бисерному шнурку бирюзоваго цвѣта, и сказалъ, что скоро девять.

— Давай одѣваться! вымолвилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, поспѣшно сбрасывая одѣяло.

Напяливъ носки на ноги своего барина и набросивъ на его плечи халатъ, Сидоръ придвинулъ къ нему стулъ съ маленькимъ корытцемъ, игравшимъ въ домѣ Фукола

Ивановича роль таза, и принялся выкладывать на сосѣдній столъ разные предметы, заключавшіеся въ сакѣ. Затѣмъ онъ вооружился старымъ соусникомъ, наполненнымъ водою (несообразная тросновская дворня—такъ, по крайней мѣрѣ, увѣрялъ Сидоръ—имѣла самое темное и сбивчивое понятіе касательно умывальника), и оросилъ вельможныя руки своего господина.

Во все это время заспанный дѣтина стоялъ въ дверяхъ, слѣдя съ какимъ-то притупленнымъ, полудикимъ любопытствомъ за всѣми этими приготовленіями. Но лишь только Аристархъ Ѳедоровичъ взялъ со стола щеточку и приступилъ къ чисткѣ своихъ блестящихъ зубовъ, заспанный дѣтина выступилъ впередъ, раскрылъ изумленные глаза и проявилъ, въ остальныхъ чертахъ своего лица, такое движеніе, какъ будто передъ нимъ свершилось какое-то чудо.

— Что ты? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, показывая ему ротъ, наполненный углемъ.

— Оченно, сударь, занятно! чтой-то за диковинка, право! отвѣчалъ парень, задумчиво качая головою.

— Что? развѣ ты не видалъ никогда зубныхъ щетокъ? смѣясь, сказалъ Балахновъ.

— Нѣтъ, сударь, не приводилось, отвѣчалъ парень, подходя къ столу, гдѣ разложены были щеточки, пилочки, и проч., и проч.—Что это за чудеса такія! Оченно, сударь, занятно! примолвилъ онъ, прикасаясь пальцемъ къ каждой вещи.

— Такъ, стало, ты въ первый разъ, любезный, видишь, какъ люди чистятъ себѣ ротъ? смѣясь, произнесъ великій мужъ.

— Впервые-съ; не приводилось, отвѣчалъ парень съ любезностью, осклабляя зубы.

— Развѣ никто у васъ здѣсь этимъ не занимается.

— Никто-съ! съ увѣренностью отвѣчалъ дѣтина.

Весь этотъ разговоръ происходилъ вполголоса; но, при послѣднемъ отвѣтѣ заспаннаго парня, Аристархъ Ѳедоровичъ не могъ ужъ выдержать и разразился тѣмъ густымъ хохотомъ, какимъ смѣются обыкновенно люди солидные, когда бываютъ очень веселы.

Черезъ четверть часа туалетъ великаго мужа былъ конченъ.

— Сидоръ, сказалъ онъ,—распорядись, чтобъ черезъ полчаса лошади были готовы; я выѣду ровно въ десять...

Да разспросить хорошенько дорогу въ Сычовку; я ѣду отсюда къ Кормонолѣю Семенычу Бирюкову. Ступай!..

Сидоръ поспѣшилъ навьючить на плечи любознательнаго парня перину, подушки, халатъ и одѣяло, и, уложивъ въ сакъ остальные предметы туалета, вышелъ исполнять приказанія своего барина.

Какъ только зала съ пурпуровыми гардинами представила свой обыденный видъ, на порогѣ показался долговязый кузенъ Ивановъ.

— Какъ изволили почивать?.. не безпокоили ли васъ?.. промямлилъ юноша принужденнымъ голосомъ.

— Благодарю! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, протягивая ему руку и заключая, по отчаянно печальному лицу собесѣдника, что онъ, вѣрно, успѣлъ уже поссориться съ зеленолицей брюнеткой.

Черное коленкоровое платье брюнетки, неожиданно появившейся въ эту минуту вмѣстѣ съ романтической Чибезовой, окончательно убѣдило его въ этомъ предположеніи.

Послѣ обычныхъ привѣтствій съ той и другой стороны и послѣ того, какъ Аристархъ Ѳедоровичъ произнесъ краткій, но краснорѣчивый монологъ, въ которомъ благодарилъ дочерей почтеннѣйшаго и многоуважаемаго Фукола Ивановича за радушіе и гостепріимство, на столѣ снова появился самоваръ.

Маленькое общество расположилось пить чай. Госпожа Чибезова начала разговоръ прямо съ писемъ подруги своей Мурзи-Менасовой; болтовня ея, вытекая на этотъ разъ изъ обильнаго источника и приправленная, сверхъ того, воспоминаніями всякаго рода, не дала ей возможности перевести духъ въ продолженіе цѣлой четверти часа.

— Сударыня, перебилъ, наконецъ, Аристархъ Ѳедоровичъ, начинавшій уже терять терпѣніе, — я мужчина... и могу сказать, что достаточно владѣю своими чувствами; но письма эти... да, сознаюсь съ обычною своею откровенностью, скажу съ тою искренностью и прямизною, которыя всегда отличали меня, письма эти исторгли изъ моихъ глазъ горячія слезы... слезы участія и состраданія, и вмѣстѣ съ тѣмъ слезы ненависти... Къ чему лукавить? Да, скажу, слезы ненависти... и да падутъ онѣ на голову презрѣннаго отца, погубившаго изъ тщеславія свое собственное дѣтище!.. Ольга Фуколовна, промолвилъ онъ нѣжно-растроганнымъ голосомъ и протянулъ при этомъ руку Чибе-

зовой, — Ольга Фуколовна, у меня будетъ къ вамъ большая просьба...

— О, говорите, говорите, мсьё Балахновъ!.. для васъ я все готова сдѣлать! восторженно воскликнула романтическая дама, горячо пожимая руку великаго мужа и устремляя голубые, блестящіе глаза на потолочныя щели.

Аристархъ Өедоровичъ ловко приступилъ къ своей просьбѣ, развивая ту счастливую мысль, что, такъ какъ письма несчастной подруги представляютъ рядъ поразительно трогательныхъ картинъ, преисполненныхъ глубокихъ, назидательныхъ мыслей, то ему хотѣлось бы прочесть ихъ десять, двадцать разъ для того, чтобъ врѣзать, запечатлѣть ихъ навсегда въ своемъ сердцѣ. Какъ уже сказано, дипломатическій мозгъ Аристарха Өедоровича могъ создавать и развивать въ одно и то же время двѣ совершенно противоположныя мысли; развивая одну мысль явно, во всеуслышаніе, онъ могъ, безъ большого затрудненія, развивать умственно совершенно противоположную идею. Въ настоящемъ случаѣ, мысленное сужденіе Аристарха Өедоровича было слѣдующее: онъ возьметъ у Чибезовой письма и сдѣлаетъ съ нихъ копію; подлинникъ отправитъ къ Окатову, а копію препроводитъ Ольгѣ Фуколовнѣ при письмѣ, въ которомъ краснорѣчиво и подробно изложитъ несчастный случай, уничтожившій подлинникъ посредствомъ всесокрушающаго пламени ярко топившагося камина... случай, прибавитъ онъ, происшедшій единственно отъ невниманія слуги. „Впрочемъ", заключитъ Аристархъ Өедоровичъ, „я надѣюсь, вы извините меня: въ памятникахъ, подобныхъ тому, какой ввѣрили вы моей неосторожности, дорога не ничтожная бумага и выведенныя на ней буквы, нѣтъ — дорога душа человѣка, выразившаяся помощью этихъ ничтожныхъ буквъ, и, слѣдовательно, въ посланной вамъ копіи (сдѣланной мной для вящшаго наслажденія) найдете вы все то, что нашли бы въ самомъ оригиналѣ".

Не прозрѣвая въ простотѣ романтической души своей затаенныхъ, умственныхъ мыслей Аристарха Өедоровича, госпожа Чибезова изъявила полное согласіе вручить ему письма, и великій мужъ, распростившись съ радушными хозяевами и напомнивъ еще разъ долговязому кузену объ обѣщаніи пріѣхать въ пятницу въ Ханскіе-Пруды, умѣстился комфортабельно въ коляскѣ. Бросивъ затѣмъ на воздухъ послѣднее прости Тросновкѣ и прихлопнувъ ла-

донью по свертку писемъ, умѣстившемуся въ боковомъ его карманѣ, Аристархъ Ѳедоровичъ вскорѣ скрылся изъ виду.

Такъ какъ въ послѣднюю ночь дождя не было, то грязь на дорогахъ успѣла уже значительно окрѣпнуть; пронзительный, студеный вѣтеръ видимо сушилъ колеи и придавалъ легкость лошадямъ и колесамъ; благодаря сочетанію этихъ счастливыхъ обстоятельствъ, коляска поѣхала ровно и быстро.

Около полудня Аристархъ Ѳедоровичъ въѣзжалъ ужъ въ Сычовку, имѣніе Бирюкова.

Балахновъ не былъ у Бирюкова съ того самаго времени, когда находился еще въ кумовствѣ и дружбѣ со всѣмъ уѣздомъ, когда всѣ къ нему ѣздили и самъ онъ ко всѣмъ ѣзжалъ, и когда, наконецъ, коварный свѣтъ и людская ядовитая, шипящая злоба не успѣли еще ожесточить его въ высшей степени благородной натуры, и потому нѣтъ ничего мудренаго, если изъ памяти его нѣсколько изгладился наружный видъ бирюковскаго дома, расположеніе деревни и окружающей ее мѣстности.

Движимый чувствомъ того любопытства, какое ощущаемъ мы при видѣ давно покинутыхъ предметовъ, онъ отбросилъ кожаный фартукъ и принялся глядѣть на Сычовку.

Мглистыя, темныя поля стлались на необозримое пространство и замыкали сѣрый горизонтъ со всѣхъ четырехъ сторонъ; большое село въ нѣсколько улицъ расползалось неуклюже, какъ ракъ, завязнувшій въ тинѣ; коричневый цвѣтъ избушекъ, вымоченныхъ предшествовавшими дождями, едва-едва отдѣлялъ ихъ отъ почвы, и только по мѣрѣ приближенія къ деревнѣ, когда кровли домовъ стали показываться надъ линіею горизонта, можно было опредѣлить ихъ очертаніе. Въ сторонѣ, подлѣ кладбища, плиты котораго были единственными свѣтлыми пятнами этой картины, возвышалась ветхая, старинная церковь, окруженная массивными кирпичными столбами и оградой; издали еще слышался мѣрный, однообразный, глухой звукъ колокола, который то пропадалъ, то протяжно гудѣлъ, вторя унылому вою вѣтра, гулявшаго на раздольи. Въ деревнѣ было пусто; кой-гдѣ попадался мальчишка, тащившійся въ отцовскомъ полушубкѣ, или старая, хилая бабенка, выбѣгавшая къ заваленкѣ, чтобъ заткнуть ветошью волоковое окно, извергавшее клубы синеватаго дыма. По мѣрѣ приближенія къ дому, стали по-

казываться крытые дранью навѣсы, исполинскіе сѣрые бревенчатые сараи съ множествомъ крошечныхъ дверей и перекосившимися лѣсенками; ограда двора, перехваченная кое-гдѣ плетнемъ, носила на себѣ всѣ признаки окончательнаго запустѣнія. Казалось, тутъ никто не жилъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Дворъ заставленъ былъ, однакожъ, на половину тарантасами, крытыми дрожками, старомодными каретами, рыдванами; тутъ ходили по всѣмъ возможнымъ направленіямъ кучера, бросавшіе потомъ корки тощимъ борзымъ собакамъ, которыя, поджавъ хвостъ, быстро улепетывали съ полученнымъ кускомъ въ какой-нибудь темный уголъ и жадно глотали добычу. Кормонолѣй Семеновичъ и покойный братъ его, Изосимъ Семеновичъ, были страстные охотники. Домъ, расположенный направо, представлялъ безконечно длинное, плоское, бревенчатое зданіе въ одинъ этажъ. Подлѣ крыльца толпились человѣкъ триста мужиковъ; всѣ они стояли безъ шапокъ, равно какъ и другая толпа, состоявшая изъ дворовыхъ. Послѣдніе стояли въ нѣкоторомъ разстояніи и отдѣлялись отъ первыхъ длинными носилками, обтянутыми чернымъ сукномъ; четыре лакея, въ старомодныхъ, черныхъ фракахъ, съ крепомъ на плечахъ, держали въ рукахъ дымившіеся факелы. Несмотря на такое многочисленное сборище, на дворѣ было почти такъ же глухо, какъ посреди поля; какъ тутъ, такъ и тамъ молчаніе прерывалось лишь разнообразнымъ звукомъ колокола, который уныло гудѣлъ на далекое пространство.

Грустное чувство, невольно закравшееся въ великую душу Аристарха Ѳедоровича, ровно, однакожъ, ничего не значило въ сравненіи съ тѣми чувствами, какія овладѣли имъ при входѣ въ темную прихожую. Въ передней тѣснились люди пріѣзжихъ сосѣдей, и первый предметъ, поразившій Аристарха Ѳедоровича, были Сѣвка и Прошка, гайдуки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неразлучные спутники Николая Степановича Окатова. Огонь негодованія засверкалъ въ глазахъ великаго мужа, и на ланитахъ его мгновенно показались тѣ багровые кружки, похожіе на лепешечки краснаго сюргуча—вѣрные, но, смѣло можно сказать, единственные обличители его внутренняго волненія. Нѣтъ сомнѣнія, что волненіе его могло бы усилиться и распространить багровые кружки по всему пространству ланитъ, если бъ не случилось одно обстоятельство, которое заставило его тотчасъ же овладѣть собою.

Въ ту самую минуту, какъ глаза Аристарха Θедоровича устремились вторично на Сѣвку и Прошку, въ дверяхъ залы показалась старшая сестра покойника.

То была дѣвствующая старушка лѣтъ пятидесяти, сморщенная, сгорбленная, необычайно добродушная, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такого жалкаго и печальнаго вида, что, казалось, траурь былъ для нея совершенно излишнимъ украшеніемъ. Она вышла, вѣроятно, для того, чтобъ отдать кой-какія приказанія, но вздохи и слезы заглушали ея голосъ.

Увидѣвъ ее, Аристархъ Θедоровичъ быстро протискался впередъ, подошелъ къ ней, медленно поклонился и сказалъ медленно торжественнымъ голосомъ:

— Анна Семеновна! слезы не помогутъ; долгъ каждаго изъ насъ покоряться волѣ Провидѣнія. Осушите ваши слезы. Память покойнаго моего родителя, друга покойнаго Изосима Семеновича, принудила меня пріѣхать къ вамъ и утѣшить васъ и вашего почтеннаго братца въ эту скорбную минуту вашей жизни...

Горькія рыданія были сначала отвѣтомъ; мало-по-малу, Анна Семеновна успокоилась и, взявъ за руку гостя, проговорила:

— Благодарю васъ, Аристархъ Θедоровичъ... Да, покойный вашъ батюшка былъ его другомъ... вы его также знали... Вотъ... заключила она, вводя Балахнова въ холодную залу.

Противъ окна, на столѣ, лежалъ покойникъ. Въ сосѣдней комнатѣ слышался говоръ многихъ голосовъ.

— Вотъ... повторила, рыдая, старушка, протягивая руку къ гробу.

— Анна Семеновна! сказалъ, наконецъ, Аристархъ Θедоровичъ, стоявшій нѣсколько секундъ съ понурою головою,—чувства, долженствующія наполнять въ эту минуту сердце человѣка, не передаются словами...

Онъ вздохнулъ и промолвилъ вкрадчивымъ голосомъ:

— Но гдѣ же Кормонолѣй Семенычъ?..

— О-охъ! простонала старушка, отрывая мокрый платокъ отъ глазъ, — помогите намъ, ради Бога, уговорить его проститься съ покойникомъ. Вы знаете, Аристархъ Θедорычъ, слышали, по крайней мѣрѣ, какъ братецъ боялся всегда покойниковъ... Мы всѣ, сколько насъ здѣсь ни есть... я, сестра Варвара, гости даже, старались его уговорить... Нѣтъ, заперся въ своемъ кабинетѣ, дрожитъ

всѣмъ тѣломъ, когда напоминаютъ ему объ этомъ... О-охъ! А между тѣмъ, вы сами знаете, время уходитъ; народъ ждетъ... Уговорите его отдать послѣдній долгъ...

— Анна Семеновна! даю вамъ слово употребить все возможное, все зависящее отъ человѣка... сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, прислушиваясь къ говору, раздававшемуся въ сосѣдней комнатѣ.—Пойдемте! прибавилъ онъ, переведя дыханіе и дѣлая сверхъестественныя усилія, чтобъ подавить волненіе.

Проникнуть въ кабинетъ Бирюкова можно было не иначе, какъ пройдя тѣ комнаты, въ которыхъ находились гости. Аристархъ Ѳедоровичъ подалъ руку Аннѣ Семеновнѣ и, выпрямивъ грудь, медленнымъ, ровнымъ шагомъ вошелъ въ гостиную.

Тутъ было человѣкъ до двадцати сосѣдей. Въ первыя двѣ секунды Аристархъ Ѳедоровичъ не могъ, однакожъ, дать себѣ яснаго отчета въ томъ, сколько именно лицъ находилось въ гостиной; всѣ лица и фигуры смѣшались вмѣстѣ; ему показалось даже, какъ будто присутствовавшіе, при появленіи его, стали кружиться; сквозь этотъ туманъ, покрывшій на минуту его глаза, онъ не замедлилъ, однакожъ, различить два пучка сѣдыхъ завитковъ, торчавшихъ по обѣимъ сторонамъ круглой головы; различилъ плотный, раздвоенный подбородокъ и вслѣдъ за тѣмъ ненавистную фигуру Окатова. Николай Степановичъ сидѣлъ въ самомъ дальнемъ углу; на широкомъ лицѣ его обозначались такіе рѣзкіе, положительные признаки смущенія и страха, которые, очевидно, должны были укрѣпиться задолго еще до пріѣзда Аристарха Ѳедоровича въ Сычовку. Впрочемъ, онъ и не смотрѣлъ на Балахнова; наклонивъ на бокъ голову, онъ разсѣянно слушалъ Семена Семеновича Кошкина, который, не имѣя, вѣроятно, большого желанія встрѣтить взглядъ Аристарха Ѳедоровича, также наклонялъ на бокъ свой лоснящійся черный паричокъ и что-то нашептывалъ на ухо Окатову. Если бъ посторонній наблюдатель могъ видѣть въ настоящую минуту лицо Аристарха Ѳедоровича, онъ никакимъ образомъ не могъ бы понять, какъ достало у него столько мужества, чтобъ ограничиться одною презрительной улыбкой. Правда, багровые кружки на щекахъ его горѣли какъ уголья и, могло статься, распространились бы далеко за предписанные предѣлы обыкновеннаго румянца, но это ничего не значило. Онъ отвелъ глаза въ другую сторону и... и...

встрѣтился прямо съ глазами Солонеева и его дяди, которые обмѣривали его съ саркастическимъ видомъ. Грудь Аристарха Ѳедоровича, готовая въ эту минуту треснуть и разлетѣться вдребезги, и тутъ-таки не утратила на волосъ своей величавой, горделивой округлости. Онъ навелъ глаза прямо на дверь слѣдующей комнаты и, гордо приподнявъ благородное чело, медленно повелъ впередъ свою спутницу, которая тихо всхлипывала, нимало не подозрѣвая той страшной драмы, какая свершалась подъ самымъ ея носомъ.

Они прошли въ кабинетъ.

Комната эта представляла рѣзкій контрастъ съ остальными покоями, имѣвшими большое сходство съ затхлыми, пустыми сараями. Она напоминала тѣ складочные амбары, куда сваливаютъ, безъ всякаго порядка, домашній скарбъ и хламъ, негодный ужъ ни для какого употребленія: сундуки, плошки, плетушки, старое платье, свертки холста, списки и счеты, нацарапанные на синей бумагѣ и насунутые на стѣнные гвозди, пыль, мѣрка съ овсомъ, кой-какія принадлежности охоты: сѣдла, ружья, патронташи, арапникъ, мѣдный позеленѣвшій рогъ; затѣмъ бутылки, склянки, заплатанные мѣшки, ветошь и проч., и проч.— все это лежало ворохами на грязномъ полу, лѣпилось вдоль стѣнъ и громоздилось на длинныхъ полкахъ, сдѣланныхъ топоромъ изъ сосновыхъ досокъ. Въ комнатѣ три окна: два изъ нихъ наглухо заколочены досками, третье до половины замазано мѣломъ. Блѣдно-зеленый, жидковатый свѣтъ, струившійся изъ верхнихъ стеколъ, падалъ коснымъ лучомъ на старика лѣтъ семидесяти, который сидѣлъ, скрестивъ на груди руки и покачиваясь изъ стороны въ сторону. То былъ Кормонолѣй Семеновичъ Бирюковъ, младшій братъ и наслѣдникъ покойника. Онъ сидѣлъ сгорбившись; но длинныя костлявыя ноги его показывали, что онъ долженъ быть высокаго роста; сѣдые, желтоватые волосы спускались косяками по обѣимъ сторонамъ угловатой головы, отличавшейся какой-то странной конструкціей; худое, изрытое лицо, земляного цвѣта, оживлялось сѣрыми, быстрыми глазами. На немъ былъ ветхій халатъ, подпоясанный бумажнымъ платкомъ; другой платокъ, тоже очень неказистаго вида, обматывался вокругъ шеи его, наподобіе веревки; исполинскія ступни Кормонолѣя Семеновича болтались въ туфляхъ... Подлѣ стояла младшая сестра его, Варвара Семеновна —

живая копія со старшей сестры, Анны Семеновны; кромѣ нея, былъ еще какой-то незнакомый Балахнову господинъ—высокій человѣкъ, лѣтъ тридцати-пяти, съ черными волосами, черными усами и черными бакенами, человѣкъ солиднаго и степеннаго вида.

Время, употребленное Аристархомъ Ѳедоровичемъ для достиженія кабинета, ужъ достаточно было ему для того, чтобъ овладѣть собою, если не совсѣмъ, то настолько, по крайней мѣрѣ, чтобъ войти въ роль утѣшителя родственниковъ покойника. Поклонившись незнакомому господину (при этомъ онъ почему-то закрылъ глаза), отвѣсивъ затѣмъ низкій, сострадательный поклонъ плакавшей Варварѣ Семеновнѣ и приблизившись къ Бирюкову, который продолжалъ мотать головой, онъ сказалъ съ разстановкою:

— Пріѣзжаю... и что-жъ?.. Не удалось мнѣ пожать въ послѣдній разъ ту почтенную руку, которую такъ любилъ пожимать покойный отецъ мой...

Бирюковъ устремилъ на Балахнова безпокойные, сухіе глаза и воскликнулъ разбитымъ голосомъ:

— Кого мы лишились?.. друга, брата!.. Изосимъ! промолвилъ онъ, закрывая лицо руками и снова качая головой. — Изосимъ, на что ты мнѣ оставилъ столько богатства? Пожилъ бы лучше! Я бы тебѣ лучше все отдалъ... все бы оставилъ!..

— Что дѣлать, дядюшка? воля Божія! холодно проговорилъ незнакомый господинъ.

Комната наполнилась рыданіемъ двухъ сестеръ, прерываемымъ стонами и охами Бирюкова.

— Полноте, Кормонолѣй Семенычъ! произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ увѣщевательнымъ тономъ,—не возмущайте слезами души покойника: душа его носится еще межъ нами, и отчаяніе ваше можетъ только омрачить послѣднее пребываніе ея въ сей странѣ плача и скорбей... Дадимте ей отлетѣть съ миромъ и отрадой! скажемъ послѣднее прости земному праху и проводимъ его до послѣдняго жилища...

Но едва произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ эти слова, Бирюковъ поднялъ голову, затрясся всѣмъ тѣломъ, попятился съ испугомъ назадъ и началъ что-то мямлить.

— Вотъ... мямлилъ онъ, между прочимъ, очевидно, стараясь повернуть разговоръ.—Вотъ, Аристархъ Ѳедорычъ, благодѣтель, вотъ племянникъ мой... познакомься... Мясо-

итяновъ... Андрей Иванычъ... познакомься, благодѣтель... Пріѣхалъ изъ Петербурга... побывать въ имѣніи...

Аристархъ Ѳедоровичъ поклонился господину Мясоитянову и радушно протянулъ ему руку.

— Очень знаю-съ, сказалъ великій дипломатъ,—имѣніе ваше, Бѣлые-Ключи, въ тридцати верстахъ отъ меня. Весьма пріятно познакомиться...

Балахновъ зналъ, какъ ужъ извѣстно, топографію и статистику своего уѣзда, какъ свои пять пальцевъ. Проговоривъ все это съ нѣкоторою торопливостью, вознаграждаемою, впрочемъ, довольно искусно горячимъ пожатіемъ руки, дипломатъ обратился снова къ Бирюкову и принялся увѣщевать его отдать послѣдній долгъ покойнику. Напрасно Кормонолѣй Семеновичъ заминалъ рѣчь и моталъ головой: Аристархъ Ѳедоровичъ былъ неумолимъ. Поддерживаемый двумя сестрами и племянникомъ, онъ умолялъ старика внять голосу убѣжденія, умолялъ его воздать послѣдній долгъ бреннымъ останкамъ, хотя изъ одной благодарности; но такъ-какъ и это не помогло, то онъ обратился къ угрозамъ: въ поразительно-краснорѣчивыхъ выраженіяхъ изобразилъ онъ передъ старикомъ терзанія совѣсти, какія ожидаютъ его, въ случаѣ неисполненія послѣдняго долга, и наконецъ, попавъ вдругъ на счастливую мысль, сказалъ ему, что оскорбленная тѣнь усопшаго Изосима Семеновича будетъ являться по ночамъ упрекать неблагодарнаго брата. Послѣднее, казалось, всего успѣшнѣе подѣйствовало на Бирюкова; нѣсколько секундъ сидѣлъ онъ молча; мутные, сѣрые глаза его обводили присутствовавшихъ, а беззубыя челюсти его производили глухую стукотню; наконецъ онъ застоналъ, заохалъ, приподнялся съ своего мѣста, какъ бы порываясь впередъ, но остановился и закрылъ лицо руками. Аристархъ Ѳедоровичъ быстро переглянулся съ племянникомъ, и оба ухватили Бирюкова подъ руки; сестры бросились впередъ и отворили кабинетныя двери. Балахновъ и племянникъ, невзирая на то, что старикъ упирался ногами, не замедлили привести его въ гостиную. Сосѣди, движимые, кто участіемъ, а кто любопытствомъ, послѣдовали гурьбою за Бирюковымъ.

Очутившись въ залѣ Кормонолѣй Семеновичъ быстро отвернулъ лицо отъ покойника и закрылъ руками. Балахновъ и племянникъ продолжали между тѣмъ вести его.

Въ трехъ шагахъ отъ гроба они оставили старика и отошли въ сторону.

Кормонолѣй Семеновичъ все еще держалъ ладони на лицѣ своемъ; мало-по-малу, однакожъ, онъ расправилъ пальцы, между которыми показались слезы, робко взглянулъ на брата и вдругъ отчаянно простеръ руки впередъ.

— Изосимъ! братъ! вставай... русакъ бѣжитъ! вскричалъ онъ съ воплемъ истиннаго отчаянія, всплеснулъ руками, закачался и грохнулся на землю.

Аристархъ Өедоровичъ и солидный племянникъ подняли его; къ нимъ присоединились еще два какіе-то господина, и всѣ четверо понесли старика въ кабинетъ.

Когда они вернулись, гробъ былъ уже заколоченъ наглухо; подлѣ него, въ общей группѣ, толпились мужички, дворовые и кое-кто изъ сосѣдей. По данному знаку, гробъ подняли; послышалось затаенное рыданіе двухъ сестеръ; толпа заволновалась и повалила за гробомъ.

— Пойдемте! сказалъ Аристархъ Өедоровичъ, прикладывая указательный палецъ къ глазамъ и посылая грустную улыбку племяннику.

— Пойдемте, сказалъ племянникъ, надѣвая теплыя перчатки.

Они вышли на дворъ.

XII,

доказывающая, между прочимъ, самымъ очевиднымъ образомъ, что человѣкъ умный, тонкій и практическій можетъ извлекать выгоды изъ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ.

Мѣрный звукъ колокола звучалъ чаще и явственнѣе, говоръ толпы, тянувшейся длинною, волнистою плетеницей за ворота, смѣшивался въ одинъ глухой шумъ, изъ котораго вырывались по временамъ восклицанія. Въ отдаленьи, посреди черной улицы, вздрагивало кое-гдѣ пламя факеловъ. Свинцовое небо, исполосованное хребтами сизыхъ тучъ, сѣяло мелкій, рѣденькій дождикъ, который, подобно сѣрому крепу, застилалъ окрестность. Звуки колокола становились слышнѣе и слышнѣе.

Въ группѣ сосѣдей, провожавшихъ гробъ, не было, однакожъ, видно печальнаго лица; разговоръ ихъ, вертѣвшійся, большею частью, на дѣлахъ чисто житейскихъ, не

имѣвшихъ ровно никакого отношенія къ настоящему случаю, не отличался также ничѣмъ особенно трогательнымъ.

— „А что, Василій Степанычъ, сѣяли ли вы нынче гречиху?“ — „Сѣялъ; а вы сѣяли?“—„Сѣялъ...“—„Э-хе, хе!..“—„Что-жъ вы хотите, скряга!“—„Конечно, такъ; но съ другой стороны...“—„Что съ другой стороны?.. Э, помилуйте, просто скупой человѣкъ: держится зубами за гривенникъ, а изъ рукъ цѣлковый пропадаетъ!“—„Скряга былъ отъявленный!..“—„Помилуйте, да Кормонолѣй во сто кратъ хуже покойника!“—„Разумѣется!“—„Двѣсти душъ на его долю...“—„А сестры?..“—„Вздоръ!“—„Четырнадцатая часть!“—„Нѣтъ, покойникъ предоставилъ на волю Кормонолѣя...“—„Можетъ ли быть?.. гм! фю, фю, фю... поздравляю ихъ въ такомъ случаѣ!“

Аристархъ Ѳедоровичъ и солидный племянникъ шли въ нѣкоторомъ разстояніи отъ толпы.

— Давно вы пожаловали въ наши края? спросилъ любезнымъ, но, повидимому, очень разсѣяннымъ тономъ Балахновъ.

— Пять дней всего...

— И долго останетесь?

— Послѣ выборовъ, я думаю...

Тутъ лицо Аристарха Ѳедоровича выразило вдругъ столько благородства, что, будь я живописецъ, я начерталъ бы его тутъ же, между этими строками; но нѣтъ, будь я первымъ живописцемъ въ мірѣ, все-таки не былъ бы я въ состояніи передать съ подобающею точностью величавыя черты знаменитаго мужа.

— Вы, слѣдовательно, ни съ кѣмъ здѣсь еще не знакомы? спросилъ знаменитый мужъ.

— Нѣтъ, дядюшка представилъ меня Окатову.

— Окатову! воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ, пріостанавливаясь,—а впрочемъ, продолжалъ онъ, ускоряя шагъ,—что жъ мудренаго! лѣта Кормонолѣя Семеныча... его положеніе... все это извиняетъ его...

— Вы находите, слѣдовательно, что дядюшка дурно сдѣлалъ, познакомивъ меня съ Окатовымъ?

— На это позвольте отвѣчать вамъ вопросомъ: знаете ли вы, кто такой этотъ О-ка-товъ?

— Нѣтъ, не имѣю ни малѣйшаго понятія.

— Первый негодяй во всемъ здѣшнемъ краю!

— Можетъ ли быть?

— Первый плутъ!

— Что вы говорите...

— Обманщикъ!

— Не-уже-ли?

— Съ нимъ опасно даже говорить...

— Вы меня удивляете!..

— Губитель родной дочери... очаровательнаго созданія, принесеннаго въ жертву самолюбію алчнаго отца, заклеймившаго свое имя безчисленнымъ рядомъ гнуснѣйшихъ поступковъ...

— Да это просто ужасъ! проговорилъ Мясоитяновъ, нахмуривая брови.

— Да, сударь мой, ужасъ, ужасъ и ужасъ! воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ,—доказательства у меня здѣсь, въ боковомъ карманѣ этого сюртука.

— Какія доказательства?..

— Письма несчастной дочери... письма, способныя разорвать на части самое каменное сердце... Послушайте, мсьё Мясоитяновъ, прибавилъ Балахновъ, самъ замѣтивъ, что ужъ слишкомъ далеко зашелъ, и стараясь обуздать свои порывы,—не обвиняйте меня въ пристрастіи, нѣтъ, гнусная клевета и ядовитая, шипящая злоба чужды меня; каждый благородный человѣкъ невольно долженъ содрогаться при одномъ имени Окатова.

— Скажите! а я думалъ, что онъ очень добрый человѣкъ, и даже сбирался къ нему ѣхать...

— Нѣтъ, позвольте ужъ мнѣ вамъ этого не дозволить! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ съ очаровательною любезностью,—позвольте мнѣ-таки рѣшительно вамъ этого не дозволить!..

Тутъ Аристархъ Ѳедоровичъ засмѣялся, пожалъ въ нѣсколько пріемовъ руку солиднаго Мясоитянова и продолжалъ:

— Вы здѣсь человѣкъ новый, никого не знаете, и слѣдуя, такимъ образомъ, рекомендаціямъ Кормонолѣя Семеныча, можете провести три недѣли пребыванія своего въ уѣздѣ въ обществѣ людей... то-есть, по крайней мѣрѣ, очень скучно... Обязанность наша, то-есть старожиловъ края, не допустить до этого... Надѣюсь, мсьё Мясоитяновъ, вы сдѣлаете мнѣ честь пожаловать ко мнѣ... Мы постараемся о томъ, чтобъ, покидая нашъ край, вы увезли, по крайней мѣрѣ, хорошее впечатлѣніе... Пріѣзжайте ко мнѣ въ пятницу на будущей недѣлѣ запросто отвѣдать нашего хлѣба-соли...

Племянникъ Бирюкова молча поклонился.

Изъ числа помѣщиковъ, собравшихся у Бирюкова, двое только не пошли провожать покойника: Николай Степановичъ Окатовъ и Семенъ Семеновичъ Кошкинъ, сдѣлавшійся съ нѣкоторыхъ поръ любимымъ и въ то же время единственнымъ гостемъ „Большихъ-Солей“. Впрочемъ, достаточно ужъ было, что Николай Степановичъ рѣшился пріѣхать въ домъ, гдѣ находился покойникъ. Геройскій подвигъ этотъ, конечно, не замедлитъ занять важное мѣсто въ бесѣдахъ его съ госпожею Буске́ и господиномъ Буске́,—бесѣдахъ, которыя ограничивались до сихъ поръ изображеніемъ страшной качки, постигшей Николая Степановича, при переѣздѣ его изъ Петербурга въ Кронштадтъ. Какъ только тѣло Изосима Семеновича было вынесено, дыханіе Николая Степановича замѣтно стало ровнѣе и свободнѣе; онъ вышелъ изъ своего угла, провелъ себя нѣсколько разъ ладонью по груди, какъ будто хотѣлъ сказать: „Ни-ко-лай Сте-па-нычъ Ока-а-товъ!“ и, кликнувъ Прошку, приказалъ подать воды со льдомъ. Воды было въ волю въ домѣ Бирюкова. Опорожнивъ безъ малаго полграфина, Николай Степановичъ почувствовалъ себя облегченнымъ отъ огромной тяжести и, взявъ подъ руку Кошкина, вышелъ въ залу, гдѣ начинали накрывать на столъ.

— Нѣтъ, скажите, пожалуйста, Николай Степанычъ, каковъ нашъ пріятель-то?.. а? Я все о немъ; право, никакъ не могу... сказалъ Кошкинъ, поправляя очки.

— Дуракъ! лаконически возразилъ Николай Степановичъ, самодовольно запрятывая раздвоенный свой подбородокъ въ густыя складки бѣлаго галстука.

— Нѣтъ, послушайте, этого никакъ, однакожъ, нельзя сказать, примолвилъ Кошкинъ, сморщивая лицо свое. — Балахновъ уменъ, но умъ, знаете... такой... Представьте, что онъ со мной на-дняхъ сдѣлалъ. Лѣтъ восемь назадъ, узналъ онъ, что мнѣ нужны деньги; хоть я и не заикнулся ему объ этомъ, однакожъ онъ самъ вызвался и далъ мнѣ взаймы... такъ, бездѣлицу, тысячи двѣ или три... О долгѣ этомъ онъ не упоминалъ мнѣ нѣсколько лѣтъ, совсѣмъ было забылъ его... какъ вдругъ узнаю, что Балахновъ передалъ мой вексель какому-то забіякѣ Карачаеву, который живетъ у него и который, какъ мнѣ сказывали, хлопочетъ теперь о томъ, чтобъ подать ко взысканію... А? какъ вамъ нравится эта выходка? Конечно, все это дѣлается изъ благороднаго чувства мести...

— Низкій человѣкъ! проговорилъ Окатовъ.

— Ну, вотъ это другое дѣло, противъ этого я слова не скажу. Хотѣлъ бы я знать, зачѣмъ онъ сюда пожаловалъ? Ужъ, вѣрно, не спроста... Вѣрно, онъ не сталъ бы подвергать себя понапрасну встрѣчѣ съ вами... А замѣтили ли вы, какъ онъ смутился, когда увидѣлъ васъ? замѣтили ли вы этотъ взглядъ?..

Николай Степановичъ самодовольно покрутилъ головой.

— А надо сознаться, продолжалъ Кошкинъ, вводя собесѣдника въ гостиную и усаживаясь подлѣ него, — надо сознаться, этой долиной вы рѣшительно-таки уходили его... хи, хи, хи... именно уходили! Съ той поры Ханскіе-Пруды значительно опустѣли; хозяинъ пріунылъ... а всему виною вы, ей Богу вы, Николай Степанычъ! По этому случаю, скажу я вамъ, кто-то постарался даже состряпать маленькій памфлетецъ... Впрочемъ я, кажется, ужъ говорилъ вамъ объ этомъ.

— Нѣтъ.

— Можетъ ли быть?.. О, въ такомъ случаѣ послушайте.

Семенъ Семеновичъ кашлянулъ и проговорилъ пискливымъ голосомъ болонки, которой ущемили хвостъ:

> Сеянъ виной большого зла:
> Простона погубилъ безъ всякія причины.
> Простонъ для всѣхъ держалъ богатый столъ и вины;
> Простона очень жаль, но больше жаль стола!

— Сеянъ—это вы, Николай Степанычъ.

— Какъ, какъ... какъ? безъ причины, столъ... Простона... какъ? ха, ха, ха!.. воскликнулъ Окатовъ, восторженно взъерошивая пучки сѣдыхъ завитковъ на вискахъ своихъ.

Кошкинъ повторилъ памфлетъ, отысканный имъ въ какой-то старинной книгѣ.

— Ха, ха, ха, ха! залился Николай Степановичъ.

— Хи, хи, хи!.. закатился Кошкинъ, прикладывая платокъ къ лицу своему.

Шумъ, раздававшійся въ эту минуту въ залѣ, возвѣстилъ окончаніе похоронъ.

Окатовъ и Кошкинъ поспѣшили выйти навстрѣчу гостямъ. Въ дверяхъ столкнулись они носъ къ носу съ племянникомъ Бирюкова.

— Что? кончено?.. произнесъ Кошкинъ, качая чернымъ своимъ паричкомъ и придавая желтенькому лицу своему плаксивое выраженіе.

— Кончено, сухо сказалъ Мясоитяновъ.

— Вы, кажется, изволили провожать покойника вмѣстѣ съ Балахновымъ? сказалъ Семенъ Семеновичъ вкрадчивымъ голосомъ.

— Какъ! вмѣстѣ съ этимъ... съ этимъ?.. проговорилъ Николай Степановичъ.

— Развѣ вы имѣете сказать что-нибудь противъ него? спросилъ удивленный Мясоитяновъ.

— Эгоистъ! твердо и рѣшительно произнесъ Окатовъ.

— Кляузникъ и... и человѣкъ не совсѣмъ чистый! подхватилъ Кошкинъ.

Мясоитяновъ остолбенѣлъ.

— Невѣжа! сказалъ Окатовъ.

— Опасный человѣкъ! замѣтилъ Кошкинъ.

Мясоитяновъ глядѣлъ съ изумленіемъ то на того, то на другого.

— Самая рѣзкая черта въ этомъ человѣкѣ—лицемѣріе, продолжалъ Кошкинъ.—Онъ женатъ... и жена его сущій ангелъ, женщина въ полномъ смыслѣ достойная уваженія... Что жъ? нужно взглянуть на жизнь этой женщины, чтобъ повѣрить на дѣлѣ, что̀ такое Балахновъ.

— Настоящій лицемѣръ! примолвилъ Окатовъ.

— Опаснѣйшій человѣкъ, и опасный тѣмъ именно, что уменъ и демонски хитеръ, и лукавъ вдобавокъ! Къ тому же и говоритъ красно: обворожитъ, заговоритъ, очаруетъ... а на повѣрку выходитъ: запуталъ васъ въ какое-нибудь кляузное дѣло...

— Когда жъ ко мнѣ? перебилъ неожиданно Окатовъ, закидывая назадъ голову и протягивая руку Мясоитянову.

— Постараюсь... на-дняхъ... отвѣчалъ племянникъ Бирюкова, посылая мысленно къ нечистому и Окатова, и Балахнова, и давая себѣ слово не заглядывать во всю жизнь ни къ тому, ни къ другому.

Полчаса спустя, гости усѣлись за столъ, во главѣ котораго расположились сестры Бирюкова, пріѣхавшія въ Сычовку для того только, чтобъ отдать послѣдній долгъ покойному брату и получить затѣмъ съ живого брата какую-нибудь частичку наслѣдства, въ которой обѣ онѣ очень нуждались.

Гости ѣли вообще очень мало. Обѣдъ былъ такого рода, что могъ, развѣ, придти по вкусу людямъ, питавшимся три мѣсяца кряду одними кореньями. Блюда состояли исключительно изъ баранины и овощей, приправленныхъ въ собственномъ соку. Вина, наливокъ, водицъ, шипучекъ

и прочихъ сладостей не было; всѣхъ ихъ замѣнялъ жиденькій квасъ и вода изъ громового колодца. Все это содѣйствовало къ тому, что гости вскорѣ встали изъ-за стола и еще скорѣе начали разъѣзжаться.

Улучивъ свободную минуту, Аристархъ Ѳедоровичъ (багровыя пятна не сходили съ его величественныхъ ланитъ во все продолженіе обѣда) подошелъ къ сестрамъ Бирюкова.

— Милостивая государыня, Анна Семеновна, и милостивая государыня, Варвара Семеновна, сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ привѣтливо родственнымъ тономъ,—по праву, данному мнѣ дружбой покойнаго моего родителя съ покойнымъ братцемъ вашимъ Изосимомъ Семеновичемъ, я требую, чтобъ вы сдѣлали изъ меня исключеніе противъ остальныхъ, здѣсь присутствующихъ сосѣдей вашихъ. Долгъ повелѣваетъ мнѣ остаться въ вашемъ домѣ, не покидать васъ въ эту, поистинѣ скорбную минуту и излить въ сердце ваше (позвольте въ этомъ надѣяться) лучъ отрады и утѣшенія... Почтенный братецъ вашъ, Кормонолѣй Семенычъ, требуетъ особеннаго попеченія.

— Ахъ, Боже мой, Аристархъ Ѳедорычъ! воскликнули обѣ сестры, — мы только что хотѣли просить васъ объ этомъ... не покидайте насъ!.. Мы не посмѣли бы безпокоить васъ, если бъ племянникъ нашъ Мясоитяновъ оставался при братѣ... Но племянникъ долженъ ѣхать сейчасъ же домой въ Бѣлые-Ключи: завтра утромъ его вводятъ во владѣніе имѣніемъ.

Въ эту самую минуту степенный племянникъ подошелъ къ теткамъ и сталъ съ ними прощаться.

— Итакъ, въ пятницу? сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, радушно протягивая руку и показывая ему рядъ лучшихъ патентованныхъ зубовъ.

— Въ пятницу, отвѣчалъ загадочнымъ тономъ Мясоитяновъ.

Затѣмъ онъ раскланялся и вышелъ въ переднюю.

Было уже около семи часовъ вечера. Гости разъѣхались всѣ до единаго, кромѣ Аристарха Ѳедоровича, который расхаживалъ теперь медленными шагами по залѣ и гостиной. Сестры Бирюкова, утомленныя дневными хлопотами и впечатлѣніями, давно отправились на покой; Кормонолѣй Семеновичъ, по словамъ людей, также предавался отдыху. Домъ былъ погруженъ въ мертвое молчаніе; въ комнатахъ было темно. (Ключи отъ свѣчъ находились у Бирюкова — такъ, по крайней мѣрѣ, объявилъ Сидоръ,

который, при всемъ стараніи своемъ, не могъ отыскать во всемъ домѣ ни одного огарка).

Аристархъ Ѳедоровичъ продолжалъ ходить, потирая время отъ времени высокое чело свое, въ которомъ гомозились блистательные планы и соображенія. Изрѣдка останавливался онъ, чтобъ взглянуть на мѣсяцъ, который, прокравшись изъ-за черныхъ тучъ, озарялъ трепетно-серебристымъ лучомъ бревенчатыя стѣны залы.

Гдѣ-то въ отдаленьи, и Богъ вѣсть въ какомъ отдаленьи, пробило восемь часовъ.

Звукъ этотъ почему-то непріятно отозвался въ душѣ Аристарха Ѳедоровича.

Всякій испыталъ на себѣ то тяжелое состояніе духа, когда, посреди мрака и пустыни, какой-нибудь внѣшній неодушевленный предметъ вызоветъ васъ къ дѣйствительности и напомнитъ вамъ ваше одиночество. Когда смокли послѣдніе звуки и наступила тишина могилы, Аристархъ Ѳедоровичъ вдругъ почувствовалъ это одиночество. Онъ прошелъ взадъ и впередъ по комнатѣ, стараясь овладѣть нитью предшествовавшихъ размышленій; но мысли его никакъ не укладывались въ желанный порядокъ, а, напротивъ, стремились съ какою-то неотразимою силой къ инымъ предметамъ. Тутъ почему-то явилась неожиданно блѣдная, печальная жена, тихо склонившаяся надъ маленькою дѣтскою постелькой... Тамъ промелькнула какая-то фигура съ завитками Окатова, глазами Василькова, носомъ Сараманаевой, ухватками Карачаева... Тамъ пришелъ почему-то въ голову степенный племянникъ Бирюкова... И снова все исчезло, чтобъ уступить мѣсто непрошеннымъ и незванымъ воспоминаніямъ, которыя, одно за другимъ, укладывались тяжелыми плитами въ смущенной душѣ Аристарха Ѳедоровича. Имъ словно овладѣла какая-то неловкость; что-то похожее на упрекъ, на совѣсть, вкрадывалось постепенно въ его мужественное сердце...

— Сидоръ! крикнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

Звукъ его голоса пробѣжалъ, какъ эхо, по пустымъ покоямъ.

Онъ остановился и приложилъ руку къ сердцу.

— Что за ребячество! проговорилъ онъ, наконецъ, обтирая ладонью высокій лобъ, покрытый каплями пота.

Онъ вышелъ въ переднюю, ощупью отыскалъ Сидора, растолкалъ его, отправился въ комнату, назначенную ему

для ночлега, и вскорѣ заснулъ богатырскимъ сномъ. На другое утро Аристархъ Ѳедоровичъ изволилъ пробудиться отъ своего сна несравненно раньше обыкновеннаго. Облачившись въ халатъ и вычистивъ затѣмъ вагенгеймовскіе зубы, Аристархъ Ѳедоровичъ подошелъ къ маленькому обломанному сосновому столику и сѣлъ на соломенный стулъ съ проткнутымъ дномъ.

Накушавшись чаю съ медомъ (Кормонолѣй Семеновичъ и покойный братъ его, Изосимъ Семеновичъ, сахару не употребляли), Аристархъ Ѳедоровичъ одѣлся на скорую руку и прямо пошелъ въ извѣстный уже кабинетъ Кормонолѣя Семеновича.

Онъ засталъ хозяина сидящимъ противъ дощаного стола, заваленнаго всякою дрянью; тутъ были: и оберточная бумага, и пробки, и подковы, и тарелка съ бараньей костью, и блюдечко съ крупною солью, и объѣдки пирога, сложенные въ кучку, и запыленная свинцовая чернильница съ обглоданнымъ перомъ, и ржавые гвозди, и графинъ съ желтовато-мутной водой; тутъ же находилась и толстая тетрадь изъ синей бумаги, съ надписью: „приходъ“, и рядомъ съ нею другая, маленькая тетрадка, съ надписью: „расходъ“. Между этими вещицами, столько же полезными, сколько необходимыми, виднѣлась старомодная шкатулка изъ карельской березы, которая, въ настоящую минуту, составляла, казалось, главный предметъ наблюденій Бирюкова. Шкатулка была раскрыта; на днѣ ея виднѣлись мѣшечки изъ замши и холста, вязаные кошельки и крошечные узелочки; все это представляло довольно привлекательную округленность.

Первое движеніе Кормонолѣя Семеновича, когда заслышалъ онъ шумъ въ дверяхъ, было закрыть шкатулку; но, увидѣвъ Аристарха Ѳедоровича, онъ тотчасъ же отложилъ такое намѣреніе и, покачавъ головою, пропустилъ пальцы правой руки между пальцами лѣвой и промямлилъ сострадательнымъ голосомъ:

— Вотъ, благодѣтель, посмотри, осталось послѣ брата Изосима... О-охъ, кого мы лишились! подхватилъ онъ, неопредѣленно водя глазами по угламъ и стѣнамъ кабинета,—кого мы лишились! друга, брата, благодѣтеля! Изосимъ, на что оставилъ ты мнѣ столько богатства? пожилъ бы лучше! я бы тебѣ все отдалъ, все оставилъ!..

„Толкуй! знаемъ мы, братъ, тебя!“ подумалъ Аристархъ

Ѳедоровичъ, отвѣчая на слова Бирюкова глубокимъ вздохомъ.

— О-охъ! примолвилъ Бирюковъ,—вотъ, благодѣтель, присовокупилъ онъ, вынимая дрожащими руками кошелекъ изъ шкатулки,—вотъ...

Тутъ Бирюковъ бережно высыпалъ деньги въ шкатулку, приложилъ кошелекъ къ губамъ, заплакалъ, застоналъ, положилъ его на столъ подлѣ шкатулки и, прикоснувшись къ пустому кошельку пальцемъ, примолвилъ плаксиво:

— Это душенькѣ моей, сестрицѣ Аннѣ... на память...

Вздохнувъ два-три раза, онъ вынулъ другой кошелекъ, высыпалъ изъ него тѣмъ же порядкомъ деньги въ шкатулку, поцѣловалъ его и, заливаясь слезами, вымолвилъ:

— А этотъ душенькѣ моей, сестрицѣ Варварѣ... на память...

Положивъ кошелекъ на столъ, Бирюковъ поспѣшно закрылъ шкатулку, медленно повернулъ ключъ и, прислушавшись къ звону замка, заморгалъ на Аристарха Ѳедоровича своими сѣрыми глазами.

— Да, почтеннѣйшій и премногоуважаемый Кормонолѣй Семенычъ, сказалъ, наконецъ, Аристархъ Ѳедоровичъ, соскучившись хныканьемъ Бирюкова и сгорая желаніемъ приступить какъ можно скорѣе къ главной, настоящей цѣли своей поѣздки въ Сычовку, — да, конечно, все это очень тяжело и грустно... Но если принять въ соображеніе преклонныя лѣта Изосима Семеныча, недуги и страшныя хлопоты, заботы, безпокойства... Впрочемъ, съ этой стороны, придется васъ теперь пожалѣть, мой почтенный Кормополѣй Семенычъ! Оно, разумѣется, братецъ оставилъ вамъ кое-что; но посудите сами: какія заботы обрушатся теперь на васъ по поводу ввода васъ во владѣніе имѣніемъ Изосима Семеныча! Вы жили до сихъ поръ въ раздѣлѣ; имѣнье покойника переходитъ въ ваши руки; пойдутъ бумаги, списки, записки, переписки, и, наконецъ, эти несчастныя двѣ тяжбы, затѣянныя вашимъ братцемъ съ сосѣдями... Сколько переговоровъ, заботъ, и особенно денегъ!.. Прибыль съ убыткомъ въ одномъ кошелькѣ живутъ, какъ говорится...

Во время этого монолога, Бирюковъ ломалъ свои костлявые пальцы и отчаянно моталъ головой.

— Охъ! произнесъ онъ,—знаю, благодѣтель, все знаю... голова идетъ кругомъ...

— Дѣла Изосима Семеныча были запутаны, продолжалъ съ возраставшей энергіей Аристархъ Ѳедоровичъ,—онъ, какъ вамъ извѣстно, любилъ заводить тяжбы; говоря откровенно, онъ оставилъ вамъ больше расхода, чѣмъ прибыли...

— О-о-охъ, благодѣтель! знаю, все знаю!.. простоналъ Бирюковъ и, наклонившись внезапно къ уху Балахнова, примолвилъ шопотомъ: — Да вотъ, пришелъ Изосимъ ко мнѣ прошлаго года, проситъ деньжонокъ, я ему и далъ... а послѣ оказалось, что прошлый годъ денегъ-то было у него больше моего... Вотъ вѣдь онъ какой!..

— По-моему, сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ,—вамъ бы нуженъ былъ теперь человѣкъ опытный, знающій отлично дѣла, и, сверхъ того, человѣкъ такого рода, на котораго можно было бы положиться вполнѣ... Такой человѣкъ, который принялъ бы на себя обязанность распутать дѣла, переговорить съ земскимъ судомъ—и не изъ видовъ какихъ-нибудь, а единственно изъ участія къ вамъ, мой почтенный Кормонолѣй Семенычъ...

— Благодѣтель ты мой! воскликнулъ Бирюковъ, — ну, что кабы ты-то... Охъ, вѣкъ сталъ бы за тебя молить Бога!.. Утѣшь старика!.. Твой покойный батюшка ѣдалъ вѣдь нашу хлѣбъ-соль...

— Вотъ объ этомъ-то я и хотѣлъ переговорить съ вами. Вы знаете, на меня положиться можно; Нилъ Степанычъ Лукьяновъ... да и вообще всѣ, отъ которыхъ зависитъ нѣкоторымъ образомъ ваше дѣло, всѣ мнѣ съ руки; дѣло закипитъ, слѣдовательно, у насъ живо. Вы знаете, не въ первый разъ приходится мнѣ протягивать руку помощи, и слышали, что всякій разъ дѣйствовалъ я успѣшно...

— Благодѣтель, знаю... охъ, знаю! дѣлецъ ты, дòка! Вотъ вѣдь и Софью-то Алексѣевну ты выпуталъ... Благодѣтель, утѣшь старика!.. говорилъ Бирюковъ, пожимая руки Балахнову.

— Извольте, готовъ... весело сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ.—Только вотъ что, почтеннѣйшій Кормонолѣй Семенычъ: за все это я, съ своей стороны, потребую также маленькую услугу...

Бирюковъ выпустилъ руку собесѣдника и началъ что-то мямлить.

— Услуга, впрочемъ, ничтожная, поспѣшно подхватилъ Аристархъ Ѳедоровичъ. — Видите ли: я возьму на себя всю вашу переписку касательно ввода во владѣніе, при-

веду въ порядокъ ваши бумаги, такъ что вамъ это ничего не будетъ стоить, а вы... вы дайте мнѣ слово пріѣхать черезъ двѣ недѣли на выборы...

— Въ губернскій городъ?

— Да, въ Черноряжскъ, и, сверхъ того, обѣщайте мнѣ вашъ голосъ...

— Благодѣтель! воскликнулъ Бирюковъ, думавшій, что Аристархъ Өедоровичъ станетъ просить у него Богъ-вѣсть чего, — благодѣтель!.. повторилъ онъ, пожимая ему руку.

— Итакъ, рѣшено: вы ѣдете на выборы, даете мнѣ вашъ голосъ, а я, взамѣнъ этого, возьму на себя переписку вашихъ бумагъ и ходатайство по дѣлу о вводѣ во владѣніе...

— Ты говоришь: черезъ двѣ недѣли?

— Черезъ двѣ недѣли.

— Пріѣду, благодѣтель, вотъ какъ Богъ-святъ, пріѣду!..

Въ эту минуту въ кабинетѣ появился старый, сгорбленный лакей съ перекосившимися ногами, калмыцкимъ лицомъ и коротко остриженными бѣлыми волосами.

— Что̀ ты, Лёвушка? спросилъ съ безпокойствомъ Кормонолѣй Семеновичъ.

— Сестрицы просятъ позволенія войти къ вамъ, сказалъ сѣдой Лёвушка.

— Скажи, чтобъ пришли... Да вотъ что, Лёвушка, вели-ка тѣмъ-то негодяямъ-кучерамъ вывести... да, вывести тѣхъ лошадокъ, что̀ я говорилъ... не забудь и хомутики надѣть... Охъ! отъ братца на память имъ, душенькамъ... заключилъ Бирюковъ, обращаясь къ Балахнову.

Минуты двѣ спустя, вошли сестры. Полились слезы, послышались вздохи, и снова все умолкло, благодаря краснорѣчію Аристарха Өедоровича.

— Сестрицы, сказалъ наконецъ Бирюковъ,—пойдемте; мнѣ надо съ вами переговорить кой-о-чемъ. Пойдемъ и ты, благодѣтель, Аристархъ Өедоровичъ.

Бирюковъ, шаркая туфлями по полу и запахивая халатъ, вышелъ изъ кабинета, сопровождаемый сестрами и гостемъ.

Обогнувъ гостиную, залу и переднюю, онъ вывелъ ихъ на крыльцо.

Противъ крыльца стояли двѣ ободранныя, тридцатилѣтнія клячи, украшенныя столѣтними хомутами; два конюха, изъ опасенія, вѣроятно, чтобъ клячи не повалились на-земь, держали ихъ очень усердно подъ-уздцы.

— Вотъ, сказалъ Бирюковъ, указывая сестрамъ на клячъ,—вотъ возьмите... Тутъ онъ поспѣшно закрылъ лицо лѣвою рукою и, отчаянно махая правою, воскликнулъ:

— Не я дарю, нѣтъ! братъ, братъ Изосимъ, покойникъ даритъ вамъ на память!..

Аристархъ Өедоровичъ поспѣшилъ успокоить взволнованныя чувства Кормонолѣя Семеновича и, взявъ его подъ-руки, повелъ въ кабинетъ, куда не замедлили явиться сестры, плакавшія теперь навзрыдъ...

Повторивъ Бирюкову вышеприведенный договоръ и снабдивъ, вдобавокъ, сестеръ его кой-какими душеспасительными истинами, Аристархъ Өедоровичъ пожелалъ имъ всѣмъ счастія и спокойствія, раскланялся и скоро покинулъ Сычовку.

XIII.

Жалкіе комары и мошки стараются затмить лучезарный блескъ величаваго солнца. Веселая игра въ фанты, повергающая одного господина въ глубочайшее отчаяніе.

Въ то время, какъ Аристархъ Өедоровичъ разъѣзжалъ въ своей коляскѣ, мысленно созерцая великую уѣздную драму, въ которой готовился играть роль тріумфатора, и въ то время, какъ умственный взоръ его обнималъ безграничную панораму уѣзда съ его деревнями, селами, большими и проселочными дорогами, въ этомъ самомъ уѣздѣ ходили неблагопріятные слухи о томъ, что дѣла Аристарха Өедоровича разстраиваются, что... Ханскіе-Пруды перезакладываются и приходятъ въ упадокъ, что Аристархъ Өедоровичъ не платитъ своихъ долговъ, что сосѣдъ его, Порфирій Павловичъ Васильковъ, на-дняхъ еще, былъ жертвою несостоятельности Аристарха Өедоровича, и что та же самая несостоятельность отразилась жесточайшимъ образомъ въ поступкѣ великаго мужа съ дѣвицей Розаліей Владиміровной Сараманаевой, и проч., и проч., и проч.

Всѣ эти сплетни—которымъ трудно пріискать названіе на языкѣ человѣческомъ, но которыя, тѣмъ не менѣе, подобно свирѣпому потоку, грозили затопить въ скоромъ времени весь уѣздъ — проистекали, однакожъ, изъ очень чистаго, свѣтлаго и мирнаго источника.

Источникомъ этимъ былъ маленькій, уютный и вполнѣ живописный домикъ барышень Кокуркиныхъ.

Домикъ этотъ составлялъ честь, славу и украшеніе небольшой деревушки Веселыя-Горки, принадлежавшей восьмерымъ владѣтелямъ, изъ которыхъ два, а именно: Кондей Ивановичъ Свищовъ и Проклъ Ивановичъ Полушкинъ, уже знакомы читателю. Благодаря своимъ одиннадцати душамъ, барышни Кокуркины занимали въ Веселыхъ-Горкахъ самое видное, почетное мѣсто и составляли нѣкоторымъ образомъ центръ, вокругъ котораго любили группироваться не только владѣтели Веселыхъ-Горокъ, но даже бо̀льшая часть мелкихъ сосѣдей и сосѣдокъ ближайшихъ деревушекъ. Отличительное свойство трехъ сестеръ заключалось въ томъ, что онѣ никакъ не могли жить безъ гостей. Пріятная, веселая бесѣда была для нихъ такою же точно естественною потребностью, какъ вода для рыбы, воздухъ для человѣка. Земное существованіе Кокуркиныхъ, можно смѣло сказать, ограничивалось исключительно двумя цѣлями: принимать у себя гостей, или самимъ ѣздить въ гости. Нельзя утверждать положительно, чтобъ такая потребность проистекала у Кокуркиныхъ единственно изъ любви, или сочувствія къ ближнему, или человѣчеству вообще. Если говорить правду, ближній самъ по себѣ занималъ даже ничтожное мѣсто въ сердцѣ трехъ барышень; на ближняго смотрѣли вообще какъ-то не совсѣмъ доброжелательно и, при случаѣ, готовы были на него насплетничать, или, какъ говорится въ провинціи, обернуть къ нему слушателя лицомъ въ лѣсъ, а затылкомъ въ поле; но стоило ближнему лишь явиться къ барышнямъ въ качествѣ гостя — онъ дѣлался тотчасъ же въ ихъ глазахъ чѣмъ-то неприкосновеннымъ, ни дать ни взять, какъ у арабовъ Большой Степи. Для гостя ничего не было дорогого въ домѣ Кокуркиныхъ. Его усаживали на лучшее мѣсто, истощали предъ нимъ весь запасъ привѣтливыхъ фразъ и любезностей и уступали ему самыя мягкія перины; все это подтверждается фактами; такъ, напримѣръ, въ домѣ находился всего-на-все одинъ фаянсовый умывальникъ; со всѣмъ тѣмъ драгоцѣнный этотъ предметъ роскоши поступалъ всегда въ полное, исключительное распоряженіе гостя; нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сестры выстегали соединенными силами превосходнѣйшій ситцевый халатъ, предназначавшійся исключительно для тѣхъ особъ мужского пола, которыя случайно заночевы-

вали подъ ихъ кровлею, и т. д. Что жъ касается собственно до угощенья—гостепріимство барышень не знало никакихъ предѣловъ и доходило часто до полнѣйшаго самоотверженія. Барышни слыли во всемъ уѣздѣ первыми мастерицами варить варенья, сберегать плоды на зиму, солить грузди и рыжики, дѣлать водицы, перегонять разныя сладкія, горькія и болѣе или менѣе желудочныя настойки; всего этого наготовляли онѣ великое множество. Кто бы повѣрилъ, однакожъ, что во все продолженіе года хозяйки не прикасались ни къ одному грибку, не съѣдали ни одной ложки варенья? Все сберегалось для гостей; сами Кокуркины пользовались мастерскими издѣліями своихъ рукъ тогда лишь, когда издѣлія эти оказывались неудачными или обнаруживали впослѣдствіи очевидную порчу. Послѣ всего сказаннаго, трудно было бы не остолбенѣть отъ удивленія, если бъ въ маленькомъ домѣ Кокуркиныхъ оказался недостатокъ въ обществѣ.

Въ одинъ осенній, сырой вечеръ, общество барышень было какъ-то особенно многочисленно. Къ этому, впрочемъ, сильнѣйшимъ образомъ способствовала веселая Вѣра Андреевна, та самая, что̀ похожа на откормленнаго дрозда, увеличеннаго въ полторы тысячи разъ; не довольствуясь тѣмъ, что въ домѣ ея находились ужъ гости, она отправилась тотчасъ послѣ обѣда вербовать еще кой-кого изъ ближайшихъ сосѣдей. Цѣль ея была, разумѣется, достигнута: Вѣра Андреевна не замедлила вернуться домой въ сопровожденіи двухъ дамъ: Капитолины Лукиничны Дядиньковой и Лукерьи Ѳоминичны Крепышовой. Нельзя сказать, чтобъ послѣдняя была драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ для общества Кокуркиныхъ и особенно для Вѣры Андреевны, искавшей прежде всего въ гостяхъ своихъ ничѣмъ не сокрушимой веселости. Лукерья Ѳоминична Крепышова была дѣва лѣтъ тридцати-двухъ, мрачнаго и крайне-несообщительнаго свойства; носилась достовѣрная молва, что она дала даже обѣтъ молчанія, и приписывали такую рѣшимость съ ея стороны несчастной любви, приключившейся, будто бы, десять лѣтъ тому назадъ. Лукерья Ѳоминична влюбилась, изволите видѣть, въ одного пріѣзжаго изъ столицы, который, какъ на зло, въ это самое время женился на одной богатой вдовѣ. Вотъ съ этой-то минуты, какъ по крайней мѣрѣ говорили, она замкнула свои уста и сердце. Не слѣдуетъ, однакожъ, никакимъ образомъ не слѣдуетъ удивляться послѣ всего

сказаннаго, что Лукерья Ѳоминична отказывалась съ той поры отъ многихъ выгодныхъ партій и упорствовала оставаться дѣвственницей. И въ самомъ дѣлѣ, странно было бы съ ея стороны и даже неумѣстно выйти за какого-нибудь жалкаго сосѣда — своего брата, тогда какъ она питала ужъ разъ въ душѣ слабую надежду быть столичной барыней. Все это было совершенно справедливо; но было также справедливо и то, что другая дама, приглашенная Вѣрой Андреевной, представляла самый рѣзкій контрастъ съ Лукерьей Ѳоминичной. Капитолина Лукинична Дядинькова была живая, тараторливая вдова лѣтъ сорока, преисполненная юркости. Капитолина Лукинична принадлежала къ разряду дамъ съ весьма обширными познаніями; ей было извѣстно въ совершенствѣ все то, что́ за послѣднія десять лѣтъ совершилось въ Горшковскомъ уѣздѣ; она проникала, казалось, въ сокровеннѣйшіе закоулки сердецъ самыхъ отдаленныхъ жителей губерніи; мельчайшія событія, случившіяся за пятьдесятъ верстъ и болѣе, были ей такъ же хорошо извѣстны, какъ будто произошли передъ ея глазами; она все знала, и многіе помѣщики уѣзда не даромъ называли ее „Горшковскимъ Вѣстникомъ“. Наружность ея была, однакожъ, обманчива — обманчива въ томъ именно смыслѣ, что не заставляла предполагать въ Капитолинѣ Лукиничнѣ съ перваго взгляда ничего особенно геніальнаго. Все почти ограничивалось рыженькими веснушками, бойко вздернутымъ носомъ и рыжими волосами, тщательно гофрированными на вискахъ и подобранными на затылкѣ въ пучокъ, величиною съ грецкій орѣхъ. Но дѣло вовсе не въ наружности.

Капитолинѣ Лукиничнѣ стоило только показаться въ маленькой залѣ Кокуркиныхъ, гдѣ расположилось общество, чтобъ завладѣть нитью разговора; не прошло и пяти минутъ послѣ ея появленія, какъ она успѣла ужъ затронуть за живое почти всѣхъ присутствовавшихъ, сообщивъ имъ кучу новостей, изъ которыхъ весьма многія имѣли самое близкое отношеніе къ слушателямъ.

Надлежитъ теперь сказать два слова о томъ, гдѣ происходила бесѣда и кто такіе были присутствовавшіе.

Бесѣда происходила въ небольшой низенькой комнатѣ о двухъ окнахъ, обставленной кругомъ сосновыми стульями, выкрашенными темною краской; стѣны, выбѣленныя мѣломъ, не представляли рѣшительно никакихъ украше-

пій, если не взять въ расчетъ темныхъ кружковъ, находившихся немного повыше спинокъ стульевъ и отпечатанныхъ напомаженными затылками нѣсколькихъ сотенъ гостей. Это была зала, куда преимущественно собиралось общество, ибо въ гостиной съ большимъ трудомъ умѣщались четыре человѣка.

У перваго окна, недалеко отъ двери передней, сидѣла Варвара Андреевна — старшая Кокуркина; противъ нея находился овальный столъ, заставленный тарелками съ вареньемъ, мочеными яблоками и калеными орѣхами; вокругъ стола располагались слѣдующія замѣчательныя особы: на самомъ почетномъ мѣстѣ, подлѣ Варвары Андреевны, сидѣла Капитолина Лукинична и рядомъ съ нею молчаливая Лукерья Ѳоминична Крепышова; къ нимъ примыкала веселая, цвѣтущая Вѣра Андреевна, первая хороводница, первая затѣйница всѣхъ возможныхъ увеселеній и первая танцовщица своего уѣзда. Насупротивъ, по ту сторону стола, располагался Павелъ Павловичъ Чибезовъ, мужъ хорошенькой дочери Фукола Ивановича, мастеръ сочинять замысловатыя исторіи юмористическаго свойства и писать экспромптомъ стихи и басни. То былъ господинъ лѣтъ тридцати пяти, небольшого роста, съ физіономіей, преисполненной необычайнаго движенія даже и тогда, когда онъ ничего не говорилъ; лицо его было, казалось, исключительно составлено изъ однихъ лишь черныхъ, прыгающихъ, свѣтящихся глазъ и блестящихъ зубовъ; тщедушно хрупкіе члены господина Чибезова и зеленоватая, болѣзненная блѣдность лица его заставляли предполагать, что онъ опорожнилъ въ молодости своей безчисленное множество склянокъ съ декоктомъ и разными другими цѣлебными специями; хриплый, шипящій голосъ его подтверждалъ краснорѣчивѣйшимъ образомъ такое предположеніе; подлѣ Чибезова сидѣлъ Аполлонъ Егоровичъ Дрянковъ, творецъ „Непризнанной Индѣйки", извѣстный ужъ теперь не только читателю, но даже всякому мало-мальски знающему грамотѣ. У второго окна сидѣла стыдливая, застѣнчивая Надежечка Кокуркина и подлѣ нея, на разстояніи четверти аршина, красовался сердобольный Порфирій Павловичъ Васильковъ; огромные глаза, составлявшіе исключительную принадлежность Василькова, страстно впивались въ опущенныя рѣсницы Надеженьки, тридцати-пятилѣтняя грудь которой обозначала неописанное волненіе. Въ маленькой залѣ находилось еще

одно существо, никѣмъ незамѣченное, никому, повидимому, ненужное, но которое мы ни подъ какимъ видомъ не можемъ пропустить отъ вниманія читателя; существо это—Прокисай Захаровичъ Копковъ, бѣдный проживальщикъ Ханскихъ-Прудовъ, обратившій, какъ говорилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, Фіону Ивановну въ „страдательный глаголъ", и самъ, въ свою очередь, обращенный въ тотъ же страдательный глаголъ невозмутимою холодностью младшей Кокуркиной. Прокисай Захаровичъ былъ вовсе не изъ числа тѣхъ людей, которые рвутся напроломъ и бушуютъ, подобно огнедышащей горѣ, какъ скоро страсть закрадывается въ ихъ душу; совсѣмъ нѣтъ! Прокисай Захаровичъ могъ бы страдать молча и безропотно десять, двадцать лѣтъ, если бъ, напримѣръ, сказали ему, что, по прошествіи этого срока, сердце обожаемой имъ особы забьется исключительно для него одного; но присутствіе такого страшнаго соперника, каковъ былъ Порфирій Павловичъ, очевидные успѣхи, какіе дѣлалъ этотъ соперникъ въ сердцѣ Надеженьки, отнявъ у Прокисая Захаровича всякую надежду, сразили его окончательно. Ему оставалось только сидѣть въ почтительномъ разстояніи у двери и дѣлать безотрадныя наблюденія надъ счастливою четою. По мѣрѣ того, какъ пространство между Васильковымъ и Надеженькой сокращалось, лицо Прокисая Захаровича становилось длиннѣе и выражало всѣ признаки глубочайшаго отчаянія; нѣтъ сомнѣнія, что оно обратило бы на себя вниманіе присутствовавшихъ, если бъ взоры ихъ не были обращены въ настоящую минуту на лицо Аполлона Егоровича, которое было почти такъ же мрачно и длинно, какъ лицо Прокисая Захаровича.

— Полноте, Аполлонъ Егорычъ, какъ вамъ не стыдно огорчаться такими пустяками; вы человѣкъ умный; къ тому же, никто, разумѣется, не повѣритъ этому, говорила разсудительно-спокойнымъ тономъ старшая Кокуркина.— Капитолина Лукинична, Лукерья Ѳоминична, сдѣлайте милость, крыжовничку! неожиданно заключила она, поднося двумъ сосѣдкамъ тарелку съ вареньемъ.

— Нѣтъ, знаете, Варвара Андреевна, это... это просто возмутительно! воскликнулъ Дрянковъ, нетерпѣливо проводя рукою по вихрамъ своимъ.

— Ну, вотъ есть чѣмъ возмущаться! живо подхватила средняя сестра, — говорятъ вамъ, никто этому не повѣритъ: слава Богу, неужто вамъ этого не довольно! Полно

вамъ въ самомъ-то дѣлѣ хмуриться; всякій знаетъ, что Бобоховъ лгунъ, хвастунъ... и больше ничего!

— Я готовъ подтвердить это тысячью исторій, тысячью фактовъ! энергически замѣтилъ Чибезовъ, поспѣшно вынимая изо рта чубукъ и окидывая быстрымъ взглядомъ присутствовавшихъ.

— Нѣтъ, какъ хотите, это... это просто возмутительно! повторилъ мрачный Аполлонъ Егоровичъ.

— Послушайте, Аполлонъ Егорычъ, начала, въ свою очередь, рыженькая Капитолина Лукинична, которая, нужно замѣтить, была единственной виновницей отчаянныхъ выходокъ и злобнаго выраженія, отпечатаннаго на лицѣ знаменитаго повѣствователя, — послушайте: я передала вамъ только то̀, что говорила мнѣ вчера жена горшковскаго аптекаря и еще кое-кто изъ общихъ нашихъ знакомыхъ: за вѣрность слуховъ я не ручаюсь; очень можетъ быть, что Бобоховъ и не думалъ даже распространять слухи, будто помогалъ вамъ писать ваше сочиненіе... не правда ли, Лукерья Ѳоминична?

Лукерья Ѳоминична Крепышова была истиннымъ другомъ Капитолины Лукиничны, что и явствуетъ изъ того, что исторія ея любви извѣстна была всему уѣзду; сверхъ того, Капитолина Лукинична жила на хлѣбахъ у Лукерьи Ѳоминичны, и это послѣднее обстоятельство, взятое вмѣстѣ съ упорною молчаливостью истиннаго друга, доказываетъ, почему Капитолина Лукинична обращалась преимущественно къ г-жѣ Крепышовой въ тѣхъ случаяхъ, когда надлежало возбудить къ себѣ довѣріе посторонняго лица.

Приведенная въ крайнюю необходимость удовлетворить отвѣтомъ свою нахлѣбницу, Лукерья Ѳоминична сказала:

— Да... конечно... и снова погрузилась въ молчаніе.

— Извольте видѣть, и Лукерья Ѳоминична то же говоритъ! живо подхватила Капитолина Лукинична, разводя руками передъ Дрянковымъ.

— Помилуйте, Капитолина Лукинична, за кого же вы меня принимаете? за олуха, непонимающаго даже тѣхъ людей, посреди которыхъ привелось ему жить?.. нетерпѣливо воскликнулъ Дрянковъ.—Я слишкомъ хорошо знаю Бобохова, и вѣрю, что онъ въ состояніи сказать, будто помогалъ мнѣ писать повѣсть! О, вы не знаете, отъ него все можно ожидать.

— Я, съ своей стороны, готовъ подтвердить это ты-

сячью исторій и сотнями фактовъ! подтвердилъ еще энергичнѣе Чибезовъ.

— Тсс... что же это такое? господа... Павелъ Павлычъ... оставьте все это; вотъ варенье, вишня, крыжовникъ; Аполлонъ Егорычъ, возьмите моченое яблоко и забудьте все это... Капитолина Лукинична, Капитолина Лукинична, охота было вамъ заводить рѣчь объ этомъ! заговорили въ одинъ голосъ старшія Кокуркины.

— Извольте, чтобъ доставить вамъ удовольствіе, я возьму яблоко, но ужъ извините меня, если я повторю, что Бобоховъ лгунъ, не стоящій вниманія!.. въ этомъ не сомнѣвается и, конечно, не можетъ сомнѣваться ни одинъ порядочный человѣкъ!.. Да вотъ, чего же лучше, подхватилъ Аполлонъ Егоровичъ, поворачиваясь неожиданно ко второму окну, — Порфирій Павлычъ служилъ съ нимъ когда-то и можетъ подтвердить вамъ слова мои...

Порфирій Павловичъ быстро оторвалъ глаза свои отъ рѣсницъ Наденьки, еще быстрѣе откинулся въ сторону и закинулъ правую ногу на лѣвую.

— Виноватъ, сказалъ онъ съ безпечною веселостью,— виноватъ, я не вслушался хорошенько...

— Дѣло идетъ о Бобоховѣ, лгунъ онъ или нѣтъ? нетерпѣливо возразилъ Дрянковъ.

— Да... конечно... если хочешь... но, впрочемъ, надо судить съ точки... я не видался съ нимъ почти съ того времени, какъ полкъ нашъ стоялъ на травяномъ продовольствіи...

Сказавъ это, Порфирій Павловичъ окинулъ разсѣяннымъ взглядомъ присутствовавшихъ и, убѣдившись, что Дрянковъ, а за нимъ и всѣ остальные, сѣли къ нему кто бокомъ, кто спиною, снова припалъ къ туго-напомаженной головѣ Наденьки, при чемъ лицо его приняло мгновенно такое разслабленное, тающее выраженіе, какъ будто превратилось въ воскъ, а голова собесѣдницы—въ ярко-пылающую печку.

— Да, барышни, вы правы, совершенно правы, говорилъ между тѣмъ Аполлонъ Егоровичъ, постепенно воодушевляясь,—дѣйствительно, было бы смѣшно, скажу болѣе: было бы глупо и безразсудно съ моей стороны возмущаться словами какого-нибудь Бобохова—словами, порожденными мелочною завистью, хвастовствомъ и злобою... Бобоховъ! безграмотный Бобоховъ помогалъ мнѣ! Хорошъ сотрудникъ, нечего сказать! Съ такимъ помощникомъ я,

вѣрно, не получилъ бы пяти тысячъ за мою „Непризнанную Индѣйку"!..

— Пять тысячъ! воскликнула съ изумленіемъ Варвара Андреевна.

— Пять тысячъ! подхватила Вѣра Андреевна, всплеснувъ руками.

— Пять тысячъ! повторила Капитолина Лукинична Дядинькова, откидываясь на спинку стула и вперяя удивленные глазки на Аполлона Егоровича, который смѣло встрѣтилъ направленные на него взгляды и значительно раздулъ ноздри.

— Помилуйте, mesdames, что жъ тутъ такого удивительнаго? сказалъ съ необычайною живостью г. Чибезовъ, — я могу привести вамъ, если хотите, тысячу фактовъ, изъ которыхъ вы увидите, что сочинители получаютъ даже больше пяти тысячъ! Былъ у меня одинъ пріятель, который получилъ разъ восемнадцать тысячъ; другой получилъ десять тысячъ, третій... все это, какъ честный человѣкъ, ничего не значитъ! промолвилъ онъ съ видомъ знатока.—Главное дѣло, сударыни, не въ деньгахъ, продолжалъ г. Чибезовъ, приводя въ движеніе тощіе мускулы своего лица, — совсѣмъ не въ деньгахъ! Я знаю навѣрное и даже могу разсказать вамъ сотню исторій, которыя покажутъ, что нѣтъ на свѣтѣ такого сочинителя, который не былъ бы душевно радъ отдать даромъ свое произведеніе. Главная цѣль вдохновеннаго человѣка—слава, извѣстность. Я сужу по себѣ. Если бъ я написалъ какое-нибудь дивное твореніе и мнѣ сказали бы: возьми милліонъ съ тѣмъ, что сожгутъ твое твореніе и разлучатъ тебя со славой, я отказался бы напрямикъ, какъ честный человѣкъ, отказался бы! Я увѣренъ, что Аполлонъ Егорычъ, какъ человѣкъ съ вдохновеніемъ, раздѣляетъ мое мнѣніе! довершилъ Чибезовъ, задыхаясь отъ черезчуръ сильнаго напряженія ввалившейся груди и пересохнувшаго горла.

Во время этого жаркаго монолога, прерываемаго такими быстрыми движеніями глазъ, рукъ и ногъ, какъ будто Чибезовъ защищался отъ цѣлаго легіона непріятелей, Аполлонъ Егоровичъ расправлялъ вихры и неистово раздувалъ ноздри; съ окончаніемъ монолога, Дрянковъ кашлянулъ, гордо обвелъ глазами присутствовавшихъ и, положивъ коренастую ладонь на руку собесѣдника, произнесъ съ чувствомъ:

— Благодарю васъ, Павелъ Павлычъ, вы меня поняли!

Тутъ Аполлонъ Егоровичъ обратился къ дамамъ и, выразивъ на лицѣ своемъ скромную улыбку, принялся распространяться о колоссальномъ успѣхѣ „Непризнанной Индѣйки“, успѣхъ которой, если вѣрить словамъ даровитаго автора, вознаградилъ его вполнѣ за всю горечь, испытанную имъ во время долгаго, тернистаго литературнаго поприща. Аполлонъ Егоровичъ привелъ въ справедливое изумленіе своихъ слушателей разсказами о томъ, какъ общество писателей, не зная, чѣмъ выказать свою признательность творцу „Непризнанной Индѣйки“, поднесло ему собраніе сочиненій всѣхъ членовъ общества, и, въ подтвержденіе сказаннаго, выбѣжалъ изъ зала, порылся минутъ пять въ чемоданчикѣ и возвратился съ брошюрками: „Пелопонезо-Таврическихъ Мелодій“, „Заоблачныхъ Трелей“ и проч., и проч. Затѣмъ Аполлонъ Егоровичъ передалъ вѣрно и подробно о томъ, какъ не было ему рѣшительно никакого прохода въ Петровскомъ паркѣ, какъ поминутно дребезжала въ ушахъ его собственная фамилія, произносимая сотнями голосовъ, какъ многія знатныя дамы, завидя его издали, останавливали свои кареты и восторженно направляли на него лорнеты; какъ редакторы всевозможныхъ газетъ и журналовъ убѣждали его подарить имъ нѣсколько драгоцѣнныхъ строчекъ, предоставляя на его волю выборъ сюжета и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставляя ему назначить за свой трудъ какія угодно условія. Предшествовавшія слова Дрянкова могли возбуждать недовѣріе, но это послѣднее доказательство успѣха его повѣсти мигомъ разсѣяло всѣ сомнѣнія, и съ этой минуты на него стали смотрѣть, какъ на что-то выходящее изъ разряда обыкновенныхъ смертныхъ.

— И послѣ этого вы можете огорчаться тѣмъ, что̀ говоритъ какой-нибудь Бобоховъ! воскликнули въ одинъ голосъ присутствовавшіе, за исключеніемъ несчастнаго Прокисая Захаровича, который сидѣлъ попрежнему у двери и продолжалъ наблюдать съ отчаянно зловѣщимъ видомъ Василькова и Надеженьку.

Внезапно Павелъ Павловичъ Чибезовъ, ходившій быстрыми шагами по залѣ, подбѣжалъ къ столу съ вареньемъ и, размахивая руками, проговорилъ съ необычайнымъ воодушевленіемъ:

— Конечно, Аполлонъ Егорычъ не долженъ огорчаться

словами этого Бобохова; но, во всякомъ случаѣ, какъ честный человѣкъ, слѣдуетъ проучить Бобохова!.. У меня блеснула счастливая мысль!.. Я сейчасъ сочинилъ нѣсколько стиховъ на Бобохова! Мы перепишемъ эти стихи, запечатаемъ ихъ въ пакетъ и пошлемъ въ Голодаевку отъ неизвѣстнаго—превосходно! Итакъ, знаете, случайно, неожиданно блеснула такая мысль... право, даже странно какъ-то...

— Что вы! что вы, Павелъ Павлычъ! какъ, вотъ въ это время?.. въ одну минуту какую-нибудь вы успѣли сочинить?! сказала, всплеснувъ руками, Вѣра Андреевна.

— Да-съ, у меня, знаете, все это вдругъ! возразилъ Чибезовъ, заливаясь самодовольнымъ смѣхомъ, при чемъ глаза его засверкали пуще прежняго,—такъ, знаете, со мной всегда бываетъ: и не думаешь, вдругъ засверкаютъ мысли! Иногда ночью, знаете, спишь, вдругъ мысль! бужу жену: „садись, говорю, пиши подъ диктовку“; закуриваю трубку, хожу по комнатѣ... не успѣваетъ записывать...

— Ахъ, Боже мой! вотъ ужъ подлинно-то талантъ!..

— Ха-ха-ха-ха!.. а... а... залился Чибезовъ, сверкая восторженно глазами.

— Такъ что же вы такое сочинили на Бобохова, Павелъ Павлычъ? скажите намъ, скажите... ахъ, какъ это весело и пріятно! нетерпѣливо проговорила Вѣра Андреевна.

Павелъ Павловичъ не заставилъ себя дожидаться; онъ отпрянулъ шагъ назадъ, кашлянулъ и, устремивъ на присутствовавшихъ быстрые глаза, въ которыхъ сверкали молніи, произнесъ безъ одышки — и съ такою поспѣшностью, что слышались только окончанія словъ—слѣдующіе стихи:

Въ Перми разъ жилъ съ румяною женою
Богатый, удалой купецъ,
Онъ торговалъ желѣзною рудою,
И прижилъ сына наконецъ!..
.

— Ахъ, какъ мило! Какой умъ! И какъ это все скоро! Прекрасно! Прекрасно! воскликнули дамы, когда импровизаторъ запнулся и остановился.

— Когда я расположенъ, клянусь вамъ, это у меня всегда такъ бываетъ! сказалъ Чибезовъ, одолѣваемый хриплымъ кашлемъ.—Итакъ, Аполлонъ Егорычъ, мы спишемъ эти стихи и пошлемъ ихъ къ Бобохову.

— Завтра же. Благодарю васъ...

— О, это будетъ ему горче ревеню! Ручаюсь, ночь не будетъ спать!

— Бѣдный Бобоховъ!

— Ахъ, несчастный!

— Впрочемъ, клянусь честью, онъ этого вполнѣ заслужилъ.

— Сплетникъ и негодяй! подхватилъ Дрянковъ.—Хуже всего то, что сплетни, распускаемыя имъ на мой счетъ, могутъ дойти до Балахнова... Вотъ это-то, признаться, болѣе всего меня и возмущаетъ.

— Отчего жъ такъ?

— Балахновъ чувствовалъ ко мнѣ всегда и постоянно непримиримую ненависть, гордо сказалъ Дрянковъ, — я никогда не льстилъ ему, не поклонялся и всегда говорилъ правду въ глаза. Онъ будетъ очень радъ воспользоваться сплетнями этого Бобохова, чтобъ повредить мнѣ во мнѣніи людей, которые, изъ угожденія ему, никогда не отдавали мнѣ должной справедливости...

— Пускай это случится, я буду очень радъ! вскричалъ Чибезовъ.—У меня, клянусь честью, давно вертится въ головѣ басня на Балахнова... Пускай онъ только попробуетъ оклеветать Аполлона Егорыча, мы пошлемъ ему эту басню!

— О, какой вы злой, Павелъ Павлычъ!.. Съ вами, просто, опасно быть знакомымъ... Вы, чего добраго, и на насъ напишете что-нибудь... произнесли старшія Кокуркины.

— На этотъ счетъ, барышни, вы можете быть спокойны! возразилъ съ горячностью Чибезовъ.—Особы, которыхъ я люблю и уважаю, никогда не будутъ предметомъ моего пера!.. Господинъ Балахновъ совсѣмъ другое... я давно ищу случая запустить шпильку господину Балахнову.

— За что же такъ?..

— У меня найдется на этотъ счетъ тысяча причинъ и исторій!..

— И у меня также! мрачно замѣтилъ Дрянковъ.

— Полноте, полноте, господа! Вы, право, кажется, слишкомъ ужъ нападаете на Аристарха Ѳедорыча! весело воскликнула Вѣра Андреевна. — Аристархъ Ѳедорычъ... конечно, гордъ... но... разумѣется... если хотите... но, во всякомъ случаѣ, онъ прелюбезный человѣкъ и въ его домѣ очень пріятно... онъ очень, очень милый человѣкъ...

— Гм! гм! произнесла Капитолина Лукинична сомнительнымъ тономъ.

Взоры всѣхъ устремились мгновенно на Капитолину Лукиничну, но она сдѣлала видъ, какъ будто ничего не замѣчаетъ, и, глядя въ окно, разглаживала весьма усердно гофрированныя бандо рыженькихъ волосъ своихъ.

— Конечно, Аристархъ Өедорычъ премилый человѣкъ, продолжала неувѣреннымъ голосомъ толстая Вѣра Андреевна,—а, впрочемъ, я не знаю, можетъ-быть, съ нимъ случилось еще что-нибудь, можетъ-быть, это из-вѣ-стно Капитолинѣ Луки-нич-нѣ?..

— Какъ, мнѣ? Отчего же мнѣ именно? сказала Капитолина Лукинична голосомъ невинности. — Я ничего не знаю, право, ничего...

— Полноте, полноте, голубушка, Капитолина Лукинична, этого быть не можетъ, вы все знаете!..

— Ей-Богу же ничего не знаю! съ увѣренностью возразила Капитолина Лукинична. — Я полагаю, что вамъ, Варвара Андреевна, и вамъ, Вѣра Андреевна, извѣстно болѣе моего: вы такъ часто бываете въ Ханскихъ-Прудахъ. Я знаю только тò, что знаютъ всѣ, весь уѣздъ, вся губернія.

— Что же такое? спросили присутствовавшіе, придвигаясь ближе.

— Не знаю, вѣрить ли этому. Говорятъ, будто Аристархъ Өедорычъ, въ бытность свою въ Москвѣ, перезаложилъ Ханскіе-Пруды, и теперь у него ничего не остается, кромѣ неоплатныхъ долговъ...

— Это такъ вѣрно, сударыня, воскликнулъ Дрянковъ,—такъ вѣрно (вы знаете, дѣла Балахнова извѣстны мнѣ, какъ свои пять пальцевъ); не даромъ прожилъ я въ его домѣ почти четыре года! Да-съ, съ минуты на минуту надо ожидать его гибели... Помяните меня, если черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не пуститъ онъ по міру жену и дѣтей...

— Охъ! вздохнули всѣ дамы, не исключая даже безсловесной Крепышовой.

— Человѣкъ безъ чувства и сердца! неистово прокричалъ пылкій Чибезовъ.

— Главное дѣло еще не въ томъ-съ! продолжалъ Дрянковъ съ возраставшимъ жаромъ.—Главное дѣло въ томъ, что онъ предательскимъ образомъ вовлекъ въ свои запутанныя обстоятельства многихъ изъ бывшихъ его друзей...

Да вотъ чего же лучше, вотъ вамъ живая жертва балахновскаго пронырства, спросите его... подхватилъ Дрянковъ, неожиданно поворачиваясь къ Василькову, который быстро оторвалъ глаза отъ рѣсницъ Надеженьки, обдернулъ жилетъ и привсталъ съ мѣста.

— Виноватъ, сказалъ Порфирій Павловичъ, разсѣянно взбивая свои волосяныя пряди,—виноватъ, я не вслушался хорошенько...

— Я хотѣлъ напомнить этимъ дамамъ твою исторію съ Балахновымъ...

— Да, Аристархъ Өедорычъ обошелся со мной вовсе не по-дружески, проговорилъ Порфирій Павловичъ, мысли и чувства котораго были заняты въ это время одною Надеженькой.

— А что вы скажете, напримѣръ, объ исторіи съ Сараманаевой? продолжалъ Дрянковъ съ торжествующимъ видомъ.

— Ахъ, да, ужасная исторія, подхватили дамы.

— Черная исторія! воскликнулъ Чибезовъ, вызывая на лицѣ своемъ цѣлый рядъ неистово-рѣзкихъ выраженій.

— Да, Аристархъ Өедорычъ поступилъ съ Розаліей Владиміровной несовсѣмъ благородно...

— Скажите: низко, отвратительно! снова воскликнулъ нервозный Чибезовъ, размахивая руками съ такою быстротою, какъ будто Аристархъ Өедоровичъ стоялъ передъ нимъ и онъ принялъ твердое намѣреніе разбить его вдребезги.

— Скажите, пожалуйста, что же будетъ теперь дѣлать Лизавета Семеновна?..

— Я вамъ говорю: пойдетъ по-міру...

— Охъ! простонала Варвара Андреевна.

— Бѣдная, несчастная Лизавета Семеновна! сказала Вѣра Андреевна съ такимъ чувствомъ, какъ будто Балахнова была сто разъ ея сестрою.

— Говорятъ, однакожъ, будто... пробормотала несвязно Капитолина Лукинична.

— Что такое?..

— Нѣтъ... такъ... я хотѣла спросить про Карачаева...

— Вы развѣ слышали что-нибудь?..

— Нѣтъ, право, ничего... я хотѣла только спросить: правда ли, что Карачаевъ жилъ въ Ханскихъ - Прудахъ въ то время, какъ Аристархъ Өедорычъ былъ съ вами въ Москвѣ?

— Правда, совершенная правда-съ. Повѣрьте мнѣ: Балахнову совершенно все равно!.. Онъ давно принесъ Лизавету Семеновну въ жертву своему эгоизму. Да вотъ, Варвара Андреевна знаетъ, какова ея жизнь...

— Охъ! простонала вмѣсто отвѣта Варвара Андреевна, возводя глаза къ потолку.

— Что до меня касается, сказала средняя Кокуркина,— я сожалѣю болѣе всего о дѣтяхъ. Скажите, пожалуйста, чѣмъ виноваты невинныя малютки?..

— Бѣдныя дѣти! сказала со вздохомъ Варвара Андреевна.

— Жалкія малютки! подхватила Капитолина Лукинична.

— Достойны всякаго состраданія сироты! произнесъ, въ свою очередь, Дрянковъ.

— Нѣтъ, скажите лучше: несчастныя дѣти! воскликнулъ съ отчаяніемъ Чибезовъ.—Несчастныя дѣти!..

— Именно такъ: несчастныя и вполнѣ несчастныя дѣти! подтвердили въ одинъ голосъ всѣ присутствовавшіе.

XIV,

служащая продолженіемъ предшествующей.

Вмѣстѣ съ этимъ восклицаніемъ, въ которомъ весьма легко могли прозвучать двѣ-три ноты истиннаго соболѣзнованія о судьбѣ дѣтей Балахнова, въ залѣ показалась горничная, извѣстная въ Веселыхъ-Горкахъ подъ названіемъ „Агашеньки“. Горничная эта—дочь мрачнаго Кузьмы, кучера Кокуркиныхъ. Бѣлокуро-рыжеватые волосы Агашеньки были тщательно расчесаны, намаслены и прилизаны; но голова ея, сверкавшая какъ полированное золото, далеко не соотвѣтствовала, однакожъ, затасканному платью изъ скромной полосушки, которое, въ свою очередь, окончательно уже не могло соотвѣтствовать обуви, состоявшей исключительно изъ однихъ толстыхъ, шерстяныхъ чулокъ, прорванныхъ на пяткахъ. Агашенька могла, такимъ образомъ, напоминать въ цѣломъ одну изъ аллегорическихъ статуй древности, у которой голова была золотая, туловище желѣзное, а ноги глиняныя. Агашенька, не мѣшаетъ замѣтить, ходила бо̀льшею частью босикомъ; чулки надѣвались тогда лишь, когда предстояло являться въ залѣ или гостиной, чтобъ, во-первыхъ, соблюсти приличіе, во-вторыхъ, сохранить полъ въ надлежащей чисто-

тѣ—обстоятельство, за которымъ строго наблюдали сами хозяйки.

— Что ты, Агашенька? спросили старшія барышни.

— Кондей Ивановичъ и Софья Кузьминична прислали батрака...

— Ѳектиску?

— Ѳектиску-съ. Приказали кланяться и приказали спросить: будете ли вы нынче дома: оченна желаютъ васъ видѣть...

— Дома! дома! вскрикнула Вѣра Андреевна, припрыгивая на стулѣ при мысли, что къ вечеру маленькая зала окончательно запрудится гостями.—Скажи: оченно рады; приказали, дескать, кланяться и приказали просить къ себѣ!..

Агашенька юркнула въ переднюю.

— Кстати о Свищовыхъ. Скажите на милость, что, какъ они теперь?.. все еще ссорятся съ Полушкиными?.. спросилъ Чибезовъ.

— Какъ прежде было, такъ и теперь: ссорятся безпрестанно; только и слышишь объ этомъ...

— Ха-ха-ха! залился Чибезовъ, приводя въ движеніе черты своего лица.

— Просто ужасти, да и только! проговорила, въ свою очередь, рыженькая Капитолина Лукинична.—Хоть бы, право, людей-то постыдились; хоть бы, наконецъ, постыдились ближайшихъ сосѣдей: домъ Лукеріи Ѳоминичны, какъ вамъ извѣстно, находится между ихъ домами—и что жъ? повѣрите ли, день-деньской слышишь однѣ только перебранки... такое, право, неудовольствіе!.. вотъ хоть бы вчера, напримѣръ...

— А что̀, развѣ вчера опять что-нибудь случилось? спросили Кокуркины.

— Ужъ будто вы ничего не слыхали?..

— Нѣтъ, голубушка, ничего не знаемъ...

— Ужасти, ужасти, что было такое!.. заговорила Капитолина Лукинична.—Началось, съ чего начинаются у нихъ обыкновенно всѣ ссоры: Софья Кузьминична повздорила за что-то съ Матреной Васильевной Полушкиной... кажется, что за куръ Матрены Васильевны, которыя влетѣли въ огородъ Свищовыхъ... Вдругъ, что̀ же мы слышимъ съ Лукерьей Ѳоминичной: прибѣгаетъ къ намъ полушкинская Анисья... знаете, та, что̀ мужъ умеръ на Святой—прибѣгаетъ и говоритъ:—„Матушки-барышни, гово-

ритъ, одолжите ушатъ воды. Кондей Иванычъ поссорились, говоритъ, съ Прокломъ Иванычемъ и не подпускаютъ Прокла Иваныча и людей его брать воду въ прудѣ; а прудъ-то, матушка, говоритъ Анисья, сами знаете, принадлежитъ Свищовымъ. Какъ быть?" Это насъ, признаться сказать, изумило! особливо Лукерью Ѳоминичну. — „Что ты врешь?!" говоримъ мы Анисьѣ. — „Право, матушки-барышни, говоритъ она,—извольте хоть сами поглядѣть." Мы подошли къ окну... и что жъ бы вы думали? видимъ: стоитъ Кондей Иванычъ у берега, машетъ руками и не подпускаетъ къ пруду полушкинскихъ бабъ...

— Ха-ха-ха-а-а!.. снова залился Чибезовъ,—превосходно! какъ честный человѣкъ, превосходно! Позвольте, у меня блеснула по этому случаю счастливая мысль, неожиданно примолвилъ онъ, придавая задумчивое выраженіе своему лицу и принимаясь тереть лобъ,—сейчасъ, сію минуту... отлично!

Тутъ Чибезовъ съ жадностью припалъ губами къ чубуку, затянулся дымомъ и, впиваясь сверкавшими глазами въ присутствовавшихъ, принялся отхватывать скороговоркою:

Вотъ два сосѣда жили,
Знакомство межъ собой водили.
Одинъ изъ нихъ, маститый воропѣгій конь...
Другой......

Но въ ту самую минуту, какъ Павелъ Павловичъ сталъ приходить въ то раздраженное состояніе, какое овладѣваетъ каждымъ импровизаторомъ въ минуты поэтическаго вдохновенія, минуты, весьма близкія къ помѣшательству, слово замерло на устахъ его и онъ долженъ былъ остановиться.

Дѣло въ томъ, что въ это время въ маленькой прихожей послышался ужаснѣйшій шумъ, возвѣстившій прибытіе семейства Свищовыхъ.

Чибезовъ сдѣлалъ полунетерпѣливый, полуугрожающій жестъ, поставилъ трубку на окно и заходилъ изъ угла въ уголъ; гостепріимныя барышни поспѣшно приподнялись съ своихъ мѣстъ; Капитолина Лукинична пригладила волосы; Порфирій Павловичъ откинулъ голову отъ плеча Надеженьки; Прокисай Захаровичъ испустилъ протяжный, безотрадный вздохъ и направилъ глаза на дверь передней. Могучій басъ Кондея Ивановича раздавался между тѣмъ за дверью:

— Здравствуйте, барышни, говорилъ онъ, снимая мѣховые сапоги, которые, при паденіи своемъ на полъ, производили звукъ пудовой гири,—здравствуйте, вотъ и мы къ вамъ!..

— Здравствуйте, барышни, вотъ и мы къ вамъ! послышался вслѣдъ за тѣмъ слабый голосъ госпожи Свищовой.

— Здравствуйте, барышни, вотъ и мы къ вамъ! проговорили еще слабѣе дочери Кондея Ивановича, находившіяся покуда еще въ сѣняхъ.

— Милости просимъ! милости просимъ! закричали Кокуркины съ такимъ же радостнымъ выраженіемъ, какъ матросы Колумба, когда увидѣли берега Америки.

— Вотъ и я налицо! Уфъ, уфъ! запыхался совсѣмъ, уфъ! забасилъ съ одышкою Кондей Ивановичъ, появляясь въ дверяхъ и расшаркиваясь. — Ба, ба, ба! гостей-то у васъ, гостей-то! продолжалъ онъ, растопыривая руки. — Ну, матушка, Вѣра Андреевна, уфъ, уфъ! честь имѣю, матушка, поздравить васъ съ наступающимъ днемъ вашего рожденія!

— Честь имѣю поздравить васъ съ наступающимъ днемъ вашего рожденія! произнесла въ отдаленіи Софья Кузьминична Свищова.

— Честь имѣемъ поздравить васъ съ наступающимъ днемъ вашего рожденія! проговорили еще дальше дочери Кондея Ивановича, снимавшія салопы.

Кокуркины разсыпались въ благодарностяхъ и тутъ же изъявили желаніе видѣть у себя завтра на праздникѣ семейство почтеннаго сосѣда, на что, конечно, получили тотчасъ же согласіе; затѣмъ онѣ пошли навстрѣчу Софьи Кузьминичны и ея дочекъ, между которыми особенно отличалась старшая, полная, какъ огурчикъ, и цвѣтущая, какъ піонъ,—словомъ, та самая, что̀ принимала граціозныя позы передъ Бобоховымъ въ саду Аристарха Ѳедоровича.

Въ мелкомъ провинціальномъ обществѣ поцѣлуи находятся еще до сихъ поръ въ сильнѣйшемъ употребленіи. Дамы, даже такія, которыя за глаза уничтожаютъ другъ друга, рѣшительно не могутъ встрѣтиться безъ того, чтобъ не обмѣняться тремя жаркими поцѣлуями. Какъ только Софья Кузьминична и дѣвицы Свищовы переступили порогъ прихожей, въ залѣ послышался батальный огонь звонкихъ поцѣлуевъ, приправленный густымъ чмоканьемъ, производимымъ толстыми губами Кондея Иваныча на пухлыхъ рукахъ Кокуркиныхъ и остальныхъ дамъ.

— А-а-а-а! здорово, братъ, Порфирій Павлычъ! голосилъ Кондей Ивановичъ, между тѣмъ какъ дамы любезничали и продолжали цѣловаться. — Давненько, братъ, уфъ, уфъ! давненько не видались! Павелъ Павлычъ, здравствуй! Ну, братецъ, уфъ, уфъ, какого, скажу, кобелька я тебѣ припасъ, спасибо скажешь!.. Здорово, Дрянковъ... у-у-у-и... Прокисай здѣсь! Здравствуй, молодецъ! Ну, что, гитару-то, я чай, привезъ съ собою?.. Привезъ! ой-ли?! ну ладно! ай-да молодцы, право-слово молодцы! заключилъ Свищовъ, похлопывая въ ладоши и не замѣчая холодности, съ какою приняты были его безцеремонныя выходки Дрянковымъ и Чибезовымъ.

Въ первыя пять минутъ общество находилось въ самомъ смѣшанномъ, неопредѣленномъ состояніи и, какъ это водится обыкновенно, не знало, гдѣ и какъ расположиться. Чай, поданный Агашенькой и еще какою-то нечесаною дѣвчонкой съ исполинскими шерстяными чулками, замѣнявшими башмаки, усадилъ присутствовавшихъ. Старшая Кокуркина, Свищова и Кондей Ивановичъ отправились въ гостиную. Молодежь, которой въ совокупности было, по крайней мѣрѣ, лѣтъ триста, расположилась въ залѣ. Павелъ Павловичъ Чибезовъ выступилъ тогда на сцену и явился во всемъ своемъ блескѣ; поддерживаемый Дрянковымъ, онъ сыпалъ остроты, бо̀льшую часть которыхъ приводилось ему, неизвѣстно по какимъ причинамъ, нашептывать на-ухо однимъ мужчинамъ, импровизировалъ стихи и басни, и такъ расходился подъ-конецъ, что хриплымъ кашлемъ своимъ и перхотой покрылъ говоръ, шушуканье и смѣхъ остальныхъ собесѣдниковъ и собесѣдницъ.

Впиваясь глазами въ пурпуровыя губки Надеженьки, сложенныя въ видѣ тѣхъ сердецъ, которыя рисуютъ надъ жертвенниками въ альбомахъ; отданный весь, душою и тѣломъ, предмету своего созерцанія, страстный Порфирій Павловичъ не замѣчалъ пытливыхъ глазъ Прокисая Захаровича, не пропускавшихъ ни одного движенія влюбленныхъ; уши Порфирія Павловича, въ которыхъ звенѣли колокола каждый разъ, какъ Надеженька обращала на него глаза свои, были глухи къ отчаяннымъ вздохамъ несчастнаго Копкова. Съ эгоизмомъ, свойственнымъ всѣмъ влюбленнымъ, Порфирій Павловичъ не обратилъ бы вниманія на Прокисая Захаровича даже и въ томъ случаѣ, если бъ зналъ, что Копковъ умретъ завтра же отъ измѣны Надеженьки. Ни воспоминанія о Сусловкѣ и маленькомъ

домикѣ на берегу живописной рѣчки, ни даже извѣстіе, что Антониночка лежитъ въ настоящую минуту въ злѣйшей чахоткѣ, ничто уже не въ силахъ было остановить пылкаго Василькова. Любящія души, разъ обманутыя, не охладѣваютъ, но только переносятъ избытокъ своего огня къ лицу болѣе достойному. На этомъ основаніи, Порфирій Павловичъ и самъ не зналъ, какъ случилось, что онъ безъ памяти влюбился въ младшую Кокуркину. Нетерпѣливый и взыскательный, онъ требовалъ, чтобъ сердце Надеженьки дѣлало такіе же быстрые успѣхи, какъ его собственное. Сорокъ разъ въ день Васильковъ приходилъ въ отчаяніе и сорокъ разъ въ необузданный восторгъ. Въ исторіи новой любви своей, какъ и всегда, впрочемъ, Васильковъ имѣлъ больше причинъ огорчаться, чѣмъ радоваться. На этотъ разъ источникъ всѣхъ его бѣдствій заключался въ природной молчаливости Надеженьки. При существующихъ обстоятельствахъ, Порфирій Павловичъ приписывалъ эту молчаливость необъяснимой холодности. Проговоривъ своей возлюбленной за утреннимъ чаемъ все то, что говорено было наканунѣ, Порфирій Павловичъ начиналъ приставать, чтобъ она, въ свою очередь, сказала ему что-нибудь. „Что же мнѣ вамъ сказать, ей-Богу, не знаю; я вамъ все уже сказала...“ произносила Надеженька, пришепетывая, опуская рѣсницы и дѣлая изъ губъ своихъ сердце. „Какъ, не-уже-ли ни одного слова, не-уже-ли ровно ничего не находите сказать мнѣ?“ шепталъ Порфирій Павловичъ, уныло вращая своими глазами. „Ни одного слова!“ повторилъ онъ окончательно безотраднымъ голосомъ.—„Не-уже-ли вы не чувствуете той потребности... не-уже-ли вы мнѣ такъ-таки ничего не скажете?“ Надеженька опустила рѣсницы и молчала. Тогда Порфирій Павловичъ дѣлалъ отчаянные жесты, быстро вскакивалъ съ мѣста и начиналъ расхаживать по комнатѣ съ такимъ видомъ, какъ будто черезъ часъ предстояло ему разстаться съ жизнью. Въ такихъ переговорахъ проходили у нихъ часто вечера и даже дни.

Въ описываемыя нами сумерки, послѣ двухъ-трехъ словъ любви, на которыя Порфирій Павловичъ не получилъ ожидаемаго отвѣта, влюбленнымъ овладѣла внезапно одна изъ самыхъ мрачныхъ меланхолій. Онъ откинулся на спинку стула, спустилъ руки, свѣсилъ голову и, не замѣчая Вѣры Андреевны, которая входила въ залу со свѣчами, пробормоталъ вполголоса:

— Зачѣмъ ввѣрился я... о! зачѣмъ я ввѣрился этимъ прекраснымъ, но обманчивымъ чертамъ!.. нѣтъ, не стòитъ жить, я не жилецъ здѣшней жизни! не стòитъ жить!.. не стòитъ жить! повторилъ Порфирій Павловичъ, обращаясь неожиданно къ входившей Вѣрѣ Андреевнѣ.

Вѣра Андреевна остановилась, нагнулась къ влюбленной группѣ и, окинувъ ласковымъ взглядомъ сестру и перваго мазуриста, шепнула выразительно:

— Живите! живите! живите!

Порфирій Павловичъ взглянулъ на Надеженьку, Надеженька взглянула на Порфирія Павловича; оба улыбнулись, заговорили, помирились — и съ этой минуты до окончанія вечера ничто уже не могло сравниться съ восторженнымъ настроеніемъ Василькова.

Вѣра Андреевна, между тѣмъ, поднявъ подсвѣчники въ уровень съ головою, торжественно направлялась къ остальнымъ гостямъ, которымъ Чибезовъ импровизировалъ какую-то сатиру на провинціальную жизнь вообще и на ея скуку въ особенности.

— Господа кавалеры, барышни! что это вы разсѣлись по уголкамъ, какъ старички, право, какіе-нибудь! воскликнула Вѣра Андреевна, ставя на столъ подсвѣчники, при чемъ толстыя, румяныя щеки ея задрожали какъ студень.—Нѣтъ, я этого рѣшительно не могу допустить, во-первыхъ, какъ хозяйка здѣшней хижины, а во-вторыхъ... во-вторыхъ... ну, да какъ себѣ тамъ хотите... продолжала она, обращая къ присутствовавшимъ веселое, беззаботное лицо свое.—Сестрица Варвара, Капитолина Лукинична, Софья Кузьминична и Кондей Иванычъ засѣли въ „преферанецъ“, а мы давайте-ка танцовать!

— Вѣра Андреевна, какъ честный человѣкъ, цѣлую ваши ножки! воскликнулъ Чибезовъ, прикладывая ладонь къ губамъ и припрыгивая на одной ногѣ.

— Весело! ахъ, весело! воскликнули барышни Свищовы.

— Ну, и прекрасно, очень рада! Музыка у насъ подъ рукою: Прокисай Захарычъ привезъ съ собою гитару, сказала Вѣра Андреевна. — Прокисай Захарычъ, голубчикъ, поиграйте намъ! примолвила она, подходя къ несчастному проживальщику, который вскочилъ, какъ пружинная кукла.

— Ей-Богу, не могу-съ, Вѣра Андреевна... право, нельзя-съ... застѣнчиво пробормоталъ Копковъ.

— Да отчего же?.. что же такое?..

— Всѣ струны порвались... разстроена-съ совсѣмъ-съ... проговорилъ Копковъ, бросая исподтишка выразительный взглядъ на Надеженьку, которая, къ сожалѣнію, не замѣтила его, потому что слушала внимательно страстное воркованье Василькова.

— Ахъ, Боже мой, какая досада! Но что же мы будемъ дѣлать завтра? неужто мы останемся безъ музыки? съ испугомъ сказала Вѣра Андреевна.—Прокисай Захарычъ, подумайте, голубчикъ, вѣдь завтра день моего рожденья.

— Къ завтрему какъ - нибудь наладимъ, произнесъ Копковъ, подавленный горькимъ сознаніемъ своего ничтожества.

— То-то, то-то, голубчикъ, подумайте объ этомъ и не посадите насъ на мель! подхватила Вѣра Андреевна, успокоившись.—Ну, господа кавалеры и барышни, на нѣтъ и суда нѣтъ; танцовать нельзя. Давайте, по крайней мѣрѣ, играть въ какую-нибудь игру... нельзя же такъ сидѣть цѣлый вечеръ!..

— Вѣра Андреевна, снова цѣлую ваши ножки! воскликнулъ Чибезовъ, закашливаясь отъ черезчуръ сильнаго напряженія голоса.

— Но въ какую же игру мы будемъ играть, въ какую? въ какую? жмурки? гулючки? прятки?.. закричали Свищовы.

— Нѣтъ, барышня, я думаю вотъ въ какую: давайте играть въ „да и нѣтъ“; это нынче въ большой модѣ: всѣ играютъ, и игра-то веселая такая...

Предложеніе было принято съ восторгомъ; всѣ встали съ своихъ мѣстъ, расположили стулья амфитеатромъ и снова усѣлись. Порфирій Павловичъ и Надеженька не заставили себя дожидаться; довольные и счастливые послѣ примиренья, они расположились рядышкомъ; Прокисай Захаровичъ молчаливо усѣлся подлѣ Дрянкова, который продолжалъ думать о гнусныхъ сплетняхъ Бобохова, имѣвшихъ цѣлью подорвать его авторскую славу, и потому не переставалъ быть мрачнымъ.

— И такъ, я начинаю! сказала Вѣра Андреевна, сіявшая отъ удовольствія.—Не забудьте, господа мужчины и барышни, что я жаловать ни за что не буду: за малѣйшую ошибку—фантъ; а тамъ, какъ себѣ хотите!..

Тутъ Вѣра Андреевна весело тряхнула головой, подошла къ старшей Свищовой и сказала:

— Барыня прислала вамъ сто рублей: что хотите, то

купите, бѣлаго и чернаго не покупайте, да и нѣтъ не говорите... что вы купите?..

— Я куплю... шелковое розовое платье... съ фалборами... и бантами... произнесла, кривляясь, Свищова.

— Точно, розовое ли хотите вы купить? спросила серьезнымъ тономъ Вѣра Андреевна.

— Розовое... гнуся и картавя, повторила Свищова.

— Вамъ, можетъ быть, хочется имѣть на эти деньги крепрашелевое съ воланами? допытывалась Вѣра Андреевна.

— Нѣтъ, не хочу крепрашелеваго...

— Фантъ! фантъ! восторженно закричала Вѣра Андреевна.—Вы сказали: нѣтъ; пожалуйте фантъ!..

Свищова дала фантъ, и игра продолжалась.

На стѣнныхъ часахъ въ передней (которые, скажемъ мимоходомъ, имѣли похвальное свойство импровизировать и хрипѣть не хуже самого Чибезова) пробило девять, когда Вѣра Андреевна объявила, что слѣдуетъ прекратить игру и пора приступить къ выниманію фантовъ.

На этомъ основаніи, по общему востребованію, изъ гостиной принесенъ былъ ридикюль Софьи Кузьминичны Свищовой, ридикюль, какъ ужъ извѣстно, невѣроятной вмѣстимости.

— Господа кавалеры и дамы! съ восхищеннымъ выраженіемъ лица воскликнула Вѣра Андреевна, болтая рукою въ ридикюлѣ, гдѣ умѣстились фанты,—чей фантъ вынется, что тому дѣлать?..

— Оракула!

— Стоять въ статую!

— Простоять на однойногѣ!

— Пѣть пѣсню!

— Мѣрить ленты. Я предлагаю мѣрить ленты, меланхолически сказалъ Порфирій Павловичъ, бросая страстный взглядъ Надеженькѣ.

— А я предлагаю вотъ что! воскликнулъ Чибезовъ, дѣлая конвульсивныя движенія бровями и глазами,—я предлагаю, что тотъ, чей фантъ вынется, долженъ будетъ сочинять экпромптомъ какіе-нибудь стихи!..

— Экой добрый какой! сказала Вѣра Андреевна. Хорошо, если фантъ вынется вамъ или Аполлону Егорычу: вамъ это ровно ничего не будетъ стоить, вы сочинители, авторы... а если кому-нибудь другому, мнѣ, напримѣръ, что я буду дѣлать?.. какіе я сочиню стихи?..

— Что жъ дѣлать, Вѣра Андреевна, таковъ приговоръ игры! произнесъ Чибезовъ, пожимая плечами и корча гримасу.

— Я стою на томъ, чтобъ мѣрить ленты! повторилъ Васильковъ таявшимъ голосомъ.

— А я стою за стихи! сказалъ настойчиво Чибезовъ.

— Ну, такъ хорошо же, пусть будетъ по-вашему, произнесла Вѣра Андреевна, опуская руку въ ридикюль.—И такъ, господа, чей фантъ, тому читать стихи! заключила она, торжественно вынимая зубочистку въ бисерномъ чехлѣ.

— Павелъ Павлычъ! Павелъ Павлычъ! вскричали присутствовавшіе, восторженно хлопая въ ладоши.

Но Чибезовъ не слышалъ ужъ послѣднихъ восклицаній; какъ существо, у котораго вдохновеніе всегда наготовѣ, онъ тутъ же почувствовалъ приближеніе какой-то волшебной силы, которая заставила его тотчасъ воздѣть глаза къ потолку; лицо его приняло строгое, задумчивое выраженіе; забросивъ лѣвую руку за спину и приложивъ палецъ правой руки ко лбу, онъ принялся расхаживать быстрыми шагами по залѣ, дѣлая изрѣдка жесты рукою, чтобъ ему не мѣшали... Внезапно, онъ вбѣжалъ въ кружокъ присутствовавшихъ, выставилъ правую ногу впередъ, простеръ руку и, сверкая глазами, произнесъ скороговоркою:

Я не цыганъ, да удалецъ-молодецъ!
За то баринъ, ни крестьянинъ, ни купецъ.
Эхъ-ма! поди прочь, берегись, берегись,
Скинь-ка шапку, скинь-ка шапку,
Да пониже поклонись!..

Импровизація Павла Павловича произвела всѣхъ въ истинный, неподдѣльный восторгъ. Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что въ мелкомъ и провинціальномъ обществѣ сочувствіе къ печатной литературѣ и особенно къ стихамъ ровно ничего не значитъ сравнительно съ сочувствіемъ къ доморощенной, скорописной, словомъ, своей поэзіи. Стишки разныхъ двоюродныхъ братцевъ, вдохновленныхъ франтовъ въ венгеркѣ, возбуждаютъ несравненно болѣе восторга, чѣмъ стихи первоклассныхъ поэтовъ. Въ провинціи каждый кружокъ пользуется преимуществомъ имѣть своего любимаго поэта; такой поэтъ пользуется огромною славой; и хотя въ общемъ мнѣніи онъ не такъ „цвѣтистъ", напримѣръ, какъ Пушкинъ, написавшій „Кавказскаго Плѣнника", и не такъ „боекъ", какъ Лермонтовъ,

сочинившій „Демона“, но ужъ, во всякомъ случаѣ, стихи его веселѣе, забавнѣе и способнѣе возбудить восторгъ, чѣмъ стихи вышеупомянутыхъ поэтовъ, которые описываютъ все какія-то страсти да ужасти.

— Господа! чей фантъ вынется, что тому дѣлать? продолжала Вѣра Андреевна, между тѣмъ какъ Чибезовъ простывалъ отъ волненія и отиралъ потъ на лбу.

— Мѣрить ленты! мѣрить ленты! настаивалъ страстный Васильковъ.

— Ну, что это, право, какіе вы, Порфирій Павлычъ... ишь какой сластунъ, право... А по-моему вотъ что: чей фантъ, тому разыгрывать затворника и выспрашивать у каждаго секреты! прибавила Вѣра Андреевна, радостно подпрыгивая отъ своей выдумки.

Всѣ согласились. Вѣра Андреевна пошарила въ ридикюлѣ и вынула платокъ Надеженьки.

Порфирій Павловичъ неистово захлопалъ въ ладоши, и всѣ послѣдовали его примѣру.

— Ну, Надечка, ангелъ мой, ступай въ переднюю... спрячься, душечка, подъ шубы и салопы, а мы будемъ приходить къ тебѣ поодиночкѣ разсказывать свои секреты! проговорила Вѣра Андреевна, нѣжно глядя на свою любимицу и поправляя ей косынку.

Надеженька сузила свои губы, зардѣлась, застыдилась и пошла въ лакейскую, сопровождаемая новымъ взрывомъ восторженныхъ рукоплесканій.

— Кто первый пойдетъ къ затворнику? вопросъ этотъ, вырвавшійся неожиданно изъ устъ Вѣры Андреевны, возвратилъ мгновенно тишину и спокойствіе. Возникъ ужаснѣйшій споръ о томъ, кому идти первому, кому послѣднему; наконецъ рѣшили бросить жребій. Жребій выпалъ на долю Чибезова, и онъ отправился; за Чибезовымъ пришла очередь Свищовымъ, потомъ Вѣрѣ Андреевнѣ, потомъ молчаливой дѣвицѣ Крепышовой, Дрянкову, Василькову и наконецъ Прокисаю Захаровичу. Какъ только Порфирій Павловичъ юркнулъ въ прихожую, Прокисай Захаровичъ, томимый какимъ-то мрачнымъ предчувствіемъ, подошелъ къ двери и скрылся за ту половинку, которая была отворена въ залу.

— Прокисай Захарычъ... э—э! что это вы?.. Смотрите, вы, кажется, хотите подслушать чужіе секреты! воскликнула Вѣра Андреевна, грозя ему пальцемъ.

— Нѣтъ-съ... жду своей очереди... проговорилъ Копковъ, выставляя изъ-за двери взбудораженное лицо.

— Прокисай Захарычъ, извольте пожаловать къ намъ... вы подсматриваете! закричали Свищовы.

— Нѣтъ-съ... пробормоталъ Копковъ, прикладывая поспѣшно глазъ къ скважинѣ.

Внезапно Прокисай Захаровичъ позеленѣлъ: убійственный звукъ поцѣлуя прозвучалъ въ ушахъ его, и все на минуту помутилось и зашаталось передъ нимъ. Онъ схватилъ себя обѣими руками за голову, потерялъ балансъ, половинка двери откинулась—и Прокисай Захаровичъ кубаремъ покатился на землю.

— Ахъ, Боже мой! воды! воды! Прокисаю Захарычу дурно! Агашенька, Ѳеклушка, воды! прокричали десять голосовъ.

На крикъ сбѣжались Кондей Ивановичъ и остальные гости; изъ дверей дѣвичьей высыпали горничныя; всѣ окружили и начали подымать Копкова.

— Ничего-съ... это такъ, голова закружилась... пробормоталъ съ болѣзненнымъ стономъ Прокисай Захаровичъ.

Кроткій и покорный даже въ эту роковую минуту своей жизни, минуту, которая окончательно рѣшила судьбу его, Копковъ выпилъ нѣсколько стакановъ воды и успокоился. Минутъ пять послѣ того, игра, въ которой принялъ на этотъ разъ участіе самъ Кондей Ивановичъ, продолжалась къ всеобщему удовольствію.

Но ужъ съ этой минуты до окончанія вечера Прокисай Захаровичъ не принималъ ни въ чемъ участія. Передъ глазами его „мѣрили ленты, становились въ статую", стояли на одной ногѣ, онъ не могъ преодолѣть болѣзненныхъ ощущеній своего сердца и оставался ко всему равнодушенъ. Занимательные анекдоты, тысячи смѣшныхъ фактовъ и исторій, которыя струились во время ужина изъ краснорѣчивыхъ устъ вдохновеннаго Чибезова, не въ силахъ были даже вырвать улыбки у Прокисая Захаровича.

Какъ только семейство Свищовыхъ отправилось восвояси, онъ тотчасъ же ушелъ спать въ приготовленную для него у Кокуркиныхъ комнатку. Но сонъ бѣжалъ съ упорствомъ отъ глазъ Прокисая Захаровича. Онъ лежалъ какъ на угольяхъ и чувствовалъ съ замираніемъ сердца, что Наденька погибла для него невозвратно. Вмѣстѣ съ этою мыслью, деревушка Веселыя-Горки и домикъ Кокуркиныхъ окутались передъ нимъ зловѣщимъ туманомъ,

посреди котораго возникала, какъ привидѣніе, грозная фигура Фіоны Ивановны. Прокисай Захаровичъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, опустилъ глаза и поспѣшно скрылся подъ одѣяломъ.

Ворочаясь съ боку на бокъ, терзаясь совѣстью, раскаяніемъ и угрызеніями всякаго рода, Прокисай Захаровичъ рѣшился провести завтрашній день—день рожденія Вѣры Андреевны — въ домѣ Кокуркиныхъ, рѣшился поиграть въ послѣдній разъ на гитарѣ и уѣхать въ Ханскіе-Пруды съ тѣмъ, чтобъ никогда ужъ не возвращаться въ Веселыя-Горки.

— Богъ съ ними!..

Такова была послѣдняя и, можетъ статься, первая опредѣленная мысль, созрѣвшая, когда бы то ни было, въ головѣ несчастнаго проживальщика.

XV.

Путешествія по проселочнымъ дорогамъ сопряжены часто съ большими неудобствами; тѣмъ не менѣе, однакожъ, благодаря этимъ самымъ неудобствамъ, одинъ знаменитый мужъ попадаетъ въ весьма веселое и пріятное общество.

Аристархъ Ѳедоровичъ, если только припомнитъ читатель, выѣхалъ отъ Бирюкова около полудня. Отъ „Сычовки“ Кормонолѣя Семеновича, до „Золотыхъ-Прудовъ“ Старобѣльскаго, куда долженъ былъ теперь направиться нашъ герой, считалось верстъ тридцать. Никто, впрочемъ, не могъ поручиться за вѣрность такихъ показаній. Иные утверждали, что отъ „Сычовки“ до „Золотыхъ-Прудовъ“ тридцать-пять верстъ, другіе — тридцать, третьи — двадцать-пять и т. д. Что жъ касается до дурныхъ или хорошихъ свойствъ дороги и до того, много ли будетъ мостовъ, деревушекъ, поворотовъ и какіе именно повороты слѣдуетъ принять, чтобъ не сбиться съ пути, понятія были еще неопредѣленнѣе. Дѣло извѣстное: ѣхать по проселкамъ безъ проводника или маршрута—то же, что пуститься по морю безъ компаса и магнитной стрѣлки! Слѣдствіемъ всего этого было то, что Аристархъ Ѳедоровичъ, послѣ двухъ-трехъ часовъ ѣзды, окончательно сбился съ дороги. Пожуривъ, какъ водится въ такихъ случаяхъ, кучера и слугу, Аристархъ Ѳедоровичъ рѣшился

лично наблюдать за проселкомъ; на этомъ основаніи, онъ отстегнулъ кожаный фартукъ коляски, высунулъ на воздухъ голову и приказалъ направиться къ виднѣвшейся неподалеку деревушкѣ.

Деревушка была, въ полномъ смыслѣ слова, жалкая деревушка; она состояла изъ шести-семи лачужекъ, расположенныхъ въ рядъ, по глинистому, грязному косогору. Сѣрыя бревна, мокрые ворохи соломы съ сидѣвшими коегдѣ галками, тусклый цвѣтъ осенняго неба и самый грунтъ почвы, бурый, слизистый, изрытый копытами коровъ и клячей, придавали картинѣ какой-то плаксивый и вовсе не привлекательный видъ. Подъ косогоромъ, шагахъ въ десяти отъ ближайшей избушки, изгибался оврагъ съ крутыми берегами, обросшими кустарникомъ, между корнями котораго журчалъ мутный потокъ.

Достигнувъ мостика, который, какъ казалось, служилъ единственнымъ сообщеніемъ между этой деревушкой и остальнымъ крещенымъ міромъ, Аристархъ Өедоровичъ приказалъ остановиться. Сдѣлавъ затѣмъ два-три замѣчанія, касательно двухъ-трехъ дыръ, обращавшихъ мостъ въ рѣшето, онъ направилъ глаза свои на окна избушекъ.

Наблюденія великаго человѣка не замедлили увѣнчаться успѣхомъ.

Онъ вскорѣ различилъ въ одномъ изъ волоковыхъ оконъ голову бабы, которая какъ будто спала, но со всѣмъ тѣмъ пристально разсматривала проѣзжавшихъ.

— Эй, баба! баба! закричалъ Аристархъ Өедоровичъ, размахивая рукою, вооруженною фуляромъ.

Та, къ которой обращалось воззваніе, тряхнула головой, минуты двѣ молча глядѣла на проѣзжавшихъ и, въ заключеніе, повернула лицо въ совершенно противоположную сторону; все это сдѣлала она съ такимъ видомъ, какъ будто дѣло касалось вовсе не до нея, а исключительно до ея сосѣдки.

— Эй, баба! баба! баба! повторилъ еще громче Аристархъ Өедоровичъ.

Баба снова тряхнула головой, снова устремила глаза на проѣзжавшихъ и вдругъ, выразивъ на лицѣ своемъ всѣ признаки крайняго замѣшательства, быстро спрятала голову и еще быстрѣе захлопнула окно.

— Эка дурища! право, дурища! сказалъ Аристархъ Өедоровичъ, мгновенно опуская руку, которая поднялась-было для того, чтобъ производить пояснительные жесты,—

ну, чего она испугалась, чего?.. чего? дура, право, дура!.. Эй, баба! баба! баба! заговорилъ вдругъ съ необычайною поспѣшностью Балахновъ, обращаясь къ другому окну, изъ котораго медленно показывалась другая голова.

На этотъ разъ глазамъ его предстало желтое, сморщенное старушечье лицо.

— Эй, тетка, послушай! повторилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, высовываясь изъ коляски.

— Чего надыть? отозвалась старуха.

— Далече ли отсюда до „Золотыхъ-Прудовъ“?

— Асинька?

— До „Золотыхъ-Прудовъ“ далече ли?

— Далече, касатикъ.

— А сколько?

— Да кто ее знаетъ!

— Фу, никакого толку не добьешься! произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, съ досадою потирая переносицу.— Эй, тетка, подхватилъ онъ, обратившись снова къ старухѣ, — нѣтъ ли у васъ здѣсь какого-нибудь мужика? кликни-ка его сюда; авось онъ знаетъ дорогу.

— Нѣтъ, родимый, окромя малыхъ ребятъ никого нѣтути; съ обозомъ поѣхали...

— Не знаешь ли ты, по крайней мѣрѣ, какъ проѣхать въ „Золотые-Пруды“?

— Въ „Золоты-те-Пруды-то“?

— Да, да, да... въ „Золотые-Пруды“...

Тутъ старуха словно оживилась. Она высунулась по самую грудь изъ окошка и, размахивая правою рукою, принялась пояснять дорогу. По словамъ ея, Аристарху Ѳедоровичу слѣдовало ѣхать по тому самому проселку, по которому онъ ѣхалъ прежде; не слѣдовало только, никакъ не слѣдовало, пропускать старой березы на правой рукѣ и поворота; вотъ этотъ-то поворотъ и долженствовалъ привести путешественника прямо-прямехонько въ „Золотые-Пруды“.

Воодушевляемая воспоминаніями, которыя, при этомъ удобномъ случаѣ, зашевелились въ головѣ ея, старуха исчислила даже мельчайшія примѣты проселка.

— Вотъ только верстъ-то сколько, не припомню, касатикъ, продолжала словоохотливая тетка,—не то двадцать, не то болѣе; мужики сказываютъ: двадцать, да кто ихъ знаетъ! самой-то, родимый, не приводилось ѣздить! заключила она спокойно-разсудительнымъ тономъ, который со-

отвѣтствовалъ какъ нельзя болѣе почтенной сѣдинѣ ея и зрѣлымъ лѣтамъ.

„Ну, да что тутъ, не въ верстахъ дѣло“, подумалъ Балахновъ, закутываясь въ шубу, „лишь бы знать дорогу, а тамъ, рано ли, поздно ли, авось доберемся какъ-нибудь до Старобѣльскаго...“

— Пошелъ! заключилъ онъ громко, — да смотрѣть, не зѣвать у меня и не пропускать березы и поворота!

Сказавъ это, Балахновъ погрузился самымъ комфортабельнымъ образомъ на дно коляски и, минуту спустя, покатилъ по проселку.

Мыслительныя силы Аристарха Өедоровича, какъ ужъ извѣстно, находились всегда въ напряженномъ состояніи; не было минуты во все продолженіе сознательной жизни нашего героя, когда бы силы эти утрачивали свою упругость и оставались безъ возвышенныхъ занятій. Мысли Аристарха Өедоровича, направленныя сначала на Старобѣльскаго, но сбитыя потомъ на серединѣ дороги вопросами о неудобствахъ путешествія по проселкамъ, нимало не испугались двойной работы. Аристархъ Өедоровичъ думалъ о Старобѣльскомъ и въ то же время размышлялъ съ большимъ успѣхомъ о проселкахъ. Переходя постепенно отъ одного предмета къ другому, Балахновъ соединилъ наконецъ оба эти предмета въ одно цѣлое и ужъ съ этой минуты сталъ разрѣшать вопросы о проселочныхъ дорогахъ не иначе, какъ ставъ въ положеніе Старобѣльскаго.

По его мнѣнію, Старобѣльскому, какъ богачу и притомъ человѣку бездѣтному и безсемейному, ничего не стоило разровнять дороги отъ главныхъ пунктовъ уѣзда (въ томъ числѣ и Ханскихъ-Прудовъ, разумѣется) до своей вотчины; ничего не стоило ему приказать поправить на свой счетъ мостишки, завалить фашинникомъ дыры и придѣлать, для окончательной безопасности проѣзжающихъ, перила на этихъ мостахъ. „Въ этомъ случаѣ“, думалъ Аристархъ Өедоровичъ, „конечно, никто изъ насъ не былъ бы на него въ претензіи; всякій, напротивъ того, принесъ бы ему свою искреннѣйшую признательность! Хоть бы я, напримѣръ: да пожелай онъ только перестроить у меня въ Ханскихъ-Прудахъ всѣ мосты или выровнять дороги! Строй, строй, сколько хочешь строй, хочешь, изъ чугуна или мрамора, что жъ такое, очень радъ! Вотъ и все тутъ!“ Далѣе, по соображеніямъ горшковскаго дипло-

мата, что стоило, напримѣръ, богатому Старобѣльскому поставить на всѣхъ перекресткахъ уѣзда маленькія пирамиды или обелиски, или, пожалуй, если не то и другое, такъ хоть столбы съ обозначеніемъ верстъ и направленія, какое слѣдуетъ принять для достиженія въ „Золотые-Пруды“?—„Эхъ! „Золотые-Пруды“, „Золотые-Пруды“— эхъ! эхъ! думалъ Аристархъ Өедоровичъ, саркастически улыбаясь и выразительно потряхивая головою,—хороши вы, „Золотые-Пруды“, великолѣпны, что говорить! да ты-то, братъ, Старобѣльскій... эхъ! хе-хе... возишься ты, братъ, съ однѣми лошадьми, да съ конюхами; ну, кому ты нуженъ? Какая польза въ твоемъ богатствѣ? какая польза твоимъ соотечественникамъ? Эхъ, дали бы мнѣ твои „Золотые-Пруды“, дали бы мнѣ твои средства, не то было бы, любезнѣйшій: я показалъ бы всѣмъ вамъ, какъ надо жить! Всѣ сосѣди тѣснились бы въ моихъ живописью украшенныхъ палатахъ! продолжалъ онъ,— весь уѣздъ сбѣгался бы на мои пиршества, которымъ подобныхъ не нашли бы въ записяхъ давнопротекшихъ временъ!..“

На этомъ самомъ мѣстѣ мысли Аристарха Өедоровича были прерваны толчкомъ коляски, которая неожиданно остановилась.

— Что тамъ еще? спросилъ онъ тономъ человѣка, котораго пробуждаютъ въ минуту сладкаго сновидѣнія.

— Пріѣхали, сударь, къ березѣ, отвѣчалъ смущеннымъ голосомъ Сидоръ, почтительно приподымаясь одною рукою на козлахъ, тогда какъ другая рука его приподымала шляпу, обшитую галуномъ.

— Ну, такъ что жъ такое, что пріѣхали? Вѣдь тебѣ сказала старуха, что тутъ будетъ поворотъ. Сворачивай и пошелъ!

— Поворота-то тутъ, сударь, три и всѣ три дороги идутъ вправо: по которой ѣхать, я и самъ не знаю! добавилъ Сидоръ, обращаясь съ сокрушеннымъ видомъ къ старой березѣ.

— Какъ? вскричалъ Аристархъ Өедоровичъ, покрываясь краской негодованія и ударяя съ такою силою по кожаному фартуку, что принужденъ былъ тотчасъ же приложить кулакъ къ собственнымъ губамъ своимъ.

— Ну, что жъ мы теперь будемъ дѣлать? не стоять же на мѣстѣ! сказалъ Балахновъ, овладѣвая собою,—надо же на что-нибудь рѣшиться; надо куда-нибудь ѣхать, хоть

до ближайшей деревушки. А что, не видать тамъ какой-нибудь деревни?

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчалъ Сидоръ, поворачиваясь во всѣ стороны съ быстротою флюгера, который не успѣлъ еще заржавѣть.

Сидоръ говорилъ сущую правду: нигдѣ не было замѣтно признака деревушки; совершеннѣйшій пустырь распространялся какъ по правую сторону коляски, такъ равно и по лѣвую; спереди и сзади тянулись такія же точно темныя, гладкія поля, которыя, подобно морю, убѣгали въ необозримую даль и терялись за горизонтомъ. Весь этотъ земляной океанъ оживлялся одною лишь старою березой, которая стояла пригорюнясь на перекресткѣ и сбрасывала послѣдніе листья свои, уносимые тотчасъ же вѣтромъ.

Наши путешественники, очевидно, находились въ положеніи пальчика-мальчика и его братцевъ, затерянныхъ посреди глухого, непроходимаго лѣса. Такія сокрушительныя и отчаянныя положенія постигаютъ, впрочемъ, слишкомъ часто отважнаго смертнаго, покушающагося пуститься по лабиринту проселочныхъ дорогъ; каждому почти приводилось испытывать то же, что испытывалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, и потому-то считаю лишнимъ долго распространяться объ этомъ слишкомъ обыкновенномъ предметѣ.

— Вотъ, сударь, сказалъ, наконецъ, Сидоръ, когда коляска уже готова была тронуться съ мѣста и покатиться на произволъ судьбы,—вотъ, сударь, кто-то идетъ; никакъ мужикъ; спросить бы у него...

— А, ну, слава Богу! произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ не безъ внутренняго удовольствія, — кричите ему, чтобъ шелъ скорѣе! заключилъ онъ, бросаясь нетерпѣливо въ глубину коляски.

Сидоръ и кучеръ принялись попеременно надсаживать горло; минутъ десять продолжалась эта перекличка, и столько рвенія приложено было со стороны обоихъ слугъ, что Аристархъ Ѳедоровичъ, выведенный, наконецъ, изъ всякаго терпѣнія, приказалъ имъ замолчать.

Мужикъ приближался, между тѣмъ, ровнымъ, валкимъ шагомъ и, повидимому, не торопился.

То былъ малый лѣтъ тридцати, приземистаго и крайне несообщительнаго вида, съ крошечными сѣрыми глазками,

глядѣвшими исподлобья; на плечѣ его покоилась палка, а на концѣ палки болтались лапти.

Вскорѣ онъ поровнялся съ коляской.

— Скажи-ка, любезный, какой поворотъ взять, чтобъ пріѣхать въ Золотые-Пруды? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, выглядывая изъ-подъ кузова.

— Да сами-то вы отколѣ? спросилъ парень, встряхивая лаптишками.

— Отколѣ бы ни были, это все равно; скажи только, куда намъ проѣхать въ Золотые-Пруды?

— А далече отселева эвти „пруды-те“? спросилъ парень.

— Такъ, стало, ты не знаешь? произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Не знаю! равнодушно отвѣчалъ парень.

— Фу! вскричалъ Балахновъ, сжимая кулаки, но тотчасъ же овладѣлъ собою и подхватилъ спокойнѣе: — не знаешь ли, по крайней мѣрѣ, куда проѣхать до ближайшей деревни?

— Какъ не знать! По которой дорогѣ ни поѣзжай, вездѣ будутъ деревни.

— А до которой будетъ ближе?

— Пожалуй, что и всѣ не больно далече, отвѣчалъ парень, поправляя шапку.

— Пошелъ направо! крикнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ, снова бросаясь на дно коляски и укутываясь съ головою въ шубу, чтобъ скрыть слѣды негодованія, которые отпечатывались теперь самыми яркими красками на величественномъ лицѣ его.

Часъ спустя послѣ этой сцены, глазамъ Сидора и кучера предстало большое село; еще полчаса — и коляска очутилась на широкой улицѣ, расположенной, по всѣмъ признакамъ, на топкомъ болотѣ, потому что, какъ только коляска поровнялась съ первой избушкой, колеса ушли по самую ступицу. Къ счастью еще, навстрѣчу попалась толпа мужиковъ, возвращавшихся съ молотьбы, что доказывалось длинными цѣпами, торчавшими, какъ ружья, на плечѣ каждаго мужика.

Не медля ни минуты, Аристархъ Ѳедоровичъ приступилъ къ разспросамъ. Забабуринскіе мужики (село называлось Забабурино) оказались столько же услужливыми, сколько встрѣченный парень былъ несообщителенъ и двѣ первыя бабы безтолковы. Они тотчасъ же окружили ко-

ляску и принялись объяснять дорогу съ такимъ единодушіемъ, что Аристарху Ѳедоровичу представилось въ первую минуту, будто онъ присутствуетъ на мірской сходкѣ. Забабуринскіе мужики говорили всѣ вмѣстѣ, кричали, размахивали руками, перебивали другъ друга, такъ что не было рѣшительно никакой возможности выпутать одного яснаго и дѣльнаго показанія.

— Эхъ, братецъ ты мой! ласково говорилъ одинъ, обращаясь къ кучеру, — вамъ и не зачѣмъ было сворачивать направо, ѣхали бы прямо...

— Э! прямо! прямо! восклицалъ другой, — а куда бы они прямо-то пріѣхали? ну, куда? куда?..

— Въ Семяникино...

— То-то въ Семяникино! а на что ихъ благородію ѣхать въ Семяникино? я чай, на Глиновскую-Слободку...

— Дядя Андрей, а дядя Андрей, дай я-те скажу: на Сосновку ближе, право, ну, ближе. Изъ Сосновки въ Голопятово, изъ Голопятова въ Дроздовку, а изъ Дроздовки пойдетъ прямая дорога въ Золотые-Пруды—рази не знашь?..

— И то на Глиновскую-Слободку ближе!..

— Эй, кучеръ, братъ! послушай, что я тебѣ скажу: поѣзжай назадъ; какъ пріѣдешь къ той березѣ-то, направо не сворачивай, смотри не сворачивай, а пропусти еще поворотъ, да тамъ прямо и ступай съ Богомъ!

— Да кто васъ посылалъ-то туда? Кто дорогу-то указывалъ?

— Баба! въ одинъ голосъ и съ одинаковымъ нетерпѣніемъ отвѣчали кучеръ и Сидоръ.

Въ толпѣ раздался хохотъ.

— Эхъ, кого послушали!

— Баба! ну, вѣстимо, что мудренаго!

— Двадцать верстъ сказывали! эхва! да и въ сорокъ не вопрешь!

— Мѣрила, знать, баба клюкой, да махнула рукой!

Послышался новый взрывъ хохота.

Нѣтъ сомнѣнья, что Аристархъ Ѳедоровичъ не сталъ бы такъ долго слушать болтовню мужиковъ и не замедлилъ бы положить конецъ всей этой болтовнѣ, если бъ мысли его не перешли внезапно на другой предметъ. Разсудивъ, не безъ основанія, что начинало уже смеркаться, и что, слѣдовательно, придется пріѣхать къ Старобѣльскому поздно ночью, онъ рѣшился пожертвовать еще однимъ днемъ и отложить поѣздку до слѣдующаго утра.

Хотя часть губерніи, по которой разъѣзжалъ теперь нашъ герой, была ему не хорошо извѣстна,—Аристархъ Ѳедоровичъ, если припомнитъ читатель, распространялъ ужъ кругъ своихъ честолюбивыхъ дѣйствій за предѣлы Горшковскаго уѣзда, топографія котораго была ему такъ же хорошо знакома, какъ его пять пальцевъ,—онъ расчелъ, однакожъ, что отъ Забабурина до Горшкова было не очень далеко. Забабурино лежало почти на самой границѣ Горшковскаго уѣзда. Балахновъ принялъ намѣреніе поѣхать немедленно въ Горшковъ, переночевать на извѣстномъ уже постояломъ дворѣ, взять надежнаго проводника и завтра же утромъ, часамъ къ двѣнадцати, прибыть въ Золотые-Пруды. На этомъ основаніи Аристархъ Ѳедоровичъ приказалъ выѣхать на большую дорогу; минутъ десять спустя, онъ благополучно миновалъ улицу, благодаря услужливымъ забабуринцамъ.

Успокоенный на этотъ разъ прямизною дороги, Аристархъ Ѳедоровичъ свернулся на подушкахъ коляски, приподнялъ мѣховой воротникъ, опустилъ кожаный фартукъ, уложилъ ноги, крякнулъ нѣсколько разъ и погрузился въ то полусонливое, полусладкое состояніе, какое овладѣваетъ каждымъ путешественникомъ, когда колеса вязнутъ въ грязи, словно въ пуховикѣ, землю окутываютъ сумерки, а на небѣ висятъ сизыя тучи, которыя, того и смотри, обратятся въ мелкій, холодный дождикъ... Дождикъ дѣйствительно не замедлилъ пойти. Сначала онъ какъ будто жалѣлъ своихъ капель, но потомъ зарядилъ дружною дробью и полилъ, какъ изъ ведра. Къ полнѣйшему отчаянію Сидора, вѣтеръ, сдѣлавшійся къ ночи еще сильнѣе, началъ посылать, время отъ времени, цѣлые снопы воды на его голову. Онъ принялъ наконецъ твердое намѣреніе защитить хоть сколько-нибудь свою одежду отъ такой напасти; предстояло одно, впрочемъ, средство, да и то весьма слабое: надлежало повернуться спиною къ дождю, вѣтру и кучеру, подобрать подъ себя ноги, скорчиться и съежиться до крайне возможной степени. Такъ и сдѣлалъ Сидоръ. Кучеръ, съ своей стороны, находившійся съ камердинеромъ не совсѣмъ въ миролюбивыхъ отношеніяхъ, продолжалъ между тѣмъ помахивать кнутомъ и посвистывать. Изрѣдка лишь поглядывалъ онъ на Сидора, насмѣшливо потряхивалъ головой, и выбравъ удобную минуту, пригибался всѣмъ корпусомъ къ лошадямъ, чтобъ дать дождю полную возможность погулять по спинѣ

своего недоброжелателя. Потомъ онъ снова принималъ перпендикулярное положеніе и снова принимался покрикивать и посвистывать. Такого рода продѣлки повторялись, впрочемъ, до той лишь поры, пока сумерки позволяли еще различать предметы; но когда ночь окутала небо и землю, когда не стало видно не только лошадей, но и спины Сидора, кучеръ махнулъ еще разъ кнутомъ и, положившись вполнѣ на разсудительность коренника и правой пристяжной, немедленно погрузился въ сладкій сонъ.

Съ этой минуты дорожная коляска Аристарха Ѳедоровича поѣхала медленнѣе и ужъ окончательно исчезла во мракѣ ночи.

Не могу опредѣлить съ точностью, сколько разъ разсудительный коренникъ и подруга его, разсудительная пристяжная, останавливались и сколько сдѣлали они верстъ съ той минуты, какъ заснулъ возница; знаю только, что, по прошествіи довольно длиннаго срока, кучеръ и Сидоръ были внезапно пробуждены страшнымъ крикомъ, раздавшимся передъ самой мордой коренника, который фыркалъ и упирался передними ногами.

— Стой! стой! неистово кричалъ какой-то хриплый голосъ.

— Ишь куда лѣзете! закричали еще громче Сидоръ и балахновскій кучеръ, принимаясь дергать вожжами, суетиться, какъ-будто весь этотъ случай произошелъ единственно отъ оплошности сидѣвшаго противъ нихъ кучера.

— Сворачивай съ дороги, ну, ну, ну!.. басилъ, между тѣмъ, незнакомый кучеръ.

— Долой съ дороги! Прочь! надрывался хриплый голосъ.

Минуты двѣ обѣ коренныя стояли плотно упершись лбами. Никто не хотѣлъ уступить другъ другу колеи; обстоятельство это показывало, впрочемъ, опытность обоихъ кучеровъ: выѣхать изъ колеи, значило засѣсть навѣрняка въ такую грязь, изъ которой не вытащить экипажа десяткомъ лошадей.

— Что тамъ такое? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, протирая глаза и поспѣшно высовываясь изъ-подъ фартука.

— Кто ѣдетъ? крикнулъ еще неистовѣе хриплый голосъ.

— Помѣщикъ Балахновъ, отозвался Сидоръ.

— Ба-лах-новъ! повторилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, густымъ, но сдержаннымъ басомъ.

Но не успѣлъ онъ произнести этого слова, какъ въ противоположномъ экипажѣ раздался такой истерически-

восторженный хохотъ, отъ котораго вздрогнули разомъ люди и лошади; вслѣдъ за тѣмъ кто-то прыгнулъ на землю и поспѣшно зашлепалъ по грязи. Секунду спустя, незнакомецъ подбѣжалъ къ коляскѣ, смѣлою рукою отстегнулъ фартукъ и, просунувъ голову внутрь экипажа, залился новымъ восторженнымъ хохотомъ.

— Карачаевъ? сказалъ удивленный Аристархъ Өедоровичъ.

— Я, душа моя, Aristarque! я! я!.. Ну, братъ, самъ Богъ тебя послалъ! воскликнулъ Карачаевъ.—Я въ восхищеніи, что мы встрѣтились. Спасибо, дружище! Спасибо, ребята, молодцы, удружили! подхватилъ онъ, обращаясь неожиданно къ Сидору и кучеру.

Тутъ Павелъ Петровичъ поспѣшно спряталъ руки подъ мокрую шинель, пошарилъ въ карманахъ и, вынувъ наобумъ двѣ мелкія монеты, протянулъ ихъ балахновскимъ людямъ, прибавивъ: „спасибо, ребята, спасибо, удружили!“

— За что же, Павелъ Петровичъ, помилуйте, сударь, за что же?.. бормотали люди.

— Бери, когда даютъ! бери! ну! нетерпѣливо крикнулъ Карачаевъ.—Ну, братъ, душа Aristarque, какъ радъ, какъ радъ, что тебя встрѣтилъ! подхватилъ онъ, снова просовывая голову въ коляску, при чемъ поля его войлочной шапки пустили цѣлую струю воды на колѣна Аристарха Өедоровича. — Повѣришь ли, écoute: вѣдь вотъ второй день мечусь какъ угорѣлый по всему уѣзду и тебя отыскиваю!..

— Какъ! Что такое? Развѣ дома случилось что-нибудь? перебилъ Балахновъ.

— Нѣтъ, душа моя, нѣтъ, нѣтъ, успокойся, ничего не случилось! съ живостью сказалъ Карачаевъ. — Лизавета Семеновна, дѣтки—всѣ, слава Богу, здоровы, все обстоитъ благополучно; я вѣдь, братъ, ты знаешь, маху не дамъ, за всѣмъ самъ присматривалъ, все хорошо, слава Богу!..

— Что жъ тебя понудило меня отыскивать съ такимъ рвеніемъ? спросилъ Балахновъ.

— Нѣтъ, ты, душа моя, скажи мнѣ прежде, куда ты теперь намѣренъ ѣхать?

— Въ Горшковъ...

— Ну, нѣтъ, братъ, атанде-съ, дудки! этому не бывать! Мы сейчасъ же отсюда ѣдемъ къ Кокуркинымъ! Сегодня день рожденія Вѣры Андреевны; я вѣдь, братъ, затѣмъ тебя и отыскивалъ!

— Коли затѣмъ только, такъ я скажу тебѣ, что напрасно безпокоился.

— Че-е-во?

— Напрасно безпокоился, повторилъ Балахновъ.

— Какъ, напрасно безпокоился? это отчего? спросилъ недовольнымъ голосомъ Карачаевъ.

— Оттого, что я къ Кокуринымъ не поѣду!

— Нѣтъ, поѣдешь! я тебѣ говорю, что поѣдешь! воскликнулъ Карачаевъ, мгновенно разгорячаясь и принимаясь дѣлать неистовые жесты,—поѣдешь, я тебѣ говорю, или, иначе, это будетъ съ твоей стороны свинство! слышишь ли! Какъ! онѣ прислали тебѣ приглашеніе, оказываютъ тебѣ всякія учтивости, а ты не поѣдешь! Четвертаго дня, какъ только ты уѣхалъ, онѣ прислали нарочнаго въ Ханскіе-Пруды съ приглашеніемъ! заключилъ Карачаевъ, переходя внезапно къ убѣдительному тону.

— Какъ бы то ни было, любезный, сказалъ небрежно-насмѣшливымъ тономъ Аристархъ Ѳедоровичъ, — а я не поѣду; не поѣду, во-первыхъ, потому, что не вижу надобности, во-вторыхъ, погода скверная да и поздно, въ-третьихъ, чувствую себя вовсе нерасположеннымъ...

— Че-е-во? А ты думаешь я расположенъ? Ты думаешь, мнѣ весело на душѣ, а? Ты думаешь, мнѣ пріятно было слоняться двои сутки, да мокнуть на дождѣ? а? а? Но я дѣлалъ это, имѣя въ виду отыскать тебя и повезти къ Кокуркинымъ, которымъ ты не отдавалъ визита болѣе года,—вотъ она штука-то въ чемъ! Этого требуетъ учтивость, деликатность, да! Ты думаешь, что ты и Богъ знаетъ что̀ за птица! остальные всѣ дрянь, меркатель какая-нибудь! Къ тебѣ всѣ станутъ ѣздить, потѣшать твое самолюбіе, а ты будешь лежать себѣ сложа руки, какъ этотъ... какъ бишь его?.. богдыханъ, или султанъ у этого Пушкина, который лежитъ себѣ на софѣ, кругомъ всѣ раболѣпствуютъ, тѣснятся... а у него въ зубахъ янтарь шипитъ... Вотъ она штука-то въ чемъ... Нѣтъ, братъ, нѣтъ, этого, братъ... да...

Весь этотъ монологъ Аристархъ Ѳедоровичъ выслушалъ очень разсѣянно. Въ головѣ его внезапно сверкнула мысль, что у Кокуркиныхъ, по случаю рожденія толстой Вѣры Андреевны, могло съѣхаться изрядное количество мелкихъ сосѣдей; что авось-либо удастся ему пріобрѣсть въ общей сложности еще одинъ лишній голосъ и что, слѣдовательно не поѣхать ли ему лучше на вечеръ къ „барышнямъ“,

чѣмъ провести безплодную ночь на постояломъ дворѣ уѣзднаго города?

— Полно пустяки-то молоть, произнесъ онъ, обратясь вдругъ къ Карачаеву,—скажи-ка лучше, на сколько мы отъ Горшкова и сколько верстъ, слѣдовательно, до Веселыхъ-Горокъ?

— Помилуй, братецъ, отъ Горшкова верстъ десять, а до Веселыхъ-Горокъ всего три версты, я думаю и того не будетъ! воскликнулъ съ живостью Карачаевъ,—повернемъ назадъ, полверсты всего, а тамъ, по проселку, двѣ съ половиной... какое! двухъ верстъ не будетъ! заключилъ онъ, снова орошая, помощью своей шляпы, ноги Балахнова.

— Ну, Богъ съ тобой, быть по-твоему: поѣдемъ къ Кокуркинымъ! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, снисходительно улыбаясь.

— Ну, да, душа моя, разумѣется, такъ. Спасибо, я, братъ, признаться, никогда не сомнѣвался въ твоемъ благородствѣ! восторженно закричалъ Карачаевъ, простирая руки, чтобъ обнять своего пріятеля, и поливая его въ то же время какъ изъ лейки.

— Я надѣюсь, однакожъ, любезнѣйшій, ты поѣдешь въ своемъ экипажѣ? произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ,— въ противномъ случаѣ, чего добраго, здѣсь произойдетъ наводненіе...

— Фу! извини, душа моя, я и забылъ совсѣмъ, что съ меня льетъ какъ изъ жолоба! Конечно, я поѣду въ своей телѣжкѣ!.. Ну, да что объ этомъ; коли дѣло, такъ дѣло: ѣдемъ, Аристархъ Ѳедоровичъ, ѣдемъ! Ты, братъ, очень обрадуешь барышень!.. Завернись покрѣпче, смотри, дьявольски холодно!.. Я поѣду впереди; мой Васютка укажетъ дорогу... Ну, ребята, сворачивай—и за мной! да смотрѣть въ оба и не отставать!

Тутъ Карачаевъ закрылъ кожаный фартукъ, взялъ подъ-уздцы коренную Балахнова, поворотилъ коляску, при чемъ раза два чуть не грохнулся въ лужу, потомъ сѣлъ въ свою телѣжку, закричалъ: „съ Богомъ!“ и поѣхалъ впередъ.

Съ того мѣста, гдѣ произошла встрѣча, было дѣйствительно не болѣе трехъ или четырехъ верстъ до Веселыхъ-Горокъ. Наши путешественники не замедлили въѣхать въ околицу и, минутъ пять спустя, увидѣли передъ собою маленькій домикъ Кокуркиныхъ, въ которомъ всѣ окна свѣтились самымъ радостнымъ, привѣтливымъ блескомъ.

Коляска бултыхнулась послѣдній разъ въ лужу и остановилась у крыльца.

Когда Аристархъ Өедоровичъ и Карачаевъ вошли въ переднюю, глазамъ ихъ предстала слѣдующая картина: направо возвышалась до самаго потолка гора изъ шубъ, салоповъ, мѣховыхъ сапогъ и старенькихъ, поистасканныхъ шерстяныхъ платковъ, которыми въ мелкомъ провинціальномъ кругу окутываютъ голову барышни и дамы, отправляющіяся на балъ; прямо, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ располагалась дверь въ комнаты, возвышалась другая гора, но только состоящая вся изъ спинъ, затылковъ, ногъ кучеровъ, лакеевъ и остальныхъ членовъ дворни, головы которыхъ просунуты были въ залу, откуда излетало бряцанье гитары.

— Позволь поблагодарить тебя еще разъ, душа моя, что ты пріѣхалъ! неожиданно сказалъ Карачаевъ, съ чувствомъ пожимая руку своего друга и торопливо принимаясь обчищать свое платье.

Аристархъ Өедоровичъ улыбнулся, приподнялъ брови и отдалъ себя въ полное распоряженіе Сидора. Шепнувъ затѣмъ камердинеру, чтобъ не распрягали лошадей, но только засыпали бы имъ корма, Балахновъ принялъ ту величаво-вельможную осанку, которая такъ отличала его всегда въ обществѣ мелкихъ сосѣдей, протискался, благодаря заботливому усердію Карачаева, сквозь гору спинъ, и, выпучивъ грудь, улыбаясь и кивая направо и налѣво, вошелъ въ залу.

Трудно представить себѣ эффектъ, произведенный его появленіемъ. Мнѣ кажется даже, если не ошибаюсь, одинъ видъ его мигомъ разсѣялъ въ сердцахъ всѣхъ присутствовавшихъ даже самыя подозрѣнія относительно тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ еще наканунѣ обвиняли его съ такимъ рвеніемъ. Единодушный, неподдѣльный восторгъ изобразился на всѣхъ почти лицахъ. Звуки гитары тотчасъ же умолкли. Барышни прокричали въ одинъ голосъ: „ахъ!" и бросились къ Балахнову навстрѣчу; Порфирій Павловичъ Васильковъ, стоявшій подлѣ двери съ Надеженькой, удостоился первый подойти къ Аристарху Өедоровичу и протянулъ ему руку съ такимъ видомъ, какъ будто былъ одолженъ имъ неоплатными суммами и въ вѣкъ не могъ съ нимъ расквитаться; Кокуркины надрывались въ произнесеніи именитому гостю благодарственнаго монолога; вдохновенный Чибезовъ, которому Балахновъ пожалъ съ

особенною любезностью руку, восторженно сверкалъ глазами, между тѣмъ какъ Свищовъ и Полушкинъ, стоявшіе по сторонамъ великаго человѣка и покуда еще незамѣчаемые имъ, отвѣшивали поклоны. Одинъ Аполлонъ Егоровичъ (въ этомъ слѣдуетъ отдать ему справедливость) не обнаружилъ увлеченья; онъ коротко и сухо шаркаетъ сапогомъ и, мрачно насупивъ брови, отходитъ тотчасъ же въ сторону. Но Аристархъ Өедоровичъ не замѣчаетъ Дрянкова; онъ наклоняетъ голову, говоритъ „благодарю!“, снисходительно пожимаетъ руки и добродушно улыбается. Хозяйки дома настаиваютъ на томъ, чтобъ именитый гость расположился въ гостиной.—„Помилуйте, Аристархъ Өедорычъ“, говорятъ онѣ въ одинъ голосъ,—„тамъ вамъ будетъ покойнѣе... Какъ же это можно, чтобъ вы сидѣли на этомъ стулѣ? этого мы никакъ не дозволимъ, во-первыхъ, какъ хозяйки, а во-вторыхъ... во-вторыхъ, въ гостиной мягкій диванъ и вамъ будетъ несравненно покойнѣе!..“ Но Аристархъ Өедоровичъ говоритъ, съ свойственною ему скромностью, что онъ рѣшительно не видитъ, почему онъ лучше другихъ, находящихся здѣсь добрыхъ и честныхъ людей, и напрямикъ отказывается отъ гостиной. Тогда барышни обставляютъ гостя непроходимою стѣною тарелокъ съ вареньемъ и разными съѣстными издѣліями своихъ рукъ. Новыя лица обступаютъ и окружаютъ Аристарха Өедоровича. Аристархъ Өедоровичъ наклоняетъ голову, говоритъ „благодарю!“, снисходительно пожимаетъ руки и добродушно улыбается, не забывая въ то же время дѣлать свои наблюденія касательно тѣхъ лицъ, которыя, въ общей сложности, могутъ составить на выборахъ одинъ лишній голосъ. Взоръ его случайно падаетъ на Чибезова — и онъ вторично протягиваетъ ему руку. Такое лестное отличіе производитъ на нервознаго Чибезова необыкновенно сильное впечатлѣніе. Пріемъ великаго человѣка пробуждаетъ въ Чибезовѣ сознаніе собственнаго достоинства; въ эту минуту пылкій Чибезовъ готовъ привести тысячу фактовъ и исторій, изъ которыхъ видно, какъ дважды-два—четыре, что Аристархъ Өедоровичъ величайшій и благороднѣйшій мужъ своего уѣзда; ядовитая сатира, приготовленная наканунѣ Чибезовымъ на этого самаго мужа, забыта, забыта совершенно; въ эту минуту Чибезовъ готовъ сочинить въ пользу Аристарха Өедоровича панегирикъ и заклеймить сатирой ближайшихъ своихъ знакомыхъ. Онъ располагается подлѣ Ба-

лахнова и принимаетъ видъ человѣка съ возвышенными понятіями.

Аристархъ Өедоровичъ бросаетъ на окружающихъ благосклонную улыбку, обличающую внутреннее сознаніе превосходства и силы; затѣмъ онъ обнаруживаетъ надежду, что не будетъ служить помѣхою для всеобщаго веселья, и проситъ продолжать танцы.

Прокисай Захаровичъ беретъ два-три аккорда на гитарѣ—и пары устанавливаются.

Карачаевъ выступаетъ впереди всѣхъ, почтительно ведя за руку старшую изъ барышень. Варвара Андреевна ни подъ какимъ видомъ не соглашалась танцовать; она увѣряла Карачаева, что ужъ двадцать лѣтъ не танцуетъ; но Павелъ Петровичъ, проникнутый непреклонною мыслью, что учтивость требуетъ непремѣнно пригласить прежде другихъ старшую хозяйку дома, настоялъ на своемъ; онъ даже разсердился не на шутку, когда Варвара Андреевна замѣтила, что онъ приглашаетъ ее, вѣроятно, для смѣха. Движенія Павла Петровича преисполнены необычайной важности, спокойствія, и, по всей справедливости, удивляютъ присутствующихъ, непривыкшихъ встрѣчать его въ такомъ степенномъ видѣ. Еще вначалѣ, при первомъ появленіи своемъ, онъ успѣлъ изумить всѣхъ, отказавшись наотрѣзъ налить рому въ свой чай и ограничившись ложкою морса. Въ первую минуту рука его дѣйствительно протянулась было къ графину, но пальцы его, какъ будто удерживаемые какою-то мыслью, отъ которой покраснѣли даже его лобъ и щеки, долго не рѣшались обхватить горлышко графина, и, наконецъ, съ какою-то отчаянною рѣшимостью, схватили бутылку съ морсомъ. Поступки эти и солидный видъ Карачаева изумили даже Аристарха Өедоровича.

Прокисай Захаровичъ исторгаетъ изъ своей гитары плачевно-меланхолическіе звуки, возвѣщающіе начало кадрили.

— Чаще! чаще! вы слишкомъ тихо играете, Прокисай Захарычъ. Скорѣе! что это вы! такъ танцовать нельзя; чаще, говорятъ вамъ! восклицаютъ танцующіе, внезапно останавливаясь послѣ первыхъ двухъ прыжковъ и устремляя глаза на проживальщика.

Прокисай Захаровичъ смущается, обливается пòтомъ и, въ припадкѣ замѣшательства, принимается осматривать свою гитару. Онъ хотя и рѣшился, твердо рѣшился от-

казаться отъ Надеженьки и завтра же утромъ покинуть Веселыя-Горки, но, со всѣмъ тѣмъ, никакъ не можетъ равнодушно взирать на счастливаго соперника; игра его находится въ совершенной зависимости отъ степени любезности Надеженьки съ Васильковымъ. Игра его замираетъ и слабѣетъ каждый разъ, какъ Надеженька улыбается, и наоборотъ, частитъ онъ немилосердно, когда лицо Порфирія Павловича проявляетъ тоску и взоры соперника уныло обращаются къ потолку.

— Ну, что жъ ты, братецъ, тебя ждутъ! говоритъ Карачаевъ, выразительно подымая брови и становясь на первую позицію.

Во все продолженіе кадрили Карачаевъ представляетъ изъ себя образчикъ самаго предупредительнаго, учтиваго и деликатнаго кавалера; ноги его забрызганы кое-гдѣ грязью, но со всѣмъ тѣмъ не измѣняютъ первой позиціи; онъ тщательно обходитъ дамъ, безпрестанно останавливается, раскланивается, поворачиваетъ во всѣ стороны свою лысину, извиняется, кричитъ: „pardoné!" Мало того: онъ считаетъ своимъ долгомъ извиняться и кричать „pardoné" каждый разъ, какъ кто-нибудь изъ кавалеровъ дѣлаетъ маленькую оплошность. Лицо Павла Петровича, важное и спокойное, обнаруживаетъ неудовольствіе тогда лишь, когда встрѣчается съ лицомъ Василькова; Карачаевъ начинаетъ слѣдить за каждымъ движеніемъ Порфирія Павловича.

Но Порфирій Павловичъ ничего не видитъ; упоенный счастьемъ, онъ впивается страстными глазами въ рѣсницы Надеженьки, наклоняетъ голову къ ея уху и шепчетъ ей сладостнымъ голосомъ:

— О, какъ бы я хотѣлъ быть мухой, чтобъ порхать вокругъ этихъ роскошныхъ плечъ...

Губы Надеженьки принимаютъ мгновенно видъ сердца и щеки ея, и безъ того уже красныя, наливаются чистѣйшимъ пурпуромъ; она подымаетъ, наконецъ, голову, суживаетъ глазки и, лукаво грозя пальцемъ, шепчетъ своему кавалеру:

„Кто чаще всѣхъ твердитъ: люблю!
Тотъ меньше всѣхъ любить умѣетъ!"

Глаза Карачаева устремляются еще пристальнѣе на Василькова.

— Прокисай Захарычъ, вы, просто, спите, голубчикъ! Чаще! чаще! чаще! говорятъ вамъ! восклицаетъ веселая

Вѣра Андреевна, подпрыгивая отъ нетерпѣнія на одномъ мѣстѣ.

Кадриль кончилась.

Глаза Карачаева все-таки продолжаютъ слѣдить за эволюціями Василькова. Улучивъ минуту, когда танцоры окружали Аристарха Ѳедоровича, Карачаевъ подошелъ къ Василькову, взялъ его за руку, отвелъ въ гостиную и вдругъ неожиданно прижалъ его въ уголъ.

— Чѣмъ бы здѣсь бѣсноваться, ты бы лучше съѣздилъ къ женѣ! сказалъ онъ, грозно насупивая брови. — Она больна и лежитъ въ постели... Ты думаешь, я не знаю твоихъ шашенъ... а?

— Да... что жъ ты замѣчаешь?.. Я... я... пробормоталъ Васильковъ.

— Колпакъ и больше ничего! произнесъ Карачаевъ.

Тутъ онъ презрительно толкнулъ Василькова и вышелъ въ залу.

Съ этой минуты, восторженное настроеніе Порфирія Павловича смѣнилось глубочайшей меланхоліей; на замѣчанія, которыми осадили его по поводу такой перемѣны, онъ опускалъ только голову и говорилъ уныло вопросительнымъ тономъ:

— Когда я умру, кто придетъ на мою могилу?!..

— Полноте, полноте, Порфирій Павлычъ, что это за вздоръ за такой! восклицала веселая Вѣра Андреевна, — Христосъ съ вами! Во-первыхъ, если бъ и случилось такое несчастіе, мы не только посѣтили бы вашу могилу, но усыпали бы ее цвѣтами и выплакали надъ нею всѣ свои слезы... Но все это пустяки! Прошу васъ быть веселымъ и не забывать, что сегодня день моего рожденія!.. Въ ожиданіи вашей могилы, надѣюсь, вы не откажете мнѣ танцовать со мною мазурку... Видите, я сама васъ приглашаю!

Радостныя привѣтствія и особенно мазурка оживили Порфирія Павловича, но не надолго; послѣ первыхъ двухъ скачковъ, которые привели въ справедливое восхищеніе всѣхъ поклонниковъ перваго мазуриста Горшковскаго уѣзда, глаза Василькова случайно встрѣтили грозный взглядъ Карачаева, и уже съ этого времени онъ впалъ въ такую меланхолію, противъ которой не подѣйствовали даже плѣнительныя улыбки младшей Кокуркиной.

Наблюдая всѣ эти сцены и подсмѣиваясь надъ ними въ глубинѣ необъятной души своей, Аристархъ Ѳедоро-

вичъ не пропустилъ, однакожъ, случая употребить съ пользою сосѣдство Чибезова; онъ успѣлъ освѣдомиться о числѣ душъ Чибезова, успѣлъ замѣтить ему, что число его душъ, въ совокупности съ душами Свищова и Полушкина, составляетъ довольно круглое число, имѣющее полное право на одинъ голосъ; успѣлъ обѣщать этотъ голосъ растроганному Чибезову и, конечно, не преминулъ пригласить его въ пятницу на обѣдъ, сказавъ ему при этомъ, что если онъ не привезетъ съ собою жены, то пусть лучше и не является. Затѣмъ, великій дипломатъ дождался окончанія мазурки, приподнялся съ своего мѣста и началъ раскланиваться.

Обстоятельство это привело въ истинное отчаяніе радушныхъ хозяекъ дома.

— Какъ, Аристархъ Өедорычъ! Нѣтъ, нѣтъ, мы этого никакъ не допустимъ! День такой сегодня, что вы должны остаться! Сегодня Вѣрочкинъ праздникъ! Нѣтъ, нѣтъ, этого никакъ нельзя! говорили барышни, обступая именитаго гостя, между тѣмъ какъ Карачаевъ, стоявшій позади всѣхъ, моргалъ глазами и кивалъ ему головою, съ видомъ укора.

— Къ сожалѣнію, не могу принять радушнаго приглашенія вашего, говорилъ Аристархъ Өедоровичъ.—Благодарю, благодарю отъ чистаго сердца! Я долженъ ѣхать въ Горшковъ; вы знаете, въ пятницу, черезъ три дня, у меня обѣдъ, на которомъ надѣюсь васъ видѣть; между прочимъ, я долженъ еще сдѣлать два визита — это необходимо!

— Успѣете еще, успѣете! воскликнули въ одинъ голосъ барышни и за ними всѣ присутствовавшіе.—Ну, хорошо, мы васъ отпустимъ, вы поѣдете, но только не иначе, какъ послѣ послѣдняго вечерняго дѣйствія! Ужъ какъ хотите, а мы безъ ужина васъ не отпустимъ!

— Благодарю, благодарю отъ чистаго сердца, но...

— Нѣтъ, нѣтъ, вы останетесь; мы всѣ просимъ васъ объ этомъ... Господа, барышни... Что же это такое? Аристархъ Өедорычъ не хочетъ дождаться послѣдняго вечерняго дѣйствія!.. Кондей Иванычъ! Проклъ Иванычъ! Софья Кузьминична! Павелъ Петровичъ... уговорите Аристарха Өедорыча.

Но Павелъ Петровичъ стоялъ уже подлѣ Балахнова и, дергая его за рукавъ, шепталъ ему въ ухо:

— Вѣдь это, братецъ, позволь тебѣ сказать, просто не-

вѣжество! Ну, чего ты ломаешься?.. Обидѣть ты хочешь ихъ, что ли? Ты думаешь, что если это меркантель, такъ ты можешь себѣ... Это, просто, братецъ, извини, невѣжество съ твоей стороны!..

Тонъ, съ которымъ прошептаны были эти слова, доказывалъ ясно, что еще одна секунда сопротивленія—и Павелъ Петровичъ разразится громомъ на всю залу.

Аристархъ Ѳедоровичъ улыбнулся, шутливо потрепалъ Карачаева по плечу и, одобрительно кивнувъ головой, объявилъ, что готовъ раздѣлить трапезу, столь радушно предложенную.

Столы не замедлили явиться и общество сѣло ужинать.

Послѣднее вечернее дѣйствіе не ознаменовалось ничѣмъ особенно замѣчательнымъ. Пробки съ шипучкой и водицами поминутно хлопали въ потолокъ, провозглашались тосты въ честь новорожденной, при чемъ новорожденная дѣлала каждый разъ книксенъ, а старшая сестра ея проливала нѣсколько слезъ; Кондей Ивановичъ пробовалъ всѣхъ напитковъ и опустошалъ всѣ соусники, что̀ не мѣшало его супругѣ запрятывать въ свой ридикюль разнаго рода съѣстные предметы; вдохновенный Чибезовъ неистово сверкалъ глазами и принялся уже читать какой-то экспромптъ, блеснувшій въ головѣ его, при взглядѣ на новорожденную, но закашлялся, захрипѣлъ и вышелъ, наконецъ, изъ-за стола, чтобъ откашляться въ прихожей; Аристархъ Ѳедоровичъ благосклонно кивалъ головою и смѣялся густымъ, добродушнымъ смѣхомъ; словомъ, было необычайно весело за ужиномъ у Кокуркиныхъ.

Два только человѣка: Порфирій Павловичъ и Карачаевъ представляли два темныя пятна посреди этой улыбающейся картины. Васильковъ случайно посаженъ былъ противъ Карачаева, и этимъ объясняется отчасти его мрачное настроеніе; что жъ касается до Павла Петровича, лицо его, важное и спокойное, напоминало выраженіе тѣхъ физіономій, которыя являются посреди шумнаго сборища единственно съ тою лишь цѣлью, чтобъ исполнить свою обязанность. Во все время ужина онъ не прикоснулся ни къ одному напитку и пилъ одну только воду, при чемъ въ глазахъ его отражалось всякій разъ присутствіе какой-то назойливой мысли, а на губахъ бродила широкая улыбка самодовольствія. Но общество, увлекаемое всеобщею радостью, принимавшею самые широкіе размѣры по случаю исчезновенія со стола изряднаго количества

шипучки, не обращало ни малѣйшаго вниманія на двухъ задумчивыхъ рыцарей.

По окончаніи ужина, Аристархъ Өедоровичъ обнаружилъ желаніе выкурить сигару, но, въ сущности, это была только хитрость, придуманная имъ съ тѣмъ, чтобъ удалить подозрѣнія о его отъѣздѣ. Выбравъ удобную минуту, когда хозяйки дома, главныя лица общества, и особенно Карачаевъ, развлеклись какимъ-то предметомъ, онъ поспѣшно выюркнулъ изъ залы и, нѣсколько минутъ спустя, благополучно достигъ коляски, которая тотчасъ же покатила по дорогѣ къ Горшкову.

XVI.

Посмѣявшись отъ души надъ жалкими смертными, великій человѣкъ направляетъ стопы свои къ одному господину, столько же богатому, сколько эксцентрическому.

На другой день утромъ Сидоръ привелъ проводника, одинъ видъ котораго, въ высшей степени смѣлый и рѣшительный, не оставлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ въ совершенствѣ знаетъ дорогу изъ Горшкова въ Золотые-Пруды. Благодаря такому счастливому обстоятельству и, сверхъ того, морозу, который, какъ извѣстно, быстро и успѣшно исправляетъ дороги, Аристархъ Өедоровичъ очутился къ полудню на землѣ Старобѣльскаго.

Нимало не намѣреваясь совершить торжественный въѣздъ въ сопровожденіи проводника, сидѣвшаго на какой-то клячонкѣ, Балахновъ заплатилъ ему условленную плату и отослалъ его назадъ; затѣмъ, онъ велѣлъ кучеру и Сидору оправиться, привести въ порядокъ одежду, обчистить коляску, тщательно осмотрѣть лошадей, обтянуть хомуты и проч., и проч. Когда все это было исполнено надлежащимъ образомъ, Аристархъ Өедоровичъ поправилъ волосяной свой галстукъ и приказалъ ѣхать ровною рысью по направленію къ высокой каменной церкви, бѣлѣвшейся въ отдаленіи.

Аристархъ Өедоровичъ не былъ въ Золотыхъ-Прудахъ лѣтъ восемь или девять, съ того времени, когда отецъ настоящаго владѣльца не думалъ еще умирать и находился въ полномъ вожделѣнномъ здравіи. Пріѣзжая на поклонъ въ Золотые-Пруды (покойникъ занималъ, по

своему положенію и богатству, первое мѣсто въ губерніи), Балахнову удалось встрѣтить раза два молодого Старобѣльскаго, служившаго тогда въ кавалерійскомъ полку и пріѣзжавшаго въ отпускъ. Но съ того времени, какъ можете себѣ представить, много утекло воды; старикъ умеръ, сынъ вступилъ во владѣніе имѣніемъ, вышелъ въ отставку, поселился въ наслѣдственной вотчинѣ и, какъ сказывали, до того пристрастился къ деревенской жизни, что никуда рѣшительно не выѣзжалъ.

Воображеніе нашего героя, переносясь къ былому, старалось припомнить черты молодого Старобѣльскаго съ тѣмъ, чтобъ, помощью ихъ, нарисовать себѣ въ наивозможно-вѣрныхъ краскахъ наружность человѣка, съ которымъ предстоитъ теперь вести бесѣду. Но сколько ни напрягалъ онъ пружинъ мыслительнаго своего òргана, воображеніе измѣняло ему; черты Старобѣльскаго представляли совершеннѣйшій хаосъ, въ которомъ умственный взоръ горшковскаго дипломата отыскивалъ дюжины носовъ, глазъ, губъ и подбородковъ самаго темнаго и неопредѣленнаго очертанія. Не имѣя съ этой стороны ни малѣйшаго успѣха, умственный взоръ Аристарха Ѳедоровича старался проникнуть во внутренній міръ Старобѣльскаго, старался припомнить, не было ли у него какихъ-нибудь особенныхъ склонностей, привычекъ и проч.; но и съ этой стороны, точно такъ же, воображеніе не оказало никакого успѣха. Балахновъ принадлежалъ именно къ числу тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые, подобно нѣкоторымъ драгоцѣннымъ камнямъ, принимаютъ цвѣтъ предмета, съ которымъ находятся въ соприкосновеніи. Онъ былъ знатокъ человѣческаго сердца и въ объясненіяхъ своихъ, вмѣсто того, чтобъ держать собесѣдника за пуговицу сюртука, какъ это дѣлаютъ многіе люди, предпочиталъ держать собесѣдника за слабую его струнку. Въ чемъ же состояла слабая струнка Старобѣльскаго?.. Аристархъ Ѳедоровичъ долго думалъ и все-таки не могъ придти къ желанному результату. Случай, этотъ помощникъ всѣхъ великихъ открытій, вывелъ его изъ затрудненія. Онъ встрѣтилъ на полѣ табунъ матокъ изъ завода Золотыхъ-Прудовъ, и ужъ съ этой минуты мысли его потекли стройнымъ порядкомъ; этотъ табунъ навелъ его на мысль, что Старобѣльскій питалъ сильное пристрастіе къ лошадиной породѣ и сосредоточивалъ даже всю свою дѣятельность на конскомъ заводѣ. Такія данныя, безъ вся-

каго сомнѣнія, были бы недостаточны для обыкновеннаго смертнаго, но Аристархъ Өедоровичъ остался ими очень доволенъ. Принимая въ соображеніе страсть Старобѣльскаго, онъ создалъ тотчасъ же маленькій планъ, какъ успѣшнѣе подѣйствовать на умъ и сердце богатаго сосѣда. Положившись во всемъ остальномъ на свою проницательность и умѣнье распознавать людей съ перваго взгляда, онъ углубился въ уголъ коляски и приказалъ прибавить рыси.

Коляска успѣла, между тѣмъ, проколесить изрядное пространство. Ужъ церковь и бо̀льшая часть села остались влѣвѣ; со всѣхъ сторонъ подымались каменныя, безконечно длинныя и тщательно выбѣленныя зданія, съ остроконечными кровлями и рядами крошечныхъ, полукруглыхъ оконъ извѣстной архитектуры, оконъ, которыя служили несомнѣннымъ доказательствомъ, что конскій заводъ обращалъ на себя особенное вниманіе владѣльца; конюшенный запахъ, охватившій нашихъ путешественниковъ при самомъ въѣздѣ въ околицу, краснорѣчиво подтверждалъ такое доказательство, свидѣтельствуя вмѣстѣ съ тѣмъ объ огромномъ количествѣ лошадей, которыя должны были находиться въ Золотыхъ-Прудахъ. На соломенныхъ кровляхъ сараевъ, избушекъ и построекъ для дворни мелькали то и дѣло мертвыя лошадиныя головы, замѣнявшія, какъ видно, въ этомъ краю скворечницы, рѣзные деревянные пѣтушки и прочія обыкновенныя украшенія деревянныхъ кровель; такія же точно головы попадались весьма часто въ зубахъ тощихъ борзыхъ собакъ, которыя, распустивъ хвостъ, носились взадъ и впередъ со своею добычей; съ каждымъ поворотомъ колеса попадались конюхи и коновалы съ сѣдлами, уздечками и попонами; лошадиное ржанье, топотъ копытъ, глухо раздававшіеся за стѣнами, приводили Аристарху Өедоровичу на память кавалерійскіе маневры. Миновавъ кузницу, въ которой непрерывный гулъ мѣховъ ясно показывалъ обиліе работы, Аристархъ Өедоровичъ въѣхалъ въ каменныя ворота и очутился, наконецъ, на такъ-называемомъ красномъ дворѣ.

Красный или барскій дворъ занималъ огромное пространство; съ трехъ сторонъ его обступили выбѣленныя мѣломъ конюшни; съ той стороны, къ которой обращено было лицо Аристарха Өедоровича, подымался высокій, двухъэтажный дубовый домъ, на каменномъ фундаментѣ,

одинъ изъ тѣхъ домовъ, которые строились въ концѣ прошлаго столѣтія богатыми помѣщиками; тутъ былъ и фасадъ съ колоннами, и бельведеръ съ оранжерейными рамами, и широкая терраса, спускавшаяся ступенями въ садъ, разбитый когда-то въ англійскомъ вкусѣ, но въ настоящую минуту представлявшійся пустыней, заросшей полынью и крапивой; за этимъ садомъ виднѣлся другой, состоявшій исключительно изъ однѣхъ столѣтнихъ, синеватыхъ елей, которыя, казалось, мрачно и уныло смотрѣли на все окружающее.

Всѣ эти предметы хотя и напоминали Балахнову прежняго знакомаго, но, со всѣмъ тѣмъ, въ настоящую минуту мало занимали нашего героя. Вниманіе его устремлялось на дальнюю часть двора, куда выходило боковое крылечко дома и посреди которой былъ водруженъ столбъ; подлѣ этого столба находилась группа изъ пяти-шести конюховъ; одни хлопали арапниками, другіе держали конецъ веревки, которую натягивала лошадь, бѣгавшая и скакавшая вокругъ столба; за кругомъ, описываемымъ на землѣ копытами лошади, виднѣлась другая, болѣе значительная группа конюховъ, также хлопавшихъ арапниками; въ сторонѣ отъ всѣхъ стоялъ высокій мужчина, у котораго, впрочемъ, не было арапника; выставивъ правую ногу впередъ, погнувшись назадъ всѣмъ корпусомъ, онъ пристально наблюдалъ за эволюціями лошади и ограничивался тѣмъ только, что пощелкивалъ языкомъ каждый разъ, какъ животное проносилось мимо.

Аристархъ Ѳедоровичъ узналъ въ немъ тотчасъ же Александра Степановича Старобѣльскаго.

Онъ приказалъ остановиться, ловко выпрыгнулъ изъ коляски и пошелъ къ Старобѣльскому тѣмъ твердымъ, но ускореннымъ шагомъ, который составляетъ принадлежность людей очень довольныхъ собою. При видѣ гостя, Старобѣльскій не обнаружилъ ни радости, ни досады, ни даже удивленія; онъ сохранилъ такое же точно сонливое равнодушіе, какъ будто видѣлъ передъ собой пріятеля, который вышелъ за минуту передъ тѣмъ, чтобъ закурить трубку; онъ не измѣнилъ даже на волосъ своего положенія. Дождавшись минуты, когда дрессируемая лошадь пронесется мимо, и пощелкавъ ей вслѣдъ языкомъ, онъ медленно повернулся къ Аристарху Ѳедоровичу, еще медленнѣе приподнялъ мѣховую шапку и устремилъ на него выпуклые, безжизненные глаза.

Аристархъ Өедоровичъ остановился и также приподнялъ фуражку, при чемъ лицо его казалось сіявшимъ отъ восторга и добродушія.

— Вы, конечно, не узнаете меня, Александръ Степанычъ? сказалъ онъ, раскланиваясь съ обворожительной любезностью.

— Мм... нѣтъ... протянулъ флегматическимъ басомъ Старобѣльскій.

— Балахновъ... произнесъ Аристархъ Өедоровичъ тономъ человѣка, который думаетъ сдѣлать пріятнѣйшій сюрпризъ.

Старобѣльскій сонливо приподнялъ шапку, такъ же сонливо поклонился; во всей наружности его не проявилось ни малѣйшаго движенія, и только глаза отрывались каждую секунду, чтобъ слѣдить за бѣгомъ лошади.

— При жизни покойнаго вашего батюшки, Степана Петровича, я часто бывалъ въ Золотыхъ-Прудахъ, началъ Аристархъ Өедоровичъ.—Скажу безъ лести, но съ грустью въ сердцѣ, съ грустью, возбужденною сладкимъ воспоминаніемъ: покойный Степанъ Петровичъ питалъ ко мнѣ истинно дружеское расположеніе... Смѣю надѣяться, что достойный наслѣдникъ почтеннаго и знаменитаго Степана Петровича пойдетъ, въ отношеніи ко мнѣ, по стопамъ благороднаго своего родителя!.. добавилъ дипломатъ, откидываясь назадъ и протягивая обѣ руки съ увѣренностью искренняго душевнаго чувства.

— Очень радъ... пробормоталъ Старобѣльскій съ такимъ видомъ, который ясно показывалъ, что ему было совершенно все-равно. Разговаривая такимъ образомъ, Аристархъ Өедоровичъ продолжалъ осматривать фигуру Старобѣльскаго съ большимъ участіемъ.

То былъ высокій, худощавый, заспанный мужчина съ необычайно-широкими, хотя бѣлыми и нѣжными ладонями; лицо Старобѣльскаго, пропитанное выраженіемъ лѣни, дошедшей до крайнихъ своихъ предѣловъ, отличалось отсутствіемъ какого бы то ни было оживленія; губы его были безкровны; тонкія, правильныя, изящно нарисованныя черты лица его могли бы составлять въ общемъ прекрасную, благородную наружность, если бъ не вредила всему какая-то опухлость, какое-то размягченіе и желтизна мясистыхъ частей — обыкновенное слѣдствіе лежачей жизни и бездѣйствія. Ему было, однакожъ, никакъ не болѣе тридцати-пяти или, много-много, тридцати-семи лѣтъ;

онъ былъ, что называется, мужчина въ полномъ соку и цвѣтѣ лѣтъ. Фигура его имѣла постоянно наклоненное, въ высшей степени вялое, меланхолическое положеніе; онъ, казалось, всегда думалъ о чемъ-то, хотя не было никакой возможности прочесть на его лицѣ, лбу и въ глазахъ отпечатокъ какой-нибудь положительной мысли.

Въ настоящую минуту, какъ и всегда впрочемъ, на немъ былъ коричневый суконный казакинъ, подбитый сѣрыми мерлушками, плотно перетянутый ременнымъ поясомъ, выложеннымъ серебряными бляхами съ чернью. Черный галстукъ, завязанный по-военному, и синіе широкіе шаровары, запрятанные въ сапожки съ вострыми носками, загнутыми по-турецки, довершали его одежду. Лѣвая рука его держала трубку съ огромнымъ, вычурнымъ янтаремъ на концѣ.

Какъ мы уже сказали, неподалеку отъ Старобѣльскаго находилась группа конюховъ, вооруженная бичами и арапниками; но зоркій и проницательный взглядъ Аристарха Ѳедоровича умѣлъ отыскать въ этой группѣ четырехъ человѣкъ, одежда и атрибуты которыхъ ясно показывали, что они не принадлежали къ кучерскому сословію: то былъ, во-первыхъ, мальчикъ, съ старымъ шелковымъ кисетомъ и всѣми принадлежностями для чистки и набиванія трубки; потомъ еще мальчикъ, державшій обѣими руками серебряный подносъ съ колотымъ сахаромъ; потомъ какой-то коренастый малый съ красными щеками, нѣчто въ родѣ форрейтора, съ залихватскими, вертлявыми пріемами и такимъ наглымъ взглядомъ, который тотчасъ же напомнилъ Аристарху Ѳедоровичу Попельковскаго; было, наконецъ, еще одно существо, удостоившееся обратить на себя особенное вниманіе нашего героя: существо это имѣло два горба, спереди и сзади, и, сверхъ того, прихрамывало немилосерднѣйшимъ образомъ на лѣвую ногу; лицо этого человѣка, заостренное, какъ у лисицы, и почти такое же желтое, не оставалось ни минуты въ покоѣ и производило, одну за другой, самыя страшныя гримасы; уродливое туловище, какъ бы повинуясь движеніямъ физіономіи, ёжилось, принимало комическія позы, между тѣмъ какъ кривая нога выкидывала разныя, болѣе или менѣе, забавныя колѣнца. Онъ былъ въ замасленомъ жабо и во фракѣ. Въ рукахъ его находилась большая двѣнадцати-струнная гитара; каждый разъ, какъ костлявые пальцы горбуна прикасались къ струнамъ, лицо его, а

за нимъ и все туловище, переполнялись корчами; онъ выставлялъ впередъ хромую ногу, мурлыкалъ какую-то пѣсню и вытягивалъ лицо по направленію къ Старобѣльскому, обнаруживая явное намѣреніе разсмѣшить его.

Для всѣхъ этихъ наблюденій Аристарху Өедоровичу достаточно было, разумѣется, одного бѣглаго взгляда.

Онъ кашлянулъ и поспѣшилъ завязать разговоръ.

— Вы, Александръ Степанычъ, сколько я замѣчаю, большой охотникъ до лошадей? началъ Балахновъ.

— Да, я охотникъ, сказалъ разсѣянно Старобѣльскій.

— Впрочемъ... ну да, конечно... разумѣется! съ живостью подхватилъ Аристархъ Өедоровичъ,—обладая такимъ заводомъ, какъ вашъ, весьма естественно сдѣлаться охотникомъ... Впрочемъ, и то сказать надо: вѣдь благороднѣйшее животное, это — лошадь! Я всегда удивлялся, право, за что льва величаютъ благороднѣйшимъ четвероногимъ? Это несправедливо, совершенно несправедливо! Лошадь заслуживаетъ несравненно болѣе такой эпитетъ... Посмотрите, ну, посмотрите, Бога-ради... посмотрите! добавилъ онъ восторженно, указывая Старобѣльскому на лс адь, бѣгавшую на кордѣ.

— Добрый конь! сказалъ Старобѣльскій.

— Какая грація! сила! могущество! воскликнулъ Аристархъ Өедоровичъ.

— Неудивительно, вымолвилъ Старобѣльскій, — Полканъ, отецъ этой лошади, тотъ самый Полканъ, что выигралъ прошлаго года второй призъ на московской скачкѣ...

Аристархъ Өедоровичъ обнаружилъ восторженное желаніе увидѣть Полкана.

— Эй, Костыль! забасилъ Старобѣльскій, медленно поворачиваясь къ конюхамъ.

Изъ ближайшей группы выскочилъ дюжій, приземистый кучеръ, съ черными волосами, черными глазами и такими толстыми губами, которыя занимали почти третью часть лица.

— Вывести Полкана! произнесъ Старобѣльскій.

Тутъ Старобѣльскій обратился къ другой группѣ, стоявшей у столба, сказалъ, чтобъ перестали гонять лошадь, и приказалъ подвести ее къ себѣ.

— Какое ей прозвище? спросилъ Аристархъ Өедоровичъ.

— Побѣда! отвѣчалъ Старобѣльскій, подзывая мальчика, державшаго подносъ съ сахаромъ.

— Ужъ подлинно, что такъ! настоящая побѣда! воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ, когда два конюха подвели взмыленную лошадь. — О, Побѣда, Побѣда, милая Побѣда, Побѣдушка! подхватилъ онъ, осторожно поглаживая лошадь и пощелкивая языкомъ, между тѣмъ какъ Старобѣльскій давалъ лошади сахаръ.

— Александръ Степанычъ, Сан...дръ Ст...чъ! зашипѣлъ неожиданно горбунъ, подходя къ Старобѣльскому и принимаясь производить самыя страшныя кривлянья.

— Пошелъ, дуракъ! сказалъ Старобѣльскій, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія.

— Сндръ... Ст...пчъ!.. продолжалъ шипѣть горбунъ, поддерживая одною рукою гитару, тогда какъ другая рука его протягивалась къ барину,—а мнѣ-то что жъ сахарку?.. молодую-то лошадь холите, а что жъ старой-то клячѣ... и старой клячѣ сахарку пожалуйте, сударь...

— Пошелъ, дуракъ! повторилъ тѣмъ же однообразнымъ тономъ Старобѣльскій.

Горбунъ сдѣлалъ жалкую гримасу, закатилъ глаза подъ лобъ, вытянулъ голову по направленію къ барину и, прильнувъ къ его поясу, запѣлъ тоненькимъ, дрожащимъ голосомъ:

Берточка! милочка!..
Тра-та-та, тра-та...

— Пошелъ, дуракъ! повторилъ Старобѣльскій, не измѣняя на волосъ прежней интонаціи, между тѣмъ какъ дворня и конюхи скалили зубы, фыркали отъ удовольствія и подмигивали другъ другу.

— Поставить Побѣду въ конюшню! сказалъ Старобѣльскій.—Не угодно ли вамъ, мсьё Балахновъ, пройти въ домъ? примолвилъ онъ флегматически, обращаясь къ гостю.

— Очень радъ; это будетъ тѣмъ пріятнѣе для меня, что каждый шагъ, каждый предметъ перенесетъ меня, такъ сказать, къ тѣмъ незабвеннымъ временамъ, когда покойный Степанъ Петровичъ удостоивалъ меня своей дружбы... отвѣчалъ Балахновъ, выступая за сосѣдомъ и соображая въ то же время, что́ бы значило, что бо̀льшая часть конюховъ и дворни направляются въ комнаты вслѣдъ за своимъ бариномъ.

Вступивъ въ переднюю, Аристархъ Ѳедоровичъ увидѣлъ знакомый ему рядъ комнатъ, обитыхъ старымъ, полинялымъ штофомъ или оштукатуренныхъ подъ фальшивый мраморъ.

— Я живу наверху, сказалъ Старобѣльскій, приглашая гостя подняться по дубовой лѣстницѣ съ массивными точеными балясами.

Стѣны, окружавшія лѣстницу, оклеены были обоями, изображавшими похожденія Телемака на островѣ Калипсо; потолокъ расписанъ былъ гирляндами изъ розъ, посреди которыхъ красовались бѣлые голубки съ голубыми ленточками на шеѣ. Пыль и паутина покрывали углы и карнизы этого входа, отъ котораго пахло цѣлымъ столѣтіемъ. Комната Старобѣльскаго располагалась непосредственно послѣ небольшой прихожей и выходила тремя окнами на ту часть двора, гдѣ, нѣсколько минутъ назадъ, гоняли на кордѣ Побѣду. Внутренній видъ этой комнаты не лишенъ былъ нѣкоторой оригинальности. На одной стѣнѣ красовался коверъ, и на этомъ коврѣ висѣли въ безпорядкѣ: калмыцкая нагайка, башкирская уздечка, тунгузскій мохнатый колчанъ съ обломанными стрѣлами, мѣдный рогъ, два-три кинжала, казацкое сѣдло и проч.; надъ печкой висѣлъ портретъ Полкана, котораго держалъ за узду извѣстный ужъ губастый конюхъ; картина была, впрочемъ, написана извѣстнымъ Сверчковымъ. Промежутки между окнами заняты были полочками, съ блиставшими на нихъ серебряными кубками, блюдами и другими призами, выигранными на скачкахъ лошадьми Старобѣльскаго. За исключеніемъ этихъ предметовъ, не было ничего достойнаго вниманія, если не считать, однакожъ, остова дяди Полкана, довольно искусно сохраненнаго и укрѣпленнаго въ доску, выкрашенную подъ цвѣтъ зелени. Полдюжины англійскихъ литографій, изображавшихъ болѣе или менѣе знаменитыхъ скакуновъ; диванъ, покрытый обношеннымъ зеленоватымъ сафьяномъ, пара такихъ же креселъ, столъ изъ краснаго дерева, на немъ раскрашенная статуэтка лошади, гербовая фамильная печать, два-три конверта съ пятью печатями, „Руководство къ верховой ѣздѣ“ и еще другая брошюрка въ пять страницъ „О различныхъ способахъ вылѣчиванія сапа и прочихъ конскихъ болѣзней“ — довершали общій видъ этой комнаты.

Изумленіе Аристарха Өедоровича возросло до неимовѣрной степени, когда увидѣлъ онъ, что толпа, сопровождавшая его по лѣстницѣ, вошла въ кабинетъ и расположилась у двери. Впереди всѣхъ выступалъ горбунъ, не перестававшій бренчать на своей гитарѣ.

— Зачѣмъ пускаете вы сюда этого дурака?.. сказалъ Старобѣльскій, очевидно, съ тѣмъ только, чтобъ сказать что-нибудь. — Эй, Грызловъ! промолвилъ онъ, поворачиваясь къ двери.

Изъ толпы выскочилъ сѣдоволосый старецъ, въ синемъ фракѣ и бѣломъ миткалевомъ галстукѣ.

— Что, жаворонокъ пѣлъ? заботливо спросилъ Старобѣльскій.

— Никакъ нѣтъ-съ...

— Странно... отчего жъ онъ не поетъ?

— Не могу знать-съ...

— Хорошо, ступай...

— Что это за жаворонокъ? спросилъ Аристархъ Өедоровичъ, сообщая своему голосу интонацію дѣтскаго добродушія.

— Нѣтъ... такъ... третьяго-дня принесли жаворонка... отвѣчалъ нехотя Старобѣльскій.

— И онъ не поетъ? съ жалостнымъ участіемъ спросилъ Аристархъ Өедоровичъ.

— Нѣтъ...

„Не поетъ... жаворонокъ...
Не поетъ... Берточка, милочка!..

зашипѣлъ неожиданно горбунъ, прихрамывая и закатывая глаза подъ лобъ.

— Пошелъ, дуракъ! произнесъ Старобѣльскій.

— Странно... я, право, не постигаю, отчего жъ, въ самомъ дѣлѣ, не поетъ этотъ жаворонокъ!.. сказалъ Аристархъ Өедоровичъ.—А, впрочемъ, знаете что, прибавилъ онъ наивно, — я слышалъ, имъ не мѣшаетъ иногда подсвистывать...

Но Старобѣльскій, неизвѣстно почему, перемѣнилъ разговоръ и обратилъ вниманіе гостя на призы. Вытягивая каждое слово на три аршина, онъ сообщилъ гостю подробную исторію о томъ, какая лошадь выиграла какой призъ, на сколько шаговъ опередила свою соперницу; разсказалъ затѣмъ весьма интересную біографію одной гнѣдой кобылы, по имени Юнона, и заключилъ біографію трогательнымъ повѣствованіемъ о томъ, что эта самая Юнона приводилась внучатной сестрой дяди Полкана, остовъ котораго Аристархъ Өедоровичъ видѣлъ теперь передъ собою.

Аристархъ Өедоровичъ запылалъ страстнымъ желаніемъ увидѣть, какъ можно скорѣе, Юнону.

— Эй, Костыль! крикнулъ Старобѣльскій.

Явился губастый конюхъ.

— Сказать, чтобъ вывели Юнону, сонливо продолжалъ Старобѣльскій.—Постой, какъ будешь въ конюшнѣ, загляни-ка, кстати, что подѣлываетъ Побѣда... Ступай!

Минутъ пять спустя, губастый Костыль объявилъ, что Юнону сейчасъ выведутъ.

— Ну, а Побѣда что? спросилъ Старобѣльскій.

— Попрежнему, сударь: хрипитъ и бьетъ копытами...

— А!.. ну, такъ постой же... есть ли у ней овесъ?

— Какъ же, сударь, только-что засыпали.

— Ну, такъ сходи же опять на конюшню... возьми у ней двѣ пригоршни овса—смотри, такъ только, чтобъ она не видала, заботливо прибавилъ Старобѣльскій,—и всыпь эти пригоршни въ стойло козлу. Ступай! заключилъ онъ, проявляя на губахъ задумчивую улыбку и приглашая гостя къ окну, за которымъ раздавались уже фырканье и нетерпѣливый топотъ копытъ.

Въ то время, какъ Аристархъ Ѳедоровичъ расточалъ похвалы неподражаемымъ свойствамъ Юноны, сѣдовласый камердинеръ Старобѣльскаго и еще два какіе-то лакея внесли въ кабинетъ столъ, покрытый скатертью и снабженный всѣмъ нужнымъ для обѣда.

Хозяйствомъ Старобѣльскаго завѣдывала какая-то Анна Егоровна, да еще старая его нянька, которая, сверхъ своей должности, обязана была являться каждое утро съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать питомцу проборъ на головѣ и разсказать ему сказку—и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если обѣдъ Старобѣльскаго доставилъ голодному Аристарху Ѳедоровичу новый случай къ изумленію; главнымъ поводомъ къ изумленію послужилъ, впрочемъ, самъ хозяинъ, который не переставалъ освѣдомляться о томъ, что подѣлываетъ та или другая лошадь, какъ ведетъ себя козелъ; приказывалъ овесъ, данный козлу, пересыпать украдкою Полкану, потомъ измѣнялъ неожиданно свою строгость въ отношеніи къ козлу и т. д. Разъ, впрочемъ, одинъ только разъ, хозяинъ дома обратился къ гостю съ вопросомъ о томъ, пробовалъ ли онъ когда-нибудь лошадиное мясо, на что Аристархъ Ѳедоровичъ объявилъ съ сожалѣніемъ, что никогда не удавалось.

Послѣ того, какъ мальчикъ, приставленный къ табачному кисету, подалъ гостю и хозяину трубки, Старобѣль-

скій пригласилъ Аристарха Өедоровича прогуляться въ конюшню; гость изъявилъ живѣйшую готовность.

И хорошо сдѣлалъ, очень даже хорошо сдѣлалъ Аристархъ Өедоровичъ, потому что конюшни Старобѣльскаго представляли дѣйствительно нѣчто весьма замѣчательное въ своемъ родѣ.

Перегородки, обозначавшія стойла, были сдѣланы изъ лакированнаго дуба; повсюду воздвигались точеные столбы изъ такого же дерева, увѣнчанные мѣдными шарами, сіявшими, какъ золото; на каждомъ столбѣ висѣла мѣдная доска, коротко, но краснорѣчиво извѣщавшая о томъ, передъ какою лошадью имѣете вы честь находиться, сколько ей лѣтъ, кто такіе были ея предки и проч. Лошади (а ихъ было около двухсотъ) блистали—словно ихъ заодно покрыли лакомъ вмѣстѣ со стойлами. Тщательно убитый и посыпанный пескомъ полъ, красныя рубашки кучеровъ, пурпуровыя попоны, пестрые банты, вплетенные въ гривы нѣкоторыхъ любимыхъ лошадей Старобѣльскаго—все это зарябило страшнѣйшимъ образомъ въ глазахъ Аристарха Өедоровича. Показавъ гостю отдѣленіе скаковыхъ лошадей, Старобѣльскій провелъ его въ отдѣленіе рысаковъ, иноходцевъ и, такъ-называемыхъ, троечныхъ скакуновъ. Аристархъ Өедоровичъ увидѣлъ, что, при окончаніи каждаго отдѣленія, тамъ, гдѣ былъ выходъ, устроено было особенное мѣсто, обшитое коврами, снабженное двумя отличными диванами, столомъ, лампою,—словомъ, всѣмъ, нужнымъ для комфортабельнаго отдыха; будуары эти, какъ разсказывалъ впослѣдствіи Балахновъ, служили дѣйствительно любимымъ мѣстопребываніемъ Старобѣльскаго. Изъ отдѣленія троечныхъ скакуновъ Аристархъ Өедоровичъ перешелъ въ отдѣленіе кобылъ, кормившихъ сосуновъ; проникнулъ даже въ лазаретъ. Затѣмъ пошли въ отдѣленіе хомутовъ, уздечекъ и подсѣдельниковъ, отдѣленіе бѣговыхъ дрожекъ и щегольскихъ казанскихъ телѣжекъ, отдѣленіе саней и вожжей и т. д. Но сколько бы ни было отдѣленій, будь ихъ хоть вдвое, втрое, вчетверо больше, Аристархъ Өедоровичъ и тутъ не истощилъ бы своего запаса восторженныхъ восклицаній и похвальныхъ монологовъ въ честь достойнаго потомка покойнаго Степана Петровича! Аристархъ Өедоровичъ полагалъ... нѣтъ, онъ твердо увѣренъ былъ, что до сихъ поръ ничѣмъ нельзя было удивить его, что всѣ предметы, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго міра, были ему равно извѣстны; но онъ

горько ошибался; да, къ чему лукавить! онъ горько ошибался! Онъ чистосердечно сознался Старобѣльскому, что не только не встрѣчалъ, но даже во снѣ не видывалъ ничего такого, что могло бы хоть сколько-нибудь уподобиться величію его конюшенъ!

Рѣчь Аристарха Ѳедоровича звучала такою искренностью, въ ней было столько истиннаго, неподдѣльнаго добродушія и восторга, что, слушая ее, Старобѣльскій проявилъ оживленіе и на безцвѣтныхъ губахъ его сохранилась улыбка до того самаго времени, какъ оба они переступили порогъ дома.

Ихъ давно ужъ ожидалъ чай.

— Эй, Грызловъ! сказалъ Старобѣльскій, входя въ кабинетъ.

Явился сѣдоволосый камердинеръ.

— Что, жаворонокъ пѣлъ? спросилъ Старобѣльскій, дѣлая на лбу своемъ двѣ-три морщины.

— Пѣлъ, сударь, только потихоньку...

— Не-уж-то?..

— Точно такъ-съ: пѣлъ, но только потихоньку, повторилъ Грызловъ.

Морщины, появившіяся на лбу Старобѣльскаго, мигомъ исчезли и на губахъ его снова появилась улыбка.

Ничего неизвѣстно о томъ, что̀ подумалъ въ эту минуту Аристархъ Ѳедоровичъ; неизвѣстно также, какое благопріятное предзнаменованіе заключалось для Аристарха Ѳедоровича въ улыбкѣ Старобѣльскаго; достовѣрно одно, что вмѣстѣ съ этой улыбкой лицо великаго человѣка мгновенно просіяло, какъ будто мысль, зародившаяся мгновенно въ головѣ его, была зажженною свѣчкой, а самое лицо приняло свойство лучшаго бемскаго стекла. Онъ свирѣпо потеръ ладонями, какъ будто готовился исторгнуть изъ нихъ пламя, устремилъ проницательный взглядъ на собесѣдника, кашлянулъ и сказалъ голосомъ, исполненнымъ невообразимой пріятности:

— А знаете ли что, мой почтеннѣйшій Александръ Степанычъ, если сказать правду—таково, впрочемъ, всегдашнее мое обыкновеніе — вѣдь я пріѣхалъ къ вамъ за дѣломъ...

— Очень радъ... протянулъ флегматически Старобѣльскій.

— Изволите видѣть: я пріѣхалъ къ вамъ за добрымъ совѣтомъ... и надѣюсь, скажу болѣе, увѣренъ, что вы,

Александръ Степанычъ, не откажете въ этомъ совѣтѣ тому, который нѣкогда—зачѣмъ не могу сказать: теперь?—пользовался дружбой достойнаго родителя вашего... Такъ ли, Александръ Степанычъ?.. добавилъ великій человѣкъ, протягивая собесѣднику руку.

Старобѣльскій отвѣтилъ лѣнивымъ пожатіемъ и сонливо наклонилъ голову въ знакъ одобренія.

— Я въ этомъ не сомнѣвался! торжественно произнесъ Балахновъ, — и такъ, я долженъ сказать вамъ прежде всего, что давно имѣю намѣреніе завести конскій заводъ!

Аристархъ Өедоровичъ устремилъ пристальный взглядъ на собесѣдника и продолжалъ, воодушевляясь:

— Да, я имѣю это намѣреніе! Для этой цѣли я объѣздилъ всѣ заводы нашей губерніи... Долженъ ли сказать вамъ... да, я скажу, скажу съ тою искреннею прямизною, которая всегда меня отличала, скажу, что ничего не нашелъ въ этихъ заводахъ удовлетворительнаго. Пріѣхалъ я тогда въ Золотые-Пруды pour la bonne bouche, какъ говорится... Но вы сами знаете, какое впечатлѣніе произвело на меня вездѣ царствующее здѣсь великолѣпіе породъ и образцовый порядокъ! Основываясь на этомъ, я рѣшился, во-первыхъ, произвести закупку матокъ въ вашемъ заводѣ; во-вторыхъ, испросить у васъ совѣтовъ для первоначальнаго устройства обширнаго предпріятія, цѣль котораго не столько спекулятивная, разумѣется, сколько та именно, чтобъ удовлетворить собственному задушевному стремленію... Я самъ страстный коннозаводчикъ, Александръ Степанычъ! заключилъ Балахновъ тономъ торжественной откровенности.

— Что-жъ, очень радъ! вымолвилъ Старобѣльскій, лѣниво протягивая руку къ стакану.

— Я въ этомъ не сомнѣвался! воскликнулъ дипломатъ, горячо пожимая ему руку.—Предметъ, какъ видите, достоинъ того, чтобъ посвятить ему нѣкоторое время... примолвилъ Балахновъ, снова устремляя проницательный взглядъ на сосѣда.

— Конечно... протянулъ Старобѣльскій.

— Безъ сомнѣнія! подтвердилъ Аристархъ Өедоровичъ.

Тутъ великій человѣкъ кашлянулъ и придвинулся къ собесѣднику.

— Изволите ли видѣть, въ чемъ дѣло: предпріятіе, касательно завода, хочется мнѣ начать какъ можно скорѣе, до зимы, а такъ какъ времени остается мало, и притомъ

намъ, какъ вамъ извѣстно, предстоитъ еще прожить на выборахъ безъ малаго три недѣли, то просьба моя будетъ заключаться въ слѣдующемъ: Александръ Степанычъ, не откажите удѣлить мнѣ нѣсколько часовъ въ губернскомъ городѣ... Тамъ, на свободѣ, мы переговоримъ обо всемъ и заключимъ всѣ условія... досказалъ Аристархъ Θедоровичъ, проникая испытующимъ взглядомъ въ мельчайшіе изгибы души своего собесѣдника.

— Пріѣзжайте ко мнѣ лучше послѣ выборовъ... сказалъ Старобѣльскій.

— Но отчего же не можемъ сговориться мы въ губернскомъ городѣ?.. вѣдь время то, время не терпитъ, Александръ Степанычъ! произнесъ Балахновъ, и при этомъ голосъ его замѣтно вздрогнулъ.

— Я не поѣду на выборы, отвѣчалъ Старобѣльскій, проникнутый теперь, какъ и прежде, безпредѣльной сонливостью.

— Какъ?.. воскликнулъ Аристархъ Θедоровичъ, тономъ человѣка, подъ которымъ неожиданно проламывается мостъ.

— Я никогда не ѣзжу на выборы, сказалъ Старобѣльскій, медленно поднимая глаза на портретъ Полкана.

— Какъ... ка-а-а-къ? (тутъ Аристархъ Θедоровичъ поставилъ на столъ стаканъ, изъ опасенія пролить на столъ остатокъ чая),—такъ вы *рѣшительно* не поѣдете на выборы? примолвилъ онъ, дѣлая особенное удареніе на слово „рѣшительно", чтобъ въ вопросѣ его не оказалось ни малѣйшаго недоумѣнія.

— Рѣшительно не поѣду! подтвердилъ Старобѣльскій.

Но Аристархъ Θедоровичъ все еще не вѣрилъ словамъ своего сосѣда и продолжалъ отшучиваться до тѣхъ поръ, пока тотъ окончательно не отнялъ у него послѣдней надежды.

— Ай да Александръ Степанычъ! ну, ужъ нечего сказать, не подозрѣвалъ я, признаться, въ васъ такого равнодушія! Ха! ха! добродушно заливался Аристархъ Θедоровичъ, между тѣмъ, какъ багровые кружки замѣтно начинали проступать на щекахъ его, а нижняя губа, выступая впередъ, выражала презрѣніе и жалость.—Ну, скажите же, по крайней мѣрѣ, какъ вы распорядились на этотъ счетъ?.. Кому отдали вы свой голосъ? Послушайте, ха, ха! отдайте его мнѣ... право... хи, хи, хи!.. залился онъ снова, чтобъ скрыть волненіе, которое, подобно огню, разбѣгалось невольно по всѣмъ его членамъ.

— Къ сожалѣнію... произнесъ Старобѣльскій.

Аристархъ Өедоровичъ обмеръ.

— Къ сожалѣнію, не могу, подхватилъ Александръ Степановичъ, — на-дняхъ писалъ ко мнѣ Окатовъ... и я отдалъ ему свой голосъ.

Не успѣлъ Старобѣльскій произнести роковыя эти слова, какъ уже багровые кружки разлились и мигомъ охватили благородную физіономію нашего героя. Онъ зашатался, проворно опустилъ правую руку, чтобъ предостеречь себя отъ паденія, но, при всемъ томъ, имѣлъ все еще столько твердости духа, что остался въ перпендикулярномъ положеніи и даже протянулъ лѣвую руку къ стакану, какъ бы ни въ чемъ не бывало!

Во все это время Старобѣльскій сидѣлъ на диванѣ и, сонливо опустивъ голову, глядѣлъ съ видомъ печальнаго раздумья на остовъ Полканова дѣда. Мысли его, попавъ разъ на этотъ замогильный предметъ, блуждали въ немъ до тѣхъ поръ, пока Аристархъ Өедоровичъ не вызвалъ ихъ въ дѣйствительный міръ слѣдующими словами:

— Прощайте, мой почтеннѣйшій!

Къ несчастію, послѣднія слова, сказанныя Аристархомъ Өедоровичемъ Старобѣльскому, не сохранились для назиданія потомства.

Конюхи, и въ томъ числѣ хромой горбунъ, провожавшій гостя до крыльца, увѣряли, однакожъ, что послѣднія слова великаго человѣка, когда онъ сѣлъ въ коляску (разумѣется, они не поняли глубокаго значенія этихъ словъ), состояли изъ слѣдующихъ отрывковъ: „Пропалъ день!... драгоцѣнное время!.. обѣдъ въ пятницу!.. идіотъ!.. черезъ недѣлю выборы... авось!.. уповаю!.. наша возьметъ!“ и т. д.; но какъ бы то ни было, справедливы ли показанія кучеровъ и конюховъ или не справедливы, слова эти останутся, безъ сомнѣнія, драгоцѣнными памятниками въ исторіи горшковскаго краснорѣчія.

XVII

представляетъ достовѣрный отчетъ о первыхъ дѣйствіяхъ и первыхъ впечатлѣніяхъ Аристарха Өедоровича въ губернскомъ городѣ Черноряжскѣ.

18... неизвѣстнаго и притомъ вовсе не интереснаго года— такого года, который, по какому-то странному стеченію

17*

обстоятельствъ, не ознаменовался ни землетрясеніями, ни затменіями, ни историческими событіями, ни даже сильными морозами и мятелями — въ послѣднихъ числахъ октября, въ губернскомъ городѣ Черноряжскѣ происходило необычайное оживленіе. Изъ этого ясно, кажется, слѣдуетъ, что вышеозначенный годъ могъ утратить свое значеніе для одного лишь ученаго міра. Что-жъ касается до обыкновенныхъ смертныхъ, онъ, безъ сомнѣнія, возбудитъ въ каждомъ заслуженное удивленіе и, сверхъ того, глубокое сочувствіе. О черноряжскихъ жителяхъ и говорить нечего: достойный годъ этотъ изгладилъ изъ ихъ памяти всѣ остальныя воспоминанія и, само собою разумѣется, никогда не перестанетъ служить любимымъ предметомъ разговора. По крайней мѣрѣ тамошніе старожилы о сю пору еще указываютъ на него съ гордостью; экспромпты, сочиненные черноряжскими бардами въ честь этого славнаго года, не переставали еще пользоваться всѣми преимуществами самой свѣжей новости; черноряжскія кумушки, мамушки и вдовушки, живущія на форштадтахъ въ перекосившихся домикахъ, повѣствуютъ о немъ на всѣхъ перекресткахъ, какъ о вчерашнемъ событіи. Такъ по-настоящему оно и слѣдуетъ.

Дѣло въ томъ, что въ этотъ достопамятный годъ въ Черноряжскѣ происходили губернскіе выборы. Всякому, я полагаю, извѣстно, что выборы имѣютъ такое же точно значеніе въ жизни губернскихъ городовъ, какъ именины, день рожденія, крестины или свадьба въ существованіи смертныхъ. Благотворительное вліяніе выборовъ можно сравнить только съ дѣйствіемъ іюльскаго ливня на пересохнувшую ниву: какъ тутъ, такъ и тамъ, каждый цвѣтокъ, каждая травка получаетъ первобытную свою свѣжесть и приподымаетъ голову. Все оживаетъ тогда въ губернскомъ городѣ; даже такіе господа, которымъ прежде въ тягость было набить трубку помощью собственныхъ рукъ, проявляютъ во всѣхъ членахъ своего организма необычайную суету и прыткость.

Недѣли еще за три до назначеннаго срока, Черноряжскъ, какъ бы повинуясь тайному дѣйствію волшебнаго жезла, мгновенно измѣнилъ свою повседневную наружность. По всѣмъ улицамъ: по Никольской, Московской, Дворянской и т. д. потащились тарантасы, рыдваны, щегольскія коляски и другіе болѣе или менѣе затѣйливые экипажи; на нихъ рѣзко проступали слѣды дол-

гаго, труднаго странствія по проселкамъ; подножки и кузовы забрызганы были грязью, колеса переплетены веревками; искалѣченныя, хотя новыя оси, лопнувшія шины и сломанныя втулки ясно свидѣтельствовали о неоднократныхъ поправкахъ, произведенныхъ ненадежными подорожными кузнецами. Изъ-подъ кожаныхъ фартуковъ, отверстій, щелей и оконъ экипажей выглядывали физіономіи, принадлежавшія особамъ всѣхъ половъ и возрастовъ; кое-гдѣ высовывались углы и крышки коробокъ, картонокъ для дамскихъ шляпъ, узелковъ, шкатулокъ, бауловъ; торчали также кое-гдѣ подушки, одѣяла, полосатые тюфяки. Усталость, изнеможеніе проступали на всѣхъ лицахъ безъ исключенія; но все это постепенно сглаживается выраженіемъ того радостнаго нетерпѣнія, какое испытываетъ каждый смертный, когда, утративъ уже надежду, достигаетъ, наконецъ, обѣтованной цѣли. Взоры многихъ съ безпокойствомъ устремляются въ отдаленныя части улицъ, стараясь встрѣтить, какъ можно скорѣе, слугу, посланнаго за недѣлю прежде, съ тѣмъ, чтобъ пріискать удобную квартиру. Движеніе тарантасовъ увеличивается и поражаетъ своимъ бряцаньемъ непривычный слухъ черноряжскихъ мѣщанокъ, которыя принимаютъ, повидимому, твердое намѣреніе не покидать воротъ своихъ домиковъ. Иначе, впрочемъ, и нельзя сдѣлать: многія за мѣсяцъ еще отдали свои покойчики, клѣтушки и даже самоваръ и корову въ наемъ пріѣзжимъ помѣщикамъ. Народонаселеніе Черноряжска увеличивается съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Вмѣстѣ съ этимъ увеличивается, безъ сомнѣнія, и цѣна на самые потребительные припасы: сѣно, овесъ, куры, яйца, овощи получили вдругъ сверхъестественное значеніе. Торговля принимаетъ самые широкіе размѣры; столовое вино вздорожало неимовѣрно; сахаръ отпускается въ учетверенномъ и даже ушестеренномъ количествѣ; то же самое происходитъ съ чаемъ и другими колоніальными продуктами. Купцы не успѣваютъ отмѣривать ленты на чепцы и кисею на платья. Аптека приняла также свои мѣры въ отношеніи наивозможно болѣе поспѣшной дистиллировки о-де-колона, розовой и мятной воды и другихъ специй, общеупотребительныхъ въ дамскомъ туалетѣ. Заѣзжая прислуга показывается чаще и чаще въ распивочныхъ, штофныхъ и трактирахъ, гдѣ, за парою чая или другимъ болѣе крѣпительнымъ напиткомъ, прислушивается къ разсказамъ

полового, повѣствующаго о текущихъ новостяхъ, предстоящихъ увеселеніяхъ, только-что отстроенномъ театрѣ и проч. Черезъ дворы поминутно перебѣгаютъ вертлявыя горничныя съ утюгами, шемизетками, юбками и крахмаломъ, взятымъ въ лавчонкѣ; исполинскія кисти на фуражкахъ писцовъ и протоколистовъ замелькали въ воздухѣ и въ трактирахъ. Народонаселеніе продолжаетъ между тѣмъ усиливаться, и вмѣстѣ съ нимъ усиливается, разумѣется, пестрота и движеніе. Ужъ многіе экипажи наполнили дворы и, за неимѣніемъ мѣста, высунулись кое-гдѣ изъ воротъ на улицу. Слышно ужъ, что въ гостиницахъ и на постоялыхъ дворахъ не остается порожняго уголка. Черноряжскъ наполняется какъ улей. Чаще и чаще начинаютъ появляться на улицахъ коляски и кареты, въ которыхъ сидятъ разодѣтыя дамы, отправляющіяся дѣлать визиты. Мужчины также отправляются дѣлать визиты; но лица ихъ при этомъ далеко не выражаютъ того легкомыслія, той безпечности, какая видна на лицахъ женъ и дочерей: лица мужчинъ отличаются глубокомысліемъ и носятъ всѣ признаки сильной головоломной работы; шопотъ, многозначительное подмигиванье, таинственное движеніе бровей тотчасъ же даютъ знать о важности предстоящаго событія. Въ ожиданіи этого событія, визиты заступаютъ, повидимому, мѣсто всѣхъ дѣлъ и помышленій. Вмѣстѣ съ визитами, каждый домъ въ Черноряжскѣ, каждая почти квартира обращаются въ маленькій департаментъ иностранныхъ дѣлъ. И тогда какъ въ черноряжскихъ гостиныхъ раздаются веселые голоса женъ и дочерей, въ кабинетахъ слышится густой дѣловой гулъ мужей, отцовъ, братьевъ и дѣдовъ, которые съ безпристрастіемъ, свойственнымъ вообще человѣческому роду, толкуютъ о томъ или другомъ сосѣдѣ, созидаютъ проекты, планы, рѣшаютъ самые многосложные вопросы, опрокидываютъ навзничь дивныя соображенія, обдуманныя на досугѣ или въ тяжелое время безсонной ночи, оспариваютъ запутанныя предложенія и, нимало не задумываясь, излагаютъ въ краснорѣчивѣйшихъ формахъ такія дипломатическія тонкости, которымъ позавидовалъ бы самъ Талейранъ.

Но всѣ эти планы, проекты, мысли, все это броженіе умовъ, происходившее въ Черноряжскѣ, показалось бы слабымъ, младенческимъ, ничтожнымъ и нестòящимъ вниманія, сравнительно съ тѣмъ, чтò совершалось въ это

время въ головѣ одного Аристарха Ѳедоровича. Оно дѣйствительно такъ и было.

Вотъ уже третій день, какъ Аристархъ Ѳедоровичъ поселился въ Черноряжскѣ. Поселился онъ на главной улицѣ и занялъ бельэтажъ огромнаго каменнаго дома. Богатый купецъ, владѣлецъ дома, еще мѣсяцъ тому назадъ, извѣщенъ былъ письмомъ, въ которомъ Балахновъ просилъ уступить ему на время выборовъ бельэтажъ, съ тѣмъ, чтобъ, по истеченіи срока найма, вознаградить владѣльца весьма значительною суммой. Купецъ, побѣжденный задаткомъ, искусно вложеннымъ между страничками письма, изъявилъ полнѣйшее согласіе, и бельэтажъ, украшенный балкономъ, съ котораго можно было обозрѣвать весь Черноряжскъ, остался такимъ образомъ за Балахновымъ.

Мы застаемъ Аристарха Ѳедоровича за письменнымъ столомъ. Отпечатокъ глубокихъ думъ сіяетъ, какъ звѣзда, на благородномъ челѣ горшковскаго дипломата. Передъ нимъ листъ бумаги, испещренный именами, увы! тѣхъ немногихъ особъ, которыя обѣщали ему свой голосъ; по лѣвую руку возвышается пачка дѣловыхъ писемъ, календарь и яркихъ цвѣтовъ фуляръ; по правую руку находится его знаменитая записная книжка. Одинъ изъ ящиковъ стола раскрытъ съ тою предусмотрительною цѣлью, чтобъ, въ случаѣ неожиданнаго визита, успѣть скрыть въ немъ списокъ голосовъ. Нечего и говорить, что пачка дѣловыхъ бумагъ и писемъ, такъ эффектно воздвигнутая по лѣвую руку, избѣгнетъ этой участи.

Намъ неоднократно представлялись случаи изумляться тому необычайному мужеству, съ какимъ Аристархъ Ѳедоровичъ переносилъ борьбу съ злѣйшими обстоятельствами жизни, такими обстоятельствами, передъ которыми человѣкъ, неодаренный особенной организаціей, непремѣнно склонилъ бы гордую голову и разсыпался вдребезги. Было ли то дѣйствительно мужество, или умѣнье владѣть собою, основывалось ли то на упругости душевныхъ и сердечныхъ свойствъ, или, наконецъ, не было въ самомъ дѣлѣ такихъ крутыхъ обстоятельствъ, которыя были бы въ состояніи сокрушить нашего героя—все это такіе вопросы, которые рѣшить очень трудно. Обязанность наша ограничивается покуда изложеніемъ фактовъ; основываясь на этомъ, мы скажемъ, что никогда еще, быть-можетъ, не встрѣчали нашего героя въ такой

тревогѣ. Мысли его были устремлены, повидимому, въ одно и то же время на всѣ возможные пункты губернскаго города, театра настоящихъ его дѣйствій. Продольная морщина, помѣщенная на высокомъ лбу его, проявляетъ нетерпѣливое движеніе всякій разъ, какъ у подъѣзда или даже въ отдаленіи раздается звукъ какого-нибудь экипажа.

— Сидоръ! кричитъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

Въ дверяхъ временнаго кабинета показывается Сидоръ, въ синемъ фракѣ, обшитомъ позументомъ, и красномъ жилетѣ со свѣтлыми пуговицами; платье это, заказанное въ Москвѣ и хранимое до времени въ Ханскихъ-Прудахъ, обращаетъ на себя всякій разъ вниманіе Аристарха Ѳедоровича.

— Тамъ, братецъ, кажется, кто-то проѣхалъ?.. Смотри, не къ намъ ли?.. говоритъ онъ, кивая головой къ окну.

— Никакъ нѣтъ, сударь, мимо... отвѣчаетъ Сидоръ.

Продольная морщина, приведенная въ движеніе бровями, которыя сильно нахмуриваются, принимаетъ видъ опрокинутаго ужа надъ глазами Аристарха Ѳедоровича; онъ нетерпѣливо отсылаетъ Сидора и еще сильнѣе задумывается.

И въ самомъ дѣлѣ, въ эти три дня никто еще не посѣтилъ Аристарха Ѳедоровича. Былъ одинъ лишь старичокъ—Пшеницынъ съ сыномъ, долговязымъ Ѳедей; но его, разумѣется, считать нечего, точно такъ же, какъ Попельковскаго, Ардаліона Александровича, котораго Аристархъ Ѳедоровичъ не удостоилъ даже принять. Что же касается до Балаклеева и другихъ, болѣе или менѣе значительныхъ городскихъ лицъ, которымъ Балахновъ сдѣлалъ визитъ на второй же день пріѣзда своего въ Черноряжскъ, всѣ они ограничились тѣмъ только, что остановились у подъѣзда Аристарха Ѳедоровича, вручили Сидору карточку съ загнутымъ угломъ и, не сказавъ слова, уѣхали дальше. Пріемъ госпожи Балаклеевой, несмотря на то, что Аристархъ Ѳедоровичъ изобразилъ ей въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ трогательное повѣствованіе о спасеніи сестры ея, былъ необычайно холоденъ; впрочемъ, Балахновъ встрѣтилъ у нея Софью Алексѣевну Окатову, и холодность пріема объяснилась сама собою. Кормонолѣй Семеновичъ Бирюковъ, на котораго сильно разсчитывалъ теперь нашъ герой, не пріѣзжалъ еще; пріятели Чиндаласова, Крановичъ и Сербинъ, которымъ Аристархъ Ѳе-

доровичъ, согласно задуманному плану, долженствовалъ проиграть въ карты, также не пріѣзжали. Мясоитяновъ, солидный племянникъ Бирюкова, не былъ даже въ Ханскихъ-Прудахъ, въ пятницу, на знаменитомъ обѣдѣ (сказать мимоходомъ, обѣдъ этотъ далеко не достигъ своей цѣли). Все это было въ высшей степени скверно и неблагопріятно, но Аристархъ Ѳедоровичъ все еще обнадеживалъ себя мыслью, что ожидаемыя лица пріѣдутъ не сегодня, такъ завтра—и все пойдетъ, какъ по маслу.

Хуже всего, по мнѣнію Балахнова, было то, что Окатовы готовятся дать балъ тотчасъ же послѣ бала Балаклеевыхъ. Вотъ этого-то бала онъ никакъ не могъ переварить. Онъ твердо былъ увѣренъ, что окатовскій балъ будетъ чѣмъ-то въ родѣ конгресса, на которомъ, весьма легко можетъ статься, рѣшится его собственная судьба, точно такъ же, какъ судьба всѣхъ его приверженцевъ. Прибытіе Бирюкова, Мясоитянова, Сербина, Крановича и другихъ не будетъ ли въ этомъ случаѣ безполезно? При всемъ томъ, духъ Аристарха Ѳедоровича былъ еще бодръ; великій человѣкъ все еще не терялъ надежды выйти побѣдителемъ изъ многотрудныхъ обстоятельствъ. Впрочемъ, Аристархъ Ѳедоровичъ сдѣлалъ уже всѣ необходимыя распоряженія, чтобъ хоть сколько-нибудь предотвратить зло окатовскаго бала. Надлежало, во что бы то ни стало, задать балъ или празднество, которое заставило бы говорить весь городъ и затмило бы все видѣнное донынѣ въ Черноряжскѣ. Съ первыми слухами о праздникѣ Окатова, Аристархъ Ѳедоровичъ послалъ въ Ханскіе-Пруды письмо съ нарочнымъ. Въ письмѣ ясно значилось, что Лизавета Семеновна должна немедленно прибыть въ Черноряжскъ; вмѣсто объясненій, Аристархъ Ѳедоровичъ написалъ только: „Взять всѣ бальныя платья и также для визитовъ; перчатки и цвѣты найдешь въ Черноряжскѣ...“ Внизу, вмѣсто постскриптумъ, Аристархъ Ѳедоровичъ просилъ захватить всѣ бумаги, касающіяся женинаго и дѣтскаго имѣнія; „бумаги эти, писалъ онъ, необходимы для справокъ, касательно общаго положенія дѣлъ имѣнія въ Опекунскомъ Совѣтѣ“.

Вотъ и все. Аристарха Ѳедоровича бѣсило, слѣдовательно то только, что Окатовъ опередитъ его. „А впрочемъ, посмотримъ! думалъ онъ. — Постараемся пригнать такимъ образомъ, чтобъ задать балъ наканунѣ самыхъ выборовъ... Свѣжее впечатлѣніе всегда сильнѣе дѣйствуетъ...

Посмотримъ, гм! Да, посмотримъ!..“ Въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда Аристархъ Өедоровичъ, проникнутый насквозь такою утѣшительною мыслью, потиралъ себѣ руки, Сидоръ доложилъ, что пришелъ Иванъ, служившій когда-то у Карачаева, пришелъ вмѣстѣ съ Калиною, и оба просятъ позволенія повидаться съ Аристархомъ Өедоровичемъ.

— Хорошо, скажи, чтобъ вошли, произнесъ Балахновъ, улыбаясь при мысли, что Иванъ и Калина, извѣщенные, по всѣмъ вѣроятностямъ, людьми Окатова о предстоящемъ балѣ, сообщатъ ему кой-какія подробности.—Скажи, чтобъ вошли, повторилъ онъ.

Минуту спустя, въ дверяхъ показалась веселая, добродушная физіономія карачаевскаго Ивана.

Онъ былъ во фракѣ; изъ-подъ его пестраго жилета, украшеннаго бронзовой цѣпочкой съ застежкою, изображавшею сердце, гордо выпучивалась туго-накрахмаленная манишка; въ лѣвой рукѣ его находилась шляпа, въ правой держалъ онъ свертокъ печатныхъ листовъ. Наружность Ивана отражала вообще довольство, достигшее высшихъ предѣловъ.

— Здравствуйте, сударь! сказалъ Иванъ, свободно раскланиваясь и почтительно закладывая за спину руку, вооруженную шляпой. — Осмѣлился, сударь, обезпокоить васъ своимъ поклономъ... все ли вы, сударь, въ добромъ здоровьи?..

— Спасибо, любезный, спасибо, вымолвилъ Аристархъ Өедоровичъ, покачиваясь въ креслахъ. — Ну, а гдѣ жъ Калина?.. мнѣ сказывали, что и онъ пришелъ...

— Здѣсь, сударь... произнесъ хриплый голосъ въ сосѣдней комнатѣ, при чемъ изъ-за половинки двери показались фалды затрапезнаго казакина и исполинскіе, загнутые вверхъ носки сапогъ.

— Добро пожаловать, Калина Васильичъ! шутливымъ тономъ крикнулъ Балахновъ.—Дайте на себя взглянуть...

Калина медленно, словно нехотя, вошелъ въ кабинетъ, отвѣсилъ сухой поклонъ, сталъ у двери и мрачно нахмурилъ брови. Въ наружности горшковскаго живописца произошли значительныя перемѣны: брови его и волоса посѣдѣли совершенно; клюковный носъ его изсиза-бирюзоваго цвѣта перешелъ въ ярко-малиновый и принялъ издали такой видъ, какъ будто на него налѣпили листокъ краснаго маку.

— Здравствуй, старина! сказалъ Аристархъ Өедоровичъ, и вдругъ разразился смѣхомъ.

При этомъ глаза Калины исчезли окончательно подъ бровями.

— Здравія желаю, ваше благородіе! проговорилъ онъ самымъ недовольнымъ тономъ.

— Ну, что, какъ поживаешь?..

— Ничего, ваше благородіе, подхватилъ художникъ тѣмъ же обиженнымъ тономъ,—живемъ, слава Богу... чужого хлѣба не ѣдимъ!..

— Гдѣ же ты живешь? спросилъ Балахновъ.

— Я вездѣ найду мѣсто, потому что, ваше благородіе, я все могу сполнить, все могу, подтвердилъ Калина голосомъ язвительнаго укора.

— Калина Васильичъ живетъ, сударь, покуда у меня, сказалъ Иванъ. — Я, какъ полагаю, извѣстно вамъ изъ газетъ, открылъ здѣсь театръ... такъ вотъ Калина Васильичъ насчетъ, то-есть, кулисъ и декорацій... Всѣ эти дѣла у него на рукахъ... Хлопотъ, сударь, какъ вы изволите знать, много; безъ Калины Васильича мы не знали бы, что и дѣлать; здѣсь, сударь, не столица...

Калина расправилъ брови, развелъ руками и произнесъ словоохотливо:

— Извѣстно, что не столица... какая столица!.. поди-ка поищи... У насъ, сударь, живетъ также при труппѣ... тотъ, бишь... знаете, ваше благородіе...

— Кто такой? разсѣянно спросилъ Аристархъ Өедоровичъ.

— Нѣтъ, сударь, Калина Васильичъ хотѣлъ вамъ сказать насчетъ своей дочери... Изволите помнить, что̀ Палашкой-то звали? заговорилъ съ поспѣшностью Иванъ, толкая сзади Калину и давая ему знать глазами, что онъ чуть было не проболтался, — такъ и она, сударь, также находится при труппѣ, продолжалъ Иванъ съ увѣренностью,—покуда еще, конечно, ничего не дѣлаетъ, учится только; но, авось, Богъ дастъ, выучится, произойдетъ нашу науку, выпустимъ на сцену и станетъ доставать хлѣбъ старику своему... Сами изволите видѣть, человѣкъ ужъ въ лѣтахъ, не молодой, пора ему на покой! заключилъ Иванъ, указывая на Калину.

Калина стоялъ потупя голову и потиралъ ладонью глаза, въ которыхъ навертывались слезы.

— А дѣвчонка рѣзвая, славная такая, подхватилъ

Иванъ. — Ужъ на что, кажется, сударь, наше ремесло очень трудное, терпѣнія много надо, да и доброй воли также; а она старается; нечего сказать, дѣвочка славная!

Калина провелъ рукою по глазамъ и сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Ничего нѣтъ хорошаго! проговорилъ онъ, махнувъ рукою.—Какъ есть, ваше благородіе, хорошаго ничего въ ней нѣтъ... проку не вижу никакого!..

— Полно, Калина Васильичъ, возразилъ Иванъ,—говоришь ты, братецъ, противъ своей совѣсти!.. Вотъ вѣдь и Адольфъ Карлычъ говорилъ тебѣ то же самое...

— Какой это Адольфъ Карлычъ? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, начинавшій уже, повидимому, терять терпѣніе.

— А это, сударь, прежній мой товарищъ, изъ компаніи Вейнерта; можетъ быть, слышали по газетамъ? Его всѣ знаютъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ; любимецъ, можно сказать, всей публики!.. Первымъ силачомъ считается послѣ Карла Карлыча Рапо; на масленицу онъ уѣдетъ въ Москву, а до того времени, помня старую дружбу, нанялся у меня представлять Геркулеса; въ досужее время обучаетъ онъ кой-кого изъ ребятъ... вотъ также и дочь Калины Васильича... Да вотъ, сударь, не угодно ли вамъ взглянуть на афишу; я, признаться, затѣмъ и пришелъ... Надѣюсь, сударь, вы удостоите посѣтить наши представленія?.. Все здѣшнее дворянство у меня бываетъ!.. заключилъ Иванъ, поспѣшно развертывая афишу и подавая ее Аристарху Ѳедоровичу.

— Спасибо, любезный, спасибо! непремѣнно приду. Когда же у васъ представленія?.. я разумѣю въ какіе дни и часы?..

— Извольте прочесть... на афишѣ все сказано, произнесъ Иванъ, самодовольно выпрямляясь и разводя рукою.

Аристархъ Ѳедоровичъ кашлянулъ и прочелъ сквозь зубы:

„И. О. ИВАНОВЪ,

съ обществомъ, состоящимъ изъ восьми человѣкъ, въ теченіе октября мѣсяца будетъ имѣть честь дать:

Большія *чрезвычайныя* представленія

въ двухъ отдѣленіяхъ:

1 Отдѣленіе

(доселѣ здѣсь невиданное).

Африканско-индійско-сирійскія игры

(съ новыми декораціями).

1) Соперничество людей съ лягушками. 2) Испанскій столъ. 3) Желѣзныя руки представитъ знаменитый Адольфъ Мейеръ. 4) Помпейская колонна, представленная г. Ивановымъ. 5) Пирамида индійцевъ. 6) Прогулка съ пятью человѣками на двухъ плечахъ. 7) Мельница, представленная г. Ивановымъ.

2 Отдѣленіе

(доселѣ здѣсь невиданное).

Академія живыхъ картинъ и галлерея новыхъ и древнихъ образцовыхъ произведеній ваянія:

1) Гнѣвъ Геркулеса (антикъ) Г. А. Мейеръ и Ивановъ.
2) Грація (антикъ) Г-жа Глафира Пшеславская.
3) Божества Олимпа (антикъ): Юпитеръ (Г. Ивановъ), Аполлонъ (Г. Ардаліонъ П***), Венера (Г-жа Глафира Пшеславская...“

— Ба! да ужъ не жена ли твоя? спросилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, отрывая глаза отъ афиши и устремляя ихъ на Ивана.

— Такъ точно-съ, отвѣчалъ Иванъ, который не могъ замѣтить насмѣшливой улыбки на лицѣ Аристарха Ѳедоровича, потому что во все время чтенія афиши держалъ голову кверху и самодовольно прищуривалъ глаза.

— Любопытно, очень любопытно. Ну, а что жъ я не вижу имени Калины?.. Неужто онъ не участвуетъ въ картинахъ и не представляетъ какого-нибудь антика? продолжалъ шутить Балахновъ.

— Чего-съ? произнесъ Калина, покачивая головой съ выраженіемъ укоризны.—Нѣтъ, ваше благородіе, старъ я сталъ для эвтакого дѣла... Э-эхъ! вотъ, примолвилъ онъ, постукивая себя по сѣдой головѣ, — семьдесятъ лѣтъ не помѣха, то-то же, ваше благородіе...

Калина хотѣлъ еще что-то примолвить, но махнулъ рукой и отвернулся къ двери съ такимъ видомъ, который ясно высказывалъ слѣдующую мысль: „Что говорить съ пустымъ человѣкомъ!“

— Непремѣнно приду! непремѣнно! вымолвилъ Балахновъ, кладя афишу на столъ.

— Сдѣлайте такое ваше одолженіе, сударь! подхватилъ Иванъ, раскланиваясь и разводя шляпой. — О насъ, сударь, писали во всѣхъ газетахъ, и всѣ господа, которые

были на нашихъ представленіяхъ, остались весьма довольны... Да вотъ, сударь, если вамъ будетъ угодно взглянуть сюда... присовокупилъ онъ, ставъ на одну ногу и развертывая на согнутомъ колѣнѣ другой печатный листъ,— это напечатано въ здѣшнихъ вѣдомостяхъ... извольте взглянуть...

— Хорошо, хорошо, я посмотрю послѣ... проговорилъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Вотъ ужъ, сударь, сдѣлайте милость, прочтите теперь... сдѣлайте такое ваше одолженіе!.. примолвилъ Иванъ убѣдительнымъ тономъ.

Аристархъ Ѳедоровичъ умѣлъ, какъ ужъ извѣстно, извлекать выгоды изъ ничтожнѣйшихъ обстоятельствъ. Желая употребить съ пользою визитъ Ивана и Калины, онъ рѣшился подавить въ себѣ чувство нетерпѣнія и расположить къ себѣ гостей своихъ. Основываясь на этихъ данныхъ, онъ благосклонно взялъ поданный ему листъ и съ снисходительностью, свойственною въ такихъ случаяхъ, прочелъ вслухъ слѣдующую статейку:

„Нигдѣ не скучно видѣть необыкновенные феномены природы или искусства; но на конной площади, въ только что отстроенномъ театрѣ, и особенно при великолѣпіи декорацій, они принимаютъ характеръ болѣе величественный, болѣе привлекательный и, слѣдовательно, сильнѣе дѣйствуютъ на воображеніе и мысли зрителя даже самаго обыкновеннаго; словомъ: подвиги нашихъ Геркулесовъ, Иванова и Мейера въ Черноряжскѣ, увеселяютъ зрителей гораздо болѣе, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ; а тѣмъ изъ нихъ, которые при всякомъ удобномъ случаѣ пользуются еще запасомъ памяти, обогащенной классическимъ воспитаніемъ, сіи подвиги напоминаютъ въ Черноряжскѣ о немейскомъ подвигѣ Геркулеса-Иракла, одѣвшемъ мощныя рамена свои безсмертнымъ трофеемъ знаменитой побѣды, одержанной надъ лютѣйшимъ изъ владыкъ лѣсныхъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, кажется, что силы нашихъ двухъ Иракловъ еще болѣе развились на свѣжемъ воздухѣ Черноряжска и что, подобно древнему Сампсону, Ивановъ и Мейеръ могли бы, кажется, взнесть на нашу прирѣчную гору врата Газы.

„Привыкши удивляться собственно силѣ новыхъ нашихъ Иракловъ, ужъ смотришь равнодушнѣе на дѣйствіе ихъ мускуловъ; но все-таки невозможно надивиться тому,

какимъ образомъ члены этихъ силачей—съ виду довольно тщедушныхъ и малорослыхъ — не разлетятся вдребезги отъ тяжестей, которыя падаютъ на нихъ, какъ на вражескія батареи... Вотъ вопросъ, и физіологія этого вопроса была бы въ изъясненіи своихъ законовъ чрезвычайно любопытна для науки. По крайней мѣрѣ, любопытство нашей публики до сихъ поръ еще не слабѣетъ. Таковы преимущества людей и вещей, ознаменованныхъ печатью рѣдкости!“

— Славно! прекрасно! о-очень... очень хорошо! воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ. — Непремѣнно пріѣду: это дѣйствительно достойно вниманія... да... непремѣнно пріѣду... Ну, кстати объ увеселеніяхъ, примолвилъ онъ, опрокидываясь въ кресло и закидывая одну ногу на другую,— нѣтъ ли у васъ, въ Черноряжскѣ, еще чего-нибудь?.. не готовятся ли, напримѣръ, какіе-нибудь праздники, обѣды?.. Вы, я чай, и особенно ты, Иванъ, должны были что-нибудь слышать?.. Ты, вѣдь, ходишь по всѣмъ домамъ съ афишками, долженъ, слѣдовательно, быть свѣдущъ насчетъ того, что̀ дѣлается въ городѣ... Разсказывай, любезный, разсказывай!..

— Много, сударь, всего готовится, добродушно отвѣчалъ Иванъ, — будутъ, какъ слышно, и балы, и обѣды... Много готовится всякаго веселья! Говорятъ, ни въ одномъ году не было такихъ приготовленій въ Черноряжскѣ... Вотъ вы, я чай, слышали: господа Балаклеевы задаютъ балъ—никакъ въ четвергъ, на будущей недѣлѣ...

— Знаю, знаю... торопливо проговорилъ Аристархъ Ѳедоровичъ.—Ну, а еще что?.. Мнѣ сказывали... Окатовъ?..

— Да-съ, и они также: говорятъ, балъ будетъ диковинный!.. Всю квартиру передѣлывали, даромъ что наемная; да вотъ, Калина Васильичъ вамъ лучше скажетъ, онъ тамъ былъ...

— Ба! зачѣмъ же понадобился Калина?

— Призывали кое-гдѣ подкрасить, кое-гдѣ вновь расписать потолокъ залы, отвѣчалъ Иванъ, подталкивая декоратора черноряжскаго театра.

— Ну, разсказывай, разсказывай, Калина Васильичъ! ласково произнесъ Балахновъ.

— Да что разсказывать, вымолвилъ Калина,—призывали да и все тутъ!.. я свое дѣло всегда могу сполнить, вотъ что! потому что я, ваше благородіе, все могу! арабескъ ли, другое что... все могу!.. подхватилъ онъ съ увѣренностью.

Но Аристархъ Өедоровичъ, зная по опыту, что Калина, попавъ разъ на эту тему, пойдетъ развивать ее до безконечности, снова обратился къ Ивану и осадилъ его вопросами.

— Однимъ словомъ сказать, балъ, сударь, будетъ на удивленье, — такъ всѣ говорятъ, повѣствовалъ Иванъ. — Вотъ теперь, сказываютъ, въ одномъ только у нихъ остановка...

— Въ чемъ же, въ чемъ? спросилъ Аристархъ Өедоровичъ, поворачиваясь въ своемъ креслѣ.

— Въ цвѣтахъ, сударь.

— Въ какихъ цвѣтахъ?

— Извѣстно, сударь, въ обыкновенныхъ; здѣсь, изволите ли видѣть, верстахъ въ пяти находятся оранжереи, которыя принадлежатъ графинѣ... имя не запомню... живетъ она за границей; господинъ Окатовъ отнесся къ управителю: не можетъ ли, то-есть, дать цвѣтовъ внаймы для бала; а управитель дорого очень проситъ, такъ у нихъ идутъ теперь переговоры...

При этомъ восторженная улыбка озарила лицо Аристарха Өедоровича и онъ поспѣшилъ отвернуться къ окну, чтобъ скрыть ее отъ своихъ собесѣдниковъ. Давъ себѣ слово послать немедленно или самому поѣхать къ управителю и порѣшить съ нимъ, во что бы ни стало, статью о цвѣтахъ — онъ осадилъ Ивана новыми вопросами въ отношеніи къ окатовскому балу.

— Ну, хорошо, любезный; спасибо тебѣ; спасибо и тебѣ, Калина, что навѣстилъ меня, сказалъ Аристархъ Өедоровичъ, когда любопытство его насытилось въ полной мѣрѣ. — Въ театръ я непремѣнно пріѣду... Ну, а теперь... теперь мнѣ покуда некогда, прощайте! заключилъ онъ, дѣлая выразительный жестъ рукою.

— Виноватъ, сударь, если я обезпокою васъ своею просьбою... проговорилъ Иванъ, снова приподымая колѣно и свертывая на немъ статью черноряжскихъ вѣдомостей.

— Что такое? спросилъ Аристархъ Өедоровичъ, обнаруживая на этотъ разъ явное нетерпѣніе.

— Я хотѣлъ, сударь, спросить у васъ о Павлѣ Петровичѣ... Вамъ, я полагаю, извѣстно, гдѣ они теперь находятся: здоровы ли они и въ какомъ живутъ положеніи?..

— Живетъ онъ у меня, покуда, въ Ханскихъ-Прудахъ, здоровъ, какъ быкъ... ну, что еще?

— Да ничего, сударь, покорно васъ благодарю; съ меня

и этого достаточно; знаю, по крайней мѣрѣ, что они здоровы и покойны... Признаться сказать, очень бы хотѣлось взглянуть на нихъ; да вотъ и жена моя, если вы изволите припомнить, Глафира, также о немъ вспоминаетъ... И то, сударь, сказать надо: трудно и забыть-то его...

— Ну, хорошо, хорошо! перебилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, — обо всемъ этомъ ты придешь поговорить завтра или въ другое утро; теперь мнѣ некогда, прощайте!.. примолвилъ онъ, вставая и выразительно указывая гостямъ на дверь временного кабинета.

Какъ только шаги Ивана и Калины замолкли, Аристархъ Ѳедоровичъ позвалъ Сидора и приказалъ ему немедленно съѣздить за управителемъ, о которомъ упомянулъ Иванъ.

— Если ему нельзя пріѣхать сей же часъ, сказалъ Балахновъ,—такъ передай ему отъ моего имени, чтобъ онъ оставилъ за мною цвѣты; что я согласенъ дать назначенныя имъ деньги и что завтра же утромъ пусть пріѣдетъ за задаткомъ... да смотри, не болтать; чтобъ никто не зналъ объ этомъ! заключилъ онъ строгимъ тономъ.

Остатокъ дня посвященъ былъ различнымъ планамъ и соображеніямъ. Въ числѣ новостей, сообщенныхъ Иваномъ, заключалось извѣстіе о томъ, что Солонеевъ и его богатый дядя, пріѣхавшіе ужъ въ Черноряжскъ, даютъ передъ выборами блистательный обѣдъ; это тоже не мало занимало Аристарха Ѳедоровича по той именно причинѣ, что и ему, слѣдовательно, представлялась теперь крайняя необходимость противопоставить обѣду Солонеева свой собственный обѣдъ. Иначе и быть не могло. На слѣдующее утро, статья о цвѣтахъ была окончательно рѣшена между управителемъ графини и Аристархомъ Ѳедоровичемъ, къ совершенному удовольствію обѣихъ сторонъ. Оставалось теперь заняться другими, не менѣе важными статьями—касательно предстоящаго бала и обѣда; надлежало переговорить заблаговременно съ мебельщиками, нанять повара, официантовъ, устроить такъ, если это возможно, чтобы скупить такое количество стеариновыхъ свѣчъ, которое могло бы поставить въ затруднительное положеніе Окатова, и проч., и проч. Аристархъ Ѳедоровичъ принялся дѣятельно за работу. Съ этого дня кабинетъ его представлялъ по утрамъ сборище купцовъ, лакеевъ и подрядчиковъ; всѣ, можно сказать, выходили отъ него очень довольными; каждый получалъ или задатокъ,

или на водку, съ тѣмъ, однакожъ, чтобъ не болтать лишняго. Въ продолженіе этого дѣятельнаго и вполнѣ заслуженнаго періода своей жизни, Аристархъ Ѳедоровичъ получилъ пригласительный билетъ на балъ къ Балаклеевымъ; но, занятый своими планами и соображеніями, онъ не обратилъ тогда на него особеннаго вниманія. Тревожное безпокойство, овладѣвшее Аристархомъ Ѳедоровичемъ въ первые дни пріѣзда его въ Черноряжскъ, было, повидимому, совершенно вытѣснено изъ сердца. Изрѣдка лишь, когда возвращался онъ домой и спрашивалъ: „Пріѣзжалъ ли кто-нибудь безъ меня?“ и когда Сидоръ отвѣчалъ: „Никто не бывалъ-съ!“—брови его хмурились и на лицѣ проступало неудовольствіе; но вообще это продолжалось недолго. Онъ питалъ твердую увѣренность, что какъ только пріѣдутъ его приверженцы, все пойдетъ какъ по маслу. Главный расчетъ его основывался на Лизаветѣ Семеновнѣ: вмѣстѣ съ ея появленіемъ и, особенно, послѣ того, какъ она объѣздитъ съ визитомъ черноряжскихъ барынь, общественное положеніе его приметъ, естественнымъ образомъ, самый благопріятный колоритъ. Въ ожиданіи этого счастливаго переворота, онъ послалъ въ Ханскіе-Пруды еще два письма, содержаніе которыхъ было равносильно содержанію первыхъ двухъ писемъ.

XVIII.

Аристархъ Ѳедоровичъ присутствуетъ на одномъ балѣ и выноситъ оттуда самое невыгодное мнѣніе въ отношеніи къ человѣчеству и касательно хозяевъ дома въ особенности.

Время, между тѣмъ, бѣжало, по своему обыкновенію, подъ гору, увлекая за собою дни, часы, минуты и секунды, съ такою быстротою, что Аристархъ Ѳедоровичъ пришелъ даже въ нѣкоторое изумленіе, когда настал, наконецъ, знаменитый четвергъ, долженствовавшій сдѣлаться еще знаменитѣе, благодаря балу Балаклеева. Это обстоятельство набросило нѣсколько капель холодной воды на разгоряченную голову великаго мужа. Онъ заперся въ кабинетѣ, никого не приказалъ пускать и мысленно погрузился въ созерцаніе предстоящаго бала. Появленіе Аристарха Ѳедоровича, безспорно, должно будетъ произвести громадный эффектъ — это не подлежитъ сомнѣнію.

Главный вопросъ состоялъ, слѣдовательно, въ томъ только: какого рода будетъ этотъ эффектъ—благопріятный или неблагопріятный? Настоящія обстоятельства требовали, разумѣется, самаго благопріятнаго эффекта. Это было бы ясно грудному младенцу. Мало того, появленіе Аристарха Ѳедоровича долженствовало заронить искру стыда и раскаянія въ сердца враговъ его, заставить ихъ содрогнуться при мысли, какъ опрометчиво поступали они, идя постоянно наперекоръ возвышеннымъ стремленіямъ благороднаго Балахнова.

Сознавая всю важность такого предмета, Аристархъ Ѳедоровичъ принялся обдумывать каждое движеніе, каждый шагъ, каждое слово, которому суждено излиться изъ краснорѣчивыхъ устъ его. Затѣмъ, онъ обратилъ исключительное вниманіе на дамъ; зная, какимъ авторитетомъ пользуются нѣкоторыя изъ нихъ въ домашнемъ быту, онъ поспѣшилъ обогатить свой умъ запасомъ риторическихъ фигуръ и оборотовъ самаго обворожительнаго свойства. Фигуры эти заняли въ мозгу его совершенно особенное отдѣленіе, двери котораго предназначалось раскрывать однѣмъ только особамъ прекраснаго пола.

Часовъ въ десять вечера Аристархъ Ѳедоровичъ вышелъ изъ своего кабинета, вооруженный съ головы до ногъ, какъ Минерва. Наружная броня его, состоявшая изъ чернаго фрака, черныхъ панталонъ, высокаго, бѣлаго, непомѣрно туго накрахмаленнаго галстука и такого же жилета, казалась столько же надежною, сколько нравственное его вооруженіе.

Музыка гремѣла ужъ полнымъ оркестромъ, къ великому удовольствію танцоровъ и вящшему наслажденію уличной черни, которая мѣсила грязь подъ окнами балаклеевскаго дома, когда Аристархъ Ѳедоровичъ вступилъ въ большую залу.

То была пространная бѣлая комната, освѣщенная безчисленнымъ множествомъ свѣчъ (къ какому бы разряду ни принадлежали провинціальные балы, блестящее освѣщеніе играетъ всегда главную роль); въ дверяхъ, расположенныхъ направо и налѣво, открывались перспективы другихъ комнатъ, заставленныхъ ломберными столами и запруженныхъ посѣтителями. Но въ первую минуту Аристархъ Ѳедоровичъ ничего не могъ различить. Ослѣпительный блескъ огней, грохотъ оркестра и его собственное волненіе сильно къ тому способствовали. Ему показалось,

что онъ упалъ съ неизмѣримой высоты въ бушующее море кисейныхъ юбокъ, наколокъ, цвѣтовъ, локоновъ, фраковъ, завитковъ, батистовыхъ платковъ, лакированныхъ сапогъ и дамскихъ атласныхъ башмаковъ. Онъ поспѣшилъ, однакожъ, овладѣть собою и грудь его мгновенно приняла свою всегдашнюю величавую выпуклость. Первый предметъ, поразившій глаза Аристарха Ѳедоровича, былъ Солонеевъ, не дядя Солонеевъ, но племянникъ, заклятый врагъ его, танцовавшій съ хозяйкою дома. Госпожа Балаклеева принадлежала къ разряду такихъ дамъ, у которыхъ преждевременное развитіе стана и другихъ частей корпуса совершилось съ очевиднымъ ущербомъ для ногъ; лицо ея, пухлое и румяное, отличалось необыкновенною свѣжестью и веселостью; послѣднее обстоятельство приписывала она всегда своей беззаботной жизни и особенно тому, что не имѣла дѣтей; при этомъ мысль была та, разумѣется, что очень хорошо не имѣть дѣтей въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо скрывать настоящее число лѣтъ. Пораженный довольно непріятно первымъ впечатлѣніемъ, Аристархъ Ѳедоровичъ обратилъ глаза въ другую сторону; но второе впечатлѣніе было чуть ли еще не непріятнѣе перваго. Онъ увидѣлъ, что хорошенькая Анна Васильевна Кошкина танцовала съ хозяиномъ дома. Анна Васильевна (такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Балахнову) кокетничала нестерпимымъ образомъ съ Балаклеевымъ; она поминутно наклоняла на бокъ голову съ тою очевидною цѣлью, чтобъ кавалеръ ея могъ любоваться ея шейкой; небрежно бросалась на стулъ, при чемъ маленькая ножка ея, обутая въ атласный башмачокъ, выглядывала какъ бы невзначай изъ-подъ платья; Анна Васильевна вызывала на лицѣ своемъ цѣлый рядъ очаровательныхъ улыбокъ, и черными, блестящими глазками окутывала своего танцора. Балаклеевъ вертѣлся, пыхтѣлъ, улыбался и не оставался минуты въ покоѣ; всему этому, какъ ясно замѣтилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, конечно, способствовала Анна Васильевна Кошкина. — „Со стороны Балаклеева плохая надежда... съ этой стороны почти все пропало!“ подумалъ Балахновъ, подавляя болѣзненное ощущеніе въ своемъ сердцѣ. Мысль эта укрѣпилась еще сильнѣе, когда Аристархъ Ѳедоровичъ увидѣлъ неподалеку Семена Семеновича Кошкина, который корчилъ свое лицо и дѣлалъ, помощью своихъ золотыхъ очковъ, телеграфическіе знаки женѣ, знаки (Аристархъ Ѳедоровичъ не сомнѣвался въ

этомъ), имѣвшіе цѣлью поощрить кокетство Анны Васильевны. Кошкинъ стоялъ, облокотившись на спинку стула, и, въ минуты свободныя отъ таинственной пантомимы, униженно нашептывалъ что-то на́-ухо Софьѣ Алексѣевнѣ Окатовой, сидѣвшей на сосѣднемъ стулѣ. Гордый, величавый видъ Окатовой пробудилъ въ сердцѣ Аристарха Ѳедоровича сознаніе ничтожества собственной жены.—„Этой женщинѣ слѣдовало бы быть не Окатовой, а Ба́лахновой“, подумалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, „а Балахнову слѣдовало бы имѣть женою не Лизавету Семеновну, а Софью Алексѣевну!“ Роскошныя плечи Окатовой, урожденной княжны Жирофле-Никитской, не удостоивали даже повертываться къ Кошкину и сохраняли неподвижность мрамора; движенія ея ограничивались помахиваніемъ пушистаго вѣера изъ страусовыхъ перьевъ съ зеркальцемъ посерединѣ; презрительная, надменная улыбка была на губахъ ея, когда она слушала Кошкина, и та же презрительная улыбка обращалась ко всему, что окружало ее. Вниманіе Аристарха Ѳедоровича удвоилось, когда Балаклеева, выбравъ свободную минуту, подошла къ Окатовой. Балаклеева наклоняется и шепчетъ ей что-то на̀-ухо. Семенъ Семеновичъ также наклонился и сказалъ, повидимому, что-то очень забавное, потому что обѣ дамы засмѣялись, при чемъ Балаклеева обвела глазами залу и сдѣлала какой-то предостерегательный знакъ. Аристархъ Ѳедоровичъ замѣтилъ тогда, что глаза Кошкина и обѣихъ дамъ стали медленно и какъ бы машинально обращаться въ его сторону. Онъ поспѣшилъ принять равнодушный видъ, не забывъ выпучить грудь и представить изъ всей своей фигуры образецъ благородства и привлекательной сановитости.

— Здравствуйте, мсьё Балахновъ, bonjour, или, лучше сказать: bon „souar“... чрезвычайно пріятно! послышалось неожиданно за его плечами. Но Аристархъ Ѳедоровичъ, узнавъ голосъ Бобохова, и зная, съ другой стороны, что его наблюдаютъ, не тронулся съ мѣста, не пошевелилъ волоскомъ, чтобъ не испортить впечатлѣнія, которое должна была пробуждать въ эту минуту его благородная наружность.

Онъ поневолѣ принужденъ былъ, однакожъ, поклониться выскочкѣ, когда безконечно-длинный бѣлый жилетъ и львиные бакенбарды Бобохова очутились передъ его глазами.

— Чрезвычайно пріятно... когда вы пріѣхали? заговорилъ Бобоховъ, прищуривая свои рысьи глазки.

— Недѣли полторы... отвѣчалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, наводя уголъ глаза на ту часть залы, гдѣ сидѣла Окатова, и продолжая олицетворять неподвижный типъ благородства.

— А я пріѣхалъ всего только нынче утромъ, прямо изъ Москвы, подхватилъ Бобоховъ. — Ахъ, знаете, мсьё Балахновъ, я привезъ чрезвычайно непріятную новость: нашъ общій знакомый, мой другъ Чиндаласовъ, очень боленъ...

— Весьма сожалѣю, разсѣянно сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, — ну, а не знаете ли вы что-нибудь о пріятеляхъ Чиндаласова: Сербинѣ и Крановичѣ? Скоро они пріѣдутъ сюда?.. Вѣдь они, какъ сказывалъ мнѣ Чиндаласовъ, собирались сюда на время выборовъ? примолвилъ онъ, обращая въ первый разъ глаза свои на выскочку.

— Помилуйте, какъ же мнѣ не знать этого! Сербинъ и Крановичъ задушевные мои пріятели... Я могу сказать вамъ положительно, что они отложили намѣреніе пріѣхать въ Черноряжскъ, оба остались въ Москвѣ и не отходятъ отъ Чиндаласова...

При этомъ извѣстіи, Аристархъ Ѳедоровичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, и лицо его утратило на минуту величаво-благородное выраженіе.—„Сербинъ и Крановичъ ускользнули изъ рукъ... еще двумя меньше!..“ подумалъ онъ.

— Я слышалъ... началъ опять Бобоховъ,—я слышалъ, мсьё Балахновъ, что вы на-дняхъ даете балъ?

Аристархъ Ѳедоровичъ вздрогнулъ, какъ будто его окатили ведромъ холодной воды.

— Балъ! я даю балъ! произнесъ онъ, стискивая вагенгеймовскіе зубы, чтобъ пріудержать восклицаніе изумленія, готовое вырваться изъ груди его, — да, дѣйствительно, я даю балъ; но кто жъ вамъ сказалъ объ этомъ? присовокупилъ онъ спокойнѣе.

— Помилуйте, всѣ говорятъ объ этомъ... весь городъ; я объѣздилъ нынче утромъ всѣ здѣшніе салоны—и вездѣ слышалъ о вашемъ балѣ.

Аристархъ Ѳедоровичъ ясно увидѣлъ, что купцы, подрядчики и офиціанты, которымъ строго предписано было держать языкъ за зубами, не сдержали своего обѣщанія и протрубили о его балѣ по всему Черноряжску. При этой мысли, негодованіе забушевало самымъ неистовымъ обра-

зомъ въ груди его. Но дѣлать было нѐчего; сказанное слово—не воробей, не поймаешь. Аристархъ Өедоровичъ рѣшился вознаградить себя слухами о томъ, что говорилось, по крайней мѣрѣ, о будущемъ его балѣ; основываясь на этомъ, онъ обратился къ Бобохову и произнесъ слѣдующую предварительную рѣчь:

— Надѣюсь видѣть на этомъ балѣ сосѣда своего, Ивана Дормидоныча Бобохова?..

— Ахъ, помилуйте... чрезвычайно пріятно...

Аристархъ Өедоровичъ протянулъ собесѣднику руку и примолвилъ:

— Ну, что жъ, скажите, говорятъ о моемъ балѣ?..

Но, къ сожалѣнію, Аристархъ Өедоровичъ остался при своемъ вопросѣ. Въ самую эту минуту, кадриль кончилась и Бобоховъ побѣжалъ стремглавъ приглашать даму.

Аристархъ Өедоровичъ поспѣшилъ отойти къ рѣзной жардиньеркѣ, уставленной цвѣтами, отчасти для того, чтобъ дать мѣсто дамамъ, но преимущественно съ тою цѣлью, чтобъ занять выгодное мѣсто и рельефнѣе выставить свою фигуру. Замѣтивъ, что хозяйка дома направлялась въ его сторону, онъ закинулъ правую руку за спину, граціозно перегнулъ корпусъ и, уткнувъ свой носъ въ кустъ левкоя, принялся вдыхать въ себя его запахъ съ видомъ страстнаго любителя цвѣтовъ.

Когда госпожа Балаклеева была уже въ трехъ шагахъ, Аристархъ Өедоровичъ сдѣлалъ очаровательный жестъ пріятнаго изумленія и поклонился; при этомъ ясно, однакожъ, значилось, что поклонъ этотъ не имѣлъ ровно никакого отношенія къ Солонееву, который поддерживалъ руку Балаклеевой. Но Солонеевъ не замѣтилъ этого маневра, потому что самъ глядѣлъ совершенно въ противоположную сторону.

— Вы, кажется, очень любите цвѣты, мсьё Балахновъ?.. сказала госпожа Балаклеева такимъ безцеремонно-выразительнымъ тономъ, который ясно показалъ Аристарху Өедоровичу, что Балаклеева намекала ему на цвѣты, такъ ловко перехваченные имъ у Окатовыхъ.

Буря негодованія закипѣла въ груди горшковскаго дипломата, но, со всѣмъ тѣмъ, лицо его осталось такъ же прекрасно и спокойно, какъ гладкая поверхность моря, облитая лучами заходящаго солнца.

— Можно ли не любить цвѣтовъ? сударыня, сказалъ онъ съ выраженіемъ любезности, какою могъ только рас-

полагать,—цвѣты—это, такъ сказать, эмблема женщины! добавилъ онъ съ граціознымъ наклоненіемъ головы.

Разговоръ, поддержанный такъ удачно Аристархомъ Ѳедоровичемъ, принялъ бы, конечно, болѣе широкіе размѣры, если бъ не помѣшала этому Софья Алексѣевна Окатова; въ ту минуту, какъ Балахновъ дѣлалъ напряженіе, чтобъ приподнять шлюзы того мозгового закоулка, гдѣ хранились риторическія фигуры, Софья Алексѣевна очутилась между нимъ и Балаклеевой; поровнявшись съ Балахновымъ, она повернулась къ нему спиною и, величественно размахивая своимъ страусовымъ вѣеромъ, прошла мимо, какъ будто вовсе не замѣтила его присутствія, какъ будто Аристарха Ѳедоровича вовсе и не было на свѣтѣ. Сдѣлавъ два-три шага, она повернула назадъ голову и подала дружелюбный знакъ Солонееву, который тотчасъ же послѣдовалъ за нею, увлекая хозяйку дома. Аристархъ Ѳедоровичъ ясно различилъ тогда, въ толпѣ, черный, лоснящійся парачокъ Кошкина; Семенъ Семеновичъ не замедлилъ очутиться между вѣеромъ Окатовой и цвѣтущимъ лицомъ Балаклеевой.

Аристархъ Ѳедоровичъ почувствовалъ досаду, какой, вѣрно, не испытывалъ еще ни одинъ смертный отъ сотворенія міра.

— Bon soir, cher мсьё Балахновъ! неожиданно воскликнулъ хозяинъ дома, останавливаясь передъ гостемъ,— comment vous... ah! pardon! pardon! заговорилъ онъ, снова проносясь молніею мимо Аристарха Ѳедоровича, и покатилъ, какъ кубарь, по направленію Анны Васильевны Кошкиной, которая показалась въ дверяхъ залы.

Патентованные зубы Аристарха Ѳедоровича невольно притиснули нижнюю губу и каблукъ праваго сапога его оставилъ неизгладимый знакъ на дубовомъ паркетѣ залы; сухой хряскъ, раздавшійся въ то же время за спиною знаменитаго мужа, возвѣстилъ краснорѣчиво, что новая шляпа его послужила главнымъ проводникомъ электрическому сотрясенію. Эффектъ, на который такъ разсчитывалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, былъ потерянъ. Никто не обращалъ на него малѣйшаго вниманія. Противъ истины горестнаго факта не могло быть возраженія. Аристархъ Ѳедоровичъ ошалѣлъ совершенно, если смѣемъ привести такое грубое слово для выраженія того душевнаго состоянія, въ которое повергло великаго человѣка поведеніе Балаклеева, Окатовой и прочихъ.

Оркестръ между тѣмъ заигралъ новую кадриль; танцовавшіе заняли свои мѣста; все вокругъ задвигалось, засуетилось и кисейныя платья снова заволновались, какъ пестрое море.

Но Аристархъ Өедоровичъ, успѣвшій уже овладѣть собою, мало обращалъ теперь вниманія на поверхностные предметы внѣшняго міра. Онъ уже вдумывался въ мірскую суету, вдумывался въ сложные вопросы, касательно мелочности человѣческаго общества; вдумывался еще сильнѣе въ ограниченность и страшное ничтожество нѣкоторыхъ лицъ, вертѣвшихся теперь передъ нимъ, какъ куклы. Все въ немъ, какъ нельзя яснѣе, подтверждало, что въ настоящую минуту онъ дѣйствительно питалъ глубокое презрѣніе ко всѣмъ этимъ людямъ. Философскія истины, развиваемыя по этому поводу въ дипломатической головѣ Балахнова, не замедлили оправдаться новыми фактами и— странное дѣло! надо же, чтобъ это случилось въ ту самую минуту, можетъ статься, когда Аристархъ Өедоровичъ, снова переполненный сознаніемъ своего превосходства, задумалъ ужъ протянуть руку ничтожному человѣчеству и примириться съ жалкою, но, увы! существующею дѣйствительностью!

Вотъ какъ это было:

Наступилъ промежутокъ между танцами; Аристархъ Өедоровичъ сдѣлалъ шагъ впередъ, чтобъ завязать разговоръ съ хозяйкою дома, какъ вдругъ въ дверяхъ залы показались два молодые человѣка, которые мгновенно приковали вниманіе Балаклеевой, а за нею и вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ. Одинъ изъ нихъ былъ какой-то графъ, какъ оказалось тотчасъ же изъ сосѣдняго шопота; другой былъ князь. Оба только что пріѣхали изъ Петербурга и, узнавъ о балѣ, поспѣшили представиться Балаклеевымъ, съ которыми были еще прежде знакомы.

Аристархъ Өедоровичъ, затушеванный такимъ неумѣстнымъ появленіемъ, подавилъ, однакожъ, досаду и, пробравшись сквозь толпу, занялъ выгодное мѣсто.

Хозяйка дома, поспѣшившая навстрѣчу пріѣзжимъ, была въ восторгѣ; хозяинъ дома забылъ, повидимому, на этотъ разъ Анну Васильевну Кошкину и радостно пожималъ руки новымъ гостямъ.

При этомъ, каблукъ Аристарха Өедоровича сдѣлалъ новый знакъ на паркетѣ и шляпа его получила новое, значительное углубленіе на самой макушкѣ.

— Вы не танцуете? спросила по-французски госпожа Балаклеева, обращаясь къ графу.

— Mille pardons, m'ame... я даже пригласилъ даму; къ сожалѣнію, всѣ дамы ангажированы до девятой кадрили, отвѣчалъ графъ.

— А вы, князь? спросила госпожа Балаклеева, обращаясь къ другому гостю.

— Mille pardons, m'ame... къ сожалѣнію, меня постигла участь графа; я точно такъ же не могу танцовать раньше девятой кадрили...

— Ахъ, Боже мой, да это предосадно! воскликнула Балаклеева, — впрочемъ, все это можно исправить... attendez...

Тутъ госпожа Балаклеева выступила на середину залы, оглянулась направо и налѣво и, обращаясь къ группамъ танцоровъ, сказала съ любезною непринужденностью:

— Messieurs et mesdames, мы только что танцовали третью кадриль... будемте танцовать теперь девятую, а потомъ опять четвертую, пятую и т. д. n'est ce pas?.. Eh bien c'est accordé! заключила она, подходя къ двумъ молодымъ людямъ и протягивая имъ руки.

Балаклеевъ поспѣшилъ дать знакъ музыкантамъ; оркестръ заигралъ девятую кадриль вмѣсто четвертой; танцоры заняли свои мѣста, и вскорѣ графъ и князь заколыхались между остальными танцорами.

Аристархъ Ѳедоровичъ былъ сраженъ вниманіемъ и предпочтеніемъ, какія оказывались двумъ молодымъ людямъ; его окончательно скомканная шляпа доказывала теперь ясно, что презрѣніе къ человѣческому роду укрѣпилось въ немъ навсегда.

Скрестивъ на груди руки, выставивъ немного правую ногу впередъ, онъ глядѣлъ на вертѣвшуюся, прыгавшую толпу и невольно напоминалъ своею фигурой ту странную литографію, гдѣ, между двумя плакучими березами, изображена тѣнь Наполеона, задумчиво созерцающая собственную свою гробницу.

Но такова была энергія и твердость этого истинно достойнаго мужа, что онъ и тутъ-таки находилъ случай занимать самыя выгодныя мѣста залы. Каждый разъ, какъ оркестръ умолкалъ и наступали промежутки, онъ становился всегда между графомъ и княземъ; неимовѣрно выпучивъ грудь и горделиво закинувъ голову, онъ думалъ завладѣть хоть приступомъ всеобщимъ вниманіемъ. Но

старанія Аристарха Өедоровича не имѣли ни малѣйшаго успѣха.

Всеобщее вниманіе все-таки исключительно устремлялось на двухъ молодыхъ людей, и взоры присутствовавшихъ перебѣгали отъ одного къ другому, какъ будто между ними находилось совершенно пустое пространство.

Потерявъ, наконецъ, всякое терпѣніе, Аристархъ Өедоровичъ направился въ смежныя комнаты, но съ этой стороны... нѣтъ, я не могу продолжать... рука измѣняетъ мнѣ... Кто опишетъ его ужасъ, когда увидѣлъ онъ въ дверяхъ двухъ лютѣйшихъ враговъ своихъ, Окатова и дядю Солонеева, которые дружелюбно разговаривали, держа другъ друга подъ-руку.

Какъ! Аристархъ Өедоровичъ глазамъ не вѣрилъ: какъ! Окатовъ и Солонеевъ помирились! Помирились эти два бывшіе когда-то врага, и помирились въ такое время... Все кончено! подумалъ дипломатъ, враги торжествуютъ! тутъ ужъ не поможетъ Бирюковъ.

Къ такому горестному заключенію привели его возмутительныя событія нынѣшняго вечера.

Какъ нѣкогда ярко горѣвшій свѣтильникъ, который уже потухаетъ, но передъ тѣмъ трещитъ и лучезарно вспыхиваетъ, Аристархъ Өедоровичъ выпучилъ грудь и гордо поднялъ голову... Напрасно, однакожъ, бодрился великій мужъ изъ Горшкова; духъ его видимо ужъ сокрушился. Чувствуя приближеніе рокового кризиса, Аристархъ Өедоровичъ поспѣшилъ оставить домъ Балаклеевыхъ. Свѣжій воздухъ морозной осенней ночи произвелъ благодѣтельное дѣйствіе на разгоряченный организмъ владѣтеля Ханскихъ-Прудовъ. Буря, клокотавшая въ груди его, уступила, мало-по-малу, мѣсто кроткой меланхоліи. Такъ всегда бывало съ Аристархомъ Өедоровичемъ. Вернувшись домой, онъ заперся въ своемъ кабинетѣ, опустился въ кресло, подперся локтемъ правой руки, и съ этой минуты грустное, сосредоточенное раздумье окончательно овладѣло его мозгомъ.

— За что все это? за что?.. Что я имъ сдѣлалъ? воскликнулъ наконецъ Аристархъ Өедоровичъ, поднявъ неожиданно голову и воздѣвъ руки къ потолку, съ выраженіемъ истинной глубокой скорби.

Такой порывъ былъ, однакожъ, не продолжителенъ.

Духъ смиренія снова овладѣлъ нашимъ героемъ. Онъ опустилъ голову на локоть, медленно придвинулъ къ себѣ

знаменитую записную книжку и, обмакнувъ перо, начерталъ нетвердою рукой слѣдующія слова:

„Если люди отказываютъ въ справедливомъ возмездіи за добродѣтели ваши, то не ропщите, но утѣшайте себя цѣлительною мыслью, что вы заслужили оное!“

Послѣ этого Аристархъ Өедоровичъ значительно успокоился. Со всѣмъ тѣмъ онъ долго еще не могъ сомкнуть глазъ. Сонъ овладѣлъ имъ тогда лишь, когда послѣдніе звуки каретъ, развозившихъ гостей Балаклеева, окончательно замолкли въ опустѣлыхъ улицахъ Черноряжска.

XIX.

Подвиги черноряжскаго Геркулеса-Иракла приводятъ въ неописанный восторгъ одного изъ героевъ этой исторіи, тогда какъ другой герой обнаруживаетъ къ нимъ совершеннѣйшее равнодушіе. Самоотверженіе стариннаго друга.

Сонъ Аристарха Өедоровича былъ очень тревоженъ. Звукъ экипажей, давно уже смолкнувшій, не переставалъ раздаваться въ ушахъ его во все продолженіе этой длинной, мучительной ночи. Безалаберныя, фантастическія грёзы осаждали поминутно его дипломатическій мозгъ. То казалось ему, что онъ снова присутствуетъ на балаклеевскомъ балѣ: Аристархъ Өедоровичъ съ изумленіемъ видитъ, какъ Нилъ Степановичъ Лукьяновъ завладѣлъ теперь возвышеніемъ, предназначеннымъ для оркестра. „Что это значитъ?“ спрашиваетъ Аристархъ Өедоровичъ.—„Значитъ то, мой почтеннѣйшій и премногоуважаемый Аристархъ Өедоровичъ, что людская клевета и ядовитая шипящая злоба мѣшали отдавать вамъ должную справедливость!“ торжественно говоритъ Лукьяновъ. „Ахъ, Боже мой! нѣтъ, мы никакъ не допустимъ, чтобъ вы, Аристархъ Өедорычъ, стали дожидаться послѣ этого девятой кадрили!“ восклицаетъ госпожа Балаклеева. Господинъ Балаклеевъ, который, неизвѣстно почему, сталъ вдругъ худощавъ и тощъ какъ флейта, даетъ знакъ Нилу Степановичу. Нилъ Степановичъ стучитъ по животу, расписанному наподобіе турецкаго барабана, бренчитъ пальцами по губамъ, и Аристархъ Өедоровичъ танцуетъ девятую кадриль съ Кошкиной. „Повѣрьте, мсьё Балахновъ, я никогда не прощу себѣ свое заблужденіе, говоритъ

очаровательнымъ голосомъ Анна Васильевна, — съ этой минуты, я и мужъ мой...“ Но тутъ голосъ Кошкиной начинаетъ слабѣть, наколка изъ цвѣтовъ на головѣ ея принимаетъ видъ бѣлой косынки, а сама она превращается въ Фіону Ивановну. „Зачѣмъ ты здѣсь?“ спрашиваетъ Аристархъ Ѳедоровичъ, нахмуривая брови и бросая грозный взглядъ на экономку. Фіона Ивановна дѣлаетъ очевидныя усилія, чтобъ принести свое оправданіе, но вареная въ молокѣ фига, которую носитъ она постоянно за щекою для смягченія флюса, мѣшаетъ ей пошевелить языкомъ. Аристархъ Ѳедоровичъ быстро удаляется, но глаза его повсюду встрѣчаютъ плюшевые жилеты изумруднаго цвѣта, наподобіе того, какой видѣлъ онъ въ Москвѣ у Чиндаласова. То чудилось ему, что онъ находится въ ночное время посреди необъятнаго глухого пустыря. Страшные раскаты грома не умолкаютъ ни на минуту; дождь льетъ ливнемъ, вѣтеръ только что снесъ его шляпу и яростно играетъ полами его сюртука. Мало-по-малу, въ отдаленіи начинаетъ показываться какое-то бѣлое пятно... ближе, ближе, и вдругъ, посреди пустыря, возникаетъ домъ Окатовыхъ. На балконѣ появляется Софья Алексѣевна съ своимъ страусовымъ вѣеромъ, украшеннымъ круглымъ зеркальцемъ. Аристархъ Ѳедоровичъ видитъ себя цѣликомъ въ томъ маленькомъ зеркалѣ и начинаетъ съ безпокойствомъ ощупывать свою грудь и голову, желая убѣдиться, занимаетъ ли онъ въ дѣйствительности такое маленькое мѣсто на землѣ. Но ужъ на балконѣ показались Кошкинъ, Окатовъ, Солонеевъ-дядя и Солонеевъ-племянникъ; всѣ они указываютъ пальцемъ на Аристарха Ѳедоровича и разражаются единодушнымъ хохотомъ; хохотъ этотъ тотчасъ же объясняетъ Балахнову причину грома, слышаннаго имъ за минуту. Аристархъ Ѳедоровичъ свирѣпо скрежещетъ патентованными зубами—и все исчезаетъ, за исключеніемъ зеркальца, въ которомъ долго еще видитъ онъ свое изображеніе въ самомъ уменьшенномъ видѣ. Потомъ Аристархъ Ѳедоровичъ ясно слышитъ, какъ скрипнула дверь временного его кабинета. „Кто тамъ?“ спрашиваетъ онъ. Нѣтъ отвѣта, но дверь продолжаетъ между тѣмъ скрипѣть; слухъ его различаетъ шарканье и стукъ нѣсколькихъ сапогъ. Онъ дѣлаетъ неимовѣрное напряженіе, чтобъ привстать съ постели, но напрасно: члены не повинуются ему, и только послѣ многихъ усилій удается ему раскрыть глаза. Кровь

застываетъ въ жилахъ Аристарха Өедоровича. Онъ видитъ, какъ въ двери кабинета вошли, одинъ за другимъ, Кошкинъ, Окатовъ и оба Солонеева. „Тссс... господа", говоритъ Кошкинъ, прикладывая указательный палецъ къ губамъ и таинственно прищуривая лѣвымъ глазомъ,— „мы застаемъ его теперь въ самую благопріятную минуту... не будите его!.."—„Ну, вотъ, очень нужно съ нимъ церемониться!" восклицаетъ дядя Солонеева,—„уничтожить его, такъ уничтожить!"—„Конечно, уничтожать, такъ уничтожать!" мужественно подтвердилъ Окатовъ. „Но куда-жъ мы его дѣнемъ?"—„Ничего нѣтъ проще, господа", подалъ голосъ Солонеевъ-племянникъ, — „мы спрячемъ его въ ту долину, гдѣ, помните, построилъ онъ скотный дворъ: тамъ нѣкогда стоялъ домъ моихъ предковъ!"—„Нѣтъ, господа, не согласенъ!" запищалъ Кошкинъ, потрясая чернымъ, лоснящимся парикомъ,—„я былъ его другомъ и, помнится даже, говорилъ рѣчь въ день его рожденія... изъ этого ясно слѣдуетъ, что, прежде чѣмъ уничтожу его, я долженъ выкурить трубку..."— „Прекрасно! прекрасно... и знаете ли что? мы закуримъ трубку его волосянымъ галстукомъ!!.."—„Нѣтъ, господа, опять не согласенъ", подхватилъ Кошкинъ,—„отъ галстука произойдетъ чадъ, а вотъ мы закуримъ трубку его записной книжкой, вотъ она штука-то въ чемъ!"—„Вотъ она штука-то въ чемъ!" повторили въ одинъ голосъ всѣ присутствовавшіе. — „Да, вотъ она штука-то въ чемъ!" закричалъ громче всѣхъ Карачаевъ,—„мнѣ какое дѣло, что онъ спитъ! Пора вставать! Скоро одиннадцать часовъ!"

Аристархъ Өедоровичъ сдѣлалъ сверхъестественное усиліе, приподнялся на кровати, протеръ глаза — и проснулся.

Карачаевъ дѣйствительно расхаживалъ взадъ и впередъ по кабинету, пуская направо и налѣво длинныя струи дыма изъ своего коротенькаго чубука. Нанковый казакинъ его, перетянутый ременнымъ поясомъ, ветхіе мокрые сапоги, всклоченные волосы, измятое, багровое лицо — ясно свидѣтельствовали, что онъ только что совершилъ далекое путешествіе на открытомъ, холодномъ воздухѣ. Сидоръ стоялъ въ дверяхъ и шопотомъ упрашивалъ Павла Петровича не безпокоить барина.

— Карачаевъ!.. Какими судьбами?!.. ну, что жена?.. гдѣ она, гдѣ?!.. Когда пріѣдетъ?..

Такими вопросами разразился Аристархъ Өедоровичъ,

какъ только получилъ ясное сознаніе, что все видѣнное и слышанное имъ происходило не на-яву.

— Здравствуй, душа моя! сказалъ Карачаевъ, мгновенно опуская чубукъ и подходя къ постели

— Гдѣ Лизавета Семеновна?.. скоро ли она сюда пріѣдетъ? повторилъ Балахновъ, выказывая признаки сильнѣйшаго нетерпѣнія.

Вопросъ этотъ, очевидно, поставилъ Карачаева въ сильное затрудненіе. Онъ заморгалъ глазами, побагровѣлъ и суетливо пригладилъ свои рѣденькіе волосы.

— Не знаю, душа моя... не могу тебѣ сказать, когда она пріѣдетъ... отвѣчалъ онъ, стараясь придать своему голосу какъ можно больше увѣренности.

— Какъ! такъ ты, стало-быть, не изъ Ханскихъ-Прудовъ? воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ, выражая досаду въ каждой чертѣ своего лица.

— Нѣтъ, душа моя... вотъ ужъ недѣли полторы, какъ я слоняюсь по уѣзду... были, братъ, кой-какія дѣла... довершилъ Карачаевъ съ самымъ неловкимъ видомъ.

— Такъ ты, стало-быть, ничего не знаешь о томъ, получила ли жена мои письма?

— Нѣтъ, при мнѣ не получала она никакихъ писемъ... впрочемъ, я говорю тебѣ, душа моя, что вотъ уже полторы недѣли, какъ я не былъ въ Ханскихъ-Прудахъ, поспѣшно присовокупилъ Карачаевъ, принимаясь тереть лицо ладонью, чтобъ скрыть свое замѣшательство.

Туръ онъ отвернулся, подбѣжалъ къ окну и сталъ съ поспѣшностью набивать трубку.

— Хорошъ, любезнѣйшій, нечего сказать! вымолвилъ Балахновъ недовольнымъ тономъ,—сказалъ, что не оставишь ни на минуту моего дома, что будешь неотлучно находиться при женѣ, а между тѣмъ не успѣлъ я уѣхать, какъ ужъ пошелъ рыскать по уѣзду—хорошъ другъ, нечего сказать! Можно послѣ этого въ чемъ-нибудь на тебя положиться!..

— Помилуй, душа моя, Aristarque! écouté: клянусь честью, нельзя было сдѣлать иначе! воскликнулъ Карачаевъ, подбѣгая къ постели.—Ты знаешь, что никто такъ не любитъ и не уважаетъ Лизавету Семеновну, какъ я! Ужъ на этотъ счетъ, братъ... какъ тамъ себѣ хочешь!.. Впрочемъ, всѣ, слава Богу, здоровы; успокойся, душа моя, всѣ здоровы, и дѣтки, и сама Лизавета Семеновна... я з всѣмъ, братъ, самъ наблюдалъ... можешь быть увѣренъ!

подхватилъ онъ, обтирая одною рукой потъ, струившійся по лицу, тогда какъ другая рука горячо пожимала руку собесѣдника.

— Хорошо, хорошо, любезнѣйшій! ты, видно, такъ же, какъ и другіе, хорошъ только на словахъ... произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, махнувъ рукой.

— Фу! да тебѣ вѣдь говорятъ... запальчиво воскликнулъ Карачаевъ.

— Ладно, братъ, ладно! перебилъ Балахновъ, напяливая халатъ. — Ну, да что объ этомъ говорить! Скажи-ка лучше, не слыхалъ ли чего-нибудь о Бирюковѣ?

— Нѣтъ, братецъ, ничего не слыхалъ; я былъ совершенно въ другомъ концѣ уѣзда! Съ этой стороны, братъ, я могу сообщить тебѣ печальную новость!

— Что жъ такое? произнесъ Балахновъ, обнаруживая безпокойство.

— Да то, братецъ, что эта бѣдная Василькова приказала долго жить! сказалъ Карачаевъ, закрывая глаза и опуская голову.

— Да, ну, это, конечно... пробормоталъ Аристархъ Ѳедоровичъ, мгновенно расправляя брови.

— Конечно, братъ, тебѣ это все равно... ты, вѣдь, братецъ... извѣстно... ну, да что объ этомъ!.. выразительно сказалъ Карачаевъ.—Я сообщилъ это извѣстіе единственно для того, чтобъ объяснить тебѣ причину моего отсутствія изъ Ханскихъ-Прудовъ; надо же было кому-нибудь устроить похороны и наблюдать за тѣмъ, чтобъ все это произошло какъ слѣдуетъ... Фанагорія Петровна въ Москвѣ; этотъ зюзя Васильковъ раскисъ совсѣмъ... Ну, я и поѣхалъ... больше вѣдь некому!..

— Такая заботливость, конечно, дѣлаетъ тебѣ величайшую честь! разсѣянно сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Ну, вотъ, братецъ, честь! ужъ и честь! Что жъ такое?.. просто: такъ себѣ! Надо же было кому-нибудь распорядиться... Я зналъ Антонину Васильевну, жалѣлъ о ней... ну, понимаешь, я и поѣхалъ... пробормоталъ Карачаевъ, моргая глазами и разводя толстыми своими пальцами.

— Какъ ты себѣ тамъ хочешь, а это все-таки дѣлаетъ тебѣ честь, продолжалъ Балахновъ, подходя къ письменному столу и опускаясь въ кресло. — Во всемъ этомъ одно только обстоятельство кажется мнѣ довольно страннымъ...

— Что жъ такое? спросилъ Карачаевъ, тревожно двигая бровями.

Смущеніе Карачаева начинало даже забавлять Аристарха Өедоровича. Карачаевъ, очевидно, совѣстился, что, вопреки обѣщанію не покидать Лизавету Семеновну во все время отсутствія Аристарха Өедоровича, не переставалъ рыскать по уѣзду! Аристархъ Өедоровичъ не сомнѣвался въ вѣрности своей догадки. „Жалкій, но добрый и честный парень, снисходительно подумалъ Балахновъ,— смущеніе и совѣстливость дѣлаютъ въ этомъ случаѣ величайшую честь его сердцу“. Такое размышленіе не мѣшало ему, однакожъ, засыпать Карачаева вопросами, ставить его въ затруднительное положеніе. Аристархъ Өедоровичъ находился въ это утро въ желчномъ настроеніи духа.

— Вотъ видишь ли, братецъ, похороны, сколько мнѣ извѣстно, могутъ занять два дня, ну, положимъ, три, но ужъ никакъ не болѣе, продолжалъ Балахновъ, — желательно было бы знать, безцѣннѣйшій мой Павелъ Петровичъ, гдѣ вы провели остальное время?..

— Че-е-во? произнесъ Карачаевъ, багровѣя какъ клюква и сильно потирая лысину.

— Ты забылъ, вѣроятно, что остается еще цѣлыхъ восемь или девять дней...

— Да ты скажи мнѣ одно только, запальчиво крикнулъ Карачаевъ,—что ты за допросчикъ такой? Я развѣ обязанъ отдавать тебѣ отчетъ въ своемъ поведеніи? а?.. Впрочемъ, если ты непремѣнно хочешь знать... и особенно, если это доставляетъ тебѣ удовольствіе, изволь, я скажу тебѣ... подхватилъ онъ, мгновенно смягчая голосъ, между тѣмъ, какъ Аристархъ Өедоровичъ корчилъ презрительную улыбку.—Изволь, я скажу тебѣ: я былъ все это время у Барабанчикова... Нелегкая опять угораздила его свалиться съ лошади и сломать себѣ ногу... Онъ при смерти... Не бросить же его такъ, на произволъ... я поскакалъ въ Горшковъ за докторомъ... Потомъ... извѣстно... извѣстно... то да се... ну, время, конечно, и прошло!.. Эхъ! да что толковать съ тобой о такихъ вещахъ! Ты, вѣдь, братецъ, извини, а извѣстно ужъ... Тебѣ все равно!.. для тебя все прахъ, меркантель! мелюзга!.. Оно, можетъ статься, и такъ по-вашему, да по-нашему не такъ,—вотъ она штука-то въ чемъ! Ну, и баста, значитъ! и говорить, значитъ, нечего! Покуримъ-ка, братецъ, трубочку... да écouté: вели-ка подать чаю, это будетъ лучше; съ дороги-то,

знаешь, оно не мѣшаетъ, страхъ продрогъ! Вѣдь нынче, самъ знаешь, не іюль мѣсяцъ! заключилъ Карачаевъ, очевидно, стараясь замять рѣчь касательно предшествовавшихъ обстоятельствъ.

Для полнѣйшаго достиженія такой цѣли, онъ подсѣлъ еще ближе къ Аристарху Өедоровичу и завязалъ разговоръ о предметахъ совершенно постороннихъ. Онъ принялся разспрашивать о текущихъ новостяхъ, освѣдомился мимоходомъ о днѣ, назначенномъ для выборовъ, передалъ впечатлѣнія свои при въѣздѣ въ Черноряжскъ и не умолкалъ ни на минуту во все продолженіе завтрака. Аристархъ Өедоровичъ, между тѣмъ, давно ужъ не слушалъ своего собесѣдника; онъ, повидимому, совсѣмъ даже забылъ о немъ; тяжелыя воспоминанія вчерашняго дня, возникая, мало-по-малу, въ головѣ его, вытѣснили минутную, раздражительную веселость. Повернувшись бокомъ къ Карачаеву, упершись локтемъ, онъ не отрывалъ задумчиваго взора отъ окна. Но чѣмъ мрачнѣе становилось лицо Аристарха Өедоровича, тѣмъ сильнѣе болталъ Карачаевъ. Изрѣдка останавливался онъ, обнаруживая желаніе вычистить или продуть трубку; но въ сущности останавливался онъ съ тою единственною цѣлью, чтобъ устремить на Аристарха Өедоровича пристальный, испытующій взглядъ; въ эти минуты каждый легко могъ прочесть въ глазахъ Карачаева чувство негодованія, которое мгновенно, впрочемъ, уступало мѣсто чувству истиннаго, задушевнаго, но тревожнаго участія. Ясно было въ эти минуты, что въ душѣ Карачаева хранилась какая-то тайна, которая имѣла прямое, но далеко не благопріятное отношеніе къ Аристарху Өедоровичу. Вотъ это-то послѣднее обстоятельство и заставило, можетъ статься, Карачаева такъ усердно заботиться о томъ, чтобъ разсѣять Аристарха Өедоровича. Перебравъ тощій запасъ веселыхъ анекдотовъ, Карачаевъ перешелъ къ прежнему своему Ивану, къ женѣ его Глафирѣ, мысленно перенесся въ черноряжскій театръ, изобразилъ двѣ-три комическія сцены изъ быта провинціальныхъ актеровъ, при чемъ залился звонкимъ дребезжащимъ смѣхомъ—все было напрасно: Аристархъ Өедоровичъ продолжалъ глядѣть въ окно и съ каждой минутой становился мрачнѣе и мрачнѣе.

Карачаевъ замолкъ и принялся потирать свою лысину, при чемъ глаза его ни на минуту не покидали Аристарха Өедоровича.

Минутъ пять длилось молчаніе.

— Знаешь ли, что я скажу тебѣ, душа моя, началъ наконецъ Карачаевъ, придвигаясь вмѣстѣ со стуломъ къ собесѣднику.—Скажу тебѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались послѣдній разъ, я замѣчаю въ тебѣ, братецъ, большую перемѣну! Худѣешь ты, что ли... или, можетъ статься, чувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ во все это время, а только, братъ, какъ хочешь, я замѣчаю въ тебѣ страшную перемѣну... Именно, что-то такое, знаешь... какъ бы это сказать?.. Ну, словомъ, и тотъ ты, да не тотъ! заключилъ Карачаевъ, поясняя пальцами то, чего не могъ сказать языкомъ.

Вмѣсто отвѣта, Аристархъ Ѳедоровичъ повернулъ лицо въ другую сторону, приподнялся съ креселъ и, подавивъ вздохъ, началъ расхаживать по кабинету.

Минуты двѣ Карачаевъ слѣдилъ глазами за Балахновымъ, потомъ всталъ, забросилъ руки за спину и также началъ ходить по кабинету.

— Эхъ, э-эхъ, душа моя! неожиданно заговорилъ Карачаевъ, выравниваясь съ Аристархомъ Ѳедоровичемъ и стараясь попасть съ нимъ въ ногу.—Эхъ, душа моя, охота тебѣ, право!.. Ну, что изъ этого? Ну, самъ ты посуди... Ecoute: я, конечно, не могу давать тебѣ совѣтовъ... я прошу только, послушай, душа моя, вникни, разсуди самъ хорошенько... ну что во всемъ этомъ!.. вѣдь это, братецъ ты мой, не что иное, какъ прахъ! дымъ! и больше ничего! примолвилъ онъ, выпустивъ облако табачнаго дыма и выразительно разрѣзавъ его ладонью.

Аристархъ Ѳедоровичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе локтемъ и продолжалъ ходить по кабинету.

— Воля твоя, душа моя! заговорилъ опять Карачаевъ, останавливаясь и приподымая брови,—воля твоя, дѣлай, какъ знаешь! Совѣтовать тебѣ не могу. Мнѣ хотѣлось только, чтобъ ты вникнулъ, да, именно такъ: вникнулъ! Да вотъ чего же лучше, если ты мнѣ не вѣришь, самъ посмотрись въ зеркало! Я говорю это тебѣ по дружбѣ; подойди, взгляни на себя!.. Я готовъ отдать голову на отсѣченіе, готовъ держать какое угодно пари, что все это не спроста; вотъ она штука-то въ чемъ! Скрывайся, братъ, сколько хочешь, а я готовъ прозакладывать хоть сейчасъ послѣдній казакинъ, что всему этому причиной какія-нибудь непріятности!

— Какія непріятности?.. какія? гдѣ онѣ, эти непріят-

ности? вскричалъ Аристархъ Өедоровичъ, неожиданно останавливаясь и приподымая голову.

Тутъ Аристархъ Өедоровичъ окончательно повернулся къ Карачаеву и, приподнявъ сжатые кулаки, продолжалъ съ возраставшимъ бѣшенствомъ:

— А вотъ я задамъ балъ! задамъ обѣдъ! пріѣдетъ жена, пріѣдетъ Бирюковъ, соберутся остальные—такъ я имъ покажу, какія у меня непріятности! довершилъ Аристархъ Өедоровичъ, опуская кулаки и принимаясь снова маршировать по кабинету.

Карачаевъ не отвѣчалъ на это ни слова; но, выбравъ минуту, когда Аристархъ Өедоровичъ повернулся къ нему спиной, опустилъ голову, раздулъ губы и сдѣлалъ безнадежный жестъ рукою.

— Ты совсѣмъ не такъ меня понялъ, сказалъ онъ, когда Балахновъ обернулся къ нему лицомъ,—совсѣмъ не такъ, братецъ... Я хотѣлъ сказать, что ты принимаешь все это слишкомъ къ сердцу, и оттого такъ себя разстраиваешь... вотъ что! Не вѣришь—взгляни въ зеркало. Вотъ этимъ-то самымъ ты, братъ, и вредишь себѣ. Я увѣренъ, что всѣ замѣтили въ тебѣ такую перемѣну, и, что всего хуже, замѣтили тѣ именно, передъ которыми тебѣ слѣдуетъ быть молодцомъ! Право, такъ! Самъ знаешь, сейчасъ скажутъ: „Э-э-э!“—повѣрь мнѣ... На твоемъ бы мѣстѣ, я старался казаться веселѣе, молодцоватѣе, чѣмъ когда-нибудь, убѣдительно продолжалъ Карачаевъ, между тѣмъ, какъ Аристархъ Өедоровичъ покручивалъ головой, выпрямлялся, выпучивалъ грудь и приглаживалъ волосы,— конечно, такъ, душа моя, Aristarque, конечно, такъ: на-те, молъ, на зло же вамъ, радуйтесь! Я показывался бы всюду: на гуляньяхъ, на вечерахъ, въ собраніи... старался бы всячески себя разсѣять... а ты что? сидишь себѣ въ кабинетѣ, ломаешь себѣ голову и, право, écouté: только вредишь себѣ! Ну, вотъ хоть бы теперь! Ну, отчего бы, напримѣръ, не съѣздить тебѣ въ театръ?.. Вѣдь вонъ афишка-то, я ее видѣлъ; представленіе чудесное! Да не въ томъ вовсе сила; дѣло не въ представленіи! А такъ, пошелъ бы разсѣяться; и я пошелъ бы съ тобою для компаніи; повидался бы кстати съ Ванюшей; пошли бы, взяли билеты, сѣли бы, посмѣялись и на людей посмотрѣли—право, ну, душа моя, Aristarque!

Съ окончаніемъ этого монолога, Аристархъ Өедоровичъ

успѣлъ ужъ овладѣть собою; грудь его получила величавую выпуклость; голова гордо закидывалась назадъ.

— Все это прекрасно, любезнѣйшій, сказалъ онъ съ вельможественнымъ видомъ, — надѣюсь, однакожъ, что прежде чѣмъ идти въ театръ, ты перемѣнишь нѣсколько свой костюмъ!..

— Ха-ха-ха! восторженно залился Карачаевъ,—неужто ты думалъ, что я въ этомъ... нѣтъ, братъ, я взялъ съ собой фракъ... чай, онъ у меня тамъ въ чемоданчикѣ... Эй, Сидоръ!.. если нѣтъ, я самъ схожу... одѣвайся же, душа моя, скоро, вѣдь, часъ, и если идти, такъ идти, заключилъ онъ, суетливо направляясь къ двери.

Какъ ни былъ ничтоженъ Карачаевъ въ глазахъ Аристарха Ѳедоровича, однакожъ онъ рѣшился послѣдовать его совѣту и далъ себѣ слово показываться всюду съ сіяющимъ, торжествующимъ лицомъ передъ глазами враговъ своихъ.

Основываясь на этомъ, онъ приказалъ Сидору подавать одѣваться.

— Ну, вотъ я и готовъ, душа моя! сказалъ Карачаевъ, появляясь въ кабинетѣ и принимаясь дѣлать развязные жесты, при чемъ послышался тотъ легонькій трескъ, который сопровождалъ всегда Карачаева, когда онъ находился въ черномъ своемъ фракѣ.

— Мы пойдемъ пѣшкомъ, сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Ну, и ладно; что дѣло, то дѣло; погода стоитъ прекрасная. Идемъ же, душа моя, идемъ!.. подтвердилъ Карачаевъ, усердно напяливая огромныя коричневыя перчатки съ завитками на концахъ пальцевъ.

Четверть часа спустя, оба заворачивали за уголъ Никольской и выходили на площадь. Лѣвый полукругъ той площади былъ занятъ такъ-называемымъ лѣтнимъ садомъ, который во всякое время года сохранялъ видъ отрѣзаннаго черстваго ломтя, но въ настоящую эпоху представлялъ мерзлую пустыню, украшенную зелеными кольями. Въ правомъ полукругѣ, между двумя рядами маленькихъ дощатыхъ навѣсовъ съ баранками, жемками, изюмомъ и стручками, располагался театръ. То было дощатое, сѣрое зданіе, не отличавшееся ничѣмъ отъ балагановъ, которые воздвигаются на площадяхъ о Масленой и Святой.

— Ай да Ваня! ай да Иванъ Емельянычъ! воскликнулъ Карачаевъ.—Я, братецъ, никогда, впрочемъ, не со-

мнѣвался въ немъ; погляди, погляди, какую, братъ, выстроилъ штуку; молодецъ! ей-Богу, молодецъ!.. Но, что это? кажется, ужъ начали... я слышу музыку... примолвилъ онъ, ускоряя шагъ.

Глухіе звуки тромбона и кларнета дѣйствительно раздавались ужъ за стѣнами балагана.

Аристархъ Өедоровичъ и Карачаевъ вошли въ сѣни. Тутъ съ одной стороны находилась маленькая дверь въ спектакльную залу, охраняемую долговязымъ, оборваннымъ малымъ съ подбитымъ глазомъ; съ противоположной стороны продѣлано было четыреугольное окно, съ надписью на косякѣ: „касса“; въ этомъ окнѣ суетился совершенно лысый старичокъ съ птичьимъ посомъ и мѣдными очками, вздернутыми на лобъ.

Передъ кассой стояли старичокъ Пшеницынъ и долговязый Өедя.

— Какъ вамъ угодно, а мы никакъ, никакъ не можемъ этого сдѣлать! Сами взгляните... помилуйте, возможное ли это дѣло! говорилъ, размахивая руками, плѣшивый кассиръ.

— Да какъ это такъ?.. какъ же это?.. полно, благодѣтель, нельзя ли? умоляющимъ голосомъ произнесъ старикъ Пшеницынъ.

— Никакъ нельзя-съ!

— Да что жъ это такое?.. Я самъ читалъ на афишѣ... да это... это, просто, мошенничество! съ отчаяніемъ воскликнулъ Пшеницынъ.

— Мошенничества тутъ нѣтъ никакого, а просто, нельзя, да и все тутъ! возразилъ плѣшивый кассиръ.

— Что у тебя тутъ такое? спросилъ Аристархъ Өедоровичъ, подходя къ Пшеницыну.

— Ахъ, благодѣтель, батюшка, Аристархъ Өедоровичъ, сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались!.. воскликнулъ Пшеницынъ, прикладывая руки къ колѣнямъ и кланяясь...

— О чемъ у васъ дѣло? перебилъ Балахновъ.

— Охъ, родной, благодѣтель вы мой! да вотъ, просто, мошенничество, чистое мошенничество... Кланяйся, дурашка, подхватилъ неожиданно Пшеницынъ, толкая долговязаго Өедю, который шаркнулъ сапогомъ и поглядѣлъ исподлобья на Балахнова.

— Въ чемъ же дѣло? повторилъ Аристархъ Өедоровичъ.

— Да вотъ, благодѣтель, заговорилъ Пшеницынъ, ука-

зывая на кассира,—я отдалъ ему полтинничекъ за себя, да четвертачокъ за Ѳедю, а онъ не пускаетъ его... „Нѣтъ, говоритъ, и за него надо полтинничекъ...“ просто, мошенничество! Самъ, вѣдь, читалъ, благодѣтель, въ ихней афишѣ, сами вѣдь отпечатали, что съ малолѣтнихъ берутъ половину, а теперь не пускаютъ...

— Да какой же онъ малолѣтній, сами извольте взглянуть! съ отчаяніемъ воскликнулъ кассиръ.

— Ну, полно, братецъ, хлопотать объ этомъ; я возьму Ѳедѣ билетъ, сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ.—Дай четыре билета, примолвилъ онъ, бросая депозитку кассиру.

— Благодѣтель ты мой!.. Кланяйся же, дурашка, благодари... что стоишь! разразился Пшеницынъ, принимая билеты и подталкивая Ѳедю.—Хотѣлось, отецъ мой, потѣшить парня-то, подхватилъ онъ, радостно хлопая глазами,—вѣдь опредѣленъ, благодѣтель, опредѣленъ писцомъ въ здѣшнюю палату.

— Ба! сказалъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— Ей-Богу, право!.. и все, вѣдь, благодѣтели постарались: Николай Степановичъ Окатовъ и Солонеевъ — ей-Богу такъ!..

Аристархъ Ѳедоровичъ тотчасъ же повернулся къ нему спиною. Нимало не намѣреваясь войти въ спектакльную залу вмѣстѣ съ Пшеницынымъ и долговязымъ Ѳедею, онъ рѣшился выждать, пока оба они усядутся на свои мѣста.

— А что, давно началось представленіе? спросилъ Балахновъ для препровожденія времени.

— Только что начали, сударь, почтительно отвѣчалъ кассиръ, проводя рукою по лбу, при чемъ очки его тотчасъ же упали на носъ и приняли свое обыкновенное мѣсто.

— Скажите, пожалуйста, батюшка, нельзя ли мнѣ повидаться теперь какъ-нибудь съ Иваномъ Емельяновичемъ? спросилъ Карачаевъ, который во все продолженіе предыдущей сцены возился съ своими коричневыми перчатками.

— Я полагаю, сударь, онъ теперь одѣвается... а впрочемъ, можно сейчасъ узнать... Да вотъ, кстати, кто-то идетъ со сцены, отвѣчалъ кассиръ. — Эй! кто тамъ? Вы, Иванъ Емельянычъ? заключилъ онъ, уходя внутрь углубленія.

Вмѣсто отвѣта кто-то засвисталъ.

— А, это вы, Ардаліонъ Александрычъ! сказалъ кассиръ.—Что, Иванъ Емельянычъ еще не одѣвались?

— Геркулесъ-Ираклъ... сейчасъ на сцену... гремитъ музыка... сверкаютъ блестки... раздаются рукоплесканія! протрещалъ Попельковскій, неожиданно появляясь въ кассѣ и размахивая, какъ крыльями, полами затасканной шинели—обстоятельство, которое позволяло различать его фигуру, до половины обтянутую въ трико тѣлеснаго цвѣта, тогда какъ другая половина казалась горѣвшею отъ позумента и пурпуровыхъ лохмотьевъ.

— А, такъ вотъ ты куда попалъ, каналья! Наконецъ-то я нашелъ тебя, разбойникъ! Э-ге!.. Нѣтъ, братъ, теперь ты отъ меня не уйдешь! закричалъ Карачаевъ, мгновенно свирѣпѣя и бросаясь впередъ.

Но Попельковскій успѣлъ ужъ исчезнуть, какъ привидѣніе, заслышавшее пѣніе пѣтуха, и мѣсто его заступилъ плѣшивый кассиръ.

— Помилуйте, сударь, сказалъ кассиръ, слегка отклоняя Карачаева, который силился пролѣзть въ отверстіе кассы,—что вы? что вы? здѣсь не позволено... вы дѣлаете шумъ...

— Ты съ ума сошелъ, любезнѣйшій! говорилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, толкая Карачаева.—Съ тобой, просто, никуда нельзя показаться, срамъ, братецъ, срамъ!..

— Ну, да все равно! произнесъ Карачаевъ, высовывая багровое лицо изъ кассы и запальчиво моргая глазами,—онъ отъ меня теперь не уйдетъ! Нѣтъ, не уйдетъ! И развѣ Ваня не знаетъ, кто онъ такой?.. И какъ вы держите у себя этакого негодяя! Да онъ... да я его... чортъ возьми, не отвертится теперь! Какъ только кончится представленіе, я тотчасъ же его сцапаю!.. О! я буду его преслѣдовать! буду, во что бы то ни стало! Ну, душа моя, Aristarque, пойдемъ въ залу! заключилъ Карачаевъ, проводя ладонью по лбу, покрытому каплями пота.

Первый предметъ, поразившій Карачаева, когда онъ вошелъ въ залу, былъ Иванъ, который держался вверхъ ногами и ходилъ въ этомъ положеніи по сценѣ.

Карачаевъ бросился стремглавъ на свое мѣсто, наступилъ на нѣсколько носковъ, сказалъ „pardon, pardoné“ и мгновенно превратился весь въ восторгъ.

Не дожидаясь ни времени, ни срока, онъ захлопалъ въ ладоши и такъ неистово крикнулъ: „Браво, Ивановъ!“, что Аристархъ Ѳедоровичъ принужденъ былъ толкнуть его подъ-бокъ.

Но Карачаева въ минуты отчаянныхъ и восторженныхъ

порывовъ удержать было трудно. Онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на толчки Аристарха Ѳедоровича и во все продолженіе „перваго отдѣленія“ не переставалъ кричать и хлопать въ ладоши. Наконецъ, „первое отдѣленіе“ кончилось и занавѣсь опустилась. Но это обстоятельство далеко не укротило Павла Петровича; восторженность его тутъ только, повидимому, приняла всю свою силу.

Онъ быстро вскочилъ со стула, оглянулъ партеръ и, подмигивая безъ различія во всѣ стороны, произнесъ: „Ну-ка, господа, Иванова-то подхватывайте!“

Затѣмъ онъ повернулся лицомъ къ сценѣ, втянулъ въ себя какъ можно болѣе воздуху и потрясъ залу криками:

— Иванова! Иванова! кричалъ Карачаевъ, подмигивая то тому, то другому зрителю.—И-ва-но-ва!

Занавѣсь поднялась и Ивановъ показался на сценѣ.

— Браво! брависсимо... брр...ааво! Молодецъ, Ивановъ! Браво, Ваня! Молодецъ! захрипѣлъ Карачаевъ, напирая на оркестръ, выкатывая глаза, размахивая руками и хлопая въ ладоши съ такою силою, что коричневыя перчатки его разлѣзлись въ клочки.

— Посмотрите на этого господина, онъ, кажется, намѣревается насъ всѣхъ прибить, сказалъ по-французски какой-то молодой человѣкъ, стоявшій неподалеку.

— Не бойтесь, этого не случится! отвѣчалъ Карачаевъ, обращаясь неожиданно въ ту сторону и посылая послѣдній восторженный знакъ удалявшемуся Ивану. — Только въ другой разъ совѣтую вамъ быть поосторожнѣе! заключилъ онъ, поворачиваясь къ нему спиной.

— А, здравствуй, братъ, Иванъ Дормидонычъ! что такъ поздно? весело сказалъ Карачаевъ, протягивая руку Бобохову, который только что вошелъ въ кресла.

— Здравствуйте... чрезвычайно пріятно! пробормоталъ Бобоховъ, небрежно протягивая Карачаеву указательный палецъ и руководствуясь въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, джентльменскимъ примѣромъ Тохтамышева.

Но Карачаевъ отскочилъ на три шага и заморгалъ глазами.

— Че-е-во? сказалъ онъ.—Че-е-во? Ахъ ты, выскочка! заговорилъ онъ, понижая голосъ, но такъ, однакожъ, что слышно было каждое слово. — Съ чего это ты взялъ, а? Тебѣ дѣлаютъ честь, подаютъ руку, а ты вздумалъ мизинцы протягивать... а? Ахъ ты, буржуа-жантильйомъ

этакой!.. Да съ чего это ты взялъ, а? продолжалъ Карачаевъ, грозно насупивая брови, между тѣмъ, какъ Бобоховъ раздувалъ позеленѣвшія щеки и боязливо оглядывался на всѣ стороны. — А впрочемъ, постой, братъ, я очень радъ, что съ тобой встрѣтился... Я слышалъ, что ты хвасталъ тѣмъ, будто помогалъ сочинять Дрянкову повѣсть... а? такъ или нѣтъ? Отвѣчай мнѣ, я тебѣ говорю: такъ или нѣтъ? Мнѣ самъ Дрянковъ разсказывалъ это у Кокуркиныхъ... Ты лгать вздумалъ... ахъ ты, сочинитель! Ну, тебѣ ли быть сочинителемъ? Стоитъ только взглянуть на тебя, чтобъ этому не повѣрить! Погоди, братъ, я еще допеку тебя, буржуа-жан... выскочка ты этакой! проговорилъ Карачаевъ, провожая глазами Бобохова, который поспѣшно пробирался между рядами стульевъ, стараясь достичь, какъ можно скорѣе, противоположной двери.

Въ эту минуту поднялась занавѣсь. Отличное расположеніе духа тотчасъ же возвратилось къ Карачаеву; онъ занялъ свое мѣсто, снова задѣлъ нѣсколько носковъ и снова обратился весь въ восторгъ, который, казалось, ждалъ только удобнаго случая высказаться.

Случай этотъ не замедлилъ представиться.

Во время первой живой картины: *Гнѣвъ Геркулеса*, въ которой главную роль занимали Адольфъ Мейеръ и Ивановъ, Карачаевъ, хотя и съ усиліемъ, но все еще владѣлъ собою; но когда, вслѣдъ за тѣмъ, появилась картина: *Грація*, и глазамъ его предстала Глафира, — Карачаевъ разразился новыми рукоплесканіями, которыя были чуть ли не яростнѣе прежнихъ.

— Какова, братецъ, а? Какова наша Глафира Львовна? Нѣтъ, ты мнѣ скажи только: какова, а? сказалъ онъ, обратившись къ Аристарху Ѳедоровичу.

— Хороша, хороша!.. Не мѣшало бы имъ, однакожъ, поторопиться... отвѣтилъ Балахновъ, дѣлая видъ, будто Карачаевъ былъ для него совершенно посторонній человѣкъ.

— Ну, вотъ, погоди, сейчасъ начнутъ! произнесъ Павелъ Петровичъ, быстро поворачиваясь къ сценѣ.

Третья картина все еще не показывалась.

Прошла еще минута, потомъ еще и еще, третьей картины какъ не бывало.

За сценой слышалась между тѣмъ бѣготня и суматоха; можно даже было различать отрывочныя восклицанія: „Гдѣ?.. какъ? куда? бѣда! все пропало!..“

Публика начинала терять терпѣніе; посреди хлопанья въ ладоши, раздавался нетерпѣливый шопотъ; кто-то застучалъ даже каблуками.

Карачаевъ грозно посмотрѣлъ въ ту сторону и хотѣлъ ужъ что-то сказать въ оправданіе случившагося промедленія, но, услышавъ за спиною знакомый голосъ, поспѣшилъ обратить лицо свое къ сценѣ.

Глаза его прямехонько встрѣтили Ивана, который почтительно раскланивался. Лицо Ивана было блѣдно и волосы его, тщательно завитые, свѣшивались теперь въ безпорядкѣ. Карачаевъ началъ было съ того, что захлопалъ и закричалъ: „Браво, Ивановъ!"; но въ отвѣтъ на это публика зашикала немилосерднымъ голосомъ.

— Почтеннѣйшая публика... сказалъ Иванъ разстроеннымъ голосомъ,—честь имѣю извѣстить, что, по причинѣ внезапной болѣзни одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, мы не можемъ... никакъ не можемъ продолжать живыхъ картинъ... но вмѣсто нихъ... прибавилъ Иванъ съ глубокимъ поклономъ на всѣ три стороны залы, — мы будемъ имѣть честь показать вамъ новыя гимнастическія упражненія.

Карачаевъ снова захлопалъ и закричалъ: „Браво, Ивановъ!", но снова заглушенъ былъ шиканьемъ.

Шиканье сопровождало Ивана до самыхъ кулисъ и не умолкало даже тогда, когда опустили занавѣсь.

— Я знаю, что̀ все это значитъ! сказалъ Карачаевъ, наклоняясь къ Аристарху Ѳедоровичу и подмигивая ему съ видомъ взаимнаго соучастія,—я догадываюсь... всему этому причиной эта каналья Попель... Клипель... Кококской... фу, какъ бишь его! Все это онъ надѣлалъ... Я сейчасъ бѣгу на сцену... сверну ему шею... мерзавецъ!.. Смотри, не уходи безъ меня! довершилъ онъ, поспѣшно направляясь къ выходу, при чемъ задѣлъ еще нѣсколько носковъ.

Аристархъ Ѳедоровичъ, безъ сомнѣнія, не обратилъ бы вниманія на просьбу Карачаева и не сталъ бы дожидаться гимнастическихъ упражненій, если бъ не побуждали его къ тому весьма важныя причины. Дѣло въ томъ, что за стуломъ его находился какой-то толстенькій, суетливый и совершенно незнакомый господинъ, который повѣствовалъ своему сосѣду городскія новости и, между прочимъ, излагалъ весьма краснорѣчиво подробности окатовскаго бала. Балъ долженъ былъ происходить въ вечеръ того же дня, и слухи о немъ имѣли, слѣдовательно, для Ба-

лахнова живой интересъ. Любопытство Аристарха Өедоровича приняло, однакожъ, характеръ самаго глубокаго вниманія, когда, посреди шопота толстенькаго господина, услышалъ онъ неоднократно повторенную фамилію Бирюкова. Къ сожалѣнію, онъ ничего болѣе не услышалъ. Любопытство его возбуждено было тѣмъ сильнѣе, что онъ ждалъ Бирюкова съ минуты на минуту. Потерявъ, наконецъ, всякое терпѣніе, онъ перегнулся черезъ спинку стула и, обратясь къ толстенькому господину, сказалъ съ свойственною ему одному любезностью:

— Вы, кажется, изволили сейчасъ упомянуть фамилію Бирюкова, милостивый государь: скажите, что онъ, пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ-съ, отвѣчалъ толстякъ, заботливо наклоняясь впередъ,—но, къ сожалѣнію... позвольте спросить: онъ не родственникъ ли вашъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, я могу вамъ сообщить истинно прискорбное извѣстіе...

— Что жъ такое? спросилъ Балахновъ, перевертываясь на стулѣ.

— Кормонолѣй Семенычъ пріѣхалъ вчера въ ночь... а сегодня... да-съ, сегодня на зарѣ умеръ...

— Умеръ! произнесъ Аристархъ Өедоровичъ, почувствовавъ, что кровь застыла въ его жилахъ,—умеръ... да... но какъ же это случилось? повторилъ онъ, мгновенно овладѣвая собою.

— Изволите ли видѣть: Кормонолѣй Семенычъ былъ, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, скупенекъ... ну-съ, вотъ и отправился онъ на выборы; его, знаете, дорога-то и запугала... Мнѣ разсказывала все это его сестрица, которая теперь при немъ; испугался онъ больше всего дороговизны на дорогахъ и постоялыхъ дворахъ... не выѣзжалъ, знаете, двадцать лѣтъ; „какъ, думаетъ, ограбятъ, совсѣмъ ограбятъ...“ Запуганный, знаете ли, этой мыслью, взялъ да и приказалъ повару сдѣлать яичницу во сто яицъ... да всю дорогу ею одною и питался... Время, знаете, сырое, человѣкъ преклонный... у него, знаете, это, и вышло разстройство... И никто даже не подозрѣвалъ этого... всю дорогу ни разу не пожаловался... напротивъ, хвалилъ эту яичницу... И только подъѣзжая къ Черноряжску, открылось, знаете, у него это воспаленіе... Въ ночь былъ очень дуренъ, къ утру хуже... а сегодня приказалъ долго жить!.. вотъ какъ-съ!

Послѣ такого извѣстія, гимнастическія упражненія не могли ужъ, конечно, представить большого интереса Аристарху Θедоровичу. Полный тревожнаго, мрачнаго опасенія за свои планы и смутно сомнѣваясь за удачный результатъ, онъ поспѣшилъ выбраться изъ залы.

У выхода онъ наткнулся на Карачаева.

— Такъ и есть, душа моя, такъ и есть! я вѣдь тебѣ говорилъ: всему виноватъ этотъ Попли... или... кокскій... да, Попельковскій! произнесъ Карачаевъ съ необычайнымъ воодушевленіемъ.—Представь, братецъ: убѣжалъ! Скрылся... и... и костюмъ унесъ съ собою! и костюмъ! слышишь ли, костюмъ, я тебѣ говорю! Воръ! негодяй! О, я буду его преслѣдовать! Пойду хоть въ тартарары! Не убѣжитъ онъ отъ меня, не увернется!.. Но куда же ты, братецъ? погоди! Сейчасъ начнутъ второе отдѣленіе... Иванъ сказалъ мнѣ, что оно будетъ во сто кратъ великолѣпнѣе прежняго.

— Я иду домой, нетерпѣливо отвѣчалъ Аристархъ Θедоровичъ, выходя на площадь.

— Ну, вотъ вздоръ какой! погоди, душа моя! Къ тому же, Иванъ приглашалъ меня къ себѣ послѣ представленія... Ахъ, братъ, ты не повѣришь, какъ онъ и жена его обрадовались! Такіе, право, добрые, радушные люди... Я хотѣлъ попросить тебя дождаться окончанія, и тогда пошли бы мы къ нимъ вмѣстѣ... Они, Богъ знаетъ, какъ бы тебѣ обрадовались.

— Ахъ, оставь меня, братецъ, въ покоѣ! съ досадою воскликнулъ Аристархъ Θедоровичъ.

Карачаевъ остановился какъ вкопанный, и лицо его приняло мгновенно самое недовольное выраженіе.

— Что жъ ты гнушаешься моимъ предложеніемъ, что ли? вскричалъ онъ, двигая бровями,—а! когда такъ...

Но тутъ Карачаевъ взглянулъ на Аристарха Θедоровича и, замѣтивъ на лицѣ его слѣды глубокой грусти, тотчасъ же подбѣжалъ къ нему, взялъ его за руку и сказалъ, мгновенно измѣняя интонацію:

— Я, душа моя, приду скоро... ты только не безпокойся... Э! все это перемелется — мука будетъ... все это вздоръ! и, повѣрь мнѣ, хорошо кончится!

Сказавъ это, Карачаевъ оставилъ Аристарха Θедоровича; минуты двѣ онъ слѣдилъ за нимъ глазами; наконецъ, покрутя головой, махнулъ рукой и вернулся въ театръ.

Аристархъ Θедоровичъ пришелъ домой въ самомъ мрач-

номъ расположеніи духа. Сидоръ подтвердилъ ему горестное извѣстіе о смерти Бирюкова. Злостныя обстоятельства, очевидно, умножались, росли и грозили заслонить дорогу Аристарху Ѳедоровичу. Бирюковъ, Бирюковъ—эта необходимая спица въ томъ могучемъ колесѣ, которое должно было переломать ноги врагамъ Аристарха Ѳедоровича—умеръ! Аристархъ Ѳедоровичъ ясно видѣлъ, что смерть Кормонолѣя Семеновича увлекала за собою звѣзду его славы, которая и безъ того ужъ начинала блѣднѣть и опускаться къ горизонту. Да, Бирюковъ умеръ! дѣйствительно умеръ! Отъ искры Москва загорѣлась. Яичница была причиною, что Аристархъ Ѳедоровичъ лишался лучшей своей опоры! Конечно, перемелется—все мука будетъ; все обратится въ прахъ и тлѣнъ! Но, въ ожиданіи такого результата, что остается? рядъ безцвѣтныхъ годовъ, подточенныхъ сознаніемъ своего безсилія и торжествомъ враговъ, перспектива новыхъ огорченій и затѣмъ могила на скромномъ деревенскомъ погостѣ!.. Голова Аристарха Ѳедоровича горѣла; лихорадочный жаръ пробѣжалъ по его жиламъ. Онъ, безъ сомнѣнія, могъ утѣшить себя тѣмъ, что не сегодня, такъ завтра пріѣдетъ Лизавета Семеновна; что денегъ съ женинаго имѣнія, которое давно уже рѣшился онъ перезаложить или даже продать въ крайнемъ случаѣ, будетъ совершенно достаточно для того, чтобъ задать рядъ ослѣпительныхъ праздниковъ; что дѣло, слѣдовательно, еще не проиграно. Съ другой стороны, онъ содрогался при мысли, что весь городъ, всѣ, отъ мала до велика, знаютъ ужъ объ его намѣреніяхъ; всѣ говорятъ объ его балѣ и приготовленіяхъ... И что жъ, если вдругъ, Боже упаси! явятся какія-нибудь непредвидѣнныя обстоятельства, которыя помѣшаютъ исполненію всѣхъ этихъ плановъ?.. Что̀ скажетъ тогда городъ? Что̀ скажутъ подрядчики, офиціанты?.. Нѣтъ, нѣтъ! все это вздоръ, пустяки, безсвязный бредъ встревоженнаго воображенія. Дѣло еще не кончено и надо подождать результата. Тутъ Аристархъ Ѳедоровичъ снова овладѣлъ собой и снова началъ себя обнадеживать.

Карачаевъ, вѣрный, какъ и всегда, своему нраву, опоздалъ явиться къ назначенному сроку. Онъ пробылъ у Ивана почти весь день и пришелъ домой уже тогда, когда подавали свѣчи. Карачаевъ засталъ Аристарха Ѳедоровича въ совершенно спокойномъ расположеніи духа; по крайней мѣрѣ, такъ показалось ему. Обстоятельство это,

какъ и слѣдовало ожидать, значительно развеселило Павла Петровича и мигомъ развязало ему языкъ.

— Ну, братецъ, какъ мнѣ жаль, что ты не пошелъ со мной къ Ивану... ну, словомъ, братъ, очень жаль! Ей-Богу, право! заговорилъ онъ, усаживаясь противъ Балахнова и закуривая трубку.—Ты представить себѣ не можешь, что̀ это за добрые и честные люди!.. и этотъ Мейеръ, который у нихъ живетъ... и другой еще у нихъ есть, Петръ Захарычъ, ну, вотъ кассиръ-то, котораго мы видѣли... все это, братъ, отличнѣйшіе и добрѣйшіе ребята... Ecouté: ты не повѣришь, братецъ, какъ я весело и пріятно провелъ съ ними время! И живутъ, знаешь, такъ мило, ей-Богу, право! Твоей Глафиры узнать нельзя, просто, невозможно... Вездѣ такъ чистенько, уютно: и ширмочки, и утюжокъ, и кана́реечка въ клѣткѣ виситъ... все это, братъ, такъ, знаешь, миленько и чистенько... Да вотъ какъ: не будь я въ теперешнемъ моемъ положеніи — то-есть, какое мое положеніе? ты понимаешь, я совсѣмъ не на то намекаю; не будь у меня, попросту, моихъ знакомыхъ, пріятелей, не будь у меня дружескаго угла—я, ей-Богу, съ радостью сталъ бы жить съ ними... Ей-Богу такъ! Ну, самъ посуди: что это такое? вѣдь это, признаться, братъ, все вздоръ, дребедень, пустяки, продолжалъ онъ.

Аристархъ Ѳедоровичъ ничего не отвѣчалъ; задумчивые глаза его и продольная морщина на лбу ясно доказывали, что мысли его находились за тридевять земель отъ предмета карачаевскаго разговора.

— Ну, а насчетъ, братецъ, этого Пли... Пло... кок... Попельковскаго, снова заговорилъ Карачаевъ, при чемъ голосъ его возвысился на цѣлую октаву, а лицо изобразило всѣ признаки сильнѣйшаго негодованія,—скажу тебѣ, что я принялъ рѣшительное намѣреніе стереть его съ лица земли! Все припомню ему... припомню и бирюзоваго голубка, котораго утащилъ онъ тогда у этой несчастной Васильковой—все припомню! все! все!

— Послушай, Карачаевъ, я хотѣлъ поговорить съ тобой объ одномъ дѣлѣ... неожиданно перебилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, какъ бы пробуждаясь отъ своей задумчивости.

Тутъ Аристархъ Ѳедоровичъ провелъ ладонью по лбу, всталъ съ мѣста, прошелся нѣсколько шаговъ и снова остановился передъ Карачаевымъ.

— Дѣло, братецъ, большой важности и требуетъ отъ

тебя всего твоего вниманія... скажу болѣе: требуетъ отъ тебя жертвы! примолвилъ Аристархъ Ѳедоровичъ, положивъ руку на плечо собесѣдника и пристально всматриваясь въ его лицо.

— Изволь, братецъ, я готовъ... ты знаешь, душа моя, Aristarque, что я...

— Стой! словъ мнѣ не надо... мнѣ нужно дѣло, любезный, дѣло, слышишь ли? сказалъ Балахновъ рѣшительнымъ голосомъ.

— Ну, да, разумѣется, душа моя... я иначе и не понимаю твоихъ словъ... Дѣло, такъ дѣло; я готовъ, отвѣчалъ Карачаевъ, поспѣшно вставая съ мѣста и запрятывая свою трубку въ самый темный уголъ, какъ будто она могла быть весьма опаснымъ свидѣтелемъ въ предстоящемъ объясненіи.

— Садись и слушай! произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, указывая ему торжественнымъ жестомъ на стулъ.

Карачаевъ суетливо усѣлся на указанное мѣсто и каждая черточка на лицѣ его мгновенно приняла строгое, внимательное и въ высшей степени дѣловое выраженіе.

— Прежде всего я долженъ тебѣ сдѣлать слѣдующій вопросъ, началъ Аристархъ Ѳедоровичъ.—Скажи мнѣ откровенно, прямо, безъ обиняковъ, чувствуешь ли ты ко мнѣ истинное, душевное расположеніе? добавилъ онъ, протягивая руку Карачаеву, который схватилъ ее поспѣшно и пожалъ съ такою силой, что захрустѣли всѣ суставчики собесѣдника.

— Хорошо! произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, поглаживая покраснѣвшую ладонь. — Теперь слушай, вотъ въ чемъ дѣло...

Карачаевъ нагнулъ на бокъ голову и нахмурилъ глубокомысленно брови.

— Ты знаешь, братецъ, что вотъ ужъ полторы недѣли, какъ я жду сюда Лизавету Семеновну, продолжалъ Аристархъ Ѳедоровичъ.—Почему я выписываю ее сюда... что̀ заставило меня безпокоить ее, подхватилъ онъ, стараясь смягчить свое выраженіе, потому что Карачаевъ былъ страхъ раздражителенъ въ отношеніи ко всему, что̀ касалось Лизаветы Семеновны, — все это выходитъ изъ настоящаго предмета нашего разговора.—Дѣло въ томъ, что я жду ее, что присутствіе ея здѣсь необходимо, что у нея находятся, вдобавокъ, бумаги, которыя почти такъ же необходимы, какъ сама она... Но ты самъ видишь, что

время проходитъ, а жены, между тѣмъ, нѣтъ какъ нѣтъ... Писемъ я отъ нея точно такъ же не получаю... словомъ, я теряюсь въ догадкахъ... Ужъ не больна ли она? или не случилось ли съ нею, или дѣтьми, какого-нибудь несчастія?.. словомъ, безпокойство мое на этотъ счетъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ...

Во время этого предварительнаго монолога, дѣловое лицо Карачаева сбрасывало постепенно выраженіе притупленнаго вниманія и съ каждой секундой все болѣе и болѣе хмурилось; въ глазахъ его, сначала глубокомысленно опущенныхъ къ полу, но устремленныхъ теперь въ тотъ уголъ, гдѣ находилась трубка, ясно можно было прочесть, что тайна, которую хранилъ онъ въ глубинѣ души своей, готова была вырваться изъ груди его. Онъ сдѣлалъ, однакожъ, усиліе и ограничился только сухимъ кашлемъ.

— Ну, хорошо, что жъ дальше? сказалъ онъ, не подымая глазъ на Аристарха Ѳедоровича.

— Дальше будетъ то̀ именно, о чемъ я хотѣлъ просить тебя, началъ Балахновъ таинственнымъ голосомъ, — изъ всѣхъ близкихъ, знакомыхъ и преданныхъ мнѣ людей, ты одинъ, на котораго я могу возложить это порученіе... Твоя искренняя привязанность къ женѣ...

— Да, я люблю, почитаю, уважаю, глубоко уважаю Лизавету Семеновну!.. Ну, что жъ дальше? нетерпѣливо сказалъ Карачаевъ.

— Безпокойство, касательно этого непонятнаго, упорнаго молчанія съ ея стороны, должно, слѣдовательно, занимать точно такъ же маленькое мѣсто въ твоемъ добромъ сердцѣ...

— Ну, ну, ну! вымолвилъ еще нетерпѣливѣе Карачаевъ.

— Послушай, любезный другъ, поѣзжай въ Ханскіе-Пруды, узнай все обстоятельно и привези жену какъ можно скорѣе сюда...

Волненіе и неловкость обозначились въ эту минуту съ такою силой во всей фигурѣ Карачаева, что Аристархъ Ѳедоровичъ усомнился на минуту въ привязанности Карачаева къ своей особѣ.

— Тебѣ, можетъ-быть, въ тягость такое порученіе? спросилъ Балахновъ тономъ человѣка, который, очевидно, желаетъ услышать благопріятный отвѣтъ.

— Помилуй, братецъ, я не думалъ даже объ этомъ...

Изволь, я готовъ!.. чтобъ доказать тебѣ мое расположеніе... я готовъ ѣхать въ Ханскіе-Пруды... Полтораста верстъ для меня ровно ничего не значитъ; сѣлъ, завернулся въ шинель: „пошелъ!“ да и баста! и вся недолга! Изволь, братецъ, я ѣду хоть сейчасъ!

— Благодарю, милый мой, благодарю! Я никогда, впрочемъ, не сомнѣвался въ твоей дружбѣ! воскликнулъ Аристархъ Өедоровичъ, заключая Карачаева въ объятія.

Затѣмъ онъ тотчасъ же принялся дѣлать ему инструкцію, главный смыслъ которой заключался въ томъ, чтобъ привезти какъ можно скорѣе Лизавету Семеновну, и, въ особенности, не забыть сказать ей, чтобъ она захватила тѣ бумаги, о которыхъ было уже говорено въ письмахъ.

Карачаевъ слушалъ всѣ эти наставленія съ явнымъ невниманіемъ и пренебреженіемъ; но когда Аристархъ Өедоровичъ вышелъ изъ кабинета, чтобъ сдѣлать кой-какія распоряженія для скорѣйшаго отправленія Карачаева, Павелъ Петровичъ пришелъ внезапно въ неописанную ярость.

— Такъ! я поѣду!.. Полтораста верстъ для меня ничего не значатъ!.. Поѣду, но все равно, не сегодня, такъ завтра узнаешь... не миновать тебѣ, добрый отецъ... все узнаешь... вотъ она штука-то въ чемъ!.. Такъ, такъ, голубушка моя, Лизавета Семеновна, такъ! не выдавайте себя, не жалѣйте! чего жалѣть?.. Его не проймешь, голубушка моя, ни калиной, ни хворостиной!.. заключилъ онъ, моргая глазами и свирѣпо почесывая лысину.

Минутъ десять спустя, сѣрый нанковый казакинъ красовался ужъ на плечахъ Карачаева, а черный фракъ его занималъ свое обычное мѣсто въ маленькомъ чемоданчикѣ. Немного погодя, стукъ удалявшейся телѣжки возвѣстилъ объ отправленіи Карачаева.

Аристархъ Өедоровичъ позвалъ Сидора, который выходилъ на крыльцо провожать Павла Петровича...

— Что, какова погода? спросилъ Аристархъ Өедоровичъ.

— Такая-то дрянная, сударь... что Боже упаси...

— Какая дрянная?

— Да чичерь, сударь...

— Какой чичерь? дуракъ!

— Чичерь, сударь... снѣгъ, дождь... крупа... вѣтеръ такой... зги не видно!..

— Хорошо, ступай!

Аристархъ Өедоровичъ завернулся въ халатъ, погрузился въ мягкое кресло, вытянулъ ноги и улыбнулся при мысли, что сомнѣнія его, въ отношеніи къ привязанности Карачаева, были далеко не основательны.

XX.

Подмостки, на которыхъ столько лѣтъ красовался Аристархъ Өедоровичъ, начинаютъ трещать, подламываться, наконецъ падаютъ и увлекаютъ за собою великаго мужа.

Прошла недѣля послѣ событій, описанныхъ въ предъидущей главѣ. Не много, кажется, но времени этого было уже достаточно, чтобъ произвести опустошительное дѣйствіе въ величественной физіономіи знаменитаго горшковскаго дипломата. Уже на пятый день послѣ отъѣзда Карачаева, багровые кружки появились на благородныхъ ланитахъ Аристарха Өедоровича; въ короткій промежутокъ послѣдующихъ двухъ дней багровые кружки успѣли распространиться по всему лицу его, которое, отражая такимъ образомъ зарево внутренняго пожара, значительно осунулось и похудѣло.

Продолжительность этой зловѣщей красноты опредѣляла всегда, какъ ужъ извѣстно, степень внутренняго разстройства великаго человѣка. Ясно было, слѣдовательно, что разстройство великаго человѣка достигло уже высшаго своего предѣла.

Могло ли быть иначе?

По всѣмъ расчетамъ и соображеніямъ Аристарха Өедоровича, ему слѣдовало бы быть теперь наканунѣ своего бала; онъ твердо увѣренъ былъ, что къ этому времени, благодаря визитамъ жены, общественное положеніе его окончательно упрочится; такую же точно увѣренность питалъ онъ въ отношеніи къ бумагамъ, которыхъ ожидалъ вмѣстѣ съ женою; бумаги эти давно должны были снабдить его роскошными принадлежностями для предположеннаго бала и обѣда. Такъ думалъ Аристархъ Өедоровичъ, но не такъ вышло на самомъ дѣлѣ.

Лизавета Семеновна не ѣхала; бумагъ какъ не бывало; балъ находился на степени простого проекта; общественное положеніе было сомнительнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Въ этомъ крайнемъ случаѣ, Аристархъ Өедоровичъ имѣлъ

полное право разсчитывать хоть на отвѣтъ отъ Лизаветы Семеновны или Карачаева. Но отвѣта не было. Ханскіе-Пруды хранили упорное молчаніе; а между тѣмъ роковое утро, къ которому столько лѣтъ стремились всѣ помыслы Аристарха Өедоровича, приближалось съ непостижимою быстротою.

До начала выборовъ оставалось всего-на-все пятеро сутокъ! Прошло еще два дня, два адски-мучительные дня.

Ханскіе-Пруды не подавали признака жизни.

Пурпуръ замѣтно началъ сбѣгать съ величественнаго лица Аристарха Өедоровича, оставляя на немъ, по мѣрѣ исчезновенія, слѣды той лимонной желтизны, которая не предвѣщаетъ ничего добраго.

Прошелъ еще день, потомъ еще день, потомъ третій, и, наконецъ, до выборовъ остались всего однѣ сутки.

Ханскіе-Пруды молчали попрежнему.

Смотритель оранжерей, котораго переманилъ Балахновъ у Окатова, подрядчики, обнадеженные задатками, офиціанты и поваръ осадили его со всѣхъ сторонъ докучливыми разспросами о срокѣ бала и обѣда. Аристархъ Өедоровичъ, пожелтѣвшій уже окончательно, ничего не отвѣчалъ; онъ приказалъ не принимать ихъ, подъ предлогомъ легкой простуды. Ясно было, что балъ и обѣдъ не могли ужъ никакимъ образомъ осуществиться. Счастье еще, что Аристархъ Өедоровичъ не слышалъ сарказмовъ, расточаемыхъ по этому поводу на его счетъ Балаклеевыми и другими, болѣе или менѣе значительными обывателями Черноряжска. Одна мысль о возможности неблагопріятныхъ толковъ приводила его въ неописанное бѣшенство. Впрочемъ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ равно и во всѣхъ случаяхъ его жизни, отдадимъ Аристарху Өедоровичу должную справедливость.

Онъ все еще крѣпился, не падалъ духомъ и даже употреблялъ гигантскія усилія, стараясь подавить въ груди своей яростные порывы жёлчи. Но какъ хотите, въ минуты, подобныя тѣмъ, какія переживалъ теперь нашъ герой, трудно, почти невозможно сохранить невозмутимое равнодушіе. Были мгновенія, когда чувствовалъ онъ, что жёлчь приступала къ горлу и давила его; были мгновенія, когда кровь бушевала въ жилахъ Аристарха Өедоровича; наступали также минуты, когда онъ ровно ничего не могъ сдѣлать, чтобъ потушить пламень негодованія, который, вопреки всѣмъ усиліямъ, исторгался изъ его глазъ, какъ

изъ люковъ театра, когда тамъ представляютъ пожаръ.

Все это, разумѣется, нимало не помѣшало наступить роковому утру, назначенному для начала выборовъ.

Такъ какъ Аристархъ Өедоровичъ не смыкалъ глазъ въ продолженіе трехъ послѣднихъ ночей, было бы совершенно лишнимъ распространяться о томъ, какъ поднялся онъ съ постели въ это достопамятное утро.

Достаточно сказать, что около восьми часовъ онъ вылилъ себѣ на голову три умывальника холодной воды, а часамъ къ девяти приказалъ подавать одѣваться.

Не мѣшаетъ также замѣтить, что, несмотря на вышеизложенныя критическія обстоятельства, великій человѣкъ хранилъ въ душѣ непреклонное намѣреніе ѣхать на выборы; онъ не сомнѣвался, что присутствіе его все еще должно будетъ произвести сильный переворотъ въ мысляхъ черноряжскихъ обывателей.

Аристархъ Өедоровичъ стоялъ передъ зеркаломъ и приступалъ уже къ подвязыванію галстука, какъ вдругъ на улицѣ послышался звонкій хляскъ копытъ и почти въ ту же минуту подъ самыми его окнами остановилась тройка.

При этомъ пальцы Балахнова, и безъ того уже не совсѣмъ покорные, выпустили галстукъ; онъ быстро подошелъ къ окну и взглянулъ на улицу.

При видѣ Карачаева, вылѣзавшаго изъ телѣжки съ чемоданомъ подъ мышкою, губы Аристарха Өедоровича вздрогнули и лицо поблѣднѣло, какъ известь.

Онъ не успѣлъ еще придти въ себя, какъ Карачаевъ очутился ужъ въ кабинетѣ.

— Здравствуй, братецъ, сказалъ Карачаевъ съ самымъ спокойнымъ, обыкновеннымъ видомъ, — да что съ тобою? что ты, братецъ?! подхватилъ онъ мгновенно, измѣняя интонацію, — успокойся, душа моя, ничего не случилось, клянусь тебѣ честью! всѣ, слава Богу, здоровы: и Лизавета Семеновна, и дѣтки также! заключилъ онъ, подбѣгая къ собесѣднику и протягивая къ нему обѣ руки.

Но Аристархъ Өедоровичъ поспѣшилъ спрятать руки за спину, отступилъ три шага и бросилъ на Карачаева сокрушающій взглядъ.

— Я не объ этомъ тебя спрашиваю! сказалъ онъ глухимъ, задыхающимся голосомъ.—Я спрашиваю тебя... гдѣ жена?..

— Лизавета Семеновна въ Ханскихъ-Прудахъ, братецъ, отвѣчалъ Карачаевъ такимъ тономъ, какъ будто дѣло касалось самаго обыкновеннаго предмета.

— Что же все это значитъ? вскричалъ Аристархъ Өедоровичъ, задыхаясь отъ бѣшенства.

— Полно, братецъ, ну, что ты изъ себя выходишь?.. успокойся! вотъ тебѣ кресло, садись; садись, говорю тебѣ, все узнаешь... заботливо отвѣчалъ Карачаевъ.

— Ну... произнесъ Аристархъ Өедоровичъ, бросаясь на указанное ему мѣсто.

Карачаевъ поспѣшилъ занять сосѣднiй стулъ, при чемъ лицо его тотчасъ же приняло строгое и въ высшей степени дѣловое выраженiе.

Сжавъ свои узенькiя губы патентованными зубами, скрестивъ судорожно руки на груди, Аристархъ Өедоровичъ подавилъ, казалось, въ себѣ на минуту порывы бѣшенства и приготовился слушать съ подобающимъ терпѣнiемъ.

— Ну, что жъ все это значитъ? повторилъ онъ.

— Значитъ то, братецъ, что Лизавета Семеновна сюда не будетъ... выразительно сказалъ Павелъ Петровичъ.

— Ка-а-акъ! вскричалъ Балахновъ, ударяя кулакомъ по столу и быстро вскакивая съ мѣста.

— Полно, братецъ... ну, что ты, въ самомъ дѣлѣ... началъ было Карачаевъ, но Аристархъ Өедоровичъ прервалъ его.

— А письма мои? произнесъ онъ.

— Письма твои получены всѣ до единаго... но Лизавета Семеновна все-таки не могла прiѣхать... На это, я тебѣ скажу, есть, братецъ, причины... примолвилъ Карачаевъ, разстегивая съ озабоченнымъ видомъ крючки своего нанковаго казакина и вынимая письмо. — На̀, читай! заключилъ онъ, нахмуривъ брови.

Аристархъ Өедоровичъ вырвалъ письмо изъ рукъ его, сломалъ печать и принялся читать.

Карачаевъ поспѣшилъ отодвинуть стулъ, всталъ и, съ свойственною ему скромностью, отошелъ въ сторону. Глаза его пристально устремились, однакожъ, на Аристарха Өедоровича; онъ, повидимому, напрягалъ все свое вниманiе, чтобъ прослѣдить за впечатлѣнiями, которыя должны были обозначиться въ чертахъ Балахнова при чтенiи письма. Выраженiе постепенно возраставшаго неудовольствiя на лицѣ Карачаева доказывало, что онъ былъ чрезвычайно недоволенъ впечатлѣнiями Аристарха Өедоровича. Но когда Аристархъ Өедоровичъ разорвалъ письмо въ мелкiе клочки, затопалъ ногами и разразился бранью, и особенно, когда, посреди этихъ неумѣренныхъ излiянiй

злобы, неоднократно произнесено было имя Лизаветы Семеновны, неудовольствіе Карачаева переступило всѣ границы и мигомъ превратилось въ самое сильное негодованіе. Съ именемъ Лизаветы Семеновны, произнесеннымъ безъ должнаго уваженія, Карачаевъ забушевалъ, какъ прорванная плотина, и слова его, подобно осколкамъ, сброшеннымъ въ потокъ, запрыгали съ неудержимою быстротою.

— Такъ, стало-быть, ты находишь, что Лизавета Семеновна поступила не такъ, какъ слѣдуетъ? воскликнулъ онъ, багровѣя, какъ свекла, и не спуская грозныхъ, моргавшихъ глазъ съ Аристарха Өедоровича, который расхаживалъ по кабинету, судорожно подергивая бровями.— Что жъ должна была она сдѣлать по-твоему? а? а? подхватилъ Карачаевъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь,— она должна была пріѣхать сюда, отдать тебѣ бумаги и, ради прихоти твоей, лишить дѣтей... а?.. Я, вѣдь, все знаю, братъ, все знаю!.. Я, конечно, въ твои дѣла мѣшаться не смѣю, а правду тебѣ скажу, всегда скажу, потому что люблю, уважаю, почитаю Лизавету Семеновну, и дѣтокъ люблю... привыкъ, привязался и желаю всѣмъ имъ добра; вотъ она штука-то въ чемъ! да! всю правду выскажу тебѣ... Правда эта, признаться, давно сидитъ у меня вотъ здѣсь, да случая только не было! примолвилъ онъ, ударяя себя кулакомъ въ грудь.—Ты привыкъ, чтобъ тебѣ всѣ кланялись и льстили, да я, братъ, не Кокуркины и не Свищовъ; вотъ она штука-то въ чемъ! Мнѣ, братъ, все равно!.. Знаешь ли, отъ кого ты получилъ это письмо? Знаешь ли, кого ты бранилъ сейчасъ, а? Ты бранилъ самую благородную женщину, какая только есть на свѣтѣ! Стыдись, братецъ, стыдись! Это говорю тебѣ я, Карачаевъ, стыдись!..

Аристархъ Өедоровичъ остановился и непреклоннымъ жестомъ указалъ Карачаеву на дверь.

— Это ты мнѣ указываешь на дверь? я и самъ знаю, гдѣ она! вскричалъ Карачаевъ съ возрастающимъ жаромъ,—не безпокойся, уйду; уйду, когда надо будетъ; а до того выскажу тебѣ всю подноготную; сказалъ, что выскажу—и выскажу, хоть ты тутъ тресни! Всегда скажу, что ты слишкомъ, братъ, возмечталъ о себѣ, вотъ что! Ну, что ты, взаправду, о себѣ думаешь? что ты такое? а? Ученый, что ли? Будь ты заслуженный какой, сдѣлай ты полезное дѣло, будь ты хоть знатнаго рода, или будь у тебя какое-нибудь особое воспитаніе или образованіе...

вотъ тогда могъ бы ты считаться лучше другихъ... Да и то не долженъ бы показывать этого! А то что въ тебѣ: знаешь только ты, братъ, выпучивать грудь, озадачивать какого-нибудь кисляка Василькова, да строчить ябеды... да и то, слышалъ я, безграмотныя, такъ что всякой писецъ изъ земскаго суда лучше напишетъ; вотъ что!

— Ты забываешься! я велю вывести тебя вонъ! вскричалъ Аристархъ Ѳедоровичъ, дѣлая угрожающій жестъ.

— Меня! меня вывести! нѣтъ, братъ, молода еще, въ Саксоніи не была! запальчиво крикнулъ Карачаевъ,—а, впрочемъ, позови Сидора—я при немъ выскажу тебѣ все, что надо: мнѣ, вѣдь ты знаешь, все равно! Да, братъ, да, да, возмечталъ ты о себѣ слишкомъ много! вотъ что! Такъ возмечталъ, что всѣ кажутся тебѣ какою-то меркантелью... и даже Лизавета Семеновна, которой, между тѣмъ, ты башмака не стоишь! Вотъ она штука-то въ чемъ! Пріѣдетъ куда-нибудь или дома у себя: развалится на диванѣ, задеретъ ноги, да и думаетъ, чортъ знаетъ, что онъ такое! Ну, что ты хочешь этимъ сказать? что? Ну, что ты хотѣлъ сказать, когда, двѣ недѣли тому назадъ, послѣ твоего обѣда, разлегся при всѣхъ на диванѣ: „о-о, я спать хочу!“ кого ты этимъ озадачилъ? Всѣ сказали, что ты невѣжда; вотъ что! Нечего глаза-то выпучивать, меня этимъ не испугаешь; я всегда скажу, что ты мизинца, подошвы, да еще старой, истасканной подошвы Лизаветы Семеновны не стоишь! Мы всѣ, да, всѣ, сколько насъ ни есть, уважаемъ и почитаемъ ее, какъ добрую и благородную женщину... а ты... ну, братъ, ты еще покуда погоди! Почему никто до сихъ поръ еще не сказалъ о тебѣ добраго слова? а? Потому что ты мѣшаешься во всякое дѣло, лѣзешь всюду, гдѣ безъ тебя обойдутся и гдѣ тебя вовсе не спрашиваютъ!.. И добро бы имѣлъ на это право какое, а вѣдь у самого пушокъ на рыльцѣ, да еще, можетъ статься, больше чѣмъ у тѣхъ, кого ты чернишь; вотъ что! Ты одинъ правъ, всѣ виноваты; это, братъ, что-то мудрено!.. Вотъ она штука-то въ чемъ! Я, вѣдь, правду говорю! Помнишь, ты читалъ мнѣ одно письмо, не помню только, къ кому оно было... кажется, къ Солонееву... ты очернилъ его, да и говоришь потомъ: „теперь обращу строгій взглядъ на себя!“ Я помню, какъ ты тамъ себя выставлялъ, любо-дорого слушать!.. Нѣтъ, ты, въ самомъ дѣлѣ, не шутя, обрати-ка этотъ строгій взглядъ на себя, по-

смотри-ка, каковъ ты есть на самомъ дѣлѣ, такъ и увидишь, можетъ статься...

— Сидоръ! бѣшено вскричалъ Аристархъ Өедоровичъ, бросаясь, съ пѣною у рта, къ двери.

Но Сидоръ стоялъ ужъ въ дверяхъ, и не успѣлъ Аристархъ Өедоровичъ произнести слова, какъ онъ выступилъ впередъ и сказалъ:

— Вы изволили, сударь, посылать кучера къ подъѣзду Собранія, онъ пришелъ; всѣ съѣзжаются, сударь...

— Одѣваться! одѣваться! воскликнулъ Аристархъ Өедоровичъ, кидаясь къ зеркалу и, въ замѣшательствѣ, забывая присутствіе Карачаева и все, что сейчасъ происходило.

— Какъ! прохрипѣлъ Карачаевъ, дѣлая шагъ впередъ,— и послѣ всего этого ты все-таки хочешь ѣхать!.. Ступай! ступай! стремись, поѣзжай... заключилъ онъ, схватывая шапку и направляясь вонъ изъ кабинета, при чемъ плюнулъ въ уголъ и яростно хлопнулъ дверью.

Нѣтъ никакой возможности передать словами того, что совершилось въ эту послѣднюю четверть часа въ величавой груди Аристарха Өедоровича. Въ этомъ случаѣ было бы даже совершенно излишнимъ прибѣгать къ аллегоріи; никакое до сихъ поръ извѣстное аллегорическое сравненіе не нашло бы здѣсь мѣста. Предоставимъ, слѣдовательно, на время, Аристарха Өедоровича самому себѣ и обратимся къ Карачаеву, который маршируетъ быстрыми шагами по деревяннымъ тротуарамъ города Черноряжска.

Было бы также не легко опредѣлить состояніе, въ какомъ находились взволнованныя чувства Павла Петровича; наружность и движенія его показывали, впрочемъ, что въ простомъ и безхитростномъ сердцѣ Павла Петровича происходила страшная суматоха. Глазами моргалъ онъ точно такъ же, какъ во время объясненія съ Аристархомъ Өедоровичемъ, и лицо его было красно попрежнему. Руками онъ такъ размахивалъ, какъ будто пробивался сквозь густую толпу или разрушалъ стѣны ненавистной тюрьмы, изъ которой давно ужъ хотѣлъ высвободиться. Но какой одушевленный или неодушевленный предметъ стремились уничтожить грозные жесты Карачаева — неизвѣстно. Были ли они обращены на несчастныя обстоятельства, которыя со всѣхъ сторонъ обступили Балахнова, или на самого Балахнова—опредѣлить также весьма трудно. Не обращая, повидимому, ни малѣйшаго

вниманія на то, что происходило вокругъ, Карачаевъ дошелъ такимъ образомъ до конца Никольской и переходилъ ужъ въ Дворянскую улицу, какъ за спиною его раздались неожиданные крики: „пади! пади! берегись!" Обернувшись, Карачаевъ увидѣлъ коляску Аристарха Өедоровича и въ коляскѣ самого Аристарха Өедоровича. Нимало не безпокоясь, онъ медленно, шагъ за шагомъ, отошелъ въ сторону; выждавъ минуту, когда окно экипажа поровнялось съ его лицомъ, онъ ограничился лишь тѣмъ, что поспѣшно повернулся спиною къ Аристарху Өедоровичу.

Встрѣча эта произвела, однакожъ, тотъ хорошій результатъ, что прояснила хаосъ, въ который до того времени повергнуты были мысли Павла Петровича. Съ этой минуты онъ исключительно уже занялся изслѣдованіемъ характера и поступковъ Аристарха Өедоровича.

Павелъ Петровичъ былъ возмущенъ до глубины души. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Во все продолженіе пути изъ Ханскихъ-Прудовъ до Черноряжска, Карачаевъ обдумывалъ наставительную рѣчь, которую хотѣлъ произнести передъ Балахновымъ, и которая такъ неожиданно превратилась въ рядъ грубыхъ упрековъ. Но, какъ бы то ни было, сущность наставительной рѣчи все-таки ярко выступала наружу; Павелъ Петровичъ высказалъ все, что лежало у него на душѣ. Онъ нимало не сомнѣвался, что помощью рѣчи своей расшевелитъ до глубины души Аристарха Өедоровича, пробудитъ въ немъ стыдъ и совѣсть, разоблачитъ его безсиліе, укажетъ ему все ничтожество честолюбивыхъ уѣздныхъ замысловъ и возвратитъ его наконецъ къ обязанностямъ. Что жъ вышло на повѣрку? Вышло, что, послѣ произнесенія этой рѣчи, Аристархъ Өедоровичъ не только не почувствовалъ раскаянія и угрызенія совѣсти, но какъ бы сильнѣе еще укрѣпился въ своихъ честолюбивыхъ замыслахъ, которые, очевидно, должны были погубить его.

Полный самыхъ тревожныхъ мыслей, Карачаевъ вернулся въ квартиру Балахнова.

Весьма любопытно было бы знать, сколько шаговъ и даже сколько верстъ сдѣлалъ Карачаевъ, разгуливая взадъ и впередъ по кабинету Аристарха Өедоровича; вышла бы также не менѣе любопытная цифра, если бъ сосчитать число трубокъ, выкуренныхъ имъ въ это достопамятное утро. Къ сожалѣнію, то и другое осталось неизвѣстнымъ. Мы положительно знаемъ только, что моціонъ и трубки

не произвели благодѣтельнаго вліянія на взволнованныя его чувства. Онъ видимо начиналъ ужъ тяготиться своимъ положеніемъ, и, желая, вѣроятно, разсѣяться во что бы то ни стало, взялъ шапку и снова вышелъ на улицу.

Было ужъ около двухъ часовъ пополудни. Улицы Черноряжска представляли картину самаго полнаго оживленія; все показывало, что въ эту минуту въ городѣ происходило или произошло что-то необычайное. Карачаевъ тотчасъ же смекнулъ въ чемъ дѣло; онъ ускорилъ шаги и направился къ дому Собранія.

Онъ находился ужъ недалеко отъ своей цѣли, какъ, поднявъ неожиданно голову, увидѣлъ дрожки и пару рыженькихъ вятокъ, которыя только что оставили, повидимому, крыльцо Собранія. Въ дрожкахъ сидѣлъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, толстый Нилъ Степановичъ Лукьяновъ.

— Стой! стой! стой! закричалъ Карачаевъ, поспѣшно вынимая изъ кармана извѣстный клѣтчатый платокъ съ прорѣхою посрединѣ и размахивая имъ по воздуху.

Нилъ Степановичъ положилъ жирную руку свою на шею кучера—и дрожки остановились.

— Батюшки-свѣты, кого я вижу! Павелъ Петровичъ! вотъ говорятъ: въ одинъ день двѣ радости не живутъ! Какими судьбами? воскликнулъ Лукьяновъ, протягивая руки и перегибаясь всѣмъ корпусомъ на правую сторону дрожекъ, которыя издали при этомъ жалобный пискъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, Нилъ Степанычъ! сказалъ Карачаевъ, пожимая ему руки, — вы теперь изъ Собранія?

— Да...

— Стало-быть, Собраніе кончилось?..

— Кончилось, любезный Павелъ Петровичъ, кончилось! Добрый конецъ—всему вѣнецъ, какъ говорится... хе... хе... хе... Видите, всѣ ужъ разъѣзжаются!

— Вижу, вижу... ну, а скажите-ка, пожалуйста, Нилъ Степанычъ... я хотѣлъ спросить васъ, что̀ Аристархъ Ѳедорычъ? проговорилъ Карачаевъ, переводя одышку на каждомъ словѣ.

Нилъ Степановичъ выразительно подмигнулъ Карачаеву на кучера, приложилъ указательный палецъ къ уху и снова перегнулся черезъ дрожки.

— Ухайдакали! шепнулъ онъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ—ухайдакали! повторилъ Лукьяновъ, выразительно приподнявъ брови,—забаллотировали въ чистую; накидали ему видимо-невидимо черняковъ... просто, осрамился! Ни то, ни сё, кипѣло, да и то прогорѣло, говорится... самъ накликалъ... То же самое, я вамъ скажу, случилось, десять лѣтъ назадъ, съ покойнымъ моимъ шуриномъ, то-есть сыномъ отца моей жены...

— Вѣдь я жъ говорилъ ему не ѣздить! я говорилъ ему! воскликнулъ Карачаевъ.

— И я говорилъ ему то же самое! подхватилъ Лукьяновъ,—я говорилъ ему еще передъ началомъ баллотировки: „премногоуважаемый Аристархъ Ѳедоровичъ“, говорилъ я ему...

— Кого же избрали?

— Солонеева! шепнулъ Лукьяновъ.

— А еще?

— Балаклеева...

— А кто перебилъ дорогу Аристарху Ѳедорычу?

Тутъ Нилъ Степановичъ оглянулся на всѣ стороны площади, приложилъ толстыя свои губы къ уху Карачаева и прошепталъ:

— Кошкинъ...

Карачаевъ свирѣпо почесалъ затылокъ.

— А что, Нилъ Степанычъ, произнесъ Карачаевъ, указывая рукою на Собраніе и съ трудомъ подавляя безпокойство, — вы не знаете, Аристархъ Ѳедоровичъ все еще тамъ?

— Нѣтъ, мой почтеннѣйшій, сейчасъ только-что уѣхалъ... мы выѣхали почти въ одно время; теперь онъ долженъ быть дома.

— Въ такомъ случаѣ, прощайте, Нилъ Степанычъ! проговорилъ Карачаевъ.

— Куда жъ вы?.. Погодите, Павелъ Петровичъ... я хотѣлъ предложить вамъ партійку къ вечеру...

— Нѣтъ... нельзя... ей-Богу... дѣла... въ другой разъ, отвѣчалъ Карачаевъ, нетерпѣливо моргая глазами.

И, не дожидаясь возраженій Нила Степановича, онъ пустился безъ оглядки по направленію къ купеческому дому, занимаемому Балахновымъ.

Минутъ пять спустя, онъ былъ ужъ на лѣстницѣ. Вступивъ въ переднюю, которая въ настоящую минуту была пуста, онъ бросилъ шапку, торопливо пригладилъ лысину и поспѣшилъ войти въ кабинетъ.

— Я вѣдь тебѣ говорилъ, душа моя, Aristarque, я вѣдь говорилъ тебѣ! воскликнулъ онъ, простирая впередъ руки, но въ ту же секунду остановился, пораженный неожиданнымъ зрѣлищемъ.

Аристархъ Ѳедоровичъ, въ полномъ облаченіи, лежалъ безъ признака жизни на диванѣ. Сидоръ и кучеръ стояли по бокамъ его недвижно, какъ столбы, глубоко вколоченные въ землю.

— Что же вы? закричалъ Карачаевъ, бросаясь къ дивану, — развѣ вы не видите, что ему надо развязать галстукъ!..

— Бѣги за докторомъ... жи-ва-а! бѣги скорѣй... ты, Сидоръ, или нѣтъ... ты, Василій... спросить лучшаго доктора... сказать, что большая опасность... жи-ва-а-а! продолжалъ кричать Карачаевъ, освобождая Аристарха Ѳедоровича отъ остальной одежды.

Карачаевъ забылъ ужъ происшествіе утра; онъ ухаживаетъ теперь за Балахновымъ, какъ будто тотъ былъ сто разъ его любимымъ братомъ.

Какъ только кучеръ вышелъ, Павелъ Петровичъ услалъ Сидора за холодной водой и, оставшись наединѣ, ударилъ себя кулакомъ въ голову и заходилъ, какъ угорѣлый, по кабинету. Внезапно онъ остановился передъ Балахновымъ, простеръ надъ нимъ руки и прокричалъ голосомъ, полнымъ глубокаго отчаянія:

— Я же говорилъ тебѣ, душа моя, Aristarque!.. я говорилъ тебѣ!..

Въ эту самую минуту Сидоръ вошелъ съ водой и Карачаевъ поспѣшилъ отвернуться къ окну.

— Вотъ что! воскликнулъ онъ, когда капли воды, брошенныя имъ на лицо Аристарха Ѳедоровича, не произвели никакого дѣйствія,—вотъ что... промолвилъ онъ, обнаруживая сильнѣйшіе признаки безпокойства,—Васька ни за что, ни за что не найдетъ доктора... Пробѣгаетъ попустому... Вѣрно такъ! фу! На́, держи кувшинъ, я самъ пойду! заключилъ онъ, стремглавъ выбѣгая изъ кабинета.

Черезъ полчаса Карачаевъ, покрытый по̀томъ и едва переводя духъ отъ усталости, явился въ сопровожденіи доктора.

— Ну, что, докторъ? спросилъ онъ, когда тотъ осмотрѣлъ Аристарха Ѳедоровича.

— Надо какъ можно скорѣе пустить ему кровь, флегматически отвѣчалъ медикъ.

— Сидоръ... бѣги скорѣе за цырюльникомъ! жива-а! тащи его за шиворотъ, или нѣтъ! стой! ты не найдешь... я самъ лучше сбѣгаю! прибавилъ онъ, пускаясь вдогонку за камердинеромъ.

Въ передней Карачаевъ остановился, снова стукнулъ себя въ голову и бросился развязывать маленькій чемоданчикъ, стоявшій подлѣ печки; вышвырнувъ на полъ все, что находилось въ чемоданчикѣ, онъ отыскалъ старенькій бумажникъ, вынулъ ободранную трехрублевую депозитку, тщательно уложенную между двумя бумажками, и суетливо возвратился въ кабинетъ.

— Вотъ, докторъ, пробормоталъ онъ, багровѣя, какъ клюква, и неловко подавая ему деньги,—вотъ... Послушайте, докторъ, примолвилъ онъ, отводя его къ окну и указывая ему на больного,—надѣюсь, вы ничего не скажете... écouté: какъ честный человѣкъ, вы ничего не должны разсказывать о томъ, что̀ съ нимъ случилось!..

— Помилуйте, это до меня не касается... Меня призвали—я пришелъ; а до остального мнѣ нѣтъ дѣла...

— Какъ честный человѣкъ?

Докторъ утвердительно кивнулъ головой.

— Вотъ еще что̀, сказалъ Карачаевъ, когда онъ и докторъ очутились въ прихожей,—можно ли отвезти его въ такомъ положеніи домой?

— Можно; но только надо поторопиться; завтра, можетъ статься, будетъ ужъ поздно... По всѣмъ вѣроятіямъ, у него откроется горячка...

— Не можетъ быть!

Докторъ утвердительно кивнулъ головой.

Карачаевъ, всплеснувъ руками, отчаянно замоталъ головой и побѣжалъ за цырюльникомъ.

Кровопусканіе принесло Аристарху Ѳедоровичу очевидную пользу. Онъ раскрылъ глаза, сдѣлалъ усиліе, чтобъ приподняться на диванѣ, и попробовалъ даже выпучить грудь.

— Что я имъ сдѣлалъ? воскликнулъ Аристархъ Ѳедоровичъ разбитымъ, дребезжащимъ голосомъ.—За что все это?.. Кошкинъ!.. Солонеевъ!.. злодѣи!..

Но едва произнесъ онъ эти слова, лицо его покрылось смертельною блѣдностью, вагенгеймовскіе зубы притиснули нижнюю губу, и онъ снова повалился на диванъ.

Принявъ такія выходки за первые пароксизмы начинавшейся горячки, Карачаевъ послалъ тотчасъ же кучера

за подорожной, а самъ, съ помощью Сидора, поспѣшилъ приступить къ укладкѣ чемодановъ.

Въ ту же ночь голубая коляска Аристарха Ѳедоровича выѣхала изъ Черноряжска въ сопровожденіи телѣжки съ сидѣвшимъ на ней Карачаевымъ, который курилъ трубку и хмурилъ брови съ крайне озабоченнымъ видомъ.

XXI.

Аристархъ Ѳедоровичъ, свергнутый силою обстоятельствъ съ высоты своего величія, перестаетъ, кажется, выпучивать грудь и становится обыкновеннымъ смертнымъ.

Итакъ, Аристархъ Ѳедоровичъ палъ! Это несомнѣнно. Слѣдуетъ ли заключать, однакожъ, что онъ послѣ этого не заслуживаетъ нашего уваженія? Ничуть не бывало. Что̀ говорить: Аристархъ Ѳедоровичъ палъ, обнаруживая слабости, свойственныя самымъ обыкновеннымъ смертнымъ; въ паденіи его не было даже ничего геройскаго, ничего такого, что̀ вызывало бы на размышленіе или возбуждало удивленіе, подобное тому, напримѣръ, какое возбуждаютъ въ насъ гладіаторы древняго Рима, которые, при послѣднемъ издыханіи, все еще гордо держали голову и умирали, стараясь сохранить по возможности величественно-граціозную позу. Все это совершенно справедливо. Справедливо, можетъ-статься, и то также, что многія достойныя особы, многія слабонервныя, чувствительныя дамы, готовыя проливать обильные потоки слезъ при видѣ раздавленнаго комара, пройдутъ теперь мимо Аристарха Ѳедоровича, не удостоивъ его сострадательнымъ взглядомъ. Но смѣю увѣрить, всѣ эти особы поступятъ въ такомъ случаѣ весьма необдуманно. Величественный дубъ, сломанный грозою, занимаетъ на землѣ такое же точно пространство, какое занималъ онъ прежде въ вышинѣ! Развѣ обломки колосса Родосскаго (если бъ таковые находились) не должны были пробуждать въ насъ изумленія? Намъ стоило бы только исчислить здѣсь заслуги Аристарха Ѳедоровича, какъ дипломата и оратора, представить всеобщему вниманію глубину его мыслей и проектовъ, выставить въ вѣрныхъ, но безпристрастныхъ краскахъ неисчислимыя его добродѣтели, чтобъ мгновенно возвратить ему высокое мнѣніе всѣхъ благомыслящихъ людей. Но... но

мы не сдѣлаемъ этого; не сдѣлаемъ потому именно, чтобъ не нанести удара той необычайной скромности, которая такъ отличала всегда нашего героя на поприщѣ жизни.

Ограничимся лучше продолженіемъ разсказа:

Аристархъ Өедоровичъ, благодаря неусыпной заботливости Карачаева, совершилъ незамѣтно свой переѣздъ изъ Черноряжска въ Ханскіе-Пруды. Они пріѣхали ночью. Карачаевъ нарочно разсчитывалъ на позднее время, чтобъ не потревожить мирныхъ обитателей древняго дома. Такая предосторожность оказалась, впрочемъ, лишнею: Сидоръ передалъ свои опасенія женѣ, та поспѣшила сообщить роковое извѣстіе какой-то дворовой женщинѣ, дворовая женщина побѣжала къ Фіонѣ Ивановнѣ, Фіона Ивановна побѣжала къ старой нянѣ, старая няня разбудила Лизавету Семеновну, которая, спустя минуту, очутилась въ кабинетѣ, къ великому недоумѣнію предусмотрительнаго Павла Петровича.

Недоумѣніе его мгновенно уступило, однакожъ, мѣсто глубочайшему отчаянію, когда Лизавета Семеновна, остановившись передъ постелью мужа, закрыла лицо руками и горько заплакала. Онъ тотчасъ же принялся ее уговаривать, увѣрять, что все это ничего не значитъ, что черноряжскій докторъ справедливо пользуется заслуженной извѣстностью, что онъ объявилъ положеніе Аристарха Өедоровича далеко не опаснымъ, и кончилъ тѣмъ, наконецъ, что сталъ умолять Лизавету Семеновну вытолкать его вонъ изъ Ханскихъ-Прудовъ, въ томъ случаѣ, если онъ говорилъ неправду. Все это мало, повидимому, подѣйствовало на Лизавету Семеновну, и ночь, проведенная ею у изголовья мужа, была не изъ самыхъ спокойныхъ въ ея жизни.

Съ разсвѣтомъ послали за Карломъ Готлибовичемъ Газенпотомъ, горшковскимъ эскулапомъ.

Газенпотъ подтвердилъ слова своего собрата и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердилъ слова Карачаева.

Съ того же дня въ древнемъ домѣ наступила тишина. Было такъ тихо, какъ въ то время, когда Аристархъ Өедоровичъ занимался сочиненіемъ знаменитыхъ своихъ писемъ, или когда его не было дома; впрочемъ, самъ Карачаевъ наблюдалъ за этимъ; всякій зналъ, слѣдовательно, очень хорошо, что горе тому смертному, у котораго дерзнули бы заскрипѣть сапоги. Онъ предписалъ себѣ прежде всего полное, безконтрольное наблюденіе надъ Аристар-

хомъ Өедоровичемъ; въ первыя двѣ недѣли онъ рѣшительно не отходилъ отъ постели больного. Послѣ этого срока, Аристархъ Өедоровичъ началъ обнаруживать признаки къ выздоровленію. Тогда только Карачаевъ рѣшился сдѣлать нѣкоторыя отступленія въ отношеніи къ роли сидѣлки, которую такъ настоятельно на себя принялъ. Отступленія эти заключались въ слѣдующемъ: какъ только замѣчалъ онъ, что Аристархъ Өедоровичъ приходитъ въ сознаніе и готовится раскрыть глаза, онъ поспѣшно приподымался съ мѣста, бѣжалъ изъ кабинета, стучалъ въ дверь къ Лизаветѣ Семеновнѣ и, производя пальцами какіе-то таинственные знаки, посылалъ ее къ мужу. Затѣмъ, бережно затворивъ дверь кабинета за Лизаветой Семеновной, онъ уходилъ на цыпочкахъ въ залу или подымался наверхъ, къ Фіонѣ Ивановнѣ, съ которой находился теперь въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Эти дружескія отношенія основывались единственно на томъ, что съ нѣкоторыхъ поръ дурное и постоянно сварливое расположеніе духа экономки получило значительное улучшеніе. Благопріятная перемѣна замѣтпа была не только въ нравѣ Фіоны Ивановны, но распространялась даже на ея физіономію. Когда Карачаевъ дѣлалъ ей на этотъ счетъ замѣчанія, она отвѣчала всегда, что сама видитъ въ себѣ перемѣну и приписываетъ ее постепенному облегченію отъ несноснаго флюса, съ которымъ провозилась столько лѣтъ. Слушая ее, Карачаевъ улыбался и недовѣрчиво потряхивалъ головою. Онъ давно ужъ догадался, въ чемъ состояло дѣло; на второй же день послѣ пріѣзда своего изъ Черноряжска, онъ засталъ Прокисая Захаровича въ комнатѣ экономки. Фіона Ивановна, извѣщенная, вѣроятно, во-время о продѣлкахъ Надеженьки Кокуркиной и Василькова, поспѣшила воспользоваться случаемъ и снова завладѣла Копковымъ. Румянецъ и даже нѣкоторая полнота, появившіяся на щекахъ Прокисая Захаровича, мягкая перина, замѣнившая его тюфячокъ, и сдобныя лепешечки съ фестончиками, не ускользнувшія отъ вниманія Карачаева, подтвердили, какъ нельзя лучше, его догадки. Онъ не передавалъ, однакожъ, своихъ замѣчаній и ограничивался тѣмъ только, что въ душѣ подтрунивалъ надъ счастливою четою. Поговоривъ минутъ десять съ Копковымъ или вдовою Чивадзи, Карачаевъ снова возвращался къ своимъ обязанностямъ сидѣлки. Нерѣдко въ то время, какъ подходилъ онъ къ кабинету, за

дверью слышался нетерпѣливый, разбитый голосъ Аристарха Өедоровича, прерываемый нѣжнымъ голосомъ Лизаветы Семеновны, который весьма часто заглушали рыданія. Тогда Карачаевъ убѣгалъ въ гостиную, багровѣлъ, принимался размахивать руками и разражался яростными монологами, которые обращались, по большей части, къ тиціановской нимфѣ, доставшейся Балахнову отъ его предковъ.

Порывы эти мгновенно утихали, какъ только въ дверяхъ гостиной показывалось заплаканное, печальное лицо Лизаветы Семеновны.

— Не унывайте, голубушка моя, Лизавета Семеновна, не унывайте!.. главное дѣло, не поддавайтесь ему ни за что, не поддавайтесь — и все будетъ хорошо! говорилъ Карачаевъ, суетливо подбѣгая къ ней.—Дѣлайте, какъ я вамъ говорю; послушайтесь меня, голубушка вы моя: куйте желѣзо — пока горячо, то-есть говорите ему всю правду, всю подноготную, ничего не скрывайте... Пускай все узнаетъ! Вы еще не говорили ему, что Ханскіе-Пруды велѣно описывать? Нѣтъ? Ну, и не надо; сдѣлайте это, когда онъ совершенно выздоровѣетъ... а я покуда его подготовлю... Главное дѣло, не унывайте, голубушка моя, не робѣйте... Вотъ я вчера собрался съ духомъ и сообщилъ ему о кой-какихъ дурныхъ обстоятельствахъ по хозяйству... онъ хоть бы пикнулъ; вѣдь это добрый знакъ, голубушка моя, Лизавета Семеновна... Чего робѣть? Э! помилуйте! Авось, Богъ дастъ, мы все это устроимъ! Онъ, я замѣчаю, начинаетъ уже поддаваться... Нѣтъ, перемѣна въ немъ большая; все это, я вамъ скажу, сильно его подкузьмило... то-есть... фу!.. Ну, да все равно, перевернуло, что ли! Главное дѣло, я вамъ говорю, не унывайте... исподволь, знаете: сегодня слово, завтра слово... Авось, Богъ дастъ, все устроимъ!..

Проговоривъ все это безъ одышки, Карачаевъ провожалъ Лизавету Семеновну до дверей дѣтской, возвращался въ кабинетъ и снова садился у изголовья больного.

Выздоровленіе Аристарха Өедоровича совершалось медленно.

Снѣгъ давно уже покрывалъ поля; морозъ давно ужъ оковалъ пруды съ плававшими на нихъ искусственными лебедями; мятели и вьюги занесли сугробами пирамиды, обелиски и вычурныя заставы, украшавшія Ханскіе-Пруды. Аристархъ Өедоровичъ все еще не могъ приподняться съ постели, хотя владѣлъ ужъ полнымъ сознаніемъ.

Мало-по-малу силы его начали возвращаться, и Газенпотъ, являвшійся по два раза въ недѣлю аккуратно, объявилъ, что недѣли черезъ четыре Аристархъ Ѳедоровичъ будетъ совершенно здоровъ.

И дѣйствительно, мѣсяцъ спустя, Аристархъ Ѳедоровичъ могъ ужъ прогуливаться по кабинету безъ помощи Карачаева.

Было превосходное зимнее утро. Вокругъ балахновскаго дома трещалъ морозъ, а въ самомъ домѣ трещали еще немилосерднѣе печки, затопленныя Моисеемъ Акишевымъ, тѣмъ самымъ бѣлокурымъ лакеемъ, который преклонился когда-то передъ геніемъ Калины и талантами карачаевскаго Ивана. Но яркое пламя печки дѣлалось незамѣтнымъ передъ лучами солнца, которые врывались въ окна балахновскаго кабинета, освобожденныя уже отъ зеленыхъ занавѣсокъ. Аристархъ Ѳедоровичъ сидѣлъ въ широкихъ вольтеровскихъ креслахъ насупротивъ письменнаго стола; Карачаевъ сидѣлъ по другую сторону стола и не сводилъ моргающихъ глазъ съ собесѣдника. Наблюденія Павла Петровича ограничивались съ нѣкоторыхъ поръ одними и тѣми же выводами: онъ убѣждался съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, что выборы дѣйствительно *подкузьмили* Аристарха Ѳедоровича и произвели въ немъ разительную перемѣну.

— Ну, что, душа моя, какъ ты сегодня себя чувствуешь? спросилъ Карачаевъ.

— Совершенно хорошо, отвѣчалъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— А не чувствуешь ли ты этакъ... знаешь, аппетита? а?

— Да, таки порядочно...

— Превосходно! поздравляю, братъ; значитъ, ты совсѣмъ здоровъ! Карлъ Готлибовичъ разрѣшилъ тебѣ курицу... Ну, братъ, скажу тебѣ, какую ужъ зато мы курицу тебѣ дадимъ сегодня, такъ просто!.. я самъ сейчасъ былъ на кухнѣ... ты знаешь, я вѣдь вездѣ самъ, за всѣмъ, братецъ, присматриваю...

— Благодарю! благодарю! произнесъ Аристархъ Ѳедоровичъ, протягивая Карачаеву руку.

— Вотъ славно! Ха-ха-ха! благодарю! воскликнулъ Павелъ Петровичъ. — Да за что ты меня благодаришь-то? Ха-ха-ха! благодаритъ, какъ будто я въ самомъ дѣлѣ что-нибудь сдѣлалъ... Нѣтъ, братъ, если надо кого благодарить тебѣ, такъ не меня—я что?—надо благодарить Ли-

завету Семеновну! Вотъ это другое дѣло! примолвилъ онъ, придавая лицу своему серьезное выраженіе. — Да, братъ, ее долженъ ты благодарить, ее, которая ухаживала за тобою, какъ за малымъ ребенкомъ; отъ постели твоей не отходила, ночи не спала, — вотъ она штука-то въ чемъ! Я вотъ что скажу тебѣ: не будь Лизаветы Семеновны, ты бы теперь не разговаривалъ со мною, а знаешь ли... да, лежалъ бы тамъ, куда всѣ мы, рано или поздно, отправимся,—вотъ дѣло-то въ чемъ! заключилъ онъ, сдѣлавъ выразительный жестъ.

При этомъ румянецъ показался на блѣдномъ лицѣ Аристарха Ѳедоровича; онъ медленно отвернулся отъ собесѣдника, подперся ладонью, задумался и покраснѣлъ еще сильнѣе прежняго.

Карачаевъ кашлянулъ и, сдѣлавъ видъ, какъ-будто ничего не замѣчаетъ, подошелъ къ окну и принялся глядѣть на дворъ; созерцаніе снѣжныхъ бугровъ нимало, повидимому, не мѣшало Карачаеву отодвигаться постепенно отъ окна и приближаться къ дальнему углу кабинета; достигнувъ угла, онъ украдкою пробрался вдоль стѣны и поспѣшно вынырнулъ въ дверь. На все это потребовалось безъ малаго минутъ десять; но зато одной секунды было достаточно Карачаеву, чтобъ добѣжать до спальни Лизаветы Семеновны.

— Голубушка моя, заговорилъ онъ, когда на стукъ его вышла Балахнова, — ступайте къ нему скорѣе, ступайте съ Богомъ! Я уловилъ, кажется, самую удобную минуту! Другой, можетъ статься, не будетъ: я его подготовилъ... все хорошо... Ступайте... смотрите только, не унывайте, голубушка моя... Скажите ему напрямикъ; теперь бояться нечего: онъ совершенно здоровъ! Такъ-таки возьмите, укрѣпитесь, да и скажите ему всю подноготную: объявите ему сначала о векселяхъ, которые поданы ко взысканію, а потомъ бухните... то-есть объявите о томъ, что Ханскіе-то Пруды описывать велѣно... ну, и то, помните, о чемъ мы толковали съ вами... все это передайте ему и постарайтесь уговорить, усовѣстить его... авось, можетъ статься... Богъ дастъ... а я въ это время, помните, какъ я говорилъ, дѣтокъ подготовлю... какъ только онъ этакъ поддастся, я съ дѣтками-то и брякну...

— Нѣтъ, этого не надо, сказала Балахнова, которая, несмотря на взволнованное состояніе души своей, все-таки не могла удержаться отъ улыбки, слушая предположеніе

Карачаева, — дѣти будутъ въ этомъ случаѣ совершенно лишнія... мы, можетъ быть, и безъ нихъ обойдемся...

— Эхъ, какія вы, право, голубушка моя! перебилъ Павелъ Петровичъ. — Ужъ вы сдѣлайте Божескую милость, предоставьте мнѣ распорядиться... вы поспѣшите только въ кабинетъ, а ужъ остальное я самъ берусь устроить!..

Сказавъ это, онъ суетливо пригладилъ лысину и побѣжалъ въ дѣтскую.

Немного погодя, онъ возвратился въ залу. Строгое, дѣловое выраженіе отпечатывалось болѣе, чѣмъ когда-нибудь, на лицѣ Павла Петровича. Закинувъ руки за спину, онъ принялся расхаживать взадъ и впередъ, прислушиваясь время-отъ-времени къ отрывчатому, затаенному говору, который выходилъ изъ растворенныхъ дверей кабинета. Какъ только въ залѣ или въ концѣ коридора показывался кто-нибудь изъ людей, Карачаевъ дѣлалъ выразительные жесты, отсылалъ назадъ и поручалъ сказать, чтобъ никто не осмѣливался подходить къ крыльцу дома впредь до его приказанія. Въ этихъ занятіяхъ и въ расхаживаніи взадъ и впередъ по залѣ прошло у него часа два времени. Разговоръ въ кабинетѣ замѣтно между тѣмъ оживлялся, и вмѣстѣ съ нимъ оживлялся и самъ Карачаевъ; шагъ его ускорился и съ каждымъ новымъ поворотомъ приближался онъ на вершокъ къ кабинетной двери. Маневры Карачаева оправдывались тѣмъ, что въ послѣднія десять минутъ онъ явственно услышалъ свою собственную фамилію, неоднократно произнесенную Аристархомъ Өедоровичемъ. Онъ почувствовалъ, наконецъ, что ужъ не можетъ владѣть собою; онъ подошелъ къ кабинетной двери, остановился и затаилъ дыханіе.

— Да, намъ суждено ошибаться... и, что всего хуже, ошибаться въ лучшихъ друзьяхъ нашихъ, говорилъ Аристархъ Өедоровичъ спокойнымъ, но меланхолическимъ голосомъ. — Ну, полно же, перестань, не плачь (тутъ Павелъ Петровичъ не узналъ даже голоса Аристарха Өедоровича—до того показался онъ ему мягокъ)... время исправитъ все... и, можетъ быть, откроетъ даже нѣкоторымъ людямъ, всегда на меня злобствовавшимъ, чистоту моихъ... ну, да что объ этомъ!.. Теперь предстоитъ заняться другими дѣлами... Ты совершенно справедливо замѣтила, что я никогда не умѣлъ цѣнить достойнымъ образомъ Карачаева... дѣйствительно, подъ грубою его оболочкой скры-

вается честнѣйшая душа и благороднѣйшее сердце; поэтому-то, хотя обстоятельства мои очень дурны, я позабочусь прежде всего заплатить ему свой долгъ... пятнадцать тысячъ для Карач...

Но едва произнесъ онъ эти слова, какъ ужъ Карачаевъ очутился въ кабинетѣ.

— Какъ!.. мнѣ?.. долгъ... Че-е-во? закричалъ Павелъ Петровичъ, обнаруживая замѣшательство въ каждой чертѣ побагровѣвшаго лица. — Мнѣ возвратить долгъ! мнѣ! Карачаеву! Что жъ, за кого ты меня считаешь? За негодяя, за безчувственнаго скота?! Нѣтъ, чортъ побери... извините, голубушка моя, Лизавета Семеновна! Да, чортъ возьми! не будетъ сказано, что Карачаевъ... Постой, я жъ тебѣ докажу это!.. заключилъ онъ, и вдругъ, сломя голову, выбѣжалъ изъ кабинета.

Онъ миновалъ залу, опрокинулъ въ передней два стула и бросился въ маленькую комнатку съ кривымъ зеркальцемъ, гдѣ нѣкогда спалъ съ Васильковымъ. Тутъ Карачаевъ раскрылъ чемоданчикъ, вытрясъ на полъ все свое имущество, отыскалъ извѣстный уже читателю бумажникъ, вынулъ изъ него какую-то бумагу и съ тою же поспѣшностью вернулся въ кабинетъ.

Балахновъ и жена его быстро приподнялись съ своихъ мѣстъ.

— Стой! стойте и вы, голубушка моя, Лизавета Семеновна! закричалъ Карачаевъ, торжественно протягивая впередъ руку.—Такъ ты хочешь уплатить мнѣ мой вексель? а? Ты думаешь, можетъ быть, что Карачаевъ дни и ночи сокрушается объ этомъ векселѣ... Сокрушается о томъ только, какъ бы запрятать эти деньги въ карманъ? а? а? Нѣтъ, не будетъ этого сказано; нѣтъ!.. Нà же тебѣ! нà тебѣ! нà вотъ тебѣ! заключилъ Карачаевъ, разрывая вексель на безчисленное множество кусковъ.

— Чтò ты сдѣлалъ? вскричалъ Аристархъ Ѳедоровичъ.

— А вотъ что сдѣлалъ, подхватилъ Карачаевъ, посылая носкомъ сапога лохмотья векселя въ уголъ, — вотъ что сдѣлалъ! Не нужно мнѣ твоихъ денегъ, не хочу я ихъ, ничего не хочу, ничего мнѣ не надо! Ну, самъ ты разсуди... нѣтъ, позвольте, голубушка моя, Лизавета Семеновна, дайте мнѣ ему все высказать: ну, самъ разсуди, что я, семейный человѣкъ, что ли? Кому мнѣ оставлять послѣ себя? Зачѣмъ мнѣ деньги? зачѣмъ добро? разсуди, душа моя, Aristarque, куда мнѣ все это? Зачѣмъ?!

Мнѣ, скажу тебѣ, одно только нужно: дай ты мнѣ какой-нибудь чуланчикъ, или уголъ, ну, вотъ хоть тотъ, подъ лѣстницею, гдѣ жилъ Дрянковъ,—больше мнѣ ничего не надо! Я привыкъ къ вамъ... привыкъ къ тебѣ... люблю и почитаю Лизавету Семеновну пуще родной матери... привыкъ къ дѣткамъ твоимъ... продолжалъ Карачаевъ, моргая глазами и прикладывая попеременно то правый указательный палецъ къ лѣвому глазу, то лѣвый указательный къ правому глазу,—останусь я съ вами, поселюсь въ этомъ углу и пробуду тамъ до тѣхъ поръ, пока не стукнетъ меня кондрашка, или не вынесутъ ногами впередъ...

И долго еще говорилъ Карачаевъ; ничто ужъ, повидимому, не могло остановить его; монологъ его, приправляемый морганьемъ, прикладываньемъ пальцевъ къ глазамъ и другими болѣе или менѣе выразительными движеніями, выросталъ, какъ потокъ во время ливня.

Внезапно онъ остановился, взглянулъ на Лизавету Семеновну, которая во все это время дружески улыбалась ему, потомъ взглянулъ на Аристарха Өедоровича, сидѣвшаго въ креслахъ и задумчиво склонившаго голову, потомъ снова обратилъ глаза свои на Лизавету Семеновну и, подмигнувъ ей съ видомъ взаимнаго сочувствія, быстро скрылся изъ кабинета.

Минуту спустя, онъ снова появился въ дверяхъ, обвѣшанный дѣтьми, ни дать, ни взять, какъ извѣстная античная статуя, изображающая рѣку Нилъ.

— Аристархъ Өедорычъ, взгляни-ка сюда, душа моя, полюбуйся! закричалъ Карачаевъ.

И, не дожидаясь отвѣта, подбѣжалъ къ Аристарху Өедоровичу и облѣпилъ его дѣтьми.

Минута была торжественная, по крайней мѣрѣ, не менѣе торжественная, какъ та, когда Аристархъ Өедоровичъ выслушивалъ поздравительныя рѣчи дѣтей въ день своего рожденія. На этотъ разъ, однакожъ, разсудокъ не сказалъ ему, что сердечные порывы несовмѣстны со строгой торжественностью иныхъ случаевъ. На этотъ разъ Аристархъ Өедоровичъ не выпучилъ величественно грудь и не сказалъ даже: „благодарю!“ Онъ попросту посадилъ дѣтей на колѣни и принялся цѣловать ихъ по очереди.

— Ура! голубушка моя, Лизавета Семеновна! ура-а! воскликнулъ Карачаевъ посреди тишины, воцарившейся въ кабинетѣ,—ура! повторилъ онъ и, бросившись со всѣхъ ногъ къ Аристарху Өедоровичу, принялся обнимать его.

XXII.
Заключеніе.

Прошло полтора года послѣ происшествій, описанныхъ въ этой, безспорно, слишкомъ ужъ длинной исторіи. Полтора года, конечно, не бездѣлица, но смѣю увѣрить читателя, что Горшковскій уѣздъ все тотъ же. Онъ ни на волосъ не измѣнился противъ прежняго. Все тѣ же поля, сливающіяся въ необозримой дали съ такими же точно полями; тѣ же березки, бугорки, кочки и кустарники, оживляющіе кое-гдѣ горизонтъ; та же большая горшковская дорога, которая, попрежнему, никакъ не можетъ отдохнуть отъ докучливыхъ проѣзжающихъ; тѣ же проѣзжающіе, которые съ крикомъ и бранью врѣзываютъ свои колеса по самую ступицу въ ея рыхлую старческую грудь; тѣ же рѣки, ручейки и овражки; тѣ же дырявые мостишки; тѣ же избушки; тѣ же проселки,—словомъ, все то же!

Измѣнились только люди или, вѣрнѣе сказать, измѣнились обстоятельства людей: кое-кто овдовѣлъ, кое-кто женился, кое-кто прикупилъ пашни, кое-кто осиротѣлъ, а у кое-кого оказалось приращеніе въ семействѣ. Даже тутъ, какъ видите, очень мало перемѣны. Основываясь на этомъ, я готовъ поручиться чѣмъ угодно, что если бъ какому-нибудь наблюдателю вздумалось заглянуть, по прошествіи этого года, въ Горшковскій уѣздъ, и затѣмъ явилось бы желаніе передать свои впечатлѣнія, ему неизбѣжно пришлось бы повторить исторію *проселочныхъ дорогъ*, чего я отъ души не желаю ни ему, ни читателю. По крайней мѣрѣ, что до меня касается, я рѣшительно не вижу большой перемѣны въ Горшковскомъ уѣздѣ по прошествіи этого срока. Сколько ни оглядываюсь, сколько ни напрягаю зрѣнія, всюду встрѣчаю одни и тѣ же лица, и наблюденія мои ограничиваются тѣмъ только, что нѣкоторыя изъ нихъ похудѣли, тогда какъ другія потолстѣли.

Въ числѣ послѣднихъ особенное вниманіе обращаетъ на себя Прокисай Захаровичъ Копковъ.

Боже, какъ потолстѣлъ Прокисай Захаровичъ! Если бъ не продолговатое лицо, которое осталось все тѣмъ же продолговатымъ, его рѣшительно можно было бы принять за другого человѣка. Я, право, не знаю, что дѣлала Фіона Ивановна съ тѣхъ поръ, какъ вышла за него замужъ?

Должно полагать, она кормила его однѣми только сдобными лепешками; сюртучокъ травяно-зеленаго цвѣта окончательно ужъ не сходился на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась нѣкогда талія Прокисая Захаровича. Носится, однакожъ, достовѣрная молва, будто Фіона Ивановна не только не балуетъ своего мужа, но даже держитъ его въ ежовыхъ рукавицахъ. Она, конечно, позволяетъ ему сидѣть у окна, бренчать на гитарѣ, вырѣзывать бумажныхъ козловъ, пѣтушковъ, лошадокъ и ничего даже не говоритъ, когда онъ налѣпливаетъ ихъ па окна; но, что касается до того, напримѣръ, чтобъ пойти погулять, Прокисай Захаровичъ и думать объ этомъ не смѣетъ.

Видите ли вы этотъ маленькій деревянный домикъ, расположенный на углу Горшковской площади и выходящій главнымъ фасадомъ на каланчу и съѣзжій дворъ? Домикъ этотъ принадлежалъ прежде горшковскому аптекарю, но теперь принадлежитъ Фіонѣ Ивановнѣ. Она купила его на тотъ трудовой капиталъ, который скопила въ продолженіе многихъ лѣтъ, управляя хозяйствомъ Балахновыхъ. Видите ли вы теперь въ одномъ изъ отворенныхъ оконъ этого домика голову Прокисая Захаровича, мелькающую между двумя горшками съ чахлыми бальзаминами? Вы не можете не замѣтить также, что водянистые глаза Копкова съ какою-то жадностью устремляются на противоположный конецъ площади и повидимому никакъ не могутъ оторваться отъ паперти собора, запруженной народомъ. Прокисай Захаровичъ словно ожидаетъ чего-то, и нетерпѣніе его возрастаетъ съ каждой минутой. Внезапно голова его исчезаетъ за бальзаминами.

— Фіона Ивановна, душенька! Фіона Ивановна, пожалуйте сюда! Скорѣе, скорѣе, душенька! кричитъ Прокисай Захаровичъ, снова просовывая голову между бальзаминами.

Почти въ то же время въ окнѣ показывается Фіона Ивановна; въ наружности ея не произошло почти никакой перемѣны, за исключеніемъ, развѣ, правой щеки, которая освободилась наконецъ отъ несноснаго флюса и пришла въ уровень съ лѣвою щекою.

— А что, развѣ ѣдутъ? спрашиваетъ Фіона Ивановна.

— Ѣдутъ, душенька, ѣдутъ!.. отвѣчалъ Прокисай Захаровичъ, сторонясь, чтобъ дать мѣсто женѣ.

Оба высовываются по поясъ изъ окна. Прежде всего, передъ глазами обоихъ супруговъ предстала исполинская старомодная карета съ красными колесами и желтыми

дверцами. Въ каретѣ сидѣла младшая дочь Фукола Ивановича. Она всегда слыла брюнеткой, но теперь, благодаря бѣлому подвѣнечному платью, бѣлому кисейному вуалю и вѣнку изъ бѣлыхъ искусственныхъ розъ, казалась еще смуглѣе. Рядомъ съ нею помѣщалась жена Нила Степановича Лукьянова, дама бодрая, могучая, почти такая же толстая, какъ самъ Нилъ Степановичъ. Насупротивъ ихъ сидѣлъ долговязый Ѳедя, исправлявшій должность шафера; новый вицмундирчикъ ясно свидѣтельствовалъ, что Ѳедя занималъ ужъ штатное мѣсто въ Черноряжской Палатѣ. Послѣ кареты показалась коляска, запряженная тройкой, обвѣшенной бубенчиками и мѣдными бляхами, ярко блестѣвшими на солнцѣ; первое мѣсто занималъ молодой, троюродный кузенъ дочерей Фукола Ивановича; волненіе проглядывало во всѣхъ чертахъ его физіономіи; плоскіе волосы его были запрятаны за уши. Должность жениховыхъ дружекъ занимали: горшковскій почтмейстеръ и секретарь изъ Горшковскаго земскаго суда. Слѣдомъ за ними, въ качествѣ почетныхъ гостей, ѣхали Фанагорія Петровна и Нилъ Степановичъ. Фанагорія Петровна только что освободилась отъ траура, наложеннаго на нее смертью Антониночки. Она была всегда того мнѣнія, что трауръ вовсе не шелъ къ ея лицу, и потому воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ снять съ себя креповый чепецъ и замѣнить его розовою шляпкой, съ райской птицей на верхушкѣ; она была въ восхищеніи отъ Нила Степановича; въ короткій промежутокъ переѣзда черезъ площадь, онъ успѣлъ уже сдѣлать значительные успѣхи въ слабомъ сердцѣ презрѣлой вдовы. Фанагорія Петровна картавила, принимала меланхолическія позы и возводила глаза къ небу, какъ въ тѣ минуты, когда прислушивались къ пѣнію соловья. За Лукьяновымъ и Фанагоріей Петровной слѣдовали дрожки; на дрожкахъ помѣщались Павелъ Павловичъ Чибезовъ и еще шаферъ невѣсты, землемѣръ Севастьяновъ; лицо Павла Павловича проявляло необычайное движеніе; глаза и зубы его сверкали; видно по всему, что онъ съ трудомъ удерживаетъ истокъ риѳмъ, которыя сами собою зарождаются въ поэтической душѣ его; но это собственно ничего; нѣтъ сомнѣнія, что какъ только окончится свадебный балъ, Павелъ Павловичъ заставитъ жену писать подъ диктовку, и новыми блестящими импровизаціями вознаградитъ себя за минутное молчаніе. Послѣ Чибезова и Севастьянова показался старичокъ Пшеницынъ;

повеселѣвшее, почти беззаботное, лицо его служило несомнѣннымъ доказательствомъ, что мысль о томъ, будто Ѳедя долженъ непремѣнно умереть до полученія перваго чина, уже не тревожила чадолюбиваго сердца преклоннаго родителя. За Пшеницынымъ ѣхало множество другихъ лицъ. Въ свадебномъ поѣздѣ недоставало только самого Фукола Ивановича и дочери его, романтической Чибезовой. Мудренаго тутъ ничего нѣтъ: вотъ ужъ шесть мѣсяцевъ, какъ Фуколъ Ивановичъ окончательно лишился употребленія своихъ ногъ. Онъ не покидаетъ креселъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда узнаетъ о ссорѣ своихъ сосѣдей; впрочемъ, миротворная дѣятельность почтеннаго старца находитъ съ нѣкоторыхъ поръ обильную пищу въ кругу собственнаго своего семейства. Вдохновенное состояніе Павла Павловича Чибезова, возрастая съ каждымъ днемъ, требуетъ все болѣе и болѣе простора и рѣшительно мѣшаетъ ему жить въ ладахъ съ романтическою женою. Должно полагать, что кругъ миротворной дѣятельности почтеннаго старца распространится еще значительнѣе послѣ брака младшей дочери; бывъ еще дѣвицей, она по двадцати разъ въ день переодѣвалась изъ розоваго платья въ черное, въ ознаменованіе ссоры съ долговязымъ кузеномъ; чего же слѣдуетъ ожидать, когда пройдетъ медовый мѣсяцъ и наступятъ супружескія отношенія?.. Но это, покуда, еще впереди. Въ то время, какъ свадебный поѣздъ тянулся по улицамъ Горшкова, Фуколъ Ивановичъ сидѣлъ въ креслахъ и занимался устройствомъ своего домика; почтенный старецъ, естественнымъ образомъ, не могъ приглядѣть за всѣмъ, оставаясь на одномъ мѣстѣ; ему слѣдовало передвигаться изъ одного конца дома въ другой; для этой цѣли позванъ былъ заспанный дѣтина, который, сверхъ своихъ должностей портного, слуги и конюха, получилъ еще должность передвигателя креселъ съ той минуты, какъ Фуколъ Ивановичъ лишился ногъ. И въ то время, какъ заспанный дѣтина передвигалъ почтеннаго старца изъ одной комнаты въ другую, романтическая Чибезова занималась приготовленіемъ собственнаго своего туалета; хлопотала подлѣ красныхъ камлотовыхъ занавѣсокъ, украшавшихъ маленькія окна; симметрически разставляла горшки съ геранью; суетливо перебѣгала въ комнату, назначенную для молодыхъ, и дѣлала, повидимому, все возможное, чтобъ придать самый приличный видъ свадебному балу, который подавалъ надежду быть весьма эффектнымъ.

Я твердо увѣренъ, однакожъ, что, несмотря на весь свой эффектъ, балъ Фукола Ивановича далеко отстанетъ отъ бала Кокуркиныхъ; я говорю о томъ знаменитомъ балѣ, который данъ былъ въ Веселыхъ-Горкахъ въ ознаменованіе того, что минуло десять мѣсяцевъ послѣ брака Василькова и Надёженьки. Я былъ вообще всегда того мнѣнія, что ничего не можетъ быть лучше вечеринокъ, даваемыхъ гостепріимными барышнями. Вы, безъ сомнѣнія, нигдѣ не встрѣтите бо̀льшаго радушія со стороны хозяевъ; нигдѣ не найдете такого непринужденія и ужъ, конечно, нигдѣ не увидите такого веселья, несмотря на то, что все почти ограничивается двумя комнатами, блюдечками съ вареньемъ и брянчаньемъ на шести-струнной гитарѣ. Удивительнѣе всего то, что вечеринки эти слѣдуютъ непосредственно одна за другой и почти не прерываются въ продолженіе года. Мы никакъ не можемъ разрѣшить причины такого необузданнаго стремленія къ увеселенію самихъ себя и своихъ ближнихъ. Происходитъ ли это стремленіе отъ того, что три барышни живутъ въ Веселыхъ-Горкахъ?.. Но, съ другой стороны, Веселыя-Горки могли получить свое названіе потому именно, что въ нихъ поселились три барышни; рѣшительно непонятно! Страсть къ вечеринкамъ проистекала, всего вѣроятнѣе, изъ врожденнаго гостепріимства трехъ барышень. Принимая въ соображеніе такое похвальное свойство, мы въ правѣ заключить, слѣдовательно, что слухи о томъ, будто Кокуркины сплетницы — не имѣютъ никакого основанія; такія обвиненія, конечно, могли только вырваться изъ оскорбленной груди Фіоны Ивановны, да и то въ минуту сильнѣйшаго негодованія противъ барышень, которыя, скажемъ мимоходомъ, ни въ чемъ не были виноваты. Если бъ барышни занимались сплетничаньемъ, къ нимъ, безъ сомнѣнія, не съѣзжалось бы такое множество сосѣдей и вечеринки ихъ далеко не пользовались бы такою славой. Въ доказательство можно привести балъ, данный въ честь Порфирія Павловича и Надёженьки. Кого только не было на этомъ балѣ! Тутъ были: Кондей Ивановичъ Свищовъ и Проклъ Ивановичъ Полушкинъ, Софья Кузьминична Свищова со своими дочерьми и ридикюлемъ, Матрена Васильевна Полушкина съ чадами и также съ ридикюлемъ. Говорятъ, будто два почтенныя семейства живутъ съ нѣкоторыхъ поръ въ совершеннѣйшемъ ладу. Утверждать положительно не смѣю. Достовѣрно только

то, что Кондей Ивановичъ дозволяетъ теперь полушкинскимъ бабамъ подходить безпрепятственно къ своему колодцу, а Проклъ Ивановичъ ничего не говоритъ, когда индѣйки и куры Кондея Ивановича перелетаютъ въ его огородъ. Въ числѣ гостей находился также Аполлонъ Егоровичъ Дрянковъ. Онъ, сказываютъ, собирается писать новую повѣсть; въ ожиданіи этого, почтенный труженикъ переселился къ одному богатому помѣщику и проживаетъ у него съ превеликимъ комфортомъ. Второе произведеніе даровитаго Дрянкова будетъ называться: „Тунеядцы“ — „Лежебокіе“—„Проживальщики“, физіологическій очеркъ. Основываясь на томъ, что предметъ этотъ въ совершенствѣ знакомъ автору, можно надѣяться, что новое произведеніе его далеко оставитъ за собою первое. На балѣ находились также: рыженькая Капитолина Лукинична Дядинькова, подруга ея, безсловесная Лукерья Ѳоминична Крепышева и Розалія Владиміровна Сараманаева, которая, послѣ полученія своихъ пяти тысячъ отъ Аристарха Ѳедоровича, купила клочокъ земли въ Веселыхъ-Горкахъ и поселилась въ сосѣдствѣ трехъ барышень. Словомъ, тутъ присутствовали почти всѣ старые знакомые, не выключая Агашеньки. Мѣсто гитариста занималъ на этотъ разъ Проклъ Ивановичъ Полушкинъ, и, говорятъ, съ большимъ успѣхомъ. Нечего и говорить, разумѣется, что посреди всего этого сборища первое мѣсто принадлежало Порфирію Павловичу Василькову. Голубая венгерка его, съ шелковымъ іероглифомъ на спинѣ, мелькаетъ во всѣхъ концахъ залы, повинуясь движенію ногъ, которыми Порфирій Павловичъ сѣменитъ подъ тактъ музыки. Къ сожалѣнію, онъ не можетъ танцовать съ молодою женою; интересное положеніе Наденьки заставляетъ ее сидѣть на одномъ мѣстѣ — обстоятельство, которое нимало не мѣшаетъ ей суживать губки наподобіе сердецъ, изображаемыхъ въ альбомахъ. Спустя каждыя пять минутъ, можно видѣть Порфирія Павловича цѣлующаго руку жены; остальное время посвящено имъ веселой, радушной Вѣрѣ Андреевнѣ, которая восторженно припрыгиваетъ при одной мысли, что завладѣла на весь вечеръ первымъ мазуристомъ Горшковскаго уѣзда. Изрѣдка, и только въ антрактахъ, Порфирій Павловичъ урывается изъ залы и бѣжитъ полюбоваться на голубые банты, украшающіе занавѣски брачной постели, ни дать ни взять, какъ дѣлывалъ онъ это въ маленькомъ домикѣ на берегу живописной рѣчки.

Затѣмъ возвращается онъ къ женѣ, наклоняется къ ея уху, шепчетъ ей:—„Мимоцька, Пипоцька, Фифоцька... вамъ глюсно, Шишечка!“ и снова сѣменитъ ногами подъ тактъ музыки. Порфирій Павловичъ находится въ полномъ восторгѣ; къ этому, слѣдуетъ замѣтить, не мало способствуетъ письмо Аполлинарія Ильича Миловзорова, полученное наканунѣ. Миловзоровъ поздравляетъ Василькова съ бракомъ; Васильковъ носится всюду съ этимъ письмомъ, провозглашаетъ Аполлинарія Ильича лучшимъ, неизмѣннымъ своимъ другомъ и даетъ клятвенное обѣщаніе повезти жену, при первомъ удобномъ случаѣ, къ сестрамъ красиваго медика, съ которыми познакомился случайно на постояломъ дворѣ въ Горшковѣ. Въ письмѣ Миловзорова описывается, между прочимъ, весьма трогательно о томъ, какъ хоронили на-дняхъ одного почтеннаго старца, Тирсиса Ивановича Ястребилова, сочинившаго будто бы сорокъ четыре тома трагедій и афоризмовъ. Вѣсть относилась, впрочемъ, болѣе къ Дрянкову, и Дрянковъ тутъ же объявилъ, что смерть почтеннаго старца нанесла, по всѣмъ вѣроятіямъ, сильнѣйшій ударъ Леокадію Куликову, автору „Пелопонезо-Таврическихъ Мелодій“ и знаменитому сотруднику „Парнасской Звѣзды“. Пользуясь удобнымъ случаемъ, мы скажемъ, что жена Миловзорова, его *боперчикъ* и *бельмерочка* пользуются вожделѣннымъ здравіемъ и съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе влюбляются въ своего зятя. Благодаря тому же письму, присутствовавшіе на балѣ Кокуркиныхъ узнали, что нѣкто, по имени Бобоховъ, купилъ огромный каменный домъ, находящійся подлѣ дома Миловзорова; Аполлинарій Ильичъ прибавилъ, что этотъ Бобоховъ живетъ настоящимъ бариномъ. Въ послѣднемъ пунктѣ мы сильно сомнѣваемся. Мы твердо увѣрены, что Бобоховъ, буржуа-жантильйомъ, какъ говоритъ Карачаевъ, и останется мѣщаниномъ во дворянствѣ опять до окончанія жалкаго своего вѣка. Почти такую же точно увѣренность питаемъ мы въ отношеніи къ тому, что, рано или поздно, новый домъ Бобохова и другія его имѣнія перейдутъ во владѣніе его свояка, великолѣпнаго Тохтамышева, изящнаго Чиндаласова и почтеннаго, солиднаго Петра Степановича Крапова. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что дѣла трехъ друзей идутъ въ послѣднее время что-то плохо.

Для пополненія всѣхъ этихъ свѣдѣній, частью почерпнутыхъ на балѣ Кокуркиныхъ, частью полученныхъ изъ

собственныхъ наблюденій, намъ необходимо сообщить здѣсь кое-что по поводу Ханскихъ-Прудовъ и личности главнаго героя повѣсти.

Извѣстно намъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что солнце попрежнему восходитъ каждое ясное утро на плоскомъ горизонтѣ Ханскихъ-Прудовъ; попрежнему окрашиваетъ золотымъ пурпуромъ бельведеръ, верхушки березъ, кровли флигелей и стѣны древняго дома; попрежнему, подымаясь выше и выше, шагаетъ оно каждый день черезъ заборъ, озаряетъ клумбы сада, лужайки, сучья деревъ и желтыя дорожки, молчаливо спускавшіяся въ густую, темно-зеленую листву акацій... Но намъ извѣстно также, что съ нѣкоторыхъ поръ золотые лучи не скользятъ ужъ по дощатымъ обелискамъ, пирамидамъ, столбамъ, минаретамъ. Всѣ эти предметы, какъ бы связанные тайною, но тѣмъ не менѣе живою, непосредственною нитью съ Аристархомъ Ѳедоровичемъ, не пережили славы своего владѣльца. Паденіе Аристарха Ѳедоровича увлекло за собою пирамиды и обелиски. Вензеля и обелиски, выведенные искусною рукою Калины, частью смытые дождемъ, частью совсѣмъ уничтоженные, не останавливаютъ ужъ путника; доски, служившія обшивкою фантастическимъ сводамъ, запуганныя, вѣроятно, морозами, поспѣшили разбѣжаться по крестьянскимъ дворамъ; иныя поступили на дрова, иныя по сію пору еще лежатъ пластомъ на землѣ и корчатся въ предсмертныхъ судорогахъ. Знаменитый столбъ, возвѣщавшій разстояніе отъ Ханскихъ-Прудовъ до Италіи и Парижа, ужъ не существуетъ; не существуетъ также намалеванный кучеръ въ красной рубахѣ съ балалайкой въ рукахъ, украшавшій помѣщеніе для дворовыхъ. Дощатая баба, черпавшая воду у колодца, канула въ вѣчность; на поверхности водъ ужъ не видать лебедей. Вообще говоря, наружный видъ Ханскихъ-Прудовъ не напоминаетъ уже прежняго своего величія. Съ которой бы стороны ни ѣхалъ путешественникъ: по большой ли горшковской дорогѣ, со стороны ли окатовской долины, или по проселку, Ханскіе-Пруды представляются ему самой обыкновенной деревней. Значительная перемѣна произошла точно такъ же въ наружности самого Аристарха Ѳедоровича. Я вовсе не хочу сказать этимъ, что Аристархъ Ѳедоровичъ кажется теперь самымъ обыкновеннымъ смертнымъ. Въ мысляхъ моихъ не было даже ничего подобнаго. Я хотѣлъ только сказать, что

лицо Аристарха Өедоровича похудѣло и осунулось, что худоба эта, въ совокупности съ порѣдѣвшими волосами, измѣнили его; не мало также измѣняло его отсутствіе патентованныхъ вагенгеймовскихъ зубовъ, которые, одинъ за другимъ, перешли теперь въ маленькій ящикъ изъ карельской березы, хранимый въ письменномъ столѣ Аристарха Өедоровича. Но что изъ этого?.. дипломатическій лобъ, благодаря порѣдѣвшимъ волосамъ, кажется еще выше; продольная морщина надъ бровями врѣзалась глубже и еще краснорѣчивѣе свидѣтельствуетъ объ энергіи знаменитаго мужа; узенькія губы, величественная осанка, улыбка, выражавшая сознаніе превосходства и вмѣстѣ съ тѣмъ неподражаемое добродушіе—все это сохранилось попрежнему. На всѣхъ этихъ признакахъ, какъ на подписи древняго мрамора, ясно можно прочесть исторію славнаго, но, увы!.. исчезнувшаго существованія. Мы ничего не можемъ сказать о томъ, напримѣръ, какіе перевороты произвело время въ душѣ нашего героя; „чужая душа—темный лѣсъ“, говорится; къ тому же душа Аристарха Өедоровича такъ необъятна! Принимая въ соображеніе равнодушіе, съ какимъ взираетъ Аристархъ Өедоровичъ на дѣла своихъ ближнихъ и вообще на весь Горшковскій уѣздъ, должно полагать, что и въ этомъ отношеніи онъ точно такъ же измѣнился. Съ невозмутимою холодностью выслушиваетъ онъ разсказы о томъ, что Солонеевъ получилъ наслѣдство послѣ дяди и задаетъ пиры, куда сбѣгаются всѣ жители уѣзда; что Окатовъ находится на самой дружеской ногѣ съ Солонеевымъ и не шутя предлагаетъ ему продать долину, лежащую близъ Ханскихъ-Прудовъ; что Софья Алексѣевна Окатова окончательно ужъ переселилась въ Петербургъ съ возлюбленнымъ сыномъ и госпожею Буске въ придачу; что Семенъ Семеновичъ Кошкинъ, благодаря, вѣроятно, кокетству хорошенькой жены, занялъ порядочный кушъ у Балаклеева, купилъ у Старобѣльскаго дюжины двѣ матокъ и намѣревается завести конскій заводъ, и проч., и проч., и проч.— все это, повидимому, не производитъ на Аристарха Өедоровича ни малѣйшаго впечатлѣнія. Не мѣшаетъ также замѣтить, что способъ выраженія Аристарха Өедоровича, столь же краснорѣчивый, сколько цвѣтистый и напыщенный, также нѣсколько измѣнился; правда, до сихъ поръ еще говоритъ онъ: „благодарю!“ или: „во время кратковременнаго пребыванія моего замѣчено мною...“ и т. д.,

вмѣсто того, чтобъ сказать: „я замѣтилъ“; но такой способъ изъясненія дѣлается съ каждымъ днемъ рѣже и рѣже. Аристархъ Ѳедоровичъ рѣшительно никуда не выѣзжаетъ и ведетъ вообще жизнь самую однообразную. Дни свои проводитъ онъ въ кабинетѣ; хозяйствомъ своимъ занимается почти такъ же мало, какъ прежде; впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ эта часть перешла въ полное распоряженіе Карачаева, все идетъ какъ по маслу, и Балахновъ можетъ быть спокоенъ: у него не пропадетъ не только доска, но даже зерно хлѣба. Павелъ Петровичъ, сопровождаемый Медоромъ, поспѣваетъ всюду; въ припадкѣ усердія, онъ нерѣдко даже самъ принимается колотить въ караульную доску.

Каждый разъ, когда наступаетъ теплый хорошій вечеръ, Аристархъ Ѳедоровичъ выходитъ изъ кабинета и располагается на террасѣ. Въ этихъ случаяхъ всегда почти можно встрѣтить подлѣ него лицо Лизаветы Семеновны, лицо блѣдное, но оживленное теперь счастіемъ и все еще прекрасное, прекрасное какъ тихая, свѣтлая заря осенняго вечера. Лизавета Семеновна безпрепятственно проходитъ теперь изъ своей комнаты на террасу. Дѣло въ томъ, что комната ея находится рядомъ съ гостиной, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда былъ будуаръ. Прежняя ея спальня, расположенная подлѣ дѣтской, поступила ужъ во владѣніе гувернантки, отличной нѣмки, которую всѣ любятъ въ домѣ, отъ мала до велика.

Аристархъ Ѳедоровичъ очень любитъ проводить свои вечера на террасѣ, любитъ устремлять задумчивые глаза свои на дальніе берега прудовъ, свидѣтелей минувшей роскоши и величія. Но рѣдко обнаруживаетъ онъ свои впечатлѣнія и еще рѣже распространяется о дняхъ своей славы. Изрѣдка лишь, да и то въ видѣ шутки, обращается онъ къ Карачаеву, добродушное лицо котораго не замедляетъ показаться на террасѣ.

— Посмотри, говоритъ Аристархъ Ѳедоровичъ, отгоняя рукою докучливыхъ мухъ и мошекъ,—вотъ что значитъ старость: мухъ не могу отогнать, тогда какъ прежде отъ людей, бывало, отбивался...

— Э! вотъ вздоръ какой, душа моя! восклицаетъ Карачаевъ,—людей много на свѣтѣ, ото всѣхъ не отобьешся! Ну, что, самъ посуди, écouté: что̀ вышло изъ того, что ты отбивался? фукъ—и больше ничего! Повѣрь мнѣ, все

это дребедень... То ли дѣло теперь, самъ посмотри, заключилъ Карачаевъ, простирая руку къ прудамъ, отражавшимъ золотыя облака, подрумяненныя закатомъ, — смотри: тишь да гладь, да Божья благодать! Вотъ она штука-то въ чемъ!..

Но какъ бы въ опроверженіе словамъ Карачаева, изъ густой аллеи внезапно подымались звонкій хохотъ и веселые крики; на дорожкахъ показывалась шумная толпа дѣтей, и веселые голоса ихъ, повторяемые эхомъ сосѣднихъ холмовъ, оглашали смолкнувшую на минуту окрестность...

Но вотъ, мало-по-малу, все снова погружается въ молчаніе. Солнце скрылось и послѣдніе лучи его потухли за горизонтомъ. Воздухъ свѣжѣетъ. Синія тѣни сбѣгаютъ по холмамъ и затопляютъ росистыя долины... Темныя массы деревъ сливаются, мало-по-малу, съ мѣстностью... Еще минута, и Ханскіе-Пруды исчезнутъ и совершенно изгладятся въ непроницаемомъ мракѣ ночи...

Увы! такъ все изглаживается и исчезаетъ на семъ свѣтѣ!

КОНЕЦЪ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Оглавленіе IV тома.

Проселочныя дороги. (Романъ.) Часть II.

стр.

I, могущая служить достовѣрнымъ и въ то же время единственнымъ матеріаломъ для пополненія многихъ библіографическихъ замѣтокъ 5
II. Дальнѣйшія похожденія „Непризнанной Индѣйки“ со включеніемъ литературнаго вечера 24
III. Судьба сталкиваетъ два нѣжныя сердца, созданныя одно для другого. Порфирій Павловичъ знакомится съ однимъ гостепріимнымъ семействомъ и наслаждается истиннымъ счастьемъ 36
IV. Васильковъ и Миловзоровъ, предводительствуемые Аристархомъ Ѳедоровичемъ, ищутъ развлеченій сначала въ одномъ инструментальномъ концертѣ, потомъ въ одномъ клубѣ. Здѣсь же фактически доказывается извѣстная истина, что великіе люди могутъ попадать впросакъ ничѣмъ не хуже послѣдняго смертнаго 57
V. Одинъ интересный молодой человѣкъ ѣдетъ къ одной великосвѣтской дамѣ, которая даетъ блистательные вечера по пятницамъ, а оттуда въ Петровскій паркъ, гдѣ встрѣчаетъ веселую компанію 77
VI. Путевыя впечатлѣнія Ивана Дормидоновича Бобохова и пребываніе его въ родительскомъ домѣ. 99
VII предлагаетъ на разсмотрѣніе любопытный вопросъ о томъ: слѣдуетъ ли утверждать положительно, что молодое поколѣніе далеко опередило старое. — Фантастическое и вовсе неожиданное появленіе одного стариннаго знакомаго. 112
VIII о томъ, какъ процвѣтаютъ Ханскіе-Пруды, и что подѣлываетъ Карачаевъ 129
IX. Аристархъ Ѳедоровичъ, сопровождаемый Порфиріемъ Павловичемъ и Аполлономъ Егоровичемъ, возвращается къ домашнему очагу. 142
X. Непредвидѣнное обстоятельство сталкиваетъ Аристарха Ѳедоровича съ такими лицами, о которыхъ онъ вовсе даже и не думалъ. 156

стр.

XI. Душевныя качества Аристарха Өедоровича заглушають въ немъ на время чувства злобы и ненависти. Онъ является утѣшителемъ страждущихъ и проливаетъ съ ними горькія слезы. 174
XII, доказывающая, между прочимъ, самымъ очевиднымъ образомъ, что человѣкъ умный, тонкій и практическій можетъ извлекать выгоды изъ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствъ 186
XIII. Жалкіе комары и мошки стараются затмить лучезарный блескъ величаваго солнца. Веселая игра въ фанты, повергающая одного господина въ глубочайшее отчаяніе 198
XIV, служащая продолженіемъ предшествующей 212
XV. Путешествія по проселочнымъ дорогамъ сопряжены часто съ большими неудобствами; тѣмъ не менѣе, однакожъ, благодаря этимъ самымъ неудобствамъ, одинъ знаменитый мужъ попадаетъ въ весьма веселое и пріятное общество 224
XVI. Посмѣявшись отъ души надъ жалкими смертными, великій человѣкъ направляетъ стопы свои къ одному господину, столько же богатому, сколько эксцентрическому 244
XVII представляетъ достовѣрный отчетъ о первыхъ дѣйствіяхъ и первыхъ впечатлѣніяхъ Аристарха Өедоровича въ губернскомъ городѣ Черноряжскѣ . . . 259
XVIII. Аристархъ Өедоровичъ присутствуетъ на одномъ балѣ и выноситъ оттуда самое невыгодное мнѣніе въ отношеніи къ человѣчеству и касательно хозяевъ дома въ особенности 274
XIX. Подвиги черноряжскаго Геркулеса-Иракла приводятъ въ неописанный восторгъ одного изъ героевъ этой исторіи, тогда какъ другой герой обнаруживаетъ къ нимъ совершеннѣйшее равнодушіе. Самоотверженіе стариннаго друга 284
XX. Подмостки, на которыхъ столько лѣтъ красовался Аристархъ Өедоровичъ, начинаютъ трещать, подламываться, наконецъ, падаютъ и увлекаютъ за собою великаго мужа 307
XXI. Аристархъ Өедоровичъ, свергнутый силою обстоятельствъ съ высоты своего величія, перестаетъ, кажется, выпучивать грудь и становится обыкновеннымъ смертнымъ 319
XXII. Заключеніе 328

Grigorovič, Dmitrij Vasil'evič,

Polnoe sobranie sočinenij

Bd.: 4,2

1896

P.o.russ. 59 t-3/4
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11819667-0